

Уровень жизни

населения регионов

России

Living Standards
of the Population

in the Regions of Russia

ТЕМА ВЫПУСКА:

ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОКОЛЕНИЙ:
ЛЮБОВЬ, ЭКОНОМИКА, ДЕМОГРАФИЯ

ISSN 1999-9836 (print)
ISSN 2713-3397 (online)

2026 Том 22 № 2

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Института экономики
Российской академии наук**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН) является правопреемником Института экономики Российской академии наук, созданного в соответствии с постановлением Президиума Академии (протокол Президиума Академии от 23 июня 1930 г. №23 п.6), с 1936 г. – в ведении АН СССР (протокол Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г. №4 §1).

Постановлением Президиума Российской академии наук от 13 декабря 2011 г. № 262 изменен тип и наименование Института с Учреждения Российской академии наук Института экономики РАН на Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института экономики Российской академии наук.

ИЭ РАН передан в ведение Министерства науки и высшего образования в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 15.07.2018 г. № 682 для осуществления научной деятельности и действует на основании Устава, утвержденного Приказом Министерства науки и высшего образования от 06.07.2018 № 224, зарегистрированного Межрайонной инспекции ФНС России № 46 по г. Москве 09.08.2018 г.

Директором ИЭ РАН является член-корреспондент РАН, д.э.н. Головнин Михаил Юрьевич.

В соответствии с Уставом основными направлениями деятельности Института являются:

- научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук;
- послевузовское профессиональное образование.

Основные научные направления:

проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований по следующим направлениям:

- проблемы общей экономической теории и методологии, включая классическую политэкономия и теорию воспроизводства капитала, институциональную теорию, экономическую социодинамику, теорию опекаемых благ, экономической истории и истории школ экономической мысли;

- исследование основных тенденций функционирования экономики России, анализ экономической политики, политики регионального развития, факторов экономической безопасности, формирования стратегии и моделей устойчивого экономического роста;

- анализ социальной политики и междисциплинарные исследования российской экономики, включая разработку экономической теории культурной, научной и образовательной деятельности;

- институциональный анализ государственного регулирования и формирования эффективной институциональной среды;

- комплексный анализ социально-экономического развития и системных преобразований в странах российского «пояса соседства», внешних факторов развития российской экономики и интеграции России в глобальные и региональные экономические и политические процессы.

Является учредителем и соучредителем следующих научных журналов:

«Вестник Института экономики Российской академии наук» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.);

«Вопросы теоретической экономики» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ЭЛ № ФС 77-78796 от 30 июля 2020 г.);

«Мир перемен» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № 77-15089 от 14 апреля 2003 г.);

«Вопросы экономики» (зарегистрирован Государственным комитетом РФ по печати № 018423 от 15 января 1999 г.);

«Россия и современный мир» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77 - 36650 от 23 июня 2009 г.);

«Вопросы политической экономии» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77 - 61516 от 24 апреля 2015 г.).

С 2023 года является учредителем журнала «Уровень жизни регионов России» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77-78712 от 20 июля 2020 г.)

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117218

г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел: +7 499 125 8445;

Email: vcugjournal@mail.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2026 Том 22 № 2

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – стажёр-исследователь сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Рязанцев Вадим Игоревич – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

СЕКРЕТАРЬ

Шерстобитова Юлия Александровна – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия
Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, Россия

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего Центром социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом эконо-

мического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Недоспасова Ольга Павловна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой организационного поведения и управления персоналом Томского государственного университета, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Разумова Татьяна Олеговна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске; профессор кафедры архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Абдурахманов Каландар Ходжаевич – доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Республики Узбекистан, ректор Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Республика Узбекистан

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Хепп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, приглашенный профессор центра исследований цифрового интеллекта традиционной спортивной культуры Цюйфуского педагогического университета; действительный член Европейской академии наук и искусств; действительный член Месопотамской академии наук и искусств Бейт Нахрин (BEN-MAAS), KHP, EC

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, ассоциированный профессор, академик Казахской Национальной Академии естественных наук, Республика Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОКОЛЕНИЙ: ЛЮБОВЬ, ЭКОНОМИКА, ДЕМОГРАФИЯ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	193
СТАТЬЯ НОМЕРА	198
<i>Бритвина И.Б., Зайцева Е.В.</i> Про любовь и не только: студенты о семье и браке.....	198
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	211
<i>Ткаченко А.А.</i> Структура потребительских расходов домохозяйств и бедность.....	211
<i>Соловьев А.К.</i> Проблемы развития государственной пенсионной системы на планово-бюджетный период.....	224
<i>Сухарев О.С.</i> Технологическое обновление: производительность и динамика труда.....	240
<i>Сафонов А.Л., Некипелова Д.В.</i> Региональные тенденции распространения неформальной занятости в России.....	256
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	269
<i>Фаткуллина Г.Р.</i> Ценностные ориентации молодежи и их роль в экономическом поведении (на примере Республики Башкортостан).....	269
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	283
<i>Костиков И.В.</i> Экономика долголетия и социально-экономические последствия старения в эпоху искусственного интеллекта: концепция множественных возрастных парадигм.....	283
<i>Пичугин В.Г.</i> Право на смерть и качество жизни пожилых: философско-психологические аспекты эвтаназии и суицидального поведения в контексте старения.....	292
<i>Меркулова Е.Ю.</i> Качество жизни населения и рождаемость как факторы пространственного развития территорий Тамбовской области.....	302
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	319
<i>Бобков В.Н.</i> Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения.....	319
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	330
<i>Авдеев Ю.А.</i> Об изменении подхода к решению демографических проблем Дальнего Востока России.....	330
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	336
<i>Шерстобитова Ю.А.</i> Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации.....	336
<i>Рязанцев И.П., Рязанцев В.И.</i> О всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"».....	350

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 17.06.2026.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 954.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2026 Vol. 22 No. 2

Issued since 1992
On a quarterly basis
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (print)
ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksadrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov, Ivan Fedorovitch – Trainee Researcher Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Ryazantsev, Vadim Igorevitch – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

SECRETARY

Sherstobitova, Yuliya Aleksandrovna – Junior Research Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute

of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Sector of Population Reproduction and Demographic Policy of the Laboratory of Population Economics and Demography of the Faculty of Economics at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bagirova, Anna Petrovna – Doctor of Economics, PhD in Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Deputy Director for Science and Innovation at the School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Barkov, Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Deputy Head of the Center for Social and Demographic Research at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Scientific and Research Financial Institute of the Ministry of Finance of Russian Federation; Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Nedospasova, Olga Pavlovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Organizational Behavior and Human Resources Management of the Tomsk State University, Russia

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Razumova, Tat'yana Olegovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Labour and Personnel Economics at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Branch of Samara State Technical University in Novokuibyshevsk; Professor of the Department of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts at the Samara State Technical University, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Abdurakhmanov, Kalandar Khodjaevich – Doctor of Economics; Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Rector of the Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Republic of Uzbekistan

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, Visiting Professor at the Center for Digital Intelligence Research of Excellent Traditional Sports Culture at the Qufu Normal University; Member of the European Academy of Science and Arts, Member of the Beyt Nahrin Mesopotamian Academy of Sciences and Arts (BEN-MAAS), PRC, EU

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Republic of Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route "Longobard Ways across Europe"; Member of the Editorial Committee of the Journal "Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia" University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«THE LIVES OF CONTEMPORARY RUSSIAN GENERATIONS: LOVE, THE ECONOMY AND DEMOGRAPHY»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	193
ARTICLE OF THE ISSUE	198
<i>Britvina I.B., Zaitseva E.V.</i> About Love and More: Students on Family and Marriage.....	198
ECONOMIC RESEARCH	211
<i>Tkachenko A.A.</i> Household Consumer Expenditure Structure and Poverty.....	211
<i>Solovev A.K.</i> Problems of Development of the State Pension System for the Planning and Budgetary Period.....	224
<i>Sukharev O.S.</i> Technological Update: Productivity and Labor Dynamics.....	240
<i>Safonov A.L., Nekipelova D.V.</i> Regional Trends in the Prevalence of Informal Employment in Russia.....	256
SOCIOLOGICAL RESEARCH	269
<i>Fatkullina G.R.</i> Youth Values and Their Role in Economic Behavior (Based on the Republic of Bashkortostan).....	269
DEMOGRAPHIC RESEARCH	283
<i>Kostikov I.V.</i> Economics of Longevity and Socio-Economic Consequences of Ageing in the Age of Artificial Intelligence: the Concept of Multiple Age Paradigms.....	283
<i>Pichugin V.G.</i> The Right to Death and the Quality of Life of the Elderly: Philosophical and Psychological Aspects of Euthanasia and Suicidal Behavior in the Context of Aging.....	292
<i>Merkulova E.Yu.</i> Quality of Life of the Population and Fertility as Factors of Spatial Development in the Tambov Region.....	302
DISCUSSION FORUM	319
<i>Bobkov V.N.</i> The Quality and Standard of Living of the Population in Modern Russia: Realities, Trends and Solutions.....	319
LETTER TO THE EDITOR	330
<i>Avdeev Yu.A.</i> On Changing the Approach to Solving Demographic Problems in the Russian Far East.....	330
SCIENTIFIC LIFE	336
<i>Sherstobitova Yu.A.</i> Quality and Standard of Living as Factors and Outcomes of the Sustainable Development of the Russian Federation.....	336
<i>Ryazantsev I.P., Ryazantsev V.I.</i> About the All-Russian Network Scientific Conference «Innokentiev Readings "Russian Civilization: Spiritual Origins and Historical Prospects"».....	350

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 17.06.2026. Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 954.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://vcug-journal.ru/>
The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN MZRХЕС

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема второго номера журнала 2026 года: «ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОКОЛЕНИЙ: ЛЮБОВЬ, ЭКОНОМИКА, ДЕМОГРАФИЯ».

В представленном читателю выпуске содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые экономическим, социологическим и демографическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

Во втором выпуске за 2026 год статья номера – «**Про любовь и не только: студенты о семье и браке**» **И.Б. Бритвиной**, д-ра социол. наук, профессора кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, **Е.В. Зайцевой**, канд. социол. наук, доцента кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Авторами статьи представлены результаты исследования феномена ценностного дуализма в сознании современного студенчества, проявляющегося в приоритете эмоционально-психологических аспектов брака (любовь, доверие) при одновременном росте субъективных барьеров и страхов перед социально-экономической неопределённостью будущего. На основе данных опроса студентов г. Екатеринбурга авторами выявлено и проанализировано противоречие между сохранением семьи как высшей терминальной ценности и деградацией инструментальных условий её создания. Установлены ключевые барьеры для вступления в брак, определены особенности отношения женщин и мужчин к семье как к инструменту обеспечения экзистенциальной безопасности. Особое внимание авторами уделено влиянию социальных сетей на конструирование семьи как «визуального проекта успеха» и его последствиям для материального порога готовности молодёжи к браку. В статье обоснован вывод о трансформации жизненной стратегии студенчества: переход к модели «отложенного взросления» превращает брак из стартового этапа взрослой жизни в «результат и награду» за достигнутый социальный успех.

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые структуре потребительских расходов домохозяйств и бедности, проблемам развития государственной пенсионной системы на планово-бюджетный период, динамике труда в российской экономике в связи с динамикой общей технологичности и производительности труда, региональным тенденциям распространения неформальной занятости в России.

В статье «**Структура потребительских расходов домохозяйств и бедность**» **А.А. Ткаченко**, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, дан анализ динамики структуры расходов домашних хозяйств для выявления меры/уровня бедности населения, напрямую не связанной с национальной чертой бедности и более информативно отображающей реальные процессы в уровне бедности разных доходных групп домохозяйств. В статье представлена характеристика изменений в структуре расходов домохозяйств на потребление в России и ряда так называемых развитых стран. Выявлены позитивные и негативные отличия, требующие более точной оценки уровня бедности среди российских домохозяйств и населения. Также рассмотрена дифференциация регионов по структуре расходов, отражающих уровень бедности. Наряду с этим определены реальные масштабы распространения бедности среди децильных групп российских домохозяйств, показан разрыв в доходах и расходах городских и сельских домохозяйств. Особое внимание автором уделено проблемам мно-

годетных семей, обозначившимся при анализе структуры их расходов, прежде всего различий в доле затрат на питание. В статье сделан вывод о слабой базе экономического роста за счёт внутреннего потребления.

Статья «**Проблемы развития государственной пенсионной системы на планово-бюджетный период**» *А.К. Соловьева*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного экономиста России, директора Научно-исследовательского центра развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, посвящена современному состоянию основных экономических параметров развития государственной пенсионной системы и условиям достижения целевых ориентиров по уровню жизни старших поколений населения на завершающем этапе пенсионной реформы. Методология исследования основана на актуарно-статистических методах анализа факторов и условий развития пенсионной системы в неразрывной связи с макроэкономикой. В статье дана характеристика пенсионной реформы, начатой ещё в перестроечный период. Показано, что она была направлена на трансформацию солидарно-уравнительной модели пенсионного обеспечения граждан в страховую модель формирования и реализации пенсионных прав путём установления непосредственной зависимости размера материального обеспечения пенсионеров от их индивидуального трудового потенциала. Определено, что несмотря на многоэтапную перестройку всех базовых составляющих государственной пенсионной системы достигнуты далеко не все намеченные параметры, сохранены основные проблемы пенсионного обеспечения на планово-бюджетный период 2026–2028 гг. (снижение уровня жизни старших поколений, риски финансовой обеспеченности на стратегический период выполнения пенсионных обязательств и другие). В статье обоснована необходимость интеграции действующей страховой модели пенсионного обеспечения, ориентированной на реализацию прав сокращающегося сектора наёмной занятости, с гибридными моделями формирования пенсионных прав самозанятого и незанятого населения.

В статье «**Технологическое обновление: производительность и динамика труда**» *О.С. Сухарева*, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника Института экономики Российской академии наук, выявляются характеристики динамики труда в российской экономике в связи с динамикой общей технологичности и производительности труда. В агрегатных экономических секторах, выделяемых автором для проведения исследования, определяются производительность труда, технологичность и динамика труда. Также проводится регрессионный анализ влияния труда на валовую добавленную стоимость, создаваемую в данных секторах. Обосновывается, что повышение производительности труда может совсем не влиять на рост технологичности и технологическое обновление экономики, как и повышение технологичности может не приводить к росту производительности на каком-то отрезке времени. В статье выявляется антиэффект технологического дуализма, который в отличие от «псевдоэффекта», наблюдавшегося в России до 2022 года, демонстрирует рост занятости в обработке, что сопровождается ростом технологичности, производительности труда и заработной платы. Автор обосновывает отсутствие системных действий в области политики технологического обновления и повышения производительности труда, что приводит к необходимости выстраивать достижение одной цели при масштабной реализации другой. Отмечается, что повышение заработной платы в ситуации дефицита высоко квалифицированных кадров может происходить вне связи с производительностью труда, для привлечения соответствующих кадров как условия интенсификации процесса технологического обновления.

В статье «**Региональные тенденции распространения неформальной занятости в России**» *А.Л. Сафонова*, д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, *Д.В. Некипеловой*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, предметом исследования являются региональные особенности, тенденции и вызовы распространения неформальной занятости в России. В статье дается оценка масштабов неформальной занятости в регионах России за 2017–2024 гг., анализируется её динамика. Наряду с этим исследуется корреляция между численностью неформально занятых и количеством легализовавшихся самозанятых. Помимо этого, в статье анализируется региональная дифференциация неформальной занятости от доминирования в республиках Северного Кавказа до минимальных значений в арктических территориях. Авторами обосновывается необходимость перехода от политики «подавления» к политике «встраивания» новых форм занятости в систему социально-трудовых гарантий.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуется статья «**Ценностные ориентации молодежи и их роль в экономическом поведении (на примере Республики Башкортостан)**»

Г.Р. Фаткуллиной, научного сотрудника Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, в которой исследован характер детерминации экономического поведения молодёжи их доминирующими ценностными ориентациями в условиях 2021–2024 гг. среди молодёжи Республики Башкортостан. В статье продемонстрировано изменение экономической поляризации молодёжи, проявляющейся в одновременном росте как благополучных, так и уязвимых групп. Автором предложена типизация ценностных ориентаций молодёжи (адаптирующийся, социализирующийся, индивидуализирующийся типы), определено влияние доминирующих ценностных установок на выбор стратегий экономического поведения. Показано, что ориентация на стабильность способствует выбору гарантированных источников дохода, в то время как стремление к самореализации коррелирует с предпринимательской активностью и диверсификацией доходов. В статье дана оценка связи патриотических ценностей с практиками ответственного потребления. Также выявлены различия в экономическом поведении в зависимости от возрастной когорты и гендера.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые экономике долголетия и социально-экономическим последствиям старения в эпоху искусственного интеллекта; философско-психологическим аспектам эвтаназии и суицидального поведения в контексте старения; качеству жизни населения и рождаемости как факторам пространственного развития территорий Тамбовской области.

Статья «**Экономика долголетия и социально-экономические последствия старения в эпоху искусственного интеллекта: концепция множественных возрастных парадигм**» *И.В. Костикова*, д-ра экон. наук, профессора Национального института финансовых рынков и управления, направлена на разработку теоретической концепции множественных возрастных парадигм и анализ её влияния на рынок труда, экономический рост и фискальную устойчивость в условиях глобального старения населения и возможного распространения технологий обращения биологического возраста. В статье формализовано различие календарного и биологического возраста, описаны каналы влияния смещения биологического возраста на занятость, производительность, демографическую нагрузку и фискальные параметры. Определено, что общество не движется к единой «новой норме» возраста, а формирует множественную структуру возрастных парадигм, определяемых доступом к технологиям продления жизни и омоложения. Автором предложена концепция трёх идеализированных возрастных парадигм (традиционной, парадигмы компрессии заболеваемости и парадигмы обращения биологического возраста) и рассмотрены три сценария их возможного сочетания (отсутствие омоложения, ограниченный доступ и универсальный доступ). Показано, что неравномерный доступ к технологиям, усиленный внедрением искусственного интеллекта, может приводить к росту социально-экономического неравенства и формированию устойчивой «возрастной стратификации», в то же время при более широком или универсальном доступе и соответствующей институциональной адаптации возможна стабилизация демографической нагрузки и реализация «дивиденда долголетия». Установлено, что демографические последствия даже значительного продления жизни оказываются более умеренными, чем это предполагается в дискуссиях о рисках «перенаселения».

В статье «**Право на смерть и качество жизни пожилых: философско-психологические аспекты эвтаназии и суицидального поведения в контексте старения**» *В.Г. Пичугина*, д-ра филос. наук, канд. психол. наук, доцента кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, предметом исследования являются философско-психологические детерминанты и социально-демографические последствия отношения к «праву на смерть» в старших возрастных группах, а также их взаимосвязь с качеством жизни пожилых людей и демографическими процессами. Исследование опирается на экзистенциальную философию, геронтологические концепции и принципы биоэтики. В статье отмечается, что дискуссия о «праве на смерть» в России является индикатором латентных проблем социального самочувствия старшего поколения. Исследование подтверждает качественное отличие суицидальных тенденций в пожилом возрасте, где ключевым предиктором выступает субъективное чувство ненужности, а не объективная изоляция. На основе анализа опыта стран, легализовавших эвтаназию, автором выявляются системные риски «структурного принуждения» и коммерциализации смерти. В статье обосновывается, что российская правовая модель «презумпции жизни», основанная на конституционном запрете эвтаназии и развитии паллиативной помощи, является эффективной альтернативой западным подходам.

Статья «**Качество жизни населения и рождаемость как факторы пространственного развития территорий Тамбовской области**» *Е.Ю. Меркуловой*, д-ра экон. наук, профессора, директора центра пространственного развития территорий и качества жизни населения Тамбовского государственного

университета имени Г.Р. Державина, посвящена выявлению ключевых детерминант рождаемости, включающих оценку качества жизни населения, и разработке типологии муниципальных образований Тамбовской области для формирования дифференцированной демографической политики. Автором исследованы три когнитивные группы населения муниципальных округов Тамбовской области, выделенные по возрасту («оптимисты-мигранты», «стабилизаторы», «локалисты»). Также идентифицированы и проанализированы три латентных измерения качества жизни населения (оценка места проживания и перспектив его развития, инфраструктура и среда для жизни, удовлетворённость медицинскими услугами). В статье показан парадоксальный эффект жилищных условий, состоящий в том, что увеличение площади жилья на душу населения ассоциируется со снижением рождаемости, что интерпретируется как индикатор депопуляции. По результатам кластерного анализа автором выделены четыре типа территорий (демографически стабильные, стареющие с потенциалом развития, территории контрастов и демографически депрессивные). Также показаны локальные эффекты – «горячая точка» вокруг областного центра и «холодные точки» на периферии. В статье отмечена критическая необходимость пересмотра подходов к пространственному развитию территорий Тамбовской области и формированию дифференцированной демографической политики.

В рубрике «**ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**» публикуется статья «**Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения**», автором которой является **В.Н. Бобков**, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук. Статья направлена на систематизацию и анализ вопросов качества и уровня жизни, рассмотренных на научном семинаре «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации», состоявшемся в 2026 году на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК -2026); уточнение сквозь призму сделанных докладов авторской теоретико-методологической рамки их изучения и обсуждение наиболее острых проблем в этой области, которые потребуют дальнейших исследований и практических решений. Исследование опирается на доклады, сделанные на научном семинаре СПЭК-2026, а также публикации российских и зарубежных авторов, на которые ссылались докладчики семинара, а также автор данной публикации. Автором расставлены акценты в приоритетизации производственных отношений и совокупности социальных отношений и форм общественного сознания (духовной, культурной и др. сфер жизни). В статье отражены наиболее острые проблемы в качестве и уровне жизни в нашей стране, в том числе преобладающее суженное и простое воспроизводство уровня жизни, высокое экономическое неравенство его распределения среди массовых социальных групп и другие.

В рубрике «**ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ**» публикуется обращение «**Об изменении подхода к решению демографических проблем Дальнего Востока России**» **Ю.А. Авдеева**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, к коллегам-демографам. Автор предлагает свой взгляд на Национальную программу демографического развития, обосновывает целесообразность рассматривать её как минимум в пределах трёх сменяющих друг друга поколений, т.е. до 2100 года. В своём обращении автор привлекает внимание читателей журнала к необходимости целостной модели демографического развития, реализацию которой следует начать на репрезентативных территориях, одной из которых является Дальневосточный федеральный округ, очерчивает её контуры.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» публикуются две статьи, одна из которых посвящена научному семинару «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации», состоявшемуся на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (апрель 2026 г.), другая – Всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"» (октябрь 2025 г.).

В статье «**Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации**» **Ю.А. Шерстобитовой**, младшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук, дан обзор докладов, прозвучавших на научном семинаре «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации», состоявшемся в 2026 году на Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК-2026). Представлена систематизация докладов представителей российских научно-исследовательских и образовательных организаций, обсудивших актуальные проблемы по широкому кругу вопросов, касающихся сферы качества и уровня жизни: качества общества; качества трудовой жизни; качества социальных

институтов; безопасности жизнедеятельности; охраны окружающей среды; уровня жизни, включая текущее и долговременное потребление товаров и услуг, и социально-экономическое неравенство.

В статье «**О всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"»** *И.П. Рязанцева*, д-ра экон. наук, профессора, профессора кафедры экономики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заместителя председателя Объединения православных учёных, *В.И. Рязанцева*, младшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук, дана краткая характеристика всероссийской сетевой научной конференции «*Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"»*», которая проводилась с 7 по 17 октября 2025 г. в Южно-Сахалинске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Благовещенске. Авторами статьи представлены организаторы конференции, в составе которых семь государственных высших учебных заведений, а также Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых». В статье дан обзор тематических направлений конференции, в том числе проблемы цивилизационистики: традиции и современность; российская цивилизация: исследователи и их достижения; духовные истоки российской цивилизации и другие.

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 316.356.2:316.7

JEL J12, J13, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210

EDN NMUJCJ

Про любовь и не только: студенты о семье и браке

Ирина Борисовна Бритвина¹, Екатерина Васильевна Зайцева²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ (irina.britvina@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>)

² (e.v.zaitceva@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2112-3029>)

Аннотация

Целью статьи является анализ феномена ценностного дуализма в сознании современного студенчества, проявляющегося в приоритете эмоционально-психологических аспектов брака (любовь, доверие) при одновременном росте субъективных барьеров и страхов перед социально-экономической неопределенностью будущего. Эмпирическую базу исследования составили результаты формализованного опроса студентов шести крупнейших вузов г. Екатеринбурга (N=1188). Теоретическая рамка работы базируется на синтезе концепций «чистых отношений» Э. Гидденса, «текучей современности» З. Баумана и теории межпоколенческого сдвига ценностей Р. Инглхарта. В ходе исследования выявлено противоречие между сохранением семьи как высшей терминальной ценности и деградацией инструментальных условий её создания. Установлено, что ключевыми барьерами для вступления в брак выступают экономический кризис (67,7%) и неопределённость будущего (65,6%). Зафиксирован значимый гендерный разрыв: женщины в три раза чаще мужчин рассматривают семью как инструмент обеспечения экзистенциальной безопасности. Особое внимание уделено фактору медиатизации: показано, что доминирующее влияние социальных сетей (80%) способствует конструированию семьи как «визуального проекта успеха», что искусственно завышает материальный порог готовности молодёжи к браку. Обоснован вывод о трансформации жизненной стратегии студенчества: переход к модели «отложенного взросления» превращает брак из стартового этапа взрослой жизни в «результат и награду» за достигнутый социальный успех. В заключении сформулированы рекомендации по совершенствованию демографической политики, обосновывающие необходимость перехода от прямых выплат к созданию «инфраструктуры уверенности».

Ключевые слова: брачно-семейные установки, барьеры, ценностный дуализм, трансформация, институт семьи, гендерная асимметрия, студенты, опрос, Екатеринбург

Для цитирования: Бритвина И.Б., Зайцева Е.В. Про любовь и не только: студенты о семье и браке // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 198–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210 EDN NMUJCJ

RAR (Research Article Report)

JEL J12, J13, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210

About Love and More: Students on Family and Marriage

Ирина В. Бритвина¹, Екатерина В. Зайцева²

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹ (irina.britvina@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>)

² (e.v.zaitceva@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2112-3029>)

Abstract

The purpose of this article is to analyze the phenomenon of value dualism in the consciousness of modern students, manifested in the priority of emotional and psychological aspects of marriage (love, trust) with the simultaneous growth of subjective barriers and fears of the socio-economic uncertainty of the future. The empirical base draws on the results of a formalized survey of students from six major universities in Yekaterinburg (N=1188). The theoretical framework of the study is based on the synthesis of the concepts of «pure relationships» by E. Giddens, «liquid modernity» by Z. Bauman, and the theory of intergenerational value shift by R. Inglehart. The study revealed a contradiction between the preservation of the family as the highest terminal value and the degradation of the instrumental conditions for its creation. It was found that the key barriers to marriage are the economic crisis (67,7%) and uncertainty about the future (65,6%). A significant gender gap has been identified: women are three times more likely than men to view family as a tool for ensuring existential security. Special attention is paid to the factor of mediatization: it has been shown that the dominant influence of social media (80%) contributes to the construction of family as a «visual project of success», which artificially increases the material threshold for young people's readiness for marriage. The study concludes that the transformation of the life strategy of students: the transition to the model of «delayed adulthood» transforms marriage from the starting point of adult life into a «result and reward» for achieved social success. In conclusion, the paper provides recommendations for improving demographic policy, justifying the need to switch from direct payments to creating an «infrastructure of confidence».

Keywords: marriage and family attitudes, barriers, value dualism, transformation, the institution of the family, gender asymmetry, students, survey, Yekaterinburg

For citation: Britvina I.B., Zaitseva E.V. About Love and More: Students on Family and Marriage. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):198-210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210 (In Russ.)

© Бритвина И.Б., Зайцева Е.В., 2026

Введение

Трансформация института семьи в начале XXI века приобрела характер фундаментального социокультурного сдвига, который проявляется в переосмыслении традиционных институтов и трансформации индивидуальных жизненных стратегий и затрагивает основы воспроизводства человеческого капитала и социальной стабильности. Для современной социологии молодёжи изучение брачно-семейных установок студенчества перестаёт быть вопросом простого демографического прогнозирования и переходит в плоскость анализа глубоких ментальных противоречий. Студенческая молодёжь 2025 года – это представители поколения, формирующегося в условиях «глобальной рискогенности» и цифровой транспарентности, когда традиционные сценарии жизненного пути подвергаются эрозии, всё чаще конкурируя с индивидуализированными «проектами самостроительства». Несмотря на актуализацию традиционных ценностей в публичном дискурсе современной России, на уровне реальных жизненных стратегий студенчества мы фиксируем сложный гибридный процесс, где нормативные образцы семьи сохраняются как идеал, но пути их достижения становятся вариативными и отложенными во времени. Актуальность данного исследования продиктована возникновением специфического феномена, который мы определяем как «ценностный дуализм». Суть его заключается в парадоксальном сочетании: при сохранении (и даже росте) субъективной значимости эмоционально-психологических аспектов брака (любви, доверия, духовной близости) наблюдается субъективная актуализация барьеров, препятствующих институционализации этих отношений. Эмпирическим индикатором этого процесса выступает устойчивый демографический сдвиг среднего возраста вступления в первый брак (с 22–24 лет в начале 2000-х до 26–29 лет в настоящее время), что свидетельствует о росте «цены входа» в семейную жизнь в восприятии молодёжи. Молодые люди стремятся к семье как к «тихой гавани», к поиску таких форм отношений, которые обеспечивают ощущение безопасности и предсказуемости в условиях неопределённости, но одновременно воспринимают её создание как зону критического риска.

Трансформация института семьи в представлениях студенческой молодёжи отражает глобальный переход от классических структур к моделям индивидуализации и самоконструирования. В современной социологии анализ концепта «образ жизни» молодёжи рассматривается не как жёстко заданная социальная колея, а как пространство выбора и осознанный «проект са-

мопостроения» [1]. Для анализа ценностного дуализма отечественными учёными использовались как теории «чистых отношений» Э. Гидденса, так теория «текущей современности» З. Баумана [2], которая характеризуется не только изменчивостью, но и «эфемерными отношениями» [3]. В то время как внешняя среда мотивирует молодёжь к отказу от устойчивых связей, студенты пытаются разрешить кризис идентичности через поиск доверительного партнёрства. В этом контексте важно обратиться к концепции «великой трансформации любви», где утверждается, что современные любовные страдания и неопределённость имеют не индивидуально-психологическую, а институциональную природу. В ходе такой трансформации выбор партнёра стал подчиняться рыночной логике конкуренции и рационального потребления. Свобода выбора («архитектура выбора») парадоксальным образом порождает не счастье, а постоянную тревогу, абулию (безволие) и неспособность к принятию обязательств, что мы и наблюдаем в установках современной молодёжи [4, с. 34, 69]. Таким образом, молодёжь находится в эпицентре конфликта между потребностью в психологической близости («чистые отношения») и непредсказуемостью жизненных траекторий в «текущем» обществе, где отсутствие безопасности становится главным барьером на пути перехода от романтических отношений к браку.

В условиях современной медиареальности процессы формирования жизненных стратегий молодёжи претерпевают радикальную трансформацию. Концептуальным фундаментом для понимания этих процессов служит институциональный подход С. Хьярварда, который рассматривает медиатизацию как исторический процесс, в ходе которого медиа не просто включаются в деятельность различных институтов, но сами обретают статус самостоятельного социального института [5]. В контексте семьи это означает, что образ желаемого будущего и модели репродуктивного поведения начинают диктоваться не внутрисемейными традициями, а правилами и форматами цифровых платформ. Особую роль в этом процессе играют аффордансы медианбора технических и функциональных возможностей, которые позволяют пользователям конструировать реальность вне привязки к физическому пространству и времени [6]. Как отмечает Н. Луман, массмедиа формируют новую реальность, в которой процессы конструирования контента и восприятия образов аудиторией ведутся параллельно, создавая устойчивые смысловые суждения, базирующиеся на опыте экранных персонажей [7].

Семья в сознании современного студента перестаёт быть исключительно приватным бы-

товым союзом и превращается в «визуальный проект». А. Хепп, развивая идеи «медиатизированного» мира, подчёркивает, что социальные действия сегодня реализуются через цифровые медиа, что ведёт к трансформации базовых институтов, включая брак и родительство [8]. Рост популярности социальных сетей в последние годы позволил пользователям получать огромное количество информации из различных источников. Благодаря беспрецедентному развитию технологий инфлюенсеры в социальных сетях могут эффективно взаимодействовать со своими подписчиками, так или иначе влияя на поведение, отношение и выбор молодых людей [9]. Цифровая среда становится символическим пространством, где формируются альтернативные представления о социальной норме, допустимом и желаемом [10]. Происходит автономизация установок: молодые люди, освобождаясь от универсальных институциональных сценариев, оказываются в роли участников активного, но крайне рискованного выбора жизненных траекторий [11].

Важным аспектом конструирования образа семьи является медиатизация семейной памяти. Новые медиа начинают оказывать определяющее влияние на формирование картины реальности, создавая симбиоз медиакультуры и устойчивых социальных практик. Медиатизация семейной памяти может иметь как конструктивные эффекты (формирование идентичности), так и деструктивные, когда образы прошлого заменяются симулякрами, сконструированными медиапространством [12]. Можно констатировать, что медиакommunikативный подход позволяет увидеть в медиатизации не просто каналы передачи информации, а самостоятельную социальную систему, радикально трансформирующую демографические установки молодёжи [10]. В соцсетях семья как «визуальный проект» диктует стандарты, которые вступают в противоречие с объективной реальностью.

Исследования показывают, что для всех категорий молодёжи ребёнок остаётся основным смыслом жизни, однако механизмы реализации этой ценности различаются. Материальное стимулирование со стороны государства наиболее значимо для малообеспеченных групп, в то время как для обеспеченной молодёжи на первый план выходит потребность в сохранении привычного уровня потребления и психологического комфорта [13]. Неудовлетворённость жилищными условиями и отсутствие индивидуального пространства становятся критическими факторами: респонденты, проживающие в стеснённых условиях, не планируют деторождение даже при гипотетическом росте доходов [14].

Высокий образовательный статус родителей современных студентов выступает мощным фактором трансляции модели «ответственного родительства». Молодые люди стремятся не просто сохранить, но и повысить социальный статус, что заставляет их фокусироваться на карьере и получении образования, откладывая деторождение до достижения «полной финансовой готовности» [15]. Этот прагматичный подход подтверждается результатами опросов. Как отмечает О.В. Бессчётнова, высокая степень ответственности в условиях неопределённости и риска в сфере труда и занятости вынуждает молодёжь выбирать стратегии «отложенного родительства» [16]. При этом наблюдается размывание функциональной базы традиционных норм: если в аграрном обществе дети были залогом выживания родителей в старости, то в постиндустриальном обществе эту роль взяло на себя государство, что снижает инструментальную мотивацию к многодетности [17].

Важно подчеркнуть, что откладывание родительства не является признаком тотального гедонизма. Мониторинг студенчества показывает, что родительство в сознании молодых людей остаётся органичной частью «удовольствия от жизни», но требует стабильного фундамента [18]. Исследования западных учёных также указывают на «сдвиг приоритетов» в сфере родительства [19]. Таким образом, репродуктивные установки молодёжи детерминированы не только личными убеждениями, но и давлением внешней среды.

Целью статьи является анализ ценностного дуализма в сознании студентов, выражающийся в приоритете эмоционально-психологических аспектов брака (любовь, доверие) при одновременном росте субъективных барьеров и страхов перед социально-экономической неопределённостью будущего. Задачи исследования: раскрыть содержание смысловых ассоциаций студентов с понятием «семья»; ранжировать основные субъективные страхи и объективные барьеры, препятствующие вступлению в брак; определить влияние агентов цифровой социализации на формирование брачных установок; проанализировать гендерные различия в жизненных приоритетах и репродуктивных планах студентов. Объект исследования: представления студенческой молодёжи о семье и браке. Предмет исследования: ценностный дуализм в представлениях студентов Екатеринбурга о различных аспектах семьи и брака. Гипотезы исследования: 1) семья остаётся абсолютной терминальной ценностью, опережая деньги и карьеру; 2) в сознании студентов существует жёсткий паритет между готовностью к браку и его отрицанием; 3) доминирование соцсетей как агента социализации коррелирует с ростом

апатии и снижением интереса к реальности у молодёжи.

Теоретические и методологические положения

Теоретическим фундаментом исследования ценностного дуализма служат классические и современные концепции трансформации интимности. Так, Э. Гидденс в работе «Трансформация интимности» постулировал переход к хрупкой модели «чистых отношений» (pure relationships), которые держатся исключительно на эмоциональной выгоде сторон, а не на внешних требованиях традиций, и существуют до тех пор, пока обоим партнёрам «хорошо вместе» [20]. Данная трансформация была глубоко проанализирована в классической социологии П.А. Сорокиным. В работе «Кризис нашего времени» он указывал на неизбежный распад семьи в условиях доминирования «чувственной культуры». Сорокин выделял три типа социальных отношений: семейственные, принудительные и договорные. Согласно его концепции, современный брак деградирует от «семейственного» типа, основанного на слиянии «я» в «мы» и жертвенности, к чисто «договорному». В таком союзе стороны остаются эгоцентричными, а отношения строятся на утилитарном расчёте: получение максимума удовольствия при минимуме обязательств. Как только баланс выгоды и удовольствия нарушается, такой «договор» расторгается [21, с. 116–117, 130]. Именно эту «договорную» логику, маскирующуюся под поиск идеальной любви, мы и наблюдаем в ответах студентов. В концепции «текучей современности» З. Баумана подчёркивается, что в мире, где социальные связи становятся эфемерными, а рынок труда и экономические институты не гарантируют стабильности даже на краткосрочную перспективу, семья начинает восприниматься как единственный возможный оплот безопасности. Бауман отмечал, что современный человек боится долгосрочных обязательств («самопричинённое одиночество»), поскольку они ограничивают его маневренность в нестабильном мире. Этот конфликт между потребностью в укоренённости (семье) и страхом перед обязательствами (барьерами) составляет ядро ценностного дуализма [22]. Согласно теории смены ценностей Р. Инглхарта, по мере успешного формирования «государства благосостояния» наблюдается межпоколенческий сдвиг от «материалистических» ценностей (экономическая и физическая безопасность) к «постматериалистическим» (самовыражение и качество жизни) [17].

Теория медиатизации реальности [5; 6; 8] является важным направлением нашего исследова-

ния. Современная молодёжь находится под беспрецедентным влиянием социальных сетей и лидеров общественного мнения, которые практически полностью вытеснили традиционные институты. Медиасреда формирует визуализированный стандарт «успешной семьи», который зачастую недостижим для выпускника вуза. Это порождает когнитивный диссонанс: с одной стороны, «Instagram-модель» идеальной любви, с другой – реальность экономического кризиса.

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую базу статьи составили результаты социологического исследования, проведённого авторами в октябре 2025 года. Методом сбора информации стало анкетирование студентов. Выборка исследования является целевой (квотной по вузам и направлениям подготовки) и включает 1188 студентов шести крупнейших высших учебных заведений г. Екатеринбурга. Совокупность репрезентирует студенческую молодёжь города по нескольким параметрам: по уровню обучения – бакалавриат (74,2%), магистратура (15,6%), специалитет (10,2%); пропорционально по направлениям обучения (гуманитарные, технические и естественные); по полу – женщины (58,9%), мужчины (41,1%).

Инструментарий исследования включал авторскую анкету из 35 вопросов, структурированную по блокам: жизненные приоритеты, репродуктивные установки, ценностные смыслы семьи, факторы, препятствующие вступлению в брак.

Математико-статистическая обработка первичных данных выполнена в профессиональной программе автоматизированной обработки социологической информации Vortex. Для анализа данных применялись следующие методы: одномерный распределительный анализ (частотный анализ); двумерный анализ (построение таблиц сопряжённости); корреляционный анализ с расчётом коэффициента V Крамера для определения тесноты связи между переменными (выявлены значимые зависимости при $p < 0,05$); качественный анализ ответов на полуоткрытые вопросы (вариант «другое»).

Результаты

1. Смысловой дуализм: любовь против неопределённости.

Анализ ценностных ориентаций современного студенчества позволяет зафиксировать глубокую трансформацию смыслового ядра института семьи. В условиях перехода к обществу «позднего модерна» семья в сознании молодёжи окончательно утрачивает статус жёстко регламентирован-

ванного социального обязательства, превращаясь в пространство индивидуального выбора и эмоционального самовыражения. Эмпирические данные нашего исследования подтверждают доминирование психологических конструкторов над институциональными, однако за этим скрывает-

ся острый ценностный дуализм. Первым уровнем анализа выступает иерархия смыслов, вкладываемых студентами в понятие «семья». Согласно полученным данным (см. таблицу 1), смысловое поле семьи центрировано вокруг терминальных ценностей эмоционального характера.

Таблица 1

Иерархия смыслов семьи в сознании студентов

Table 1

Hierarchy of Family Meanings in the Minds of Students

Смысловой конструктор	% от ответивших	Ранг	Тип установки
Любовь	40,2	1	Терминальная (идеал)
Доверие	32,4	2	Психологическая (база)
Безопасность	13,2	3	Экзистенциальная (дефицит)
Материальная стабильность	4,0	4	Инструментальная

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Доминирование категорий «любовь» и «доверие» позволяет говорить о верификации теории «чистых отношений» Э. Гидденса. Для современного студента семья – это прежде всего союз, основанный на взаимной эмоциональной выгоде и психологическом комфорте. А тот факт, что почти половина респондентов (49,2%) называет семью «самым большим богатством», опережая такие ценности, как здоровье (43,9%) и деньги (21,5%), свидетельствует о сохранении высокой субъективной значимости этого института. Однако при более глубоком анализе обнаруживается

теневая сторона этого идеала. Третью позицию в рейтинге смыслов занимает безопасность. В контексте «текучей современности» З. Баумана этот показатель следует интерпретировать как запрос на онтологическую защищённость. Семья начинает восприниматься не только как пространство любви, но и как оборонительный конструктор, призванный компенсировать рискогенность внешней среды. Этот дуализм (между романтическим стремлением к близости и прагматичным поиском убежища) имеет ярко выраженную гендерную специфику (см. таблицу 2).

Таблица 2

Гендерная специфика восприятия семьи как «зоны безопасности»

Table 2

Gender Specificity of the Perception of Family as a «Safety Zone»

Пол респондента	Любовь (%)	Доверие (%)	Безопасность (%)	V Крамера (связь)
Женщины	41,0	29,3	18,3	0,343 (значимая)
Мужчины	39,1	36,9	5,9	

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Статистический анализ выявил значимую связь между полом респондента и восприятием семьи через призму безопасности (коэффициент V Крамера = 0,343 при $p < 0,005$). Женщины в три раза чаще мужчин (18,3% и 5,9% соответственно) определяют семью как гарант безопасности. Это позволяет сделать вывод, что в условиях социально-экономической неопределённости женская часть студенчества острее ощущает экзистенциальный дефицит защиты. Для мужчин же семья в большей степени ассоциируется с «доверием», что указывает на запрос на надёжное и партнёрство, в то время как ответственность за внешнюю безопасность традиционно остаётся в их зоне

компетенции. Качественный анализ ответов в категории «другое» дополняет эту картину интересными авторскими определениями. Респонденты характеризуют семью как «командную работу», «разделение рисков» и «взаимоподдерживающий коллектив». Подобные формулировки свидетельствуют о рационализации интимности: любовь перестаёт быть иррациональным чувством и становится стратегическим ресурсом. Этот разрыв между желаемым идеалом и субъективно ощущаемой угрозой неопределённости становится фундаментальным барьером, порождающим стратегию откладывания брака до достижения мифической «полной стабильности».

2. Архитектура страхов и барьеров.

Переход от ценностных ориентаций к реальным социальным практикам в студенческой среде блокируется комплексом факторов, которые мы определяем как «архитектуру страхов». Если в смысловом ядре семьи доминирует идеал «чистых отношений», то в поле социального действия разворачивается сценарий рационального избегания рисков. В рамках теории «общества риска» У. Бека [23] и «текучей современности» З. Баумана, брак воспринимается не как автоматический этап жизненного цикла, а как высокорискованный проект, требующий избыточных ресурсов для компенсации внешней нестабильности. Подобная рационализация чувств коррелирует с вы-

водами Е. Иллуз о проникновении экономических моделей в сферу интимности. Она отмечает, что современные отношения регулируются «эмоциональным капитализмом», где поиск партнёра превращается в бесконечный перебор вариантов с целью максимизации выгоды. Страх перед обязательствами, который демонстрируют респонденты является не личностным изъяном, а рациональной реакцией на перенасыщенный брачный рынок, где изобилие выбора создаёт ощущение, что лучший вариант всегда впереди, обесценивая текущие отношения [4, с. 150, 163]. Эмпирические данные позволяют ранжировать ключевые «стоп-факторы», препятствующие институционализации брачно-семейных отношений (см. таблицу 3).

Таблица 3

Рейтинг негативных факторов, препятствующих созданию семьи

Table 3

Ranking of Negative Factors That Prevent People from Starting a Family

Социальный барьер	% упоминаний	Степень влияния
Экономический кризис	67,7	Критическая
Неопределённость будущего	65,6	Критическая
Плохие жилищные условия	61,2	Высокая
Политическая ситуация	34,2	Средняя
Безработица	31,7	Средняя

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса. Респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Анализ структуры барьеров демонстрирует сращивание материальных и экзистенциальных угроз. Лидирующую позицию занимает «экономический кризис», что подтверждает тезис о возврате к материалистическому детерминизму в условиях снижения уровня жизни. Однако практически идентичный показатель «неопределённости будущего» указывает на то, что молодёжь пугает не столько текущий дефицит ресурсов, сколько отсутствие предсказуемого горизонта планирования. Семья, требующая долгосрочных обязательств, вступает в нераз-

решимое противоречие с сиюминутностью жизненных траекторий. Жилищный вопрос остаётся классическим инфраструктурным барьером, который в открытых ответах респондентов метафорично описывается как страх «жизни в коробке из-под холодильника», что подчёркивает нежелание студентов снижать привычный уровень потребления ради создания союза. Особый интерес представляет гендерная асимметрия в восприятии этих угроз. Архитектура страхов у женщин и мужчин имеет различную конфигурацию (см. таблицу 4).

Таблица 4

Карта проблем студенческой молодежи через призму пола респондентов

Table 4

Map of Student Youth Problems Through the Prism of Respondents' Gender

Проблема	Женщины, %	Мужчины, %	Аналитическая заметка
Снижение интереса ко всему	65,9	61,9	Общий рост апатии
Кризис морали	35,9	43,6	Мужчины более консервативны
Безработица	31,3	20,9	Женщины чувствуют риск сильнее

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Статистически значимые различия фиксируются в отношении к социальной защищённости. Женщины острее реагируют на неопределённость будущего и значительно чаще указывают на отсутствие финансовой помощи со стороны государства. Это объясняется тем, что в российской социокультурной модели репродуктивные риски и ответственность за бытовую стабильность семьи по-прежнему в большей степени возлагаются на женщину. Страх перед безработицей (у трети женщин) коррелирует с опасением утратить социальный статус и экономическую автономию при вступлении в брак или рождении ребёнка. Мужская часть опрошенных демонстрирует специфический профиль тревожности. Для них более характерна проблематизация «кризиса морали» и «политической ситуации». В качественных ответах мужчин (вариант «другое») фиксируются страхи, связанные с «возможностью уйти по мобилизации и погибнуть») и суровостью законов в отношении отцов («законы не в пользу отца»). Таким образом, если женские страхи локализованы в сфере социально-экономической безопасности, то мужские – в сфере физической и право-

вой уязвимости. Общим для обоих полов является феномен «снижения интереса ко всему» (более 60%). В социологическом дискурсе это можно интерпретировать как защитную реакцию на избыточное давление среды. Когда барьеры становятся субъективно непреодолимыми, молодёжь выбирает стратегию социальной апатии.

3. Репродуктивные установки и возрастные нормы.

Репродуктивные и матримониальные установки студенчества выступают наиболее репрезентативным индикатором ценностного дуализма. В них фокусируется противоречие между идеальными представлениями о жизненном успехе и прагматичными расчётами, продиктованными внешней средой. Анализ эмпирических данных позволяет констатировать доминирование стратегии «отложенного взросления», которая в социологическом дискурсе интерпретируется как рациональный ответ на дефицит экзистенциальной безопасности. Центральным элементом этой стратегии является формирование нового возрастного консенсуса относительно легитимных границ вступления в брак (см. таблицу 5).

Таблица 5

Матрица жизненного планирования

Table 5

Life Planning Matrix

Параметр планирования	Значение (мода)	% респондентов
Планируют семью в ближайшем будущем	Да	44,5
Оптимальный возраст для брака	25–29 лет	62,5
Желаемое число детей	Двое	39,7
«Чайлдфри»-установки	Ни одного ребёнка	10,6

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Согласно полученным результатам подавляющее большинство студентов считают наиболее благоприятным периодом для создания семьи возраст от 25 до 29 лет. Лишь десятая часть респондентов ориентирована на ранние браки (до 25 лет). Подобный возрастной сдвиг свидетельствует о том, что в сознании молодёжи брак перестал быть «стартовой площадкой» взрослой жизни и превратился в её «финальный аккорд», возможный только после накопления необходимого человеческого и материального капитала. Семья в данном контексте выступает как проект, требующий предварительного формирования «подушки безопасности» (высшее образование, карьерный старт, первичная финансовая автономность). Репродуктивные намерения студентов при этом остаются умеренно-традиционными: установка на двухдетную модель семьи (39,7%) доминирует над однодетной (18,9%). Однако обращает на себя

внимание значительная доля сторонников чайлдфри-позиции и тех, кто не определился с количеством детей (14,8%). В совокупности это указывает на размывание универсальной репродуктивной нормы. В рамках теории «рационального выбора» Г. Беккера [24] это можно объяснить ростом альтернативных издержек: в условиях неопределённости дети воспринимаются как фактор, ограничивающий социальную мобильность и усиливающий экономическую уязвимость. Общий паритет в выборке между теми, кто планирует семью (44,5%), и теми, кто занимает позицию «пока нет» (44,4%), подтверждает состояние ценностного раскола. С одной стороны, сохраняется высокая ценность родительства (мотив «создание семьи» как главный для рождения детей – 41,8%), с другой – наблюдается детерминированность этих планов внешними условиями. Данный гендерный разрыв находит объяснение в теории

«сексуальных полей». Е. Иллуз указывает на возникновение «эмоционального» неравенства: в условиях дерегулированного брачного рынка мужчины, обладающие социальным и экономическим статусом, получают возможность откладывать вступление в брак, реализуя стратегию «последовательной сексуальности» и избегания обязательств (commitment phobia). Женщины же, ограниченные репродуктивным временем и более высокой потребностью в эмоциональном признании, оказываются в структурно невыгодном положении, что и порождает у них повышенный запрос на безопасность и определённую зафиксированный в нашем опросе [4, с. 178, 389]. В открытых ответах респонденты подчёркивают, что мотивом для деторождения должна быть «ментальная и финансовая готовность» и «наличие уверенной возможности воспитать нормального человека». Это подтверждает тезис о переходе к модели «ответственного родитель-

ства», где качество условий жизни превалирует над количественными демографическими показателями.

4. Кризис традиционных институтов и медиатизация ценностного сознания.

Завершающим этапом анализа ценностного дуализма студентов является изучение механизмов трансляции социальных норм. Выявленные ранее противоречия между идеализацией любви и страхом перед реальностью во многом детерминированы радикальной сменой агентов социализации. В условиях цифрового общества традиционные институты (семья, церковь, система образования и классическая литература) утрачивают монополию на формирование жизненных стратегий, уступая место медиатизированным пространствам. Эмпирические данные фиксируют глубокий разрыв между вертикальной (от старших к младшим) и горизонтальной (сетевой) моделями социализации (см. таблицу 6).

Таблица 6

Рейтинг агентов влияния на ценности студентов

Table 6

Rating of Agents Influencing Students' Values

Агент влияния	% упоминаний	Статус института
Социальные сети	80,0	Доминирующий
Лидеры мнений (блогеры)	67,0	Референтный
Друзья	49,7	Традиционный (горизонтальный)
Родительская семья	32,7	Традиционный (вертикальный) – кризис
Религия	3,7	Маргинальный

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Доминирование социальных сетей и лидеров общественного мнения свидетельствует о том, что ценностное сознание студентов формируется в логике «медиатизированного» мира [25]. Традиционные институты, такие как религия (3,7%) и печатная литература (3,4%), фактически вытеснены на периферию смыслообразования. Даже родительская семья, как источник норм, уступает влиянию цифровых платформ более чем в два раза. Этот сдвиг имеет критическое значение для понимания брачных установок. Если традиционные институты транслировали модель семьи как долга и преемственности, то медиасреда конструирует семью как «визуальный проект». Соцсети формируют завышенные стандарты материального успеха и эстетики повседневности, которые становятся фильтром для оценки собственной готовности к браку. В результате возникает феномен, зафиксированный в нашем исследовании как главная проблема молодёжи – «снижение интереса ко всему» (64,2%). В социологическом контексте это можно интерпретировать как «цифровую апатию»: столкновение идеализированного

медиаобраза с реальностью (кризисом, безработицей) порождает когнитивный диссонанс и паралич воли. Этот феномен коррелирует с диагнозом, поставленным современному обществу философом Бён-Чхоль Ханом. В работе «Агония эроса» он отмечает, что цифровая среда, уничтожая дистанцию и тайну «другого», приводит не к близости, а к исчезновению эротического опыта как такового. В «аду однообразия» любовь вырождается в потребление и поиск комфорта, лишённого риска, что закономерно ведёт к депрессии и неспособности выйти за пределы собственного нарциссизма [26. с. 16]. Именно такой механизм блокирует волю студентов к созданию реальных отношений, подменяя их безопасным потреблением образов. Студент, видя в сети недостижимый стандарт успешной жизни, теряет мотивацию к выстраиванию реальных, зачастую трудных и неэстетичных, бытовых отношений. Кризис институционального доверия порождает специфический запрос на качества личности, которые могли бы стать опорой в «ускользающем мире» (см. таблицу 7).

Таблица 7

Важные качества будущего брачного партнера

Table 7

Important Qualities of a Future Marriage Partner

Качество	% важности	Социальный подтекст
Надёжность	71,2	Поиск опоры в среде риска
Правдивость/Честность	65,7	Запрос на прозрачность отношений
Образованность	45,1	Инвестиция в человеческий капитал

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Высокий запрос на надёжность и честность является прямой реакцией на дефицит безопасности и предсказуемости. В условиях, когда внешние институты (государство, экономика) воспринимаются как источники неопределённости, студенты ищут эти качества в межличностном партнёрстве. Это объясняет, почему доверие занимает столь высокое место в определении семьи (32,4% в блоке 2). Семья мыслится как единственное пространство, где возможна реализация дефицитных ценностей честности и надёжности. Однако здесь круг дуализма замыкается: требуя от партнёра абсолютной надёжности, сами студенты боятся брать на себя долгосрочные обязательства из-за страха перед будущим. Образованность (45,1%) при этом воспринимается не как культурный багаж, а как инструментальный ресурс – способ повысить свою конкурентоспособность и тем самым минимизировать риски.

Таким образом, кризис традиционных институтов привёл к тому, что студенчество оказалось в ситуации нормативного вакуума, заполняемого цифровыми суррогатами. Социальные сети транслируют идеалы любви, но не дают инструментов для преодоления реальных социально-экономических барьеров. Это усиливает внутренний конфликт: молодёжь ориентирована на высокие стандарты отношений, но чувствует себя абсолютно незащищённой перед лицом реальности, что в конечном итоге ведёт к отказу от активного социального действия и консервации стратегии «отложенной жизни». Семья остаётся высшей ценностью, но её реализация в условиях институционального кризиса превращается в труднодостижимую утопию.

Выводы

Выдвинутые рабочие гипотезы подтверждены полученными данными, которые позволяют не просто зафиксировать текущее состояние брачно-семейных установок студенчества, но и вскрыть глубинные сдвиги в ценностном сознании молодёжи. Выявленный ценностный дуализм – это не случайное противоречие, а системная характеристика поколения, формирую-

щегося в условиях «глобальной рискогенности». Интерпретация результатов требует обращения к синтезу классических теорий и анализу специфических российских реалий 2025 года.

1. Феномен «безопасной любви»: семья как премиальный проект.

Центральным открытием исследования стал феномен, который мы определяем как «**безопасная любовь**». Эмпирически это подтверждается тем, что при доминировании любви (40,2%) как главного смысла семьи, реализация этого идеала жёстко обусловлена внешними факторами. В рамках теории «чистых отношений» Э. Гидденса современная интимность должна строиться на эмоциональном обмене, однако наше исследование показывает, что для российского студента «чистые отношения» возможны только в «стерильной» социально-экономической среде. Семья в сознании студенчества перестала быть «стартовым капиталом» или инструментом совместного выживания, как это было в традиционном или раннеиндустриальном обществе. Напротив, она превратилась в **высокозатратный инвестиционный проект**. Студенты демонстрируют высокую потребность в любви и доверии, но они не готовы платить за эти чувства снижением привычного качества жизни или социальной мобильности. Брак воспринимается как финализация успеха: сначала необходимо достичь определённого уровня потребления, профессионального статуса и жилищной автономности, и только затем институционализировать отношения. Мы наблюдаем «рыночный» подход к интимности: риск эмоционального разочарования умножается на риск материального краха, что делает стратегию «отложенного брака» единственно рациональной с точки зрения студента. Для современного студента, живущего в условиях неопределённости, такой «инвестиционный» подход к чувствам становится способом адаптации и защиты своего «я» от возможных потерь.

2. Парадокс Инглхарта в условиях кризиса.

Интерпретация данных через призму теории Р. Инглхарта выявляет специфический российский парадокс. Согласно классической схеме сту-

денческая молодёжь, как наиболее обеспеченное и образованное поколение, должна демонстрировать сдвиг к постматериализму (приоритет самовыражения, качества отношений, экологии). Наши данные частично подтверждают это: семья как «любовь» и «доверие» – это типичные постматериалистические конструкты. Однако здесь происходит **«материалистический возврат»**. Столкнувшись с реальностью экономического кризиса и неопределённостью будущего, студенты вынуждены возвращаться к ценностям выживания. Страх перед *«жизнью в коробке из-под холодильника»* является квинтэссенцией этого страха. Это не просто опасение бедности, это страх перед утратой человеческого достоинства и социального статуса, который в цифровом обществе неразрывно связан с визуальными атрибутами успеха. Дуализм проявляется в том, что студенты хотят «постматериалистической любви», но требуют для неё «сверхматериалистического фундамента». Происходит девальвация традиционного лозунга «с милым рай и в шалаше». В сознании студента «шалаш» (плохие жилищные условия) неизбежно разрушает «рай» (любовь). Таким образом, экономический детерминизм вновь становится доминирующим фактором, но уже на новом уровне: не ради физического выживания, а ради сохранения психологического комфорта и эстетики отношений. Это – «вынужденный прагматизм», который делает молодёжь крайне чувствительной к любым колебаниям государственной политики и рыночной конъюнктуры.

3. Гендерная асимметрия в разрыве между желанием и безопасностью.

Анализ гендерных различий вскрывает глубокий разрыв в стратегиях адаптации мужчин и женщин. Зафиксированный показатель (75,6% женщин считают семью высшей ценностью) указывает на сохранение традиционной ценностной ориентации у девушек. Однако именно женщины демонстрируют самый высокий уровень тревожности. Гендерная асимметрия заключается в том, что для женщины семья является одновременно и главной целью, и главным источником риска. Женщины чаще мужчин ищут в семье безопасность, но при этом острее ощущают отсутствие государственной поддержки (19,6%) и неопределённость будущего (67,1%). Это объясняется тем, что в современной России репродуктивный труд по-прежнему слабо социализирован. Вступая в брак и планируя детей, молодая женщина осознаёт, что попадает в зону максимальной зависимости от партнёра и внешних обстоятельств. Мужчины же чаще выбирают позицию «пока нет» (48,4%). Их дуализм носит иной характер: признавая ценность семьи, они воспринимают её как об-

ременительную ответственность, к которой они «не готовы» материально. Если для женщин барьеры – это угроза их безопасности, то для мужчин барьеры – это угроза их автономии и статусу «добытчика», который всё ещё транслируется культурой, несмотря на кризис традиционных институтов. В итоге мы получаем ситуацию взаимного ожидания: женщины ждут безопасности, мужчины ждут стабильности, а создание семьи откладывается до возраста 25–29 лет, который воспринимается как некий магический порог, за которым «всё наладится».

4. Цифровая социализация как катализатор дуализма.

Важным фактором интерпретации является роль медиасреды. Доминирование соцсетей и блогеров как агентов влияния объясняет, почему студенты так остро реагируют на материальные барьеры. Цифровое пространство транслирует **«эстетизированную норму»** семьи: идеальные интерьеры, путешествия, беспроblemное родительство. Этот медиаобраз создаёт завышенную планку «готовности». Студент сравнивает свою реальную жизнь (общегитие, подработки, неопределённость) с экранным идеалом и делает вывод о своей несостоятельности для брака. Это порождает «снижение интереса ко всему» – апатию, вызванную невозможностью достичь медийного стандарта. Традиционные институты, которые могли бы предложить альтернативные смыслы (семья как долг, как преодоление трудностей), утратили влияние. В результате молодёжь остаётся один на один с конфликтом между «хочу как в Instagram» (запрещён в России) и «могу как в реальности». Таким образом, ценностный дуализм студенчества – это **форма социального страхования**. Студенты не стали меньше любить или меньше ценить семью. Напротив, ценность семьи настолько высока, что они боятся испортить её плохими материальными условиями.

Выявленный дуализм свидетельствует о глубоком кризисе доверия к социальному будущему. Современное студенчество – это **поколение осторожных идеалистов**, которые хранят верность идеалу любви, но отказываются реализовывать его в условиях, которые они субъективно оценивают как враждебные и непредсказуемые. Это требует принципиально новых подходов в демографической политике: не просто денежных выплат, а создания «инфраструктуры уверенности», которая позволила бы молодёжи снизить порог страха перед вступлением во взрослую жизнь. Только через минимизацию субъективных барьеров и страхов возможно превращение семьи из «рискованного проекта» в доступную реальность для современного студенчества.

Список источников

1. Розенберг Н.В., Афанасьева Ю.Л. Образ жизни современной молодежи: приоритеты, ценности и практики // Наука. Общество. Государство. 2025. Том 13. № 3. С. 134–147. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-13> EDN PEHRBC
2. Добринина О.А. «Ускользающий мир» и «текущая современность»: образ социальности в британской постнеклассической социологии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 88–92. <https://doi.org/10.24158/типор.2023.11.8> EDN FLYLMY
3. Meirinhos M., Portela L. Education in Liquid Modernity: Educate and Forming in an Uncertain World. *Research in Production and Development*. 2023;9(1):e621. <https://doi.org/10.32358/rpd.2023.v9.621>
4. Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М.: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с. ISBN 978-5-4499-0435-5
5. Hjarvard S., Petersen L.N. Mediatization and Cultural Change. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2013;54:1–20. <https://doi.org/10.7146/mediekultur.v29i54.8123>
6. Yang X. The Role of Social Media in Shaping Fertility Intentions Among Young Women in East Asian Cultures. In: Feng J. (ed.) 2024 International Conference on Language, Education and Human Development; February 22, 2024; Suzhou, China. 2024;9(1):302–309. <https://doi.org/10.56028/aeHSSr.9.1.302.2024>
7. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с. ISBN 5-901574-46-X EDN PWYQPR
8. Hepp A., Bolin G., Guzman A.L., et al. Mediatization and Human-Machine Communication: Trajectories, Discussions, Perspectives. *Human-Machine Communication*. 2024;7:7–22. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.1>
9. Lajnef K. The Effect of Social Media Influencers' on Teenagers Behavior: an Empirical Study Using Cognitive Map Technique. *Current Psychology*. 2023;42:19364–19377. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04273-1>
10. Гомозова Е.В. Трансформация демографических установок молодежи в медиапространстве: теоретико-концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2025. Том 14. № 5. С. 127–139. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.5.9> EDN PXWXXL
11. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. ISBN 978-5-89697-327-0 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6> EDN BNSNDA
12. Цельковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти // Философская мысль. 2024. № 10. С. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.10.72095> EDN ZBJIBD
13. Wang S., Zhong S. Economic Uncertainty, Cultural and Ideational Transition, and Low Fertility. *Sustainability*. 2022;14(14):e8344. <https://doi.org/10.3390/su14148344>
14. Соколовская Т.А., Армашевская О.В., Сененко А.Ш. Влияние социально-экономических факторов и гендерных особенностей на репродуктивное поведение населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Том 68. № 5. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-5-10> EDN OQZOSG
15. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 2. С. 172–189. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11> EDN OGIYSX
16. Бессчетнова О.В. Семейные ценности и репродуктивные установки студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Том 19. № 2. С. 17–31. EDN NYZYWW
17. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32. EDN ESCOIL
18. Вишневецкий Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3> EDN BRHDYG
19. Kearney M.S., Levine P.B. Why is Fertility so Low in High Income Countries? National Bureau of Economic Research. Working Paper No. w33989. Cambridge: NBER; 2025. 45 p. <https://doi.org/10.3386/w33989>
20. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с. ISBN 5-469-00133-4 EDN LDGYIR
21. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с. ISBN 978-5-91669-238-9 EDN XYIVRR
22. Bauman Z. Organization for Liquid-Modern Times? *Critical Sociology*. 2023;49(6):923–933. <https://doi.org/10.1177/08969205231170923>
23. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5 EDN RAYTKJ
24. Becker G.S., Tomes N. Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*. 1986;4(3):1–39. <https://doi.org/10.1086/298118>
25. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge-Malden: Polity Press; 2017. 256 p. ISBN 978-0-7456-8130-6
26. Хан Б.-Ч. Агония эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе. М.: Изд-во АСТ, 2023. 160 с. ISBN 978-5-17-152216-2

Информация об авторах:

Ирина Борисовна Бритвина – доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(SPIN-код: 8650-6509) (Researcher ID: N-9616-2013) (Scopus Author ID: 56766050400)

Екатерина Васильевна Зайцева – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Институт экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(SPIN-код: 8618-6729) (Researcher ID: AAD-7875-2019) (Scopus Author ID: 57220778399)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Ирина Борисовна Бритвина.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Rozenberg N.V., Afanasyeva Yu.L. The Lifestyle of Modern Youth: Priorities, Values, and Practices. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2025;13(3):134–147. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-13> (In Russ.)
2. Dobrina O.A. The Runaway World and Liquid Modernity: The Image of Sociality in British Post-Nonclassical Sociology. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2023;11:88–92. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.8> (In Russ.)
3. Meirinhos M., Portela L. Education in Liquid Modernity: Educate and Forming in an Uncertain World. *Research in Production and Development*. 2023;9(1):e621. <https://doi.org/10.32358/rpd.2023.v9.621>
4. Illouz E. Why Love Hurts: A Sociological Explanation. Moscow: Directmedia Publishing; 2020. 400 p. ISBN 978-5-4499-0435-5 (In Russ.)
5. Hjarvard S., Petersen L.N. Mediatization and Cultural Change. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2013; 54: 1–20. <https://doi.org/10.7146/mediekultur.v29i54.8123>
6. Yang X. The Role of Social Media in Shaping Fertility Intentions Among Young Women in East Asian Cultures. In: Feng J. (ed.) 2024 International Conference on Language, Education and Human Development; February 22, 2024; Suzhou, China. 2024;9(1):302–309. <https://doi.org/10.56028/aehtsr.9.1.302.2024>
7. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Moscow: Publishing House Praxis; 2005. 256 p. ISBN 5-901574-46-X (In Russ.)
8. Hepp A., Bolin G., Guzman A.L., et al. Mediatization and Human-Machine Communication: Trajectories, Discussions, Perspectives. *Human-Machine Communication*. 2024;7:7–22. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.1>
9. Lajnef K. The Effect of Social Media Influencers' on Teenagers Behavior: an Empirical Study Using Cognitive Map Technique. *Current Psychology*. 2023;42:19364–19377. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04273-1>
10. Gomozova E.V. Transformation of Youth Demographic Attitudes in the Media Environment: Theoretical and Conceptual Analysis. *Gumanitarij Yuga Rossii=Humanities of the South of Russia*. 2025;14(5):127–139. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.5.9> (In Russ.)
11. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2020. 688 p. ISBN 978-5-89697-327-0; <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020> (In Russ.)
12. Tselykovskiy A.A. Constructive and Destructive Effects of Mediatization of Family Memory. *Filosofskaya mysl'*. 2024;10:1–11. (In Russ.)
13. Wang S., Zhong S. Economic Uncertainty, Cultural and Ideational Transition, and Low Fertility. *Sustainability*. 2022;14(14):e8344. <https://doi.org/10.3390/su14148344>
14. Sokolovskaya T.A., Armashevskaya O.V., Senenko A.Sh. Impact of Socio-Economic Factors and Gender Characteristics on Reproductive Behaviour of Population. *Social'nye aspekty zdorov'a naseleniya=Social Aspects of Population Health*. 2022;68(5):10. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-5-10> (In Russ.)
15. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (on the Basis of In-Depth Interviews). *Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(2):172–189. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11> (In Russ.)
16. Besschetnova O.V. Family Values and Modern Students Reproductive Attitudes: Giving Birth Cannot Be Postponed. *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2025;19(2):17–31. (In Russ.)
17. Inglehart R. Postmodern: Menyayushchiesya Cennosti i Izmenyayushchiesya Obshchestva. *Polis. Politicheskie issledovaniya=Polis. Political Studies*. 1997;4:6–32. (In Russ.)
18. Vishnevsky Yu.R., Didkovskaya Ya.V., Zyryanova O.B. Matrimonial and Reproductive Attitudes of Youth in the Context of Young Family Safety. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve=Woman in Russian Society*. 2024;1:40–55. (In Russ.)

19. Kearney M. S., Levine P. B. Why is Fertility so Low in High Income Countries? National Bureau of Economic Research. Working Paper No. w33989. Cambridge: NBER; 2025. 45 p. <https://doi.org/10.3386/w33989>
20. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Saint Petersburg: Publishing House Piter; 2004. 208 p. ISBN 5-469-00133-4 (In Russ.)
21. Sorokin P.A. Krizis Nashego Vremeni. Rossiya i Soedinennyye Shtaty. Syktyvkar: Publishing House Anbur; 2018. 640 p. ISBN 978-5-91669-238-9 (In Russ.)
22. Bauman Z. Organization for Liquid-Modern Times? *Critical Sociology*. 2023;49(6):923–933. <https://doi.org/10.1177/08969205231170923>
23. Beck U. Obshchestvo Riska. Na Puti k Drugomu Modernu. Moscow: Publishing House Progress-Tradiciya; 2000. 283 p. ISBN 5-89826-059-5 (In Russ.)
24. Becker G.S., Tomes N. Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*. 1986;4(3):1–39. <https://doi.org/10.1086/298118>
25. Coudry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge-Malden: Polity Press; 2017. 256 p. ISBN 978-0-7456-8130-6
26. Han B.-Ch. Agonie des Eros. Love and Desire in a Narcissistic Society. Moscow: Publishing House AST; 2023. 160 c. ISBN 978-5-17-152216-2 (In Russ.)

Information about the authors:

Irina B. Britvina – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (SPIN-code: 8650-6509) (ResearcherID: N-9616-2013) (Scopus Author ID: 56766050400)

Ekaterina V. Zaitseva – PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

(SPIN-code: 8618-6729) (ResearcherID: AAD-7875-2019) (Scopus Author ID: 57220778399)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Irina B. Britvina.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 15.06.2026.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316.42, 314.6d

JEL I32, D31, D6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223

EDN OJQSQD

Структура потребительских расходов домохозяйств и бедность

Александр Александрович Ткаченко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
(aatkachenko@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>)

Аннотация

Целью исследования является анализ динамики структуры расходов домашних хозяйств для выявления меры/уровня бедности населения, напрямую не связанной с национальной чертой бедности и более информативно отображающей реальные процессы в уровне бедности разных доходных групп домохозяйств. Методологической основой исследования являются соответствующие методы и методология работ Э. Энгеля и современные исследования этой проблемы. Дана характеристика изменений в структуре расходов домохозяйств на потребление в России и ряда развитых стран, выявлены позитивные и негативные отличия, требующие более точной оценки уровня бедности среди российских домохозяйств и населения. Выявлена не снижающаяся дифференциация регионов по структуре расходов, отражающих уровень бедности. Показаны реальные масштабы распространения бедности среди децильных групп российских домохозяйств, значительный и не сокращающийся разрыв в доходах и расходах городских и сельских домохозяйств, который может привести к недостижению национальных целей развития к 2036 г., прежде всего в индикаторах здоровья населения. Особое место уделено проблемам многодетных семей, обнажающимся при анализе структуры их расходов, прежде всего различий в доле затрат на питание в семьях с разным количеством детей. Исследование позволило сделать вывод о слабой базе экономического роста за счёт внутреннего потребления, о необходимости обязательного учёта динамики структуры расходов населения и прежде всего доли расходов на питание при оценке социально-экономического и демографического развития территорий.

Ключевые слова: расходы домохозяйств на потребление, многодетные семьи, дифференциация регионов, бедные домохозяйства, закон Энгеля, бюджетные обследования, расходы на здравоохранение, государственная политика, средний класс

Для цитирования: Ткаченко А.А. Структура потребительских расходов домохозяйств и бедность // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 211–223. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223 EDN OJQSQD

RAR (Research Article Report)

JEL I32, D31, D6

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223

Household Consumer Expenditure Structure and Poverty

Alexander A. Tkachenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
(aatkachenko@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>)

Abstract¹

The aim of the study is to analyze the dynamics of the structure of household expenditures to identify the measure/level of poverty of the population, not directly related to the national poverty line; the structure more informatively reflects the real processes in measuring the poverty level of different income groups of households. The methodological basis of the study is the corresponding methods and methodology of the works of E. Engel and modern research on this problem. The article provides a description of changes in the structure of household consumption expenditures in Russia and a number of developed countries, identifying positive and negative differences that require a more accurate assessment of the level of poverty among Russian households and the population. A persistent differentiation of regions in the structure of expenditures reflecting the level of poverty has been revealed. The real scale of poverty prevalence among decile groups of Russian households, a significant and persistent gap in the income and expenditure of urban and rural households are shown. This gap could lead to failure to achieve national development goals by 2036, particularly in population health indicators. Particular attention is paid to the problems of large families, which are revealed by analyzing the structure of their expenses, primarily the differences in the share of food costs in families with different numbers of children. The study led to the conclusion that the basis for economic growth due to domestic consumption is weak, as well as the need to consider the dynamics of the population's expenditure structure – primarily the share of food expenditures when assessing the socio-economic and demographic development of territories.

Keywords: household consumption expenditure, large families, regional differentiation, poor households, Engel's law, budget surveys, health care costs, state policy, middle class

For citation: Tkachenko A.A. Household Consumer Expenditure Structure and Poverty. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):211–223. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_2_211_223 (In Russ.)

© Ткаченко А.А., 2026

*Что суетится народ, что кричит?
– Прокормится он хочет,
Вырастить хочет детей,
как-нибудь их прокормить.*

И.В. Гёте¹

Введение

В отечественной научной литературе значительное число публикаций посвящено проблеме бедности населения и его социально-демографических групп [1; 2]. Особое место как в этих исследованиях, так и в официальной статистике занимает проблема детской бедности [3; 4]. Наиболее представительную информацию о бедности на национальном уровне дают обследования бюджетов домашних хозяйств по выборочному методу, которые проводятся в большинстве стран ежегодно на основе репрезентативной выборки. Значительный интерес представляет в этих обследованиях информация о структуре расходов домашних хозяйств/семей на потребление, которая, в том числе, может многое сказать о финансово-материальном положении домохозяйств. В данной статье особое внимание в анализе структуры расходов будет уделено расходам на питание, доля которых после открытия закономерности Э. Энгелем считается важным показателем благосостояния семей/домохозяйств. Целью исследования является анализ динамики структуры расходов домашних хозяйств для выявления меры/уровня бедности населения, напрямую не связанной с национальной чертой бедности и более информативно отображающей реальные процессы в уровне бедности разных доходных групп домохозяйств. Необходимо показать общие изменения в структуре потребления с ростом доходов и представить сравнительный анализ этой структуры в ряде стран. Объект исследования – долевая структура расходов на потребление в России и её регионах, а предмет исследования в основном ограничен долей расходов на питание в домохозяйствах различного профиля, хотя внимание обращено и на другие, важные, виды расходов. Основной задачей исследования является оценка изменений долевой структуры расходов домашних хозяйств на потребление по бюджетным обследованиям, динамики их распределения между децильными группами домохозяйств и регионами страны для выявления уровня бедности в соответствии с законом Энгеля. В соответствии с теоретическими ожиданиями можно выявить меру соответствия высокой доли расходов на питание бедности населения в регионах с более низкими показателями уровня экономического развития. Гипотеза исследования состоит в предположении об отсут-

ствии прогресса в уменьшении дифференциации в доходах и расходах децильных групп российских домохозяйств и в уровне бедности нижних децильных групп, определяемой по индикатору доли расходов на питание.

На широком поле работ по бедности, которую исследователи рассматривают как результат недостаточных для данного общества доходов [5] или как более широкий социально-экономический феномен [6], почти нет работ по долевой структуре расходов семьи/домохозяйства как важной характеристики их уровня жизни и благосостояния всего населения. Вместе с тем, на структуру расходов влияет динамика доходов населения, которая в России не имеет в 2020-е гг. *чёткого тренда роста*. Доля расходов на питание рассматривается в работе А. Ярашевой и С. Макара, но только в разрезе федеральных округов [7], что делает её результаты мало сравнимыми с данным исследованием.

Ограниченность работ с анализом социальных, экономических и демографических факторов, которые влияют на конечные потребительские расходы домохозяйств со стороны спроса, отмечена и в статье [8, с. 123]. Но сам автор ограничился вопросом о стимулировании частных расходов, прежде всего на потребление, с помощью монетарных инструментов в странах Восточной Азии, и в статье не рассматриваются различия структуры этих расходов между странами или между социальными группами в этих странах [8]. В то же время бедность влияет на такой важный демографический показатель, как продолжительность жизни. Исследование американских учёных и экспертов показало, что ожидаемая продолжительность жизни для мужчин, достигших сорокалетнего возраста, резко различается в зависимости от распределения доходов: верхняя 1% группа имеет показатель 87,3 года, что на 14,6 года превышает показатель мужчин, находящихся в нижнем 1% распределения доходов [9, с. 1753].

Почти отсутствуют также работы отечественных авторов, рассматривающих структуры расходов российских домохозяйств/семей и анализирующих эти структуры как чуткий индикатор расслоения по доходам, а единичные – посвящены другим странам, например, Таджикистану [10]. Можно найти примеры высоких затрат на воспитание и образование детей в Республике Корея [11], но очень мало аналогичных работ по российской семье. По данным доклада Европейскому союзу о расходах на содержание детей Мари-Терез Летабле и её коллеги оценили относительные прямые затраты на первого ребёнка в 20–30% бюджета среднестатистической бездетной пары.²

¹ Гёте И.В. Римские элегии. Эпиграммы. Венеция 1790. М.: Книга», 1982. С. 240.

² The Costs of Raising Children and the Effectiveness of Policies to Support Parenthood in European Countries: a Literature

Редкость российских публикаций о финансово-материальных затратах на детей, вероятно, частично связана с недостаточностью или даже отсутствием искомой информации и статистических данных. Абсолютно преобладают статьи о затратах на лечение болезней или в меньшей мере о затратах времени на воспитание и уход за детьми, что мало меняется во времени в отличие от затрат на обучение, питание и т.п. За последние пять лет около 80% работ связано с лечением или здоровьем детей, только 3 работы из 100 – с затратой времени родителей на детей, и практически нет работ о затратах в целом на воспитание и уход за ребёнком. Одна из немногих работ рассматривает расходы на питание как индикатор уровня жизни на основе данных авторского обследования в Карелии [12]. Считая расходы на питание индикатором уровня жизни, авторы этого обследования получили среднюю долю расходов на питание в семейных бюджетах 57,1%, и в целом делают вывод о низких показателях уровня жизни населения Республики Карелия [12, с. 7]. Такой подход к расходам на питание как индикатору уровня жизни полностью соответствует выявленной Эрнстом Энгелем закономерности, остающейся применимой и к современным исследованиям.

Теоретические и методологические основы

Бедность всегда связывалась с недоеданием и даже голодом, поэтому в цивилизованных государствах ещё в средние века городские светские и церковные власти пытались организовать институты помощи определённым слоям населения. То что бедные люди питаются плохо (недостаточно, некачественной едой, однообразно) общеизвестно, но на не только характеристику их питания, но и на структуру расходов особое внимание обратил только Э. Энгель, известный германский (саксонский и прусский) статистик и социальный экономист, проанализировавший в работе 1857 г. [13] бюджеты семей и развивший эти идеи в работе 1895 г. [14]. Вторая половина XIX века была периодом важных научных открытий в исследовании семейных доходов и расходов, научного подхода к их структурам и закономерностей изменения этих структур, что в современных условиях позволяет проводить анализ данных обследований бюджетов домашних хозяйств, которые осуществляют государственные органы статистики. Энгель первым пришел к выводу, что «сумма расходов на продукты питания при прочих равных условиях является безошибочным показателем материального положения населения вообще» [13, с. 169].

Review / M.-T. Letablier, A. Luci, A. Math, O. Thévenon. A Report to the European Commission. European Communities, 2009. 164 p. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=2268&langId=en>. P. 20. (дата обращения: 03.03.2026).

В своей работе [14] он не только развил положения сформулированного им закона, но и дал методологию исследования при анализе данных по бюджетам германских и французских семей, считая, что анализ бюджетных обследований должен давать ответы на вопрос, как влияют на потребление различные профессиональные, социальные, местные и другие условия, в которых живут семьи.

Хотя большинство исследователей считает, что подход Энгеля к потребительским расходам никогда не предполагал сосредоточения внимания исключительно на доле бюджета, выделяемой на продукты питания, исходя из цели данного исследования, мы сосредоточимся на анализе доли расходов на питание в общих расходах домохозяйств, уделяя меньше внимания другим расходам. Теоретической основой этого анализа будут работы Э. Энгеля, закономерности, определяемые его законом, и теоретические работы его последователей. Методология Энгеля, его статистических исследований массивов бюджетов и основанная на анализе домохозяйств разных стран, чётко оговаривает, что закономерности могут быть выявлены только на значительных промежутках времени. Поэтому работы, в которых применяют различные виды моделирования и сравнение на коротком промежутке времени, методологически неверны и теоретически бесполезны. Современное исследование европейских стран, включая бывшие страны с переходной экономикой, показало сохраняющуюся энгельскую закономерность, хотя в данном случае она и нелинейна [15].

Э. Энгель опирался на работу и данные из обследования бюджетов рабочих Бельгии бельгийского статистика и публициста Э. Дюкпеттио, изданную в 1855 г.,³ в которой обобщены результаты обследования, проведённого в 1854 г. центральной статистической комиссией, и определён прожиточный минимум, в котором доля расходов на питание составляла более двух третей – 67,7%. Э. Энгелю первому удалось сравнить потребление отдельных членов домохозяйства в соответствии с возрастом и полом и разработать, как отмечает М. Грингс, «эквивалент потребления взрослого» [16]. Современные исследователи разных научных направлений – демографы, социологи и экономисты – широко пользуются эквивалентами потребления, включая и российскую практику исчисления прожиточного минимума по трём демографическим группам, кроме общего показателя. В данной работе методология основана на выделении той части энгельской закономерности

³ К сожалению, работы Е. Дюкпеттио в российских социолого-статистических и экономических исследованиях не упоминаются. Напр., Ducpétiaux E. Budgets économiques des Classes ouvrières en Belgique: Subsistances, Salaires, Population. Bruxelles, 1855. 340 p. (переиздание: Nabu Press, 2014).

об обратной взаимосвязи дохода и доли питания в расходах, которая позволяет установить иной критерий бедности по сравнению с прожиточным минимумом. Такой критерий встречается и в российских публикациях, где 50% расходов на продукты питания от величины располагаемого дохода считается критической величиной [12],⁴ что, по нашему мнению, всё же завышено, поэтому может считаться критической величиной для определения *крайней бедности* (нищеты).

Методически сравнения за последний период затруднены и не всегда корректны, так как публикации Росстатом данных по обследованиям бюджетов домашних хозяйств, начиная с итогов 2024 г., временно прекращены.⁵

В работе используются макроэкономические данные, включая данные Всемирного банка, данные Росстата по выборочным обследованиям бюджетов домашних хозяйств, сопоставимые благодаря COICOP classification 2018,⁶ данные статистического органа Европейского союза (Евростат) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также CEIC Data как международный источник макроэкономической базы данных, индийского национального обследования бюджетов домохозяйств (Household Consumption Expenditure Survey: 2023-24). Автор использовал такие методы исследования, как статистические группировки, сравнительный анализ, систематизацию и обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение

В отличие от России в структуре расходов домохозяйств ЕС по 12 основным категориям на основе текущих цен основную долю – почти четверть всех расходов домохозяйств в среднем по странам ЕС (23,6%) занимают расходы на жильё и его обслуживание: воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива. Значительной долей считается доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки – 13,2%, и к ней очень близка доля расходов на транспорт – 12,7%, но она в последние годы снижается.⁷

⁴ Остаётся непонятным почему авторы берут долю расходов на питание по отношению к доходу? В таком случае, по отношению к расходам эта доля вырастет почти до двух третей, а это уже не бедность, а нищета.

⁵ Заметим, что выявленные колебания в уровне дохода домохозяйств и отсутствие видимого прогресса за последние 12 лет в свою очередь отражаются на репродуктивных планах семьи и на её возможностях платить по ипотеке.

⁶ Сравнение между странами возможно благодаря Классификации индивидуального потребления по назначению (COICOP classification 2018) Статистического отдела ООН, введённой в 2018 г., в которой двенадцать агрегированных категорий расходов определены единообразно для всех наблюдений.

⁷ Household consumption by purpose. Expenditure Survey: 2023-24. Fact Sheet on HCES: 2023-24. P. 4. URL: <https://www.>

Рассматривая бюджеты домашних хозяйств в 2020-е гг., нельзя не отметить, что пандемия COVID19 повлияла на большинство сторон жизни населения большинства стран и мирового сообщества в целом. Последнее широко обсуждается в свете ЦУР ООН, так как пандемия отбросила достигнутые показатели, приближавшие к цели ООН по ликвидации нищеты (крайней бедности) и сокращению бедности в наименее развитых странах, и тем самым, скорее всего, отложила рубеж 2030 г. на более поздний срок. Если дифференциация этого индикатора между странами рассматривается скорее в географическом ключе: Южная Азия и Африка к югу от Сахары как два основных региона крайней бедности, то в нашей стране это скорее дифференциация по социальным и этносоциальным признакам, а кроме того – сохраняющиеся по большинству показателей различия города и деревни. После выхода из системного кризиса 1990-х гг., который привёл и к росту доли расходов на питание в конце первой половины этого периода до 49,0% для всего населения страны, что более-менее коррелировало с долей населения ниже прожиточного минимума (25–31%),⁸ одни и те же субъекты Федерации остаются отстающими по основным показателям, в том числе отражающим уровень жизни⁹ населения, и им оказывается финансово-материальная помощь федерального центра. Но основная проблема в том, что, во-первых, все 5–8 таких регионов, относимых по принятой в ряде исследований терминологии к депрессивным, являются национальными автономиями (республиками, областями, округами) и, во-вторых, имеющими достаточный природный и человеческий потенциал для успешного развития, которого, к сожалению, пока не происходит [18, с. 116–118].

На социальной политике помощи семьям отражается общее экономическое благополучие государства и определяемые им количественные возможности размеров помощи. На этой политике не могло не отразиться циклическое развитие экономики в 2010-е и 2020-е годы, что вызывало и соответствующую динамику доходов домохозяйств. Так, за 2013–2024 гг. подушевые доходы российских домохозяйств падали 6 раз, в том числе в 2013–2016 гг. они сократились почти вдвое –

mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/HCES%20FactSheet%202023-24.pdf; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 03.03.2026).

⁸ Эти показатели стали рассчитываться только с 1992 г. Российский статистический ежегодник. Госкомиздат России. М., 1998, с. 207.

⁹ Мы не касаемся качества жизни как более сложного феномена, учёт которого может в определённой мере изменить эту картину [17].

до 56,90%. Последнее падение в 2023 г. по сравнению с предыдущим составило более 9%, но даже рост в 2024 г. душевого дохода домохозяйств до 8 179 долл. не привёл к достижению максимального достигнутого уровня 2013 г.¹⁰, уровень дохода домохозяйств в 2024 г. составлял только 84,66% от уровня 2013 г. При этом 2013 г. является также годом с минимальной долей расходов на питание, что вполне *согласуется с закономерностью Энгеля*: доля расходов на питание в общих расходах домохозяйств составляла 27,7%, в то время как десятилетием раньше 37,7% (2003) и десятилетие спустя 31,5% (2023), увеличившись в четвёртом квартале 2024 г. до 34,2%.¹¹

Современные исследователи пытаются развивать идеи Э. Энгеля о положительной связи доли потребления продуктов питания и размера семьи и отрицательную – о доходе и размере семьи, которая нарушалась в ряде стран Центральной и Восточной Европы, где происходил рост доли продуктов питания, несмотря на рост доходов, что связано с особенностью моделей потребления этих продуктов [15].

Рост доли расходов на продукты питания в России наблюдался как в семьях с детьми до 16 лет, так и в семьях без детей: в первых он вырос за 2023–2024 (IV квартал)¹² на 2,7 процентных пункта и достиг 33,0% и в бездетных – на 2,3 пункта и достиг 32,0%.¹³ Существенное влияние роста затрат на продукты и доли расходов на продовольственную корзину на положение как большинства населения/домохозяйств (исключая разве что два самых доходных дециля), так и семей можно проследить по расходам семей с разным числом детей. Доля этих расходов выросла в 2024 г. по сравнению с 2023 г. у всех семей, но более всего в домохозяйствах с одним ребёнком – почти на три процентных пункта (2,9) и менее чем на один пункт (0,8) в домохозяйствах с тремя и более детьми, которые с 2025 г. стали считаться многодетными (до указа 2024 года¹⁴ статус многодетной семьи, установленный в субъекте, завершился с достижением детьми определённого возраста за исключением семей с 5 и более детьми); у домо-

¹⁰ Russia Household Income per Capita // CEIC Data: [сайт]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/russia/annual-household-income-per-capita> (дата обращения: 20.02.2026).

¹¹ Рассчитано по: Уровень и состав располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 20.02.2026).

¹² Здесь и далее все сравнения с 2024 г. проводятся по данным 4-х кварталов.

¹³ Структура потребительских расходов домашних хозяйств по КИПЦ-ДХ по наличию детей // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁴ Установлены новые ключевые юридические аспекты статуса многодетных семей, которых ранее не было: бессрочность, возраст детей и состав семьи.

хозяйства с двумя детьми рост составил 2,6 п.п.¹⁵ Эти различия объясняются скорее общей закономерностью экономии при росте числа членов семей/домохозяйств.

Заметим, что уровень бедности многодетных семей к 2030 г. должен по планам государства составить не более 12% и к 2036 г. – не более 8%,¹⁶ в то время как национальные цели развития, принятые в 2020 г.,¹⁷ предусматривали снижение уровня бедности всего населения в два раза относительно показателя 2017 г. или до 6,4% [19, с. 148]. Следовательно, государственные институции признают более высокий уровень бедности многодетных семей, который сохраняется и на перспективу.

Сравним расходы домашних хозяйств (см. таблицу 1) в России, странах ЕС в целом и Республике Корея (далее – Корея). Подчеркнём, что специалисты и эксперты в исследовании структуры расходов отмечают, что зависимость между доходом и долей расходов и в сфере отдыха и культуры почти так же строга, как знаменитая зависимость, открытая Эрнстом Энгелем. Поэтому доля этих расходов ниже в России на 2 и более процентных пункта, что согласуется с уровнем жизни в представленных в таблице 1 странах. Так, душевой валовой национальный доход (GNI, Atlas method), который значительно точнее отражает межстрановые различия в доходах в отличие от душевого ВВП, в России ниже в 2,4 раза, чем в Корею и в 2,7 раза, чем в ЕС.¹⁸

Высокий уровень развития Республики Корея, который по ряду показателей превосходит даже средние показатели ЕС, виден не только по низким затратам на продукты питания – 12,7%, но и по более высокой доле затрат на информацию и коммуникацию, организацию отдыха и культурные мероприятия,¹⁹ гостиницы и рестораны, по доле затрат на образование, которая более чем в 6 раз выше среднеевропейского показателя, зависящей не только от особенностей страны, но и от возможностей корейских домохозяйств оплачивать высокую стоимость учёбы в университетах.

¹⁵ Рассчитано по: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

¹⁷ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года».

¹⁸ Рассчитано автором по: World Development Indicators // World Bank: [сайт]. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GNP.PCAP.CD&country=#> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁹ Этот важный вид расходов российских домохозяйств характеризуется не только отсутствием роста доли этих расходов, но скорее стагнацией: 7,1% в 2005 г., 6,8% (2010), 5,8% (2020) и 5,4% (2023). С этой динамикой хорошо коррелируют данные работы [20] об отказе большинства семей с детьми от трат на культурные мероприятия [20, с. 21].

Таблица 1

Структура расходов домашних хозяйств по целям потребления в 2023 году, в %

Table 1

Structure of Household Expenditure by Consumption Purposes in 2023, in Percent

Вид расходов	Россия	ЕС	Корея
питание	31,5	13,3	12,7
транспорт	15,8	12,7	9,8
жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	10,4	23,8	17,2
одежда и обувь	7,5	4,2	5,4
личная гигиена, социальная защита, прочие товары, услуги	7,0	6,3	6,0
бытовая техника и текущее содержание дома, мебель	5,7	5,0	3,5
организация отдыха, спортивных и культурных мероприятий	5,4	7,4	8,1
информация и коммуникация	4,2	3,4	5,3
здравоохранение	4,1	4,4	6,2
гостиницы, кафе и рестораны	3,3	9,0	12,0
алкогольная продукция, табачные изделия и наркотики	2,4	3,8	1,4
образование	1,6	0,9	5,5
финансовые услуги, услуги страхования	1,2	6,1	6,9

Примечание: ряд ранжирован по структуре расходов в РФ, сравнение по данным 2023 г. связано с отсутствием данных за весь 2024 г. в России.

Источник: расчёты автора на основе данных Росстата,²⁰ Евростата,²¹ ОЭСР.²²

Структура расходов российских домохозяйств/семей показывает, что на первом месте в отличие от представленных в таблице данных по ЕС и Корее стоит питание, которое близко к трети всех расходов в среднем для всех домохозяйств, поэтому важно проанализировать долю таких расходов по децильным группам. Ещё более опасным выглядит то, что затраты на питание и их доля в структуре расходов в последней на питание в среднем по ЕС заметно ниже даже по сравнению с этой долей у самой состоятельной российской группы домохозяйств (10 децильная группа), где она равна 17,9%, достигая в первой, наименее обеспеченной группе почти половины всех расходов – 47,8%. В России есть даже регионы, в которых доля расходов на питание превосходит половину всех расходов – Дагестан и Ингушетия (2023–2024).

Огромная дифференциация российского населения по доходам, в том числе отражающая, как представляется, крайнюю бедность (extreme poverty) домохозяйств в первой децильной группе, видна при сравнении абсолютных расходов

на потребление децильных групп и расходов на питание (в рублях). Если в 2023 г. вторая группа имеет общую сумму расходов (12 472,0) на 42,39% больше, чем первая группа (8 759,0), то её расходы на питание (5 997,8) выше только на 34,3%, что явно свидетельствует о действии энгельской закономерности. При сравнении первой и десятой групп домохозяйств эти же показатели составляют: общие расходы выше у самых высокодоходных в 8,54 раза (74 806,1), а расходы на питание (12 922,3 руб.) – в 2,92 раза, что свидетельствует о более разнообразном питании. При низких доходах люди, как правило, полагаются на более дешёвые основные продукты.

Оценки бедности и индикаторы её измерения. В российских исследованиях более распространена оценка бедности населения, включая его деление на социально-демографические группы, которая осуществляется по официальным данным российской статистики, основанным на методологии расчёта прожиточного минимума [21, с. 46–47]. Существуют альтернативные расчёты прожиточного минимума, например, по относительному медианному подходу [22], они более близки «к реальности, чем данные на основе так называемого «нормативно-статистического подхода» (прожиточный минимум Росстата) [22, с. 95]. К показателям Росстата в исследованиях долгосрочного характера стоит относиться с необходимой долей скептицизма. Этот вывод связан со следующим. Отсутствие реальной связи вели-

²⁰ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 02.03.2026).

²¹ Evolution of household expenditure by consumption purpose-COICOP 2018, EU, 2014-2024, share of total // Eurostat: [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/3/30/Table_2_2024.png (дата обращения: 02.04.2026).

²² Annual household final consumption expenditure by purpose (COICOP 2018) // OECD: [сайт]. URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 02.03.2026).

чины прожиточного минимума с макроэкономическими индикаторами в России очевидно на динамике показателя доли населения с доходами ниже прожиточного минимума – ни экономический кризис 2015–2016 гг.,²³ ни годы пандемии никак не влияли на этот показатель,²⁴ и его динамика показывала устойчивую тенденцию к сокращению.

Особенно нереально выглядят 2020–2022 гг., когда доля бедных уменьшилась на 0,2 процентных пункта (2020), затем на более чем процентный пункт – 1,1 (2021) и в год завершения пандемии, что дезавуирует сам подход к методике расчёта, – на 2,1 процентных пункта (2022). Все развивающиеся страны в годы COVID19 показали рост бедности, вызванный пандемией, которая влияла на свертывание производства, особенно в сфере услуг, рост числа безработных или находящихся в принудительном отпуске, повышение инфляции (даже в европейских странах, 2022) и т.п., а российские статистические органы в эти годы упорно представляли данные о снижении доли бедных. Такие данные не способствуют формулированию адекватной и эффективной государственной политики по снижению бедности и крайней бедности. Некоторые авторы даже предполагают возможность финансирования социальной политики «из региональных бюджетов в контексте борьбы с бедностью населения» [23, с. 59]. В подобной ситуации, несомненно, растущее значение предлагаемого социологами индикатора субъективной бедности,²⁵ когда опросы населения могут более реально показать место этой проблемы в российском обществе. Другое дело, что такие опросы не в состоянии (если они не проводятся государственной статистикой по обширной программе) показать территориально-региональную картину бедности и меру её дифференциации между территориями. А при существующей региональной дифференциации доходов населения и бедности – это самое важное.

Регионы и бедность по индикатору расходов на питание. Различия регионов по показателю доли расходов на продовольствие достигали в 2024 г. 2,3 раза (Дагестан – Ненецкий АО), а по такой же доле среди многодетных семей – 5–7 раз. Максимальные показатели по уровню бедности

среди многодетных семей составляли: Республика Дагестан – 51,4%, Республика Бурятия – 33,8%, Иркутская область – 37,6%, Республика Ингушетия – 37,4%²⁶, а минимальные: Ямало-Ненецкий автономный округ – 7,3%, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра – 7,6%, Москва – 7,7%. При этом 17 субъектов имели данный показатель выше 20%, а в каждом из ещё 10 субъектов он был выше четверти. Таким образом, почти треть всех субъектов России имела *нетерпимо большое* распространение бедности среди многодетных семей, которое в социальном государстве должно считаться аномальным и приводить к соответствующим срочным мерам социальной политики по отношению к этой категории семей. Смещение доминанты от непродовольственной к продовольственной в потребительской стратегии домохозяйств с детьми отмечено и в работе [20, с. 19].

На этом тревожном фоне представляется если не совсем необоснованным, то во всяком случае неясным тезис о многодетных семьях как ключевом ресурсе Стратегии демографического развития²⁷ [24]. Именно семьи, «в которых воспитываются трое и более детей несовершеннолетнего возраста», являются самой уязвимой группой с уменьшенными возможностями «сносного существования» [25, с. 1260]. В другой публикации многодетные семьи относят к проблемной категории граждан [26, с. 96].

Требует внимания и положение ряда субъектов/регионов, в которых средняя для всех домохозяйств доля затрат на питание близка или даже выше: Северо-Кавказский федеральный округ в целом (49,5), Смоленская область (48,5), Республика Ингушетия (49,8²⁸), Чеченская Республика (48,0), Республика Мордовия (48,3) и близка к ним Кабардино-Балкарская Республика (47,3). Показатель выше 40% наблюдается в 20 регионах/субъектах. В 2024 г. по сравнению с 2023 г. снижение рассматриваемого индикатора наблюдалось в 31 регионе, в остальных происходил рост.²⁹

Коснёмся других целей потребления. С точки зрения социальной и витальной (самоохран-

²⁶ Заметим, что в соответствии со Стратегией 2036 уровень бедности многодетных семей к 2030 г. должен составить не более 12% и к 2036 г. – не более 8%.

²⁷ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р).

²⁸ Дана средняя за 2022–2023 гг. из-за большой колеблемости показателей – 5,5 процентных пункта.

²⁹ При этом в ряде регионов показатель претерпевал за один год столь резкие изменения, что точность данных вызывает сомнения, так в Воронежской области в 2024 г. доля уменьшилась на 9,5 процентных пункта (п.п.), а в Курской возросла на 8,3, в Дагестане возросла на 11,6 п.п. и в Ульяновской области – на 9,8 п.п.

²³ При сокращении ВВП России в 2015–2016 гг. по сравнению с 2013–2014 на 5,9% (в долл. США с учётом ППС) и падении ВВП в текущих долл. более чем на треть (-39,3%). Рассчитано по: ВВП (в текущих долларах США) – Russian Federation // Всемирный банк: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=RU> (дата обращения: 02.02.2026).

²⁴ Несмотря на переход к новой методике его исчисления в 2021 году.

²⁵ Например, бедной считается семья, которая не может себе позволить несколько (обычно не менее трёх) общеприятных благ – среди них отпуск.

тельной) политики внимания, как представляется, требуют регионы, в которых доля затрат на алкоголь и табакокурение составляет 4% и выше, что превосходит как средний показатель по России (2,7–2,9), так и по странам ЕС (3,7%). Это Белгородская область (4,4), Ивановская область (4,1), Курская область (4,8), Тверская область (4,4), Республика Карелия (4,6), Ненецкий автономный округ (4,6), Калининградская (4,7) и Ленинградская (4,3) области, Мурманская (4,0) и Псковская (4,9) области, Пензенская область (4,3), Республика Хакасия (4,2), Красноярский край (4,1), Новосибирская область (5,5), Камчатский край (4,5), Еврейская автономная область (4,9) и Чукотский автономный округ (5,6).

В XXI в. расходы на здравоохранение в российских домохозяйствах повысились в 17,4 раза (2000–2023), а доля этих расходов в общих расходах домохозяйств возросла на 1,8–2,0 процентных пункта, при этом в 2020–2023 гг. эта доля не росла при росте расходов на 45%. Поскольку этот рост заметно выше официальной инфляции, домохозяйства стали тратить больше на медицину, восполняя недостаточность роста государственных расходов, а более бедное население вынуждено значительно шире пользоваться платными услугами здравоохранения [27, с. 15]. Расходы на здравоохранение и образование являются наиболее яркими примерами, где более очевидна роль институциональных условий, например, регулирование нижних или верхних ценовых границ.

Существует и другая проблема расходов на медицину среди российских домохозяйств, связанная с видом поселения. Городские домохозяйства имеют более высокую долю расходов на здравоохранение по сравнению с сельскими: 5% и 3,9% и разную динамику. В последние 2 года доля в городе росла (с 4,5 до 5,0%), а на селе падала (с 4,1 до 3,9%), и главная проблема заключалась не в расходах на медикаменты (их доля приблизительно одинакова), а в динамике расходов на медицинские услуги. В городских домохозяйствах эта доля выросла с 1,9 в 2023 г. до 2,6% в 2024 г.³⁰, а у сельских она уменьшилась с 1,6 до 1,4%.³¹ Это говорит не только о меньших доходах на селе, но более всего о затруднениях с доступом сельских жителей к медицинским услугам, что ещё раз свидетельствует о более низком качестве жизни сельского населения России, и в свою очередь влияет и будет влиять на возможность достижения целевых показателей ожидаемой продолжительности жизни в соответствии с национальными целями

³⁰ Все приводимые данные на 4-й квартал соответствующего года.

³¹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 02.02.2026).

развития до 2036 года. Как отмечают Ю.О. Камаев и соавторы: «Более высокий удельный вес затрат на покупку продуктов питания сопряжен с более высоким уровнем распространения хронических заболеваний» [28, с.102]. В то же время среди «главных социальных болей» в онлайн-опросе (февраль 2026) населения регионов России первое место занимает *качество и доступность медицины*, которое отметили 69% респондентов.³²

Если продолжить сравнения по странам, то уровень первой децильной группы в России 47,8% близок к среднему показателю для сельского населения Индии 48,43%, а городское население Индии имеет показатель 40,31% даже немного ниже (лучше) показателя пятой группы российских домохозяйств (40,8).³³ Поскольку объём располагаемых ресурсов в среднем на члена домохозяйства у сельского населения России почти на треть меньше показателя городского населения (67,9%), то с большой долей вероятности можно утверждать, что доля расходов на питание у нижних децилей сельского населения России выше аналогичных показателей для индийских домохозяйств. В структуре расходов на питание более бедное сельское население России имело значительно более высокую долю, чем городское: в 2018 г. эти доли составляли 40,5% и 30,1%, в 2024 г. соответственно 41,9% и 32,3%.³⁴ И хотя разрыв между показателями города и села уменьшился на 0,8 процентных пункта, довольно затруднительно считать это положительной тенденцией при росте долей расходов и города, и села, превышающих меру сближения.

Различия некоторых регионов по показателю доли продовольствия, если его высокое значение считать одновременно и показателем бедности, в случаях несовпадения (противоречивость) с другими макроэкономическими показателями региона могут быть связаны с микроэкономической теорией, то есть с моделью поведения отдельных домохозяйств, которая определяет структуру и динамику семейных бюджетов. Так, Чукотский АО имеет очень высокую долю расходов на питание – 42,0%, но при этом более высокую зарплату, пенсии и ВРП на душу населения по сравнению со

³² Боли и запросы российского общества: исследование эффективности социальной политики в России. Выпуск 1 // Платформа ЦСП: [сайт]. URL: <https://www.pltf.ru/issledovaniya/boli-i-zaprosy-rossijskogo-obshhestva-issledovanie-effektivnosti-soczialnoj-politiki-v-rossii-vypusk-1/> (дата обращения: 03.03.2026).

³³ Household Consumption Expenditure Survey: 2023-24. Fact Sheet on HCES: 2023-24 // National Statistics Office of India under Ministry of Statistics and Programme Implementation of India: [сайт]. URL: <https://microdata.gov.in/NADA/index.php/catalog/237> (дата обращения: 03.03.2026).

³⁴ Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств по месту проживания // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/1327> (дата обращения: 03.03.2026).

средними показателями по стране. Модели поведения домохозяйств могут значительно различаться у русских, составляющих большинство – 53,70%, и у коренного населения (*indigenous peoples*) – чукчи составляют 28,0% и вместе с другими коренными малочисленными народами более трети – 35,7%. Среди сельского населения региона доля русского населения составляет всего 16,85%, а коренного 61,81%, а вместе с другими малочисленными народами (13,06%), «индигенная» продовольственная корзина составит три четверти.³⁵

Заключение

Повышение доли расходов на питание в 2024 г., небольшое, на первый взгляд, может свидетельствовать о резком ухудшении благосостояния большинства населения, которое в ближайший период может проявиться и в других характеристиках уровня жизни и дифференциации доходов населения, например, в росте индекса Джини. Наш вывод основан, во-первых, на том факте, что рост этой доли произошёл во всех 10 группах домохозяйств по доходу: от самой бедной до самой зажиточной, и, во-вторых, он по предварительным данным продолжился в 2025 году.

Полученная в результате анализа данных по бюджетам домохозяйств за длительный период картина бедности, значительно более широких страт населения России, чем это возможно увидеть на простом отсечении его части чертой бедности, свидетельствует и об ошибочности ряда выводов в опубликованных исследованиях. Так, доля расходов на питание в различных по доходам домохозяйствах позволяет сделать более точные предположения о формировании среднего класса в той или иной стране по сравнению с простой констатацией о значительном росте ВВП на душу населения как гарантии такого же роста среднего класса. Ряд исследователей связывает сокращение бедности с ростом среднего класса в азиатских странах.³⁶ Но при показанных индикаторах доли питания в расходах российского домохозяйства бедность как явление свойственна не только нижним, но средним децилям. Поэтому во второй половине 2020-х гг. невозможно прогнозировать устойчивый рост среднего класса при решении задачи по преодолению бедности [29].³⁷

³⁵ Рассчитано по: Национальный состав населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 02.02.2026).

³⁶ Bonnet A., Kolev A. The middle class in Emerging Asia: Champions for more inclusive societies? OECD Development Centre Working Papers No. 347. OECD Publishing: Paris; 2021 December. 36 p. <https://doi.org/10.1787/93af380b-en>

³⁷ Строго говоря, такая постановка задачи не научна, так как преодолеть бедность как относительное явление невозможно, поэтому и ЦУР ООН ставит только задачи о ликвидации нищеты (крайней бедности) и уменьшении бедности.

Представляется, что доля расходов на питание у первых пяти децильных групп домохозяйств России – более 40% исключает возможность устойчивого среднего дохода этих групп как возможности **вхождения** населения с такими доходами даже в низший средний класс. Подобный вывод можно сделать ещё о трёх децильных группах домашних хозяйств (шестая-восьмая), в которых доля питания занимает от трети до 40% всех расходов, и поэтому они не могут считаться группами высокодоходного (верхнего) среднего класса. Эта реальность показывает **очень слабую базу экономического роста** за счёт внутреннего потребления российского населения, который в мировой практике связывается с растущим средним классом развивающихся экономик (*emerging economies*)³⁸ [30]. Например, **среднему** показателю доли расходов на питание по всем домохозяйствам Китая, при этом с включением доли табака и алкоголя,³⁹ – 29,8% отвечает только девятая группа российских домохозяйств – 28,5% (+2,4% расходов на табак и алкоголь), а превосходит только самая доходная десятая группа, у которой доля составляет 17,9% (+1,9%).⁴⁰ Поэтому в Китае более широкие средние по доходам слои населения могут ощущать свою принадлежность к среднему классу по сравнению с Россией, хотя валовой национальный доход на душу населения в России на 74% больше.⁴¹

Данные обследования Центробанка России и ряд выводов экспертов – авторов аналитической записки подтверждают вывод об отсутствии в 2020-е гг. должной для социального государства эгалитарности государственной политики. Так, в нижней децильной группе домохозяйств медиана денежного дохода на 1 человека составила 12 250 руб.⁴², несмотря на более высокий относительный рост доходов. Следовательно, домохозяйства/семьи нижней 10% группы вынуждены были жить в 2024 г. при таком низком уровне жизни, который не дотягивал до прожиточного минимума более пятой части – 20,7%.

Представленное исследование вносит вклад в литературу по вопросам дохода и бедности,

³⁸ Bonnet A., Kolev A. The middle class in Emerging Asia: Champions for more inclusive societies? OECD Development Centre Working Papers No. 347. OECD Publishing: Paris; 2021 December. 36 p. <https://doi.org/10.1787/93af380b-en>

³⁹ Имеется в виду увеличение за счёт этого доли расходов на питание.

⁴⁰ Households' Income and Consumption Expenditure in 2023 // National Bureau of Statistics of China: [сайт]. (дата обращения: 08.02.2026).

⁴¹ Рассчитано по: GNI per capita, PPP (current international \$) // World Bank: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 03/03/2026).

⁴² Рассчитано по: Финансы российских домохозяйств в 2024 году. Аналитическая записка / Е. Бессонова, Н. Иванова, А. Москалева. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025, с. 5.

проводя структурную оценку общих изменений в бюджетных долях в ряде стран и в регионах России, что помогает пониманию неустойчивости движения к сокращению бедности в регионах и домохозяйствах России и не уменьшающейся региональной дифференциации бедности домохозяйств, несмотря на уменьшающуюся по статистике Росстата бедность, измеряемую долей населения ниже черты бедности и численностью этого населения.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в комплексную оценку «ситуации с бедностью в контексте социально-экономического и демографического развития территории» [31, с. 587] обязательно должна входить оценка динамики структуры расходов населения и прежде всего доли расходов на питание. Результаты анализа подтвердили гипотезу исследования об отсутствии прогресса в уменьшении дифференциации в

доходах и расходах децильных групп российских домохозяйств; показан небольшой рост уровня бедности нижних децильных групп, определяемой по индикатору доли расходов на питание.

Решение задач демографических (развитие народонаселения) и задач в области уровня жизни (повышение благосостояния), обозначенных в целях национального развития 2036 как основные, возможно только при соблюдении принципа системности, так как эти задачи очень тесно взаимосвязаны, но в целевых указаниях и постановке целей в институциональных документах существует разрыв, который может свидетельствовать об отсутствии учёта этого принципа в российской практике разработки национальных проектов, государственных федеральных и региональных программ.

Список источников

1. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1(357). С. 7–19. EDN RXTMNF
2. Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. Хроническая бедность в России: опыт качественного исследования // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 48–58. <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042> EDN XYFPIA
3. Абрамова О.С. Детская бедность в регионе: оценка параметров и разработка рекомендаций по ее снижению // Региональная экономика: теория и практика. 2025. Том 23. № 12. С. 40–53. <https://doi.org/10.24891/aeakuh> EDN АЕАКУН
4. Ткаченко А.А. Детская бедность: феномен и явление // Народонаселение. 2022. Том 25. № 1. С. 43–54. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.4> EDN TPRDZH
5. Журавлева Т.А., Зубанова А. Е., Сороквашина Ю.С. Проблемы бедности, включая бедность работающего населения в России // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Том 20. № 12(519). С. 2294–2312. <https://doi.org/10.24891/ea.20.12.2294> EDN CICLUB
6. Ткаченко А.А. Бедность как социальный феномен // Власть. 1999. № 9. С. 35–43. EDN GPXTDO
7. Ярашева А.В., Макаров С.В. Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики // Народонаселение. 2024. Том 27. № S1. С. 177–189. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189> EDN GSQSQR
8. Arapova E. Determinants of Household Final Consumption Expenditures in Asian Countries: A Panel Model, 1991–2015. *Applied Econometrics and International Development*. 2018;18(1):121-140.
9. Chetty R. The Association Between Income and Life Expectancy in the United States, 2001–2014. *Journal of the American Medical Association*. 2016;315(16):1750–1766. <https://doi.org/10.1001/jama.2016.4226>
10. Аржаев Ф.И., Борискин В.Э. Экономико-географический генезис бедности в Таджикистане: потенциал экономического роста при сохранении социальной диспропорции // Контуры радикальной трансформации: политика, экономика, право. 2024. Том 17. № 3. С. 149–168. <https://doi.org/10.31249/кгт/2024.03.08> EDN KOAIAR
11. Красова Е.В., Москальонова А.А. Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2023. № 11. С. 71–79. <https://doi.org/10.31857/S032150750028612-5> EDN PVCZZR
12. Белая Р.В., Козырева Г.Б. Дифференциация уровня жизни и структура бедности депрессивного региона // Вестник евразийской науки. 2020. Том 12. № 6. С. 17. <https://doi.org/10.15862/20ECVN620> EDN WUVVGJ
13. Engel E. Die Vorherrschenden Gewerbszweige in den Gerichtsämtern mit Beziehung auf die Productionsund Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen. *Wirtschaft und Statistik*. 2021;73(2):126-136.
14. Engel E. Die Lebenskosten Belgischer Arbeiterfamilien Früher und Jetzt. Ermittelt aus Familien-Haushaltrechnungen und Vergleichend Zusammengestellt. Dresden: C. Heinrich; 1895. 196 p.
15. Olipra J. Does Engel's Law Work in Central and Eastern European Countries? The Role of Aspirations in Determining Food Expenditures. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2024;(71):26–34. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.06.005>
16. Grings M. Ernst Engels Entdeckung vor 150 Jahren. *Agrarwirtschaft: Zeitschrift für Betriebswirtschaft, Marktforschung und Agrarpolitik*. 2007;56(7):293-296. <https://doi.org/10.52825/gjae.v56i7.1696>

17. Чернов А.Ю. Пути повышения качества жизни населения как фактора человеческого потенциала при ограниченных финансовых ресурсах государства // Экономика. Налоги. Право. 2023. Том 16. № 2. С. 59–67. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-59-67> EDN FWWZCH
18. Ткаченко А.А. Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография // Экономика. Налоги. Право. 2024. Том 17. № 3. С. 115–124. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124> EDN LAZTXW
19. Налоговый и валютный факторы неравенства (к постановке проблемы) / А.С. Танасова, Е.Ю. Соколова, И.Г. Шандра, А.В. Чигирева // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 146–159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-146-159> EDN EFQLRH
20. Гулюгина А.А., Чащина Т.В. Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 12–25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 EDN ОРНМХС
21. Молчанов И.Н. Финансы домохозяйств, бедность и уровень жизни населения // Экономика. Налоги. Право. 2021. Том 14. № 2. С. 44–54. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54> EDN ESPHAF
22. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
23. Дорофеев М.Л. Развитие методологии комплексного анализа эффективности государственной финансово-инвестиционной модели обеспечения экономической ситуации в регионе экономики региона России // Финансы: теория и практика. 2023. Том 27. № 4. С. 54–65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65> EDN FHVDQJ
24. Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой большой Стратегии демографического развития России // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 63–74. <https://doi.org/10.31857/S0869587325040127> EDN EGFZIS
25. Ахметов Т.Р., Садыков Р.М. Влияние социально-экономических факторов и рациона питания в семье на здоровье детей и подростков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Том 30. № 6. С. 1259–1264. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1259-1264> EDN YUXCLT
26. Шурина С.В. Социальное неравенство российского общества во взаимосвязи инвестиций, неравенства домохозяйств по доходам, расходам и потреблению домохозяйств // Экономика. Налоги. Право. 2023. Том 16. № 2. С. 96–107. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-96-107> EDN NSTVHS
27. Ткаченко А.А. Развитие российского общества и демографическая политика государства // Вестник Российской академии наук. 2026. Том 96. № 1. С. 5–18. <https://doi.org/10.7868/S3034520026010015> EDN BRTWBN
28. Структура затрат располагаемого дохода домохозяйства как экономическая детерминанта здоровья / Ю.О. Камаев, С.Н. Черкасов, А.В. Федяева, П.Н. Золотарев // Медицинская наука и образование Урала. 2023. Том 24. № 3(115). С. 99–103. https://doi.org/10.36361/18148999_2023_24_3_99 EDN TDNYXQ
29. Клепач А.Н., Николаенко С.А., Лукьяненко Р.Ф. Преодоление бедности и обеспечение устойчивого роста среднего класса: критерии распределения и меры политики. Часть 2 // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 3. С. 3–24. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-1> EDN WYMOGX
30. Kharas H. The Rise of the Global Middle Class: How the Search for the Good Life Can Change the World. Washington: Brookings Institution Press; 2023. 216 p. ISBN 978-0-81575-276-9
31. Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 EDN JJPCKB

Информация об авторе:

Александр Александрович Ткаченко – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 4164-7174) (Scopus Author ID: 57218891580)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Tikhonova N.E. Poverty Phenomenon in Contemporary Russia. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2014;(1(357)):7-19. (In Russ.)
2. Nazarbayeva E.A., Khalina N.V., Pishnyak A.I. Persistent Poverty in Russia: a Qualitative Study. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(11):48-58. <https://doi.org/10.31857/S0132162524110042> (In Russ.)
3. Abramova O.S. Child Poverty in the Region: Assessing Parameters and Developing Recommendations to Reduce it. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economy: Theory and Practice*. 2025;23(12):40-53. <https://doi.org/10.24891/aeakuh> (In Russ.)

4. Tkachenko A.A. Child Poverty: Phenomenon and Characteristics. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(1):43-54. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.4> (In Russ.)
5. Zhuravleva T.A., Zubanova A.E., Sorokvashina Yu.S. Poverty Issues, Including the Working Poverty in Russia. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*. 2021;20(12(519)):2294-2312. <https://doi.org/10.24891/ea.20.12.2294> (In Russ.)
6. Tkachenko A.A. Bednost' kak Sotsial'nyi Fenomen. *Vlast'*. 1999;(9):35-43. (In Russ.)
7. Yarasheva A. V., Makar S. V. Family Mortgage as One of the Tools of Demographic Policy. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(S1):177-189. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189> (In Russ.)
8. Arapova E. Determinants of Household Final Consumption Expenditures in Asian Countries: A Panel Model, 1991–2015. *Applied Econometrics and International Development*. 2018;18(1):121-140.
9. Chetty R., Stepner M., Abraham S., et al. The Association Between Income and Life Expectancy in the United States, 2001–2014. *Journal of the American Medical Association*. 2016;315(16):1750–1766. <https://doi.org/10.1001/jama.2016.4226>
10. Arzhaev F.I., Boriskin V.E. Economic and Geographical Genesis of Poverty in Tajikistan: Potential for Economic Growth While Maintaining Social Disparities. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024;17(3):149-168. <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.08.e> (In Russ.)
11. Krasova E.V., Moskalionova A.A. Demographic Crisis in the Republic of Korea: History, Specifics, Perspectives. *Aziya i Afrika segodnya=Asia and Africa Today*. 2023;(11):71-79. <https://doi.org/10.31857/S032150750028612-5> (In Russ.)
12. Belaya R.V., Kozyreva G.B. Differentiation of the Standard of Living and the Structure of Poverty in a Depressed region. *Vestnik evrazijskoj nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(6):17. <https://doi.org/10.15862/20ECVN620> (In Russ.)
13. Engel E. Die Vorherrschenden Gewerbszweige in den Gerichtsamtern mit Beziehung auf die Productionsund Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen. *Wirtschaft und Statistik*. 2021;73(2):126-136.
14. Engel E. Die Lebenskosten Belgischer Arbeiterfamilien Früher und Jetzt. Ermittelt aus Familien-Haushaltrechnungen und Vergleichend Zusammengestellt. Dresden: C. Heinrich; 1895. 196 p.
15. Olipra J. Does Engel's Law Work in Central and Eastern European Countries? The Role of Aspirations in Determining Food Expenditures. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2024;(71):26–34. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.06.005>
16. Grings M. Ernst Engels Entdeckung vor 150 Jahren. *Agrarwirtschaft: Zeitschrift für Betriebswirtschaft, Marktforschung und Agrarpolitik*. 2007;56(7):293-296. <https://doi.org/10.52825/gjae.v56i7.1696>
17. Chernov A.Yu. Ways to Improve the Quality of Life of the Population as a Factor of Human Potential with Limited Financial Resources of the State. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2023;16(2):59-67. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-59-67>. (In Russ.)
18. Tkachenko A.A. Actual Problems of Development of Russian Regions: Economics and Demographics. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2024;17(3):115-124. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124>. (In Russ.)
19. Tanasova A.S., Sokolova E.Yu., Shandra I.G., et al. Tax and Foreign Exchange Factors of Inequality (to Posing a Problem). *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(1):146-159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-146-159>. (In Russ.)
20. Gulyugina A.A., Chashchina T.V. Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):12-25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 (In Russ.)
21. Molchanov I.N. Household Finances, Poverty and Standard of Living. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes and Law*. 2021;14(2):44-54. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54> (In Russ.)
22. Bobkov V.N., OdIntsova E.V., Kolmakov I.B. Normative Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(3):84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105. (In Russ.)
23. Dorofeev M.L. Development of the Methodology for Comprehensive Analysis of the Efficiency of the State Financial and Investment Model of Population Social Security Using the Example of Russian Regional Finance. *Finansy: teoriya i praktika=Finance: Theory and Practice*. 2023;27(4):54-65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65>. (In Russ.)
24. Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. Large Multi-Generation Family as a Key Resource of the New Long-Term Strategy for Demographic Development of Russia. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(4):63–74. <https://doi.org/10.31857/S0869587325040127>. (In Russ.)
25. Akhmetov TR, Sadykov RM. The Impact of Social-Economic Factors and Family Dietary Intake on Health of Children and Adolescents. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny=Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine*. 2022;30(6):1259-1264. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1259-1264> (In Russ.)
26. Shchurina S.V. Social Inequality of Russian Society in the Relationship of Investments, Household Inequality in Income, Expenditure and Consumption. *Ekonomika. Nalogi. Pravo= Economics, Taxes and Law*. 2023;16(2):96-107. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-96-107> (In Russ.)
27. Tkachenko A.A. Development of Russian Society and Demographic Policy of the State. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2026;96(1):5-18. <https://doi.org/10.7868/S3034520026010015> (In Russ.)
28. Kamaev Yu.O., Cherkasov S.N., Fedyayeva A.V., et al. The Cost Structure of Household Disposable Income as an Economic Determinant of the Health. *Medicinskaya nauka i obrazovanie Urala=Medical Science and Education of the Urals*. 2023;24(3(115)):99-103. https://doi.org/10.36361/18148999_2023_24_3_99 (In Russ.)

29. Klepach A.N., Lukyanenko R.F., Nikolaenko S.A. How to Overcome Poverty and Ensure Sustainable Growth of the Middle Class: Criteria of Distribution and Policy Measures. Part 2. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika=Moscow University Economics Bulletin*. 2022;(6):3-20. <https://doi.org/10.38050/01300105202261>. (In Russ.)
30. Kharas H. *The Rise of the Global Middle Class: How the Search for the Good Life Can Change the World*. Washington: Brookings Institution Press; 2023. 216 p. ISBN 978-0-81575-276-9
31. Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R. Regional Instruments for Program-Based Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 (In Russ.)

Information about the author:

Alexander A. Tkachenko – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, The Institute of International Economic Relations Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 4164-7174) (Scopus Author ID: 57218891580)
The author has no conflicts of interest to declare.

The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Оригинальная статья

УДК 369.03

JEL G280

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_3_224_239

EDN OUVRNХ

Проблемы развития государственной пенсионной системы на планово-бюджетный период

Аркадий Константинович Соловьев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
(asolovyev@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8563-9836>)

Аннотация

Цель исследования – анализ современного состояния основных экономических параметров развития государственной пенсионной системы и выявление условий достижения целевых ориентиров по уровню жизни старших поколений населения на завершающем этапе пенсионной реформы. Объектом исследования является государственная пенсионная система, которая рассматривается не только как главная часть государственной пенсионной политики, но в первую очередь, как неотъемлемый базовый элемент государственного бюджета современного социального государства. В этом проявляется основная новизна исследования. Пенсионная реформа, начатая ещё в перестроечный период, была направлена на трансформацию солидарно-уравнительной модели пенсионного обеспечения граждан на страховую модель формирования и реализации пенсионных прав путём установления непосредственной зависимости размера материального обеспечения пенсионеров от их индивидуального трудового потенциала. Однако, несмотря на многоэтапную перестройку всех базовых составляющих государственной пенсионной системы достигнуты далеко не все намеченные параметры. Актуальность исследования подтверждается сохранением основных проблем пенсионного обеспечения на планово-бюджетный период 2026–2028 гг.: снижение уровня жизни старших поколений, риски финансовой обеспеченности на стратегический период выполнения пенсионных обязательств, сохранение ограничений прав работающих пенсионеров и др. Методология исследования основана на актуарно-статистических методах анализа факторов и условий развития пенсионной системы в неразрывной связи с макроэкономикой. Практические результаты исследования заключаются в обосновании необходимости интеграции действующей страховой модели пенсионного обеспечения, ориентированной на реализацию прав сокращающегося сектора наёмной занятости с гибридными моделями формирования пенсионных прав самозанятого и незанятого населения.

Ключевые слова: государственная пенсионная система, макроэкономика, пенсионная реформа, демографические факторы, долгосрочная стратегия, пенсионные права, уровень жизни, прожиточный минимум пенсионеров, коэффициент замещения

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственно-му заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в 2024 году.

Для цитирования: Соловьев А.К. Проблемы развития государственной пенсионной системы на планово-бюджетный период // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 224–239. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_3_224_239 EDN OUVRNХ

RAR (Research Article Report)

JEL G280

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_3_224_239

Problems of Development of the State Pension System for the Planning and Budgetary Period

Arkadii K. Solovev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
(asolovyev@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8563-9836>)

Abstract

The purpose of the study is to assess the current state of the main economic parameters of the development of the state pension system and to identify the conditions for achieving the targets for the standard of living of the older generations of the population at the final stage of pension reform. The object of the study is the state pension system, which is considered not only as the main part of the state pension policy, but primarily as an integral basic element of the state budget of the modern welfare state. This is the main novelty of the study. The pension reform, initiated back in the perestroika period, was aimed at transforming the planning and budget period 2026–2028 oldarity and equalization model of pension provision for citizens into an insurance model for the formation and implementation of pension rights by establishing a direct dependence of the amount of pension entitlements and benefits on their individual labor potential. However, despite the multi-stage restructuring of all the basic components of the state pension system, not all the planned parameters have been achieved. The relevance of the study is confirmed by the persistence of the main problems of pension provision for the 2026–2028 budget planning period: a decrease in the standard of living of older generations, the risks of financial security for the strategic period of fulfilling pension obligations, the preservation of restrictions on the rights of working pensioners, etc. The research methodology is based on actuarial and statistical methods of analyzing the factors and conditions of the pension system development in an inextricable connection with macroeconomics. The practical results of the study substantiate the need to integrate the current insurance model of pension provision, focused on the realization of the rights of the declining sector of wage employment with hybrid models of the formation of pension rights of the self-employed and unemployed population.

Keywords: state pension system, macroeconomics, pension reform, demographic factors, long-term strategy, pension rights, standard of living, subsistence minimum for pensioners, replacement rate

© Соловьев А.К., 2026

Acknowledgements: The article is based on research conducted using budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2024.

For citation: Solovev A.K. Problems of Development of the State Pension System for the Planning and Budgetary Period. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):224–239. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_3_224_239 (In Russ.)

Введение

Государственная пенсионная система оказывает всё возрастающее влияние не только на уровень жизни каждого человека в старости, но и на устойчивость макроэкономической системы страны (снизить нагрузку на бизнес и стабилизировать рынок труда). Особенно возрос интерес к векторам её влияния после повышения пенсионного возраста, которое должно было решить сразу обе указанные проблемы: повысить размеры пенсий, с одной стороны, и расширить численность рабочей силы для роста экономики. Однако, несмотря на многоэтапные пенсионные реформы, которые были проведены в течение всего периода страховой перестройки пенсионного обеспечения, как специалисты, так и широкие круги общественности сходятся в оценках, что решение намеченных страховой реформой задач всё ещё не достигнуто.

Закономерным результатом многочисленных изменений различных элементов пенсионного обеспечения (повышение пенсионного возраста, ограничение прав работающих пенсионеров, изменение порядка индексации, конвертация пенсионных прав и др.) становится возрастание внимания не только пенсионеров, но и других возрастных групп населения к решению актуальных проблем развития пенсионной системы, о чём наглядно свидетельствуют результаты социологических опросов и социологические материалы. Большинство граждан отождествляют возрастной переход от заработка к пенсии с неотвратимой бедностью (40%), поскольку размер пенсии не соответствует потребностям «нормальной жизни» (77%) [1; 2].

При этом обращает на себя внимание тот факт, что несмотря на возрастающую критику современного состояния обязательного и добровольного пенсионного обеспечения, большинство опрошенных разных возрастных групп основные надежды возлагают на государственную пенсию. Основная часть (почти 40%) населения считают, что ответственным за то, чтобы размера пенсии хватило человеку для поддержания привычного уровня жизни, должно быть государство, треть ответила: «скорее государство, чем сам человек», и менее четверти – сам человек. При этом на любую государственную пенсию в старости рассчи-

тывают три четверти граждан, на собственные дополнительные заработки рассчитывают менее половины, на собственные сбережения – чуть более трети, на помощь детей, родственников – менее четверти

Анализ многочисленных научных исследований показывает сохранение принципиальных расхождений в оценках как причин сохранения пенсионных проблем, так и в предложениях по их решению. Так, одни сводят их к неизбежному росту «демографической нагрузки» на экономику (исходя из увеличения продолжительности жизни), другие – к недостаткам самой пенсионной системы, основанной на солидарно-страховых принципах, третьи – к сохранению проблем теневой занятости.

Систематизация наиболее типичных публикаций позволяет отметить, что альтернативные позиции по решению проблем развития государственного пенсионного обеспечения в условиях современных вызовов обсуждаются в отечественной и зарубежной науке давно:

– снижение «пенсионной нагрузки» на экономику путём ограничения условий формирования пенсионных прав исходя из финансовых возможностей государственного и пенсионного бюджета [3; 4; 5; 6; 7; 8],

– создание реальных условий для формирования пенсионных прав застрахованных лиц на основе солидарно-страховых принципов для обеспечения эквивалентного уровня материального обеспечения при наступлении нормативно-установленных пенсионных рисков [9; 10].

До сих пор не достигнута консолидированная позиция по развитию пенсионного обеспечения, что влечёт за собой отсутствие общепризнанных и научно-обоснованных критериев и показателей для комплексного анализа и оценки эффективности пенсионной системы, что закономерно отражается в решениях органов государственного управления. В то время как в международной практике достаточно чётко сформулированы критерии оценок социальной и экономической эффективности государственной пенсионной системы (ГПС)¹.

¹ Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения», заключенная в г. Женеве 28.06.1952 г. Ратифицирована Фе-

В частности, в докладе Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО) «Развитие и тенденции в сфере социального обеспечения. 2025»², который представляет ежегодный мониторинг и анализирует динамику факторов, определяющих перспективы современного пенсионного обеспечения: возрастание макроэкономических рисков, активизацию миграционных потоков, демографическое старение. При этом наиболее значимым фактором долгосрочного развития ГПС признаётся в настоящее время рост частоты и серьёзности крупномасштабных макроэкономических сдвигов. Во всём мире нестабильность и неопределённость стали новой нормой. Глобальные экономические кризисы в свою очередь провоцируют проблемы в сфере общественных финансов, которые влекут за собой растущие расходы системы социального обеспечения не только в текущем периоде, но и должны быть предусмотрены на весь период выполнения государственных пенсионных и социальных обязательств.

Не менее важным фактором реализации прав граждан на достойную старость в международной практике признаётся цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, и в первую очередь – быстрый рост и высокий уровень неформальной занятости, безработицы, прекариата и неполной занятости трудоспособных возрастных групп, которые не могут сформировать себе страховые пенсионные права. Расширение видов неформальной, прекариатной и платформенной занятости, рост безработицы и неполной занятости, в особенности среди молодёжи, резко ограничивает возможности, а в последующем может лишить этих граждан доступа к социальному и пенсионному обеспечению в рамках обязательного страхования этих рисков.

В докладе МАСО отмечается другая сторона этого процесса: в долгосрочной перспективе расширение масштабов и видов неформальной занятости особенно в странах с переходной экономикой сокращает одновременно и бюджетные ресурсы государства, что повышает уязвимость самих теневых и прекариатных работников к социальным рискам, негативно искажает рынок труда и ограничивает ресурсы для развития потребительского спроса. В конечном итоге подрыв-

ваются институциональные основы долгосрочной финансовой устойчивости страховой модели государственной системы пенсионного обеспечения, перенося всю ответственность за благополучие старших поколений на госбюджет, дополнительно увеличивая общеналоговую нагрузку³.

Указанные новые риски усиливаются продолжающимся глобальным трендом демографического старения населения и другими демографическими изменениями (миграционная активность, эпидемиологические риски), которые продолжают оказывать давление на долгосрочную финансовую устойчивость систем пенсионного обеспечения в странах с разным уровнем развития. В некоторых странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рост старших возрастных групп населения уже достиг максимума в рамках солидарно-перераспределительной составляющей пенсионной модели, что требует радикального институционального пересмотра с учётом очередного «демографического перехода». При этом отмечается, что увеличение социальных расходов, направляемых на поддержку старшего поколения, неизбежно влечёт за собой сокращение социальных расходов на поддержку молодого поколения как на начальном этапе их жизни, так и в старости. Даже в Африке, где проживает самое молодое население в мире, системы социального обеспечения должны одновременно готовиться к старению населения и инвестировать в возможности для молодого поколения⁴.

Во многом аналогичные оценки отмеченных в материалах МАСО факторам долгосрочного развития ГПС представлены в стратегических прогнозах экспертов Организации объединённых наций (ООН)⁵, Международной организации труда (МОТ)⁶, ОЭСР⁷. Обращает на себя внимание, что одновременно с расширением спектра новых факторов, влияющих на государственное пенсионное обеспечение, демографическая составляющая сохраняет своё место в системе регуляторов социальной политики, одновременно меняя вектор социального риска со старших возрастных поколений на младшие поколения.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ The Sustainable Development Goals Report 2025 // United Nations: [сайт]. URL: <https://desapublications.un.org/publications/sustainable-development-goals-report-2025> (дата обращения: 10.02.2026).

⁶ World Employment and Social Outlook Trends // International Labour Organization: [сайт]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_795453.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

⁷ Pensions at a Glance 2023: Country Profile – Poland // OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/PAG2023-country-profile-Poland.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).

деральным законом от 03.10.2018 г. № 349-ФЗ с принятием обязательств в отношении раздела II «Медицинское обслуживание», раздела III «Обеспечение по болезни», раздела V «Обеспечение по старости», раздела VI «Обеспечение в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием», раздела VIII «Обеспечение по материнству», раздела IX «Обеспечение по инвалидности» и раздела X «Обеспечение по случаю потери кормильца»; вступила в силу для Российской Федерации 26.02.2020 г.

² Social Security Developments and Trends – Global 2025 // ISSA: [сайт]. URL: <https://www.issa.int/node/278488> (дата обращения: 10.12.2025).

В отечественной научной дискуссии, однако, в большинстве публикаций сохраняется представление, что главным фактором развития ГПС для решения современных проблем является рост продолжительности их жизни. В результате этого увеличивается численность получателей различных видов пенсионных выплат, которые всё более будут «обременять бизнес» обязательными страховыми отчислениями и госбюджет на растущий трансферт в Социальный фонд России (СФР). [11; 12; 13; 14].

Для решения этой проблемы в работе [12], предлагается регулировать финансирование государственных пенсионных обязательств исходя из линейной зависимости расходов бюджета СФР от демографических изменений возрастного состава населения. Для обоснования этого тезиса используется авторский демографический прогноз на «основе многофакторной динамической модели в виде системы стохастических дифференциальных уравнений с параметрами в рамках дискретной аппроксимации», который, по мнению разработчиков, потребует существенного «роста расходов бюджета СФР на выплату страховых пенсий по старости на период до 2035 г. с учётом колебаний численности населения. Исходя из этого предлагаются несколько сценарных подходов (оптимистический, вероятный и пессимистический). Так, при первом варианте прогноза численности населения объём расходов бюджета СФР на выплату страховых пенсий, даже без учёта досрочного назначения за 2023–2035 гг., увеличится на 56,67% (что в денежном выражении составляет 4,22 трлн руб.); при вероятном варианте – на 60,39% (что в денежном выражении составляет 4,50 трлн руб.); при пессимистичном варианте – на 66,02% (что в денежном выражении составляет 4,93 трлн руб.). Важно отметить, что любой из вариантов прогноза ввиду сокращения численности населения в прогнозном периоде предполагает увеличение объёма расходов на выплату страховых пенсий темпами ниже инфляционных (последние, по минимальным оценкам авторов статьи, составят 74,76%)» [12, с. 127–128].

Аналогичные перспективы развития ГПС представлены в публикациях [15; 16; 17], которые на основе прогнозных материалов ООН и ОЭСР утверждают, что «долгосрочные прогнозы для РФ возможного воздействия демографических тенденций на бюджетные расходы рисуют неутешительную картину. Для развитых стран предсказывается неизбежность увеличения бюджетных расходов на пенсии и здравоохранение примерно на 10% от валового внутреннего продукта (ВВП). Ещё больше (до 15% ВВП) потребуется увеличить финансирование по этим статьям

для стран с формирующимся рынком. Для России потребность в дополнительных бюджетных ресурсах оценивается в 12,5% ВВП. Иными словами, неблагоприятные демографические сдвиги могут потребовать удвоения (в процентах ВВП) государственных расходов на пенсии и медицинские услуги населению. Особенно сильно проблема старения сказывается на финансовых показателях самой пенсионной системы. На этот сектор приходится основная часть дополнительных расходов ВВП (3/4 для России ...).

Наиболее полно методические рекомендации реформирования пенсионных систем для стран с переходной экономикой Всемирного банка, МВФ, ОЭСР отражены в работе [3], в которой обоснован главный вектор «антикризисного» развития отечественной пенсионной системы как главному тормозу социально-экономического развития страны: поддержание уровня пенсионного обеспечения за счёт постоянного повышения трансферта и роста тарифной нагрузки на фонд заработной платы (ФЗП) противопоставлено системному ограничению государственных пенсионных обязательств.

Выполнение пенсионных обязательств государства с точки зрения долгосрочной перспективы неизбежно ведёт к полномасштабному экономическому кризису. Поскольку в случае адаптации к старению за счёт повышения ставок пенсионных взносов их потребуется увеличить по расчётам авторов к 2050 г. на 40%, то есть довести социальные взносы до 70% от фонда зарплаты либо потребуется перемещение почти 10% ВВП в пенсионную систему за счёт повышения налогов и/или сокращения других расходов [3, с. 63–65].

Недопустимость представленной угрозы позволяет обосновать альтернативный вектор развития ГПС, который реализуется по нескольким направлениям, обеспечивающим её адаптацию за счёт ограничения пенсионных обязательств путём секвестирования пенсионных прав и отказ от их индексации в соответствии со страховыми принципами сохранения эквивалентности прав и обязательств исходя «из возможностей госбюджета»:

- Отказ от минимальных пенсионных гарантий путём повышения требований к допуску в систему солидарно-страхового перераспределения (стаж, минимальное количество пенсионных баллов, отмена досрочников и льготников),

- Адаптация за счёт улучшения пропорций между числом работников и пенсионеров регулирование соотношения работающих и пенсионеров путём отмены пенсий работающим пенсионерам и т.п. В результате показано, что единственный вариант ответа на старение населения, обеспечивающий долгосрочную устойчивость

пенсионной системы, – повышение пенсионного возраста [3, с. 67].

Аналогичные аргументы и расчёты представлены в работе [15, с. 562], где обосновано, что с 2024 г. численность страховых пенсионеров превысит численность занятого населения, а «величина разрыва между страховыми пенсионными поступлениями и расходами на выплату страховых пенсий возрастёт с 2,4% ВВП (2017 г.) до 4,6% ВВП в 2050 г.

Все отмеченные аргументы и предложения по адаптации демографического влияния на ГПС получили полное отображение в Стратегии-2020⁸ и последовавшими за этим соответствующих пенсионных реформах. Однако до сих пор ожидаемого социально-экономического эффекта не достигнуто ни по повышению уровня жизни пенсионеров, ни по долгосрочной финансовой устойчивости пенсионного бюджета, что наглядно отражают планово-бюджетные параметры на 2026–2028 гг.⁹

Особо следует отметить, что завершение цикла повышения пенсионного возраста в этот период (к 2028 г.), главным результатом которого должно быть «снижение пенсионной нагрузки» на экономику, так и не позволило повысить уровень жизни даже неработающих пенсионеров до целевых показателей. Это наглядно подтверждает, что основным фактором влияния на развитие ГПС являются макроэкономические риски и динамика рынка труда.

В то же время в научных публикациях намечается возврат к обсуждению методов регулирования демографических факторов развития ГПС. Так, в работе [13] утверждается, что «неизбежное старение населения» есть важнейший долгосрочный вызов, стоящий перед российским обществом. Основным доводом считается, что доля пожилых за последние десятилетия заметно увеличилась: в 1990 г. мужчины/ женщины в возрасте 60/55 лет и старше составляли 18,7% населения страны, в 2010 г. – 21,8%, а в начале 2025 г. – уже 27,6%, и в будущем эта доля продолжит расти, что увеличивает нагрузку не только на пенсионную систему страны, но и на всю долгосрочную социальную политику.

Обращает на себя внимание, что старение населения рассматривается в этих работах только

⁸ Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика / под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. Том 1. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с. ISBN 978-5-7749-0786-1; Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика / под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. Том 2. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. 408 с. ISBN 978-5-7749-0787-8

⁹ Федеральный закон от 28.11.2025 г. № 427-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов».

как фактор роста бюджетных расходов, а перманентное повышение возраста как наиболее эффективный регулятор снижения бюджетной нагрузки и торможения экономического развития. Более того, старение населения представляется не только фактором, затрудняющим функционирование пенсионной системы, но и риском бюджетных кризисов и главным тормозом экономического роста. В итоге совокупный эффективный «коэффициент демографической нагрузки пожилыми» в 2025–2045 годах увеличится с 37,1 до 51,2%. А это ровно тот же показатель, что и в 2018 году, когда и приняли решение о проведении реформы. Постепенно пенсионная система будет требовать всё больше трансфертов из федерального бюджета. Из-за этого будет расти разрыв между трудовым и пенсионным доходом, особенно при увеличении зарплат. Это, по мнению автора, потребует отказа от выполнения страховых обязательств государства перед пенсионерами в пользу унифицированного базового пенсионного дохода. При этом указано, что такой подход неизбежно потребует пересмотра стандартов минимального социального обеспечения и, возможно, переоценки минимального размера оплаты труда (МРОТ), который даже с учётом повышения в последние годы вряд ли может обеспечить пожилым желаемый уровень благосостояния [13].

Анализ научных публикаций наглядно свидетельствует, что несмотря на многовекторные попытки регулировать развитие ГПС исходя из «демографической угрозы экономическому росту» (путём добровольного и обязательного пенсионного накопления, повышения пенсионного возраста, ограничения прав работающих пенсионеров и др.), до сих пор не удаётся решить двудеятельную задачу повысить уровень жизни пенсионеров и обеспечить долгосрочную сбалансированность пенсионного бюджета.

По мнению автора, причина заключается в том, что «демографические векторы регулирования» были направлены на одну составляющую страховой пенсионной модели: самих пенсионеров и их пенсионных прав, с целью сокращения численности получателей пенсии и снижения размера пенсионных обязательств перед ними. В то время как актуарная модель страховой пенсионной системы предусматривает синхронизацию регулирования равнозначимых составляющих страховой пенсионной модели: в трудовой период – условия формирования пенсионных прав, а в пенсионный период – условия их реализации [9].

Сохраняется определённый пробел научных исследований, которые не только опираются на успешный опыт развитых пенсионных систем по адаптации к новым вызовам общественного раз-

вития (демографическому старению, цифровизации экономики, трансформации рынка труда и т.п.), но и должны учитывать особенности исторического формирования государственных пенсионных обязательств, с одной стороны, и специфику бюджетно-финансовых взаимодействий ГПС и федерального бюджета нашей страны как социального государства.

Цель исследования – анализ современного состояния основных экономических параметров развития государственной пенсионной системы и выявление условий достижения целевых ориентиров по уровню жизни старших поколений населения на завершающем этапе пенсионной реформы. Объектом исследования является государственная пенсионная система, которая рассматривается не только как главная часть государственной пенсионной политики, но в первую очередь, как неотъемлемый базовый элемент государственного бюджета современного социального государства. Предметом исследования является анализ условий достижения целевых ориентиров по уровню жизни старших поколений населения, установленных Стратегией долгосрочного развития государственной пенсионной системы. Рассмотрим основные социальные результаты развития пенсионной системы с момента реформы.

Новизна исследования обусловлена завершающим этапом страховой пенсионной реформы, принципиальные параметры которой определены правительственной Стратегией долгосрочного развития ГПС до 2030 г. Поэтому основной задачей исследования является анализ реализации установленных целевых параметров с учётом возросших требований к уровню благополучия пенсионеров, как неотъемлемой части населения страны, сформулированных в составе национальных целей

(Указ Президента РФ №309 от 2024 г.) с одной стороны, так и возможностей бюджетной системы в предстоящий плановый период 2026–2028 гг.

Гипотеза, которая рассматривалась в исследовании, заключается в том, что задачи по достижению целевых ориентиров пенсионного обеспечения должны рассматриваться не только путём ограничения составных элементов ГПС, но с учётом необходимости регулирования макроэкономических факторов, причём не только в масштабе планово-бюджетного, но и стратегического периода.

Теоретические и методологические основы

Главной экономической проблемой долгосрочного развития государственной пенсионной системы является выработка научно обоснованного баланса между конъюнктурными экономическими интересами современного периода (регулирование фискальной «нагрузки на бизнес», экономия средств госбюджета на социальные нужды нетрудоспособных граждан и т.п.) и выполнением конституционных гарантий по материальному обеспечению пенсионеров в пределах накопленных ими пенсионных обязательств в течение всего периода их выплаты («дожития»).

Пенсионная система современного государства является не только центральным элементом социальной политики, поскольку она обеспечивает материальное благополучие трети населения страны (таблица 1), но и одним из базовых элементов макроэкономики, поскольку непосредственно взаимодействует не только с получателями пенсий, но и всеми категориями трудоспособного населения (как в формате реципиентов, так и в формате плательщиков), а по объёму перераспределяемых финансовых ресурсов она сопоставима с госбюджетом [16].

Таблица 1

Динамика численности пенсионеров СФР (тыс. чел.)

Table 1

Dynamics of the Number of Pensioners of the SFR (Thousand People)

	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Всего пенсионеров	41 775,3	42 902,5	43 471,0
в том числе:			
получателей страховой пенсии	37 873,7	38 931,5	39 427,9

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.¹⁰

СФР – основной субъект ГПС в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, как и другие государственные внебюджетные фонды относятся к бюджетной системе РФ, что закреплено в статье 10 Кодекса, регламентирующей структуру бюджетной системы РФ. Там же определены особен-

¹⁰ Старшее поколение // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877#> (дата обращения: 10.11.2025).

ности формирования бюджетов государственных внебюджетных фондов¹¹. Справочно: внебюджетные фонды определены как целевые централизованные фонды денежных средств, созданные государством отдельно от бюджета для финансового обеспечения, реализация социальных функций государства: пенсионное обеспечение, соци-

¹¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации.

альное страхование, охрана здоровья и медицинская помощь.

Деятельность внебюджетных фондов в РФ регулируется главой 17 Бюджетного кодекса РФ «Бюджеты государственных внебюджетных фондов», в которой установлены основные функции соответствующих фондов. Так, статья 144 определяет состав бюджетов государственных внебюджетных фондов; статья 145 – порядок составления, представления и утверждения бюджетов государственных внебюджетных фондов; статья 146 – доходы государственных внебюджетных фондов; статья 147 – расходы бюджетов государственных внебюджетных фондов; статья 149 – отчёты об исполнении бюджетов государственных внебюджетных фондов; статья 150 – контроль за исполне-

нием бюджетов государственных внебюджетных фондов. В Кодексе определены органы управления фондами и контроля участников бюджетного процесса, а также основные источники формирования средств внебюджетных фондов – обязательные платежи и отчисления юридических лиц, ИП и др., которые могут поступать как в обязательном порядке, так и на добровольной основе.

Формирование бюджетных проектировок полностью синхронизировано с бюджетным процессом начиная с обоснования исходных макроэкономических параметров на планово-бюджетный период и заканчивая согласованием всех социальных и экономических показателей с соответствующими показателями госбюджета (таблица 2).

Таблица 2

Основные параметры государственных внебюджетных фондов в бюджетной системе РФ на планово-бюджетный период (млрд рублей)

Table 2

Main Parameters of State Extra-budgetary Funds in the Budget System of the Russian Federation for the Planning and Budget Period (Billion Rubles)

Показатель	2025	2026	2027	2028
Доходы бюджетной системы, всего	74 803	81 226	87 081	93 225
Доходы федерального бюджета	37 085	40 283	42 910	45 869
Бюджеты государственных внебюджетных фондов	20 609	23 703	24 930	26 487
В т.ч. без учёта межбюджетных трансфертов	15 855	17 904	19 376	20 827
Расходы бюджетной системы, всего	81 721	85 072	90359	96 687
Расходы федерального бюджета	42 821	44 070	46 096	49 383
Бюджеты государственных внебюджетных фондов	21 478	23 462	24 776	26 258
В т.ч. без учёта межбюджетных трансфертов	21 255	23 240	24 554	26 036

Источник: данные Минфина России.¹²

Аналогичным образом, бюджет СФР на текущий финансовый год и плановый период сформирован по каждому виду обязательного пенсионного страхования и социального обеспечения. Доходы бюджета СФР сформированы с учётом установленных Бюджетным кодексом РФ нормативов распределения доходов от уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (норматив установлен на уровне

72,8%), на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (норматив установлен на уровне 8,9%) исходя из единого тарифа страховых взносов, установленного в размере 30% в пределах установленной величины базы для исчисления страховых взносов, 15,1% – свыше установленной предельной величины базы для исчисления страховых взносов (таблица 3).

Таблица 3

Динамика основных параметров бюджета СФР (млрд руб.)

Table 3

Dynamics of the Main Parameters of the Budget of SFR (Billion Rubles)

	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Доходы	9 551,6	11 206,7	11 222,8	11 432,9	13 711,2	14 495,3	15 422,1
Расходы	9 365,2	10 766,5	11 441,9	11 512,9	13 541,3	14 303,9	14 975,2
Межбюджетные трансферты	3 364,0	4 947,4	4 541,1	4 200,7	5 291,5	5 402,6	5 654,2

Источник: составлено автором на основе данных «Пояснительная записка к проекту федерального закона № 727321-8 "О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов"».

¹² О проекте федерального бюджета на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов // Минфин России: [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/As6GCYwWvKA49kh32A2EUVHwY1NKfFBC.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

Методология и информационно-ресурсная база исследования основана на конструктивном анализе нормативно-правовых и параметрических положений стратегических документов, определяющих фундаментальные принципы деятельности всех участников государственной пенсионной системы на весь период: Стратегия долгосрочного развития государственной пенсионной системы до 2030 г. (Стратегия-2030),¹³ Единый план по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.,¹⁴ разработанный правительством РФ в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (07.05.2024)», Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 гг.,¹⁵ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 г.,¹⁶ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 г.,¹⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400,¹⁸ Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в России до 2030 г.¹⁹ и др.

Указанные стратегические документы определяют комплекс программных мероприятий, направленных «на сохранение населения России, укрепления здоровья и повышения благополучия» всех возрастных групп граждан путём «повышения их человеческого потенциала, создания комфортной и безопасной среды для жизнедеятельности на основе устойчивой и динамичной экономики» [17].

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р «О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ».

¹⁴ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.).

¹⁵ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Минфин России: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov (дата обращения: 19.01.2026).

¹⁶ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. (одобр. Советом директоров Банка России 24.10.2025).

¹⁷ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р).

¹⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400).

¹⁹ Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в России до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 07.04.2025 г. №830-р).

Главная особенность отечественной пенсионной системы заключается в её многоукладности, которая объективно обусловлена сохранением государственных обязательств солидарной модели пенсионного обеспечения, в отличие от страховой модели государственного пенсионного обеспечения, основанной на принципах солидарного перераспределения с приоритетом персонализированного учёта пенсионных прав каждого работника, которая обоснована и апробирована в международной теории и практике ещё в середине прошлого века.

В условиях бюджетно-финансовой нестабильности перспективы достижения целевых показателей пенсионной реформы в нашей стране сталкиваются с новыми рисками, которые отражены в бюджетных проектировках на плановый период 2026–2028 гг., что отражается в систематических адаптационных настройках бюджетных параметров: изменение порядка индексации различных видов пенсий, сокращение федерального трансферта на выполнение государственных обязательств и др. [14]. Однако такая адаптация не должна ограничиваться и сводиться исключительно к регулированию условий выполнения финансовых обязательств страховщика в зависимости от макроэкономической конъюнктуры, поскольку страхуемые пенсионные обязательства имеют длительный период нескольких поколений, в течение которых застрахованные пенсионные права не могут утрачивать «покупательную способность» и должны сохранять адекватность уровню потребления в трудоспособный период жизни застрахованного лица. Следует отметить, что выполнение этих условий регламентировано в упомянутых выше нормативных документах (Стратегия-2030 и Конвенция МОТ №102).

В научных публикациях сохраняется аргументация, что ГПС является «социальной нагрузкой на бизнес» и сопряжена с «неэффективными расходами госбюджета», которые тормозят экономическое развитие страны [14; 15; 18; 19]. Основываясь на данной аргументации были осуществлены «настройки» отдельных звеньев отечественной пенсионной модели, направленные на снижение финансовой нагрузки на госбюджет (начиная с конвертации пенсионных прав, увеличения требований по стажу и страхуемому заработку, регламентации базы начисления страховых взносов, нескольких вариантов пенсионных накоплений, отмены индексации назначенных пенсий для работающих пенсионеров в течение десяти лет, заканчивая повышением пенсионного возраста и др. [3; 11; 14].

Конъюнктурно-бюджетная направленность на секвестирование пенсионных прав в перечис-

ленных методах регулирования развития ГПС не могла не отразиться на снижении социальных параметров пенсионного обеспечения и уровне жизни пенсионеров, что ставит под угрозу дости-

жение установленных целевых ориентиров. Более того, размеры страховых пенсий в соотношении с ПМП за пореформенный период не только не повышаются, но даже (таблица 4).

Таблица 4

Динамика уровня жизни пенсионеров в Российской Федерации [14]

Table 4

Dynamics of the Standard of Living of Pensioners in the Russian Federation

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Величина прожиточного минимума пенсионера, руб.	5998	6617	7965	8081	8315	8483	9002	9308	10022	11970	12363
в процентах к предыдущему году	107,7	110,3	120,4	101,5	102,9	102,0	106,1	103,4	107,6	119,4	103,3
Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера, %	165,4	163	150,5	153,3	155,02)	157,5	157,3	161	160,0	148,9	157,6
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	102,8	100,9	96,2	96,6	100,3	100,8	101,5	102,3	104,1	99,1	103,3

Источник: данные Росстата.²⁰

Результаты исследования и обсуждение

Завершающий этап страховой пенсионной реформы, основные институциональные принципы которой объективно отражены в целевых параметрах, закреплённых в Стратегии 2030 и соответствующих правительственных планах, требует существенной актуализации и мер в предстоящий бюджетно-плановый период 2026–2028, в течение которого завершаются экономические эффекты от повышения пенсионного возраста, экспериментов с индексацией пенсий, пенсионными накоплениями и др. мероприятиями. Повышение уровня жизни пенсионеров в рамках страховой пенсионной системы должно стать главным целевым ориентиром не только в рамках социальной политики на плановый, но и на стратегический период: социально-экономическая значимость решения данной задачи неоднократно отмечалась Президентом РФ в Указе²¹ и в Плане действий Правительства РФ на предстоящий стратегический период 2030–2036 гг.²²

Выполненный анализ социальных результатов на плановый период показывает, что основной целевой ориентир в 2,5–3,0 прожиточных минимума пенсионера (ПМП) для страховых пенсий по старости не достигается ни среди всех получателей, ни среди неработающих. При этом сохраняется тренд

на дальнейшее снижение, несмотря на завершение переходного периода повышения пенсионного возраста. Особенно для работающих пенсионеров показатель снизился до 145% ПМП. Максимальное соотношение страховой пенсии по старости с ПМП в рассматриваемом периоде наблюдалось в 2012 году – 195% ПМП. Следует отметить рост показателя в период 2016–2023 гг. для неработающих пенсионеров, что во многом связано с отставанием темпов роста прожиточного минимума от темпов индексации страховой пенсии.

На современном этапе пенсионной реформы принципиально новым фактором государственного регулирования пенсионным обеспечением является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Благодаря которой к 2030 году планируется не только достичь «цифровой зрелости» всех уровней госуправления и ключевых отраслей, но и обеспечить максимальную доступность социальных (в первую очередь, – пенсионных) услуг на основе качественного интернета (к 2030 г. 97% домохозяйств и 95% государственных органов) и российского программного обеспечения, а также предоставлять 99% массовых госуслуг в электронной форме.

Критически важным периодом реализации намеченных комплексов мероприятий являются текущий (2026–2028 гг.) и следующий (2027–2029 гг.) планово-бюджетный периоды, в течение которых должны быть нивелированы риски достижения национальных целей. В исследовании представлен анализ социальных параметров текущего бюджетного цикла в соответствии с целевыми ориентирами.

²⁰ Старшее поколение // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877#> (дата обращения: 10.11.2025).

²¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

²² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.).

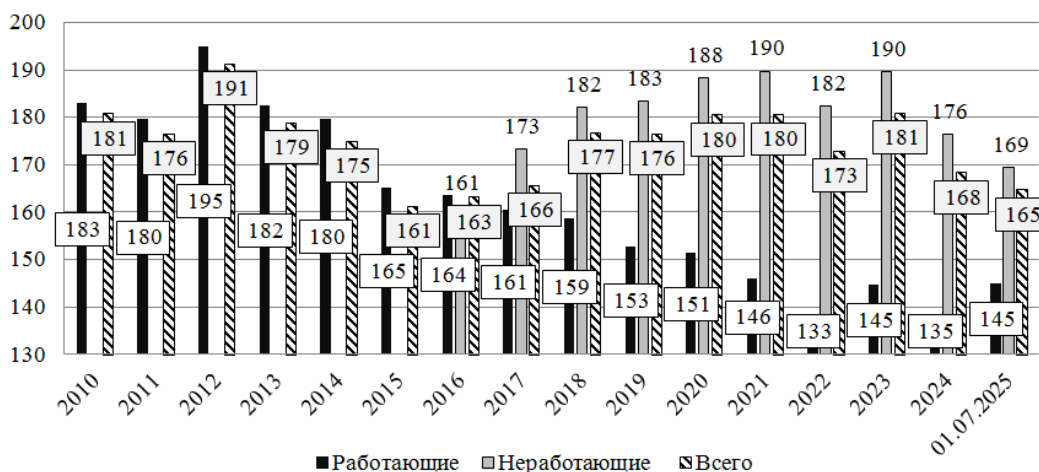

Рисунок 1. Соотношение среднего размера страховой пенсии по старости с ПМП, %
 Figure 1. The Ratio of the Average Size of the Old-age Insurance Pension to the Subsistence Level, %

Источник: расчёты автора на основе данных Социального фонда России.²³

В настоящее время единственный критерий благополучной старости измеряется соотношением размера назначенной пенсии с прожиточным минимумом пенсионера, который до настоящего времени общепризнан социальным нормативом пенсионного обеспечения. В текущий период он оценивается в зависимости от макроэкономичес-

ких параметров около 1,7 ПМП. С учётом объективных факторов долгосрочного социально-экономического развития страны рассчитывать на достижение целевых ориентиров для современного поколения застрахованных лиц не приходится (таблица 5).

Динамика социальных параметров государственной пенсионной системы России

Таблица 5

Table 5

Dynamics of Social Parameters of Russian State Pension System

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Средний размер назначенных пенсий, в среднем за год, руб.	9917,5	10786	11986	12391,1	12887,0	13360,2	14163,4	14985,5	16641,5	17824,7	19489,7
ПМП*, руб.	5998	6617	7965	8081	8315	8483	9002	9308	10022	119705)	12363
% год/году	107,7	110,3	120,4	101,5	102,9	102,0	106,1	103,4	...	119,4	103,3
Соотношение размера средней пенсии (%)											
ПМП	165,4	163	150,5	153,3	155,0	157,5	157,3	161	...	148,9	157,6
СЗП**	33,3	33,2	35,2	33,8	32,9	30,6	29,6	29,2	29,1	27,3	26,4

*прожиточный минимум пенсионера

** среднемесячная номинальная начисленная заработная плата

Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.²⁴

Исходя из этих условий, размер пенсии и продолжительность её получения должны быть соотношены со стажем работы и уплаченными страховыми взносами, чтобы:

1) период получения страховой пенсии позволял полностью реализовать накопленные пенсионные права;

2) размер страховой пенсии позволял поддерживать достигнутый к старости уровень жизни на протяжении всего периода её получения, т.е. размер пенсии обеспечивал достойный уровень жизни не только в момент её назначения.

²³ Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Социальный фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/info/statistics/pension_provision_sfr (дата обращения: 01.09.2025).

²⁴ Старшее поколение // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877#> (дата обращения: 01.02.2026).

Дополнительный интерес рассматриваемой проблеме придают завершающий этап страховой пенсионной реформы, которая в нашей стране затянута намного дольше, чем в других странах советского блока, а также глобальные и национальные риски, которые тормозят достижение целевых ориентиров, намеченных в нормативных документах.

Макроэкономические условия формирования экономических и социальных параметров государственной пенсионной системы представлены в таблице 6. При анализе бюджетных показателей следует обратить внимание, что в бюджете СФР на 2026 г. существенно уточнены как доходные, так и расходные параметры плановых проекти-

ровок предшествующего бюджетного закона на данный период. Наиболее социально значимым изменением являются: очередная корректировка механизма индексации размера пенсии, а также объём федерального трансферта.

Отметим, что объём поступлений страховых взносов от страхователей, производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, распределяемые по видам страхования, установлены на 2026 г. в сумме 12 846,5 млрд рублей, на 2027 г. – 12 918,4 млрд рублей, на 2028 год – 14 981,7 млрд рублей, в т.ч.: на ОПС в части выплаты страховой пенсии: в 2026 году – 11 441,4 млрд рублей, в 2027 году – 12 396,1 млрд рублей и в 2028 году – 13 343,1 млрд рублей.

Таблица 6

Основные характеристики бюджета СФР на планово-бюджетный период 2026–2028 гг. (млрд руб.)

Table 6

Main Characteristics of the Budget of the SFR for the Planning and Budget Period 2026–2028 (Billion Rubles)

	2026 год	Плановый период	
		2027 год	2028 год
Доходы – всего	19 086,2	19 976,6	21 178,2
в том числе:			
по распределительной составляющей бюджета	18 990,8	19 868,2	21 067,9
из них:			
ОПС*	12 327,3	13 021,9	13 871,1
переданные полномочия	4 929,7	4 960,0	5 166,6
Расходы – всего	18 748,2	19 741,0	20 856,3
в т.ч.:			
по распределительной составляющей бюджета	18 667,5	19 635,1	20 753,6
из них:			
ОПС	12 129,3	12 916,0	13 692,4
переданные полномочия	4 929,7	4 960,0	5 166,6
Профицит всего	338,0	235,6	321,9
по распределительной составляющей бюджета	323,3	233,1	314,3
из них:			
ОПС	198,0	105,9	178,7

*обязательное пенсионное страхование

** обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством

*** обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»

Источник: составлено автором на основе данных «Пояснительная записка к проекту федерального закона № 727321-8 "О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов"».

В соответствии с требованиями Бюджетного кодекса и субсидиарной ответственностью государственного бюджета за финансовую обеспеченность и устойчивость пенсионного бюджета, неотъемлемой составляющей доходной части бюджета СФР являются целевые трансферты из федерального бюджета, которые предназначены для целевого финансирования:

– стабилизации обязательного пенсионного страхования: в 2026 году – 411,2 млрд рублей, в 2027 году – 120,6 млрд рублей

– целевых выплат пенсий по государственному пенсионному обеспечению, включая социальные пенсии и др.), ежемесячных доплат к государственным пенсиям (ежемесячному пожизненному содержанию), дополнительного еже-

месячного материального обеспечения (ДЕМО) гражданам Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией, пособий и компенсаций:

- в 2026 году – 1 036,6 млрд рублей,
- в 2027 году – 1 104,2 млрд рублей,
- в 2028 году – 1 169,1 млрд рублей.

Учитывая рост численности низкодоходных пенсионеров всё большую социальную значимость

сохраняет целевой трансферт федерального бюджета на недопущение бедности всех категорий пенсионеров на весь плановый период путём финансирования выплат федеральных социальных доплат (ФСД) всем застрахованным лицам, размер пенсий которых не достигает соответствующего уровня ПМП, поскольку численность низкодоходных категорий страховых пенсионеров не только не сокращается, а увеличивается (см. рисунок 2).

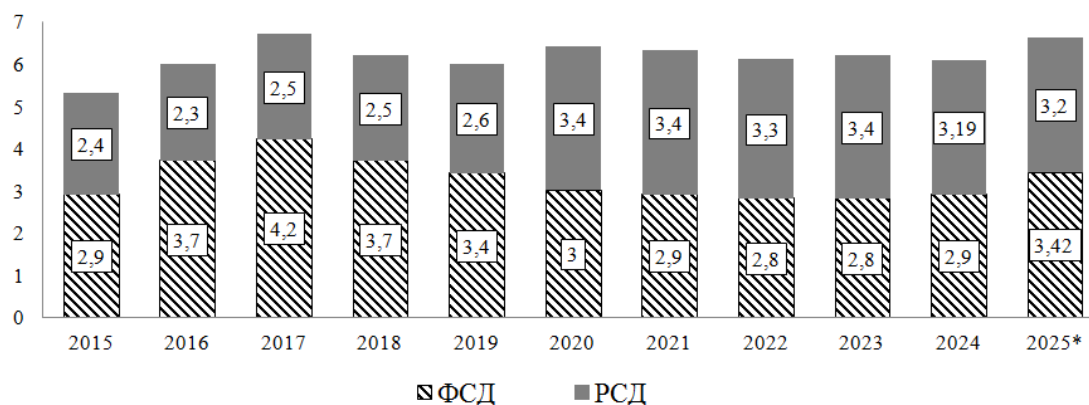

Рисунок 2. Динамика численности получателей социальных доплат к пенсии (млн чел.)
 Figure 2. Dynamics of the Number of Recipients of Social Pension Supplements (Millions of People)

*Данные по состоянию на апрель 2025 г.

** ФСД – федеральные социальные доплаты

***РСД – региональные социальные доплаты

Источник: составлено автором на основе данных Социального фонда России.²⁵

Для этого расходы на финансирование ФСД включены в федеральный трансфер в объёмах: на 2026 г. – 129,2 млрд руб., на 2027 г. – 138,1 млрд рублей, в 2028 г. – 128,9 млрд рублей

Традиционным инструментом оперативно-государственного регулирования достижения

национальных целей поддержания уровня жизни старших поколений является проведение индексации всех видов пенсий (таблица 7). Однако, экономический механизм повышения пенсий в форме индексации, предусмотренный законодательством, в очередной раз изменён.

Таблица 7

Размеры и сроки индексации (повышения) пенсий, пособий, компенсаций и других социальных выплат на 2026–2028 гг.

Table 7

Amounts and Timing of Indexation (Increase) of Pensions, Allowances, Compensations and Other Social Benefits for 2026–2028 Years²⁵

	2026 год	Плановый период	
		2027 год	2028 год
Всего,	7,6%	7,5%	8,0%
в том числе:			
с 1 января	7,6%	-	-
с 1 февраля	-	4,0%	4,0%
с 1 апреля	-	3,4%	3,8%
Стоимость одного пенсионного коэффициента:			
с 1 января	156,76	156,76	168,57
с 1 февраля	156,76	163,03	175,31
с 1 апреля	156,76	168,57	181,97

²⁵ Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Социальный фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/info/statistics/pension_provision_sfr (дата обращения: 01.09.2025).

	2026 год	Плановый период	
		2027 год	2028 год
Индексация фиксированной выплаты к страховой пенсии, всего:	7,6%	4,0%	4,0%
с 1 января	7,6%	-	-
с 1 февраля	-	4,0%	4,0%
Индексация социальных пенсий, пенсий по государственному пенсионному обеспечению:			
с 1 апреля	6,8%	4,0%	4,0%
Индексация ЕДВ*, пособий, компенсаций			
с 1 февраля	6,8%	4,0%	4,0%
Индекс потребительских цен декабрь к декабрю, %	104,0	104,0	104,0
Фонд зарплаты работников, млрд руб.	56 464	61 047	65 689
Среднемесячная начисленная зарплата работников организаций, руб./мес.	107 949	116 601	125 163

*ежемесячная денежная выплата

Источник: составлено автором на основе данных «Пояснительная записка к проекту федерального закона № 727321-8 "О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов"».

Следует обратить внимание, что действующее пенсионное законодательство обязывает проводить повышение всех видов пенсий в целях актуализации размера пенсионных прав и обязательств по причине изменения размера пенсионных прав (увеличения стажа, суммы баллов и др.), повышения инфляции и иных оснований [18].

Так, в частности, в соответствии с нормативными документами индексация должна проводиться по итогам инфляционного роста за прошедший годовой период – первый раз, и по темпу роста доходов пенсионного бюджета за тот же период

(в расчёте на одного пенсионера) – второй раз. Утверждённые бюджетные проектировки предусматривают в текущем году только одну (первую) индексацию в размере 7,6% с начала года.

С учётом рассмотренных составляющих бюджетных проектировок основным социально значимым результатом является увеличение размеров пенсий для всех категорий застрахованных лиц. Результаты макроэкономического перераспределения бюджетных и страховых ресурсов на рассматриваемый период непосредственно отражаются на уровне жизни пенсионеров (таблица 8)

Таблица 8

Средние размеры пенсий в 2026 году с учетом запланированных мероприятий по их индексации (руб.)

Table 8

Average Pension Amounts in 2026, Taking into Account Planned Measures for Their Indexation (RUB)

	на конец 2025 года	на конец 2026 года	Прирост за 2026 год
Страховая пенсия	23 880,99	25 695,95	1 814,96
Соотношение к прожиточному минимуму пенсионера, %	156.6	157.8	
Страховая пенсия по старости	25 128,68	27 116,59	1 987,91
Соотношение к прожиточному минимуму пенсионера, %	164.8	166.5	
Социальная пенсия	15 533,90	16 590,21	1 056,31

Источник: составлено автором на основе данных «Пояснительная записка к проекту федерального закона № 727321-8 "О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов"».

Выводы

Результаты исследования показывают, что развитие государственной пенсионной системы должно регулироваться с чёткой ориентацией на

достижение национальных целей и количественных ориентиров, установленных правительственной Стратегией-2030 [19; 20], которые в конечном итоге направлены на повышение уровня жизни

пенсионеров при одновременном поддержании безусловной финансовой устойчивости пенсионного бюджета. Однако, представленные результаты бюджетных проектировок на 2026–2028 гг. не достигают стратегических параметров, установленных нормативными документами.

Практика развития страховой пенсионной системы за период после принятия «Стратегии-2030» показала, что несмотря на неоднократные изменения пенсионных моделей расчёта страховых пенсий, не обеспечивается выполнение её основных институциональных прав застрахованного лица в течение всего пенсионного периода [21].

Выполненный в исследовании анализ подтверждает исходную гипотезу исследования о приоритетном влиянии на эффективность ГПС макроэкономического развития и активного государственного регулирования формирования пенсионных прав застрахованных лиц. При этом обоснована необходимость перехода от ориентации государственного регулирования ГПС для решения тактических задач к регулированию стратегических параметров для достижения национальных целей социального благополучия, установленных нормативными актами и указами Президента РФ № 309 (2024).

В результате исследования установлено, что, несмотря на сокращение доли малообеспеченных пенсионеров, уровень жизни старших поколений существенно отстаёт от целевых параметров, ус-

тановленных в стратегических документах, что создаёт серьёзные риски и требует дополнительных решений для достижения национальных целей к 2030 г. Обосновано, что причины торможения заключаются не только в сокращении расходов на выполнение пенсионных обязательств перед застрахованными лицами (недостаточного размера индексации страховых и нестраховых пенсий), но и в необоснованном секвестировании условий формирования пенсионных прав в течение трудового периода жизни как в секторе наёмного труда, так и неформальном секторе самозанятого населения.

Государственное регулирование развитием ГПС, опираясь на фундаментальные научные разработки и эффективную международную практику, отражённую в ратифицированных РФ международных соглашениях, должно быть направлено не на ограничение прав пенсионеров, а на расширение условий формирования пенсионных прав различных категорий трудоспособных возрастов населения в новых формах занятости при цифровой трансформации рынка труда.

Практические результаты исследования заключаются в обосновании необходимости нормативно-правовой интеграции действующей страховой модели пенсионного обеспечения, ориентированной на реализацию прав сокращающегося сектора наёмной занятости, с гибридными моделями формирования пенсионных прав самозанятого и незанятого населения.

Список источников

1. Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42. <https://doi.org/10.31857/S013216250017479-9> EDN AKIYKM
2. Камнева Е.В., Полевая М.В., Шуракова Н.Н. Отношение молодежи к изменению пенсионного возраста в России // Народонаселение. 2025. Том 28. № 3. С. 163–174. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-163-174> EDN SJBDDU
3. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79> EDN OQBUZN
4. Bloom D.E., Canning D., Fink G. Implications of Population Aging for Economic Growth. *Oxford Review of Economic Policy*. 2010;26(4):583–612. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grq038>
5. Lee R. Macroeconomics, Aging and Growth. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 22310. Cambridge: NBER; 2016. 71p. <https://doi.org/10.3386/w22310>
6. Kazbekova Z. Impact of the Demographic Dividend on Economic Growth. *Population and Economics*. 2018;2(4):85–135. <https://doi.org/10.3897/popcon.2.e36061> EDN BBFWDY
7. Kudrna G., Piggott J., Poonpolkul P. Sustainable and Equitable Pension Reform for Emerging Economies: An application to Indonesia. *Economic Modelling*. 2025;148:107080. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107080>
8. Durante A. Social Security: Lessons for Reform. Washington: Tax Foundation; 2024. 17 p.
9. Соловьев А.К. Пенсионные права застрахованных лиц: проблемы формирования и риски реализации: [монография]. М.: Прометей, 2020. 326 с. ISBN 978-5-00172-042-3
10. Кашепов А.В. Пенсионная реформа: предварительные результаты и оценка их влияния на экономическое положение старших возрастных групп населения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 56–67. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67> EDN IOМTKE
11. Дмитриев М.Э. Ход реализации и итоги реформ социальной сферы начала 2000-х гг. в России: переосмысление в ретроспективе // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 7–30. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_3_7_30 EDN CSXBCT

12. Шаров В.Ф., Балынин И.В., Седова М.Л. Прогнозирование объема расходов на выплату страховых пенсий по старости в Российской Федерации до 2035 года // *Финансы: теория и практика*. 2024. Том 28. № 1. С. 122–132. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-122-132> EDN YFBUZC
13. Потапенко В.В. Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2025. № 5. С. 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 EDN ISBAMN
14. Малева Т.М., Ляшок В.Ю. Дефицит рабочей силы в России: краткосрочные и долгосрочные эффекты // *Экономическая политика*. 2024. Том 19. № 6. С. 120–153. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-6-120-153> EDN PWQEFU
15. Синявская О.В., Якушев Е.Л., Червякова А.А. Российская пенсионная система в контексте долгосрочных вызовов и национальных целей развития: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. 120 с. ISBN 978-5-7598-2506-7
16. Соловьев А.К. Проблемы развития государственной пенсионной системы для достижения национальных целей. Часть 1 // *Социальное и пенсионное право*. 2025. № 3. С. 24–32. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2025-3-24-32> EDN RRNDOJ
17. Соловьев А.К. Анализ методов индексации пенсий с целью достижения благополучия старших поколений // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 1. С. 59–71. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71 EDN OJJCLY
18. Соловьев А.К., Орещенко Ю.А. Актуарно-статистический анализ и оценка рисков глобальной цифровизации экономики для финансовой обеспеченности выполнения государственных пенсионных обязательств и стратегической устойчивости государственной пенсионной системы РФ. М.: Прометей, 2025. 221 с.
19. Казбекова З.Г., Калабихина И.Е. Прогноз динамики демографического дивиденда в России с учетом пенсионной реформы и пандемии // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2023. Том 15. № 3(49). С. 68–82. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82> EDN MACIXE
20. Pomazkin D., Filippov V. Demographic Resource for Data Analysis and Visualization. *Population and Economics*. 2022;6(3):117–124. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81027> EDN LVYBYJ
21. Соловьев А.К. Особенности российской пенсионной системы на бюджетно-плановый период 2025–2027 гг. // *Финансы*. 2024. № 11. С. 58–64. EDN GYCWRV

Информация об авторе:

Аркадий Константинович Соловьев – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист России, директор, Научно-исследовательский центр развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 6165-1300) (Scopus Author ID: 57200797260)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 21.03.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Tsyganov, A.A. Pension Expectations of Russian Residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;(6):36–42. <https://doi.org/10.31857/S013216250017479-9> (In Russ.)
2. Kamneva E.V., Polevaya M.V., Shurakova N.N. Attitude of Young People to Changing the Retirement Age in Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2025;28(3):163–174. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-163-174> (In Russ.)
3. Kudrin A.L., Gurvich E.T. The Aging of the Population and the Threat of a Budget Crisis. *Voprosy Ekonomiki*. 2012;(3):52–79. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79> (In Russ.)
4. Bloom D.E., Canning D., Fink G. Implications of Population Aging for Economic Growth. *Oxford Review of Economic Policy*. 2010;26(4):583–612. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grq038>
5. Lee R. Macroeconomics, Aging and Growth. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 22310. Cambridge: NBER; 2016. 71p. <https://doi.org/10.3386/w22310>
6. Kazbekova Z. Impact of the Demographic Dividend on Economic Growth. *Population and Economics. Population and Economics*. 2018;2(4):85–135. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36061>
7. Kudrna G., Piggott J., Poonpolkul P. Sustainable and Equitable Pension Reform for Emerging Economies: An application to Indonesia. *Economic Modelling. Economic Modelling*. 2025;148:107080. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107080>
8. Durante A. Social Security: Lessons for Reform. Washington: Tax Foundation; 2024. 17 p.
9. Solovyov A.K. Pensionnye Prava Zastrakhovannykh Lits: Problemy Formirovaniya i Riski Realizatsii. Moscow: Publishing House Prometei; 2020. 326 p. ISBN 978-5-00172-042-3 (In Russ.)
10. Kashpev A.V. Pension Reform: Preliminary Results and Assessment of their Impact on the Economic Situation of Older Age Groups of the Population. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labour Research*. 2023;(3(52)):56–67. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67> (In Russ.)

11. Dmitriev M.E. The Course of Implementation and Results of Social Sector Reforms in the Early 2000s in Russia: Rethinking in Retrospect. *Voprosy teoreticheskoi ehkonomiki=Issues of Economic Theory*. 2024;(3):7-30. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_3_7_30 (In Russ.)
12. Sharov V.F., Balynin I.V., Sedova M.L. Forecasting the Amount of Expenses for the Payment of Old-Age Insurance Pensions in the Russian Federation Until 2035. *Finansy: Teoriya i Praktika=Finance: Theory and Practice*. 2024;28(1):122-132. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-122-132> (In Russ.)
13. Potapenko V.V. Population Aging and Demographic Burden on the Russian Pension System. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(5):27-45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 (In Russ.)
14. Maleva T.M., Lyashok V.Yu. Labor Shortage in Russia: Short-Term and Long-Term Effects. *Ehkonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2024;19(6):120-153. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-6-120-153> (In Russ.)
15. Sinyavskaya O.V., Yakushev E.L., Chervyakova A.A. Rossiiskaya Pensionnaya Sistema v Kontekste Dolgosrochnykh Vyzovov i Natsional'nykh Tselei Razvitiya. Report for XXII April International Academic Conference on Economic and Social Development; April 13–30, 2021; Moscow, Russia. Moscow: HSE Publishing House; 2021. 120 p. ISBN 978-5-7598-2506-7 (In Russ.)
16. Soloviev A.K. Problems of Development of the State Pension System for Achieving National Goals. Part 1. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo=Social and Pension Law*. 2025;(03):24-32. <https://doi.org/10.18572/2070-2167-2025-3-24-32> (In Russ.)
17. Solovyov A.K. Analysis of Pension Indexation Methods in Order to Achieve the Well-Being of older Generations. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):59-71. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71 (In Russ.)
18. Soloviev A.K., Oreshchenkova Yu.A. Aktyarno-Statisticheskii Analiz i Otsenka Riskov Global'noi Tsifroviztsii Ehkonomiki dlya Finansovoi Obespechennosti Vypolneniya Gosudarstvennykh Pensionnykh Obyazatel'stv i Strategicheskoi Us-toichivosti Gosudarstvennoi Pensionnoi Sistemy RF. Moscow: Publishing House Prometei; 2025. 221 p. (In Russ.)
19. Kazbekova Z.G., Kalabikhina I.E. Forecast of Demographic Dividend Dynamics in Russia, Taking into Account Pension Reform and Pandemic. *Nauchnye issledovaniya ehkonomicheskogo fakul'teta. Ehlektronnyi zhurnal=Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2023;15((3)49):68-82. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82> (In Russ.)
20. Pomazkin D., Filippov V. Demographic Resource for Data Analysis and Visualization. *Population and Economics*. 2022;6(3):117–124 <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81027>
21. Soloviev A.K. Osobennosti Rossiiskoi Pensionnoi Sistemy na Byudzhethno-Planovyi Period 2025–2027 gg. *Finansy*. 2024;(11):58-64. (In Russ.)

Information about the author:

Arkadii K. Soloviev – Doctor of Economics, Professor, Honoured Economist of Russia, Director, Research Center for the Development of the State Pension System and Actuarial and Statistical Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 6165-1300) (Scopus Author ID: 57200797260)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 21.03.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Оригинальная статья

УДК 330.1

JEL O33, O47

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_4_240_255

EDN RHSFWS

Технологическое обновление: производительность и динамика труда

Олег Сергеевич Сухарев

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(o_sukharev@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3436-7703>)

Аннотация

Рассматривается связь технологического обновления российской экономики, преследующее цель повышения технологичности, производительности и динамики труда по агрегированным секторам экономики. Целью исследования является выявление характеристики динамики труда в российской экономике в связи с динамикой общей технологичности и производительности труда. Методологию работы составляет подход по изучению технологического дуализма и его вариантов, «аргумент Манолейску», методы измерения производительности, технологичности, регрессионный анализ. Информационную базу исследования составляют данные Росстата, МОТ, Всемирного банка. Применение указанной методологии позволило получить общий результат, который сводится к тому, что повышение производительности труда может совсем не влиять на рост технологичности и технологическое обновление экономики, как и повышение технологичности может не приводить к росту производительности на каком-то отрезке времени. Кроме этого, выявлен антиэффект технологического дуализма, который в отличие от «псевдоэффекта», наблюдавшегося в России до 2022 года, демонстрирует рост занятости в обработке, что сопровождается ростом технологичности, и производительности труда и заработной платы. До этого периода псевдоэффект технологического дуализма состоял в том, что технологичность не возрастала, кадры покидали обработку, а заработная плата медленно возрастала. Возникающие эффекты динамики труда между агрегированными секторами российской экономики подтверждают отсутствие системных действий в области политики технологического обновления и повышения производительности труда, что приводит к необходимости выстраивать достижение одной цели при масштабной реализации другой. Речь идёт о том, чтобы развернуть процесс технологического обновления, который бы приводил к росту производительности, приводящей к росту реальных доходов и заработной платы. Отмечено, что повышение заработной платы в ситуации дефицита высоко квалифицированных кадров может происходить вне связи с производительностью труда, для привлечения соответствующих кадров как условия интенсификации процесса технологического обновления.

Ключевые слова: производительность труда, технологичность, заработная плата, динамика труда по секторам, технологический дуализм, обработка, транзакционно-сырьевой сектор, средства производства, предметы потребления

Для цитирования: Сухарев О.С. Технологическое обновление: производительность и динамика труда // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 240–255. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_4_240_255 EDN RHSFWS

RAR (Research Article Report)

JEL O33, O47

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_4_240_255

Technological Update: Productivity and Labor Dynamics

Oleg S. Sukharev

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(o_sukharev@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3436-7703>)

Abstract¹

This paper examines the relationship between technological renewal of the Russian economy, aimed at increasing technological sophistication, and labor productivity and labor dynamics across aggregated economic sectors. The purpose of the study is to identify the characteristics of labor dynamics in the Russian economy, analyzing the dynamics of overall technological sophistication and labor productivity. The methodology utilizes an approach to studying technological dualism and its variants, the «Manoleisku argument», methods for measuring productivity and technological sophistication, and regression analysis. The research is based on data from Rosstat, ILO and the World Bank. The application of this methodology yielded the general conclusion that increased labor productivity may have no impact whatsoever on the growth of technological sophistication and technological renewal of the economy, just as increased technological sophistication may not lead to increased productivity over a given period. Furthermore, a counter-effect of technological dualism was identified. Unlike the «pseudo-effect» observed in Russia before 2022, this counter-effect demonstrates an increase in employment in manufacturing, accompanied by an increase in technological sophistication, labor productivity, and wages. Prior to this period, the pseudo-effect of technological dualism consisted of a stagnant technological sophistication, labor leaving manufacturing, and a slow increase in wages. The emerging effects on labor dynamics between aggregated sectors of the Russian economy confirm the lack of systemic action in the area of technological renewal and productivity improvement policies, necessitating the pursuit of one goal while pursuing the other on a large scale. The goal is to deploy a process of technological renewal that would lead to increased productivity, leading to growth in real incomes and wages. It is noted that wage increases, in the face of a shortage of highly qualified personnel, can occur independently of labor productivity, in order to attract the appropriate personnel as a prerequisite for intensifying the process of technological renewal.

Keywords: labor productivity, technology, wages, labor dynamics by sector, technological dualism, processing, transaction-raw materials sector, means of production, consumer goods

© Сухарев О.С., 2026

Введение

Производительность труда в экономике в значительной степени зависит от научно-технического прогресса [1], насколько труд вооружён новой техникой, технологиями, какое новое оборудование создано и введено в строй, какова технологичность производства и какие вводятся новые технологии [2]. Потенциал социально-экономической модернизации общества, инновационная динамика также зависят от результатов и интенсивности развития науки и технологий [3].

Формирующиеся новые технологические уклады задают масштаб ввода новых технологий, детерминируют процесс роста производительности труда и технологичности производства [4]. Вместе с тем, далеко не всегда новые технологии обеспечивают рост производительности труда, что известно как «парадокс производительности» при распространении компьютерных и информационных технологий в США, обнаруженный Робертом Солоу [5; 6] ещё в 1980-х гг.

Он может проявляться по разным технологиям и в разных странах иначе, поскольку зависит от многих условий, влияющих на рост производительности труда при технологическом обновлении. Поскольку этот эффект во многом самопроизвольный и его проявление и масштаб определяются многими условиями ввода новых технологий и их качеством, постольку, видимо, он не требует специального приспособления, так как адаптационные реакции возникают по мере распространения новых технологий, осуществляя сдвиги в области занятости, заработной платы и трудовых отношений в целом [7].

Отметим, что распространение промышленных технологий при первой промышленной революции [8], обеспечивавшее более высокий темп роста промышленности, нежели валовой внутренний продукт (ВВП), получило название «парадокса быстрой индустриализации». Причину обычно называют в том, что сельскохозяйственные технологии имели неизмеримо меньший динамизм и тормозили общую динамику, включая и прирост общей производительности труда в экономике.

Современная ситуация в области технологической динамики такова, что, как ввод новых технологий, так и понижение технологичности могут оказаться на какое-то время не связаны с динамикой производительности труда. К тому же

методология количественных оценок, как технологичности, так и производительности труда требует улучшения [9]. Например, если рассчитать индекс производительности труда на единицу заработной платы, то можно увидеть совсем иной результат, связанный с тем, что труд является недооплаченным, что может сказываться на отсутствии роста производительности труда [10]. Эта закономерность подчёркивалась для России академиком Д.С. Львовым ещё в начале 2000-х гг. Однако, с тех пор ситуация в России изменилась, и уже после 2014–2015 гг. и на протяжении последних десяти лет, данная ситуация не является для России характерной, что показано в исследовании С.Ю. Глазьева и О.С. Сухарева [10]. Причина и в росте реальной заработной платы, и величины индивидуального располагаемого дохода, а также в повышении технологичности по отдельным видам деятельности (динамика роста и даже направленность этой динамики могут оказаться разными), особенно в период 2023–2024 гг.

Отметим, что сегодня выявляются эффекты, которые ранее не возникали, причём, при стандартных подходах к измерению производительности труда и технологичности [11; 12]. В частности, речь идёт о технологическом дуализме¹ и его специальном варианте для России (псевдоэффект) [9], а также антиэффекте, который наблюдается в России в последние два-три года (в 2023–2024 гг.) и который будет показан на данных по России ниже. Технологические изменения могут приводить (иногда со значительным лагом времени) к повышению производительности труда, но могут сов-

¹ Эффект технологического дуализма – это возникающее в ходе технологического обновления капиталоинтенсивных видов деятельности явление вытеснения труда, который, распределяясь в трудоинтенсивных секторах экономики, с одной стороны, поддерживает в них трудоинтенсивные технологии, с другой, некоторым образом, тормозит процесс технологического обновления в них (в частности, ввод капиталоинтенсивных технологий), порождая, тем самым, общее «технологическое равновесие» в секторальном разрезе. Это может приводить к стабилизации динамики производительности труда в целом по экономике, по крайней мере, объяснять отсутствие значимого роста производительности. Псевдоэффект выявлен в России, поскольку без ощутимого технологического обновления до 2021 года включительно труд покидал обрабатывающие секторы, размещаясь в транзакционных и сырьевых секторах, что противоречит факту «классического технологического дуализма», ибо причина вытеснения – не технологическое обновление. Антиэффект – это обратное состояние, когда имеется приток труда в обработку как раз при увеличивающемся технологическом обновлении, регистрируется в России в 2023–2024 гг. Будет раскрыт в статье ниже по эмпирическим российским данным (Росстата).

сем не обеспечивать такой динамики, поскольку своё тормозящее влияние способны оказывать институциональные и структурные факторы [13; 14], международные изменения в торговле, глобальные процессы, индустриальные сдвиги и т.д. [15; 16; 17]. Поэтому достигая цель по производительности труда можно совсем не обеспечить технологический суверенитет [18; 19; 20; 21; 22].

Сказанное позволяет обозначить **цель настоящего исследования** как определение характеристик динамики труда в процессе технологического обновления, изменения производительности. Учитывается изменение технологичности, рентабельности и риска в рамках выделяемых агрегатных экономических секторов. Основная гипотеза, которую подтвердим эмпирическими данными и проводимым регрессионным анализом, состоит в том, что динамика труда между выделяемыми экономическими секторами (в сумме дающих ВВП России) практически не влияла на динамику общей производительности труда в экономике и технологичность. В статье анализируются агрегатные секторы в двух ракурсах. Во-первых, обработка и транзакционно-сырьевой, и, во-вторых, средства производства и предметов потребления. Разбивка на такие секторы приводится ниже и является авторской. Отметим, что перемещение труда между видами деятельности и секторами экономики, может быть вызвано не только технологическим обновлением, но и «сменой труда», к тому же эта «смена труда» может происходить и в силу технологического обновления, влияя каким-то образом на производительность. Однако, убедительная статистическая база, которая бы позволяла вскрыть этот аспект и выделить его из общей динамики труда, да ещё связать с причиной технологического обновления – отсутствует. К тому же в статье поставлена агрегатная цель по динамике труда, без подобных уточнений². Также отметим, что в статье никак не рассматриваются аспекты производственных отношений или общественно-экономических отношений в широком контексте. Считаем, что этот набор тем для исследования и задач всё-таки имеет самостоятельное и самостоятельное значение, и с конкретным исследованием согласно заявленной цели – не связан в части постановки и достижения указанной цели. Хотя сам вид отношений может иметь большое значение, но его требуется анализировать в сумме всего возможного числа факторов, влияющих на

² Эти оговорки имеют ценное значение – и автор благодарит анонимного рецензента, за то, что он подчеркнул это обстоятельство. Благодаря ему и введено в статью данное уточнение. Этот аспект в данном исследовании не раскрылся, не входил в цель и задачи. К тому же, доля такого труда может быть весьма невысокой, а её учёт не меняет общих релевантных результатов по динамике труда, производительности и технологичности.

производительность, а это иная постановка задачи и исследования.

Для достижения сформулированной цели решим две основные задачи. Во-первых, обозначим шаги алгоритма исследования, в ходе выполнения которых определим производительность труда, технологичность и динамику труда в выделяемых агрегатных секторах. Во-вторых, проведём регрессионный анализ влияния труда на валовую добавленную стоимость, создаваемую в данных секторах. **Объектом исследования** выступает технологическое обновление и перемещение труда между агрегированными экономическими секторами – обработки, транзакционно-сырьевым, а также средств производства и предметов потребления. **Предмет исследования** – оценка релевантных параметров и установление связей в динамике производительности, технологичности, заработной плате и добавленной стоимости. **В качестве методологии** используется теория измерений, представления об уровне технологичности и производительности труда, регрессионный анализ. Построение регрессий осуществляется по известному программному модулю Иксель, с применением метода наименьших квадратов и подбором наилучшей регрессионной модели по статистикам. Для достижения поставленной цели и подтверждения (либо опровержения выдвинутой гипотезы) следует решить две главные задачи. Во-первых, обозначить алгоритм эмпирического исследования. Во-вторых, выявить влияние динамики труда на технологичность сектора средств производства и предметов потребления. Установить, как влияет на эту динамику рентабельность и риск ведения хозяйственной деятельности в рассматриваемых агрегированных секторах – обработке и транзакционно-сырьевом секторе (измеряемый по дисперсии получаемой прибыли). Информационную базу исследования составляют данные Росстата и МОТ.

Последовательно перейдём к решению указанных задач для достижения цели работы.

Теоретические и методологические основы

Согласно применяемым производственным функциям [17] и известным подходам к оценке производительности труда [10; 11; 12], для анализа часто применяется представление о совокупной производительности факторов (TFP), определяемой согласно (1) – (2):

$$P = A K^a * L^b \quad (1)$$

$$TFP = P / (K^a * L^b) \quad (2)$$

где: P – величина ВВП, K – основной капитал, L – труд (стоимостная оценка по фонду оплаты труда), A, a, b – коэффициенты производственной функции.

Производительность труда в классическом варианте по выработке определится либо как отношение создаваемого продукта к среднесписочному числу занятых (P/N , N – численность занятых), либо согласно Росстату³ по индексу изменения производительности, определяемому делением индекса физического объёма ВВП на индекс изменения всех затрат труда в эквиваленте полной занятости (P/L). Возможно измерение по трудоёмкости, по затратам труда на получение единицы продукции, но на практике применяется первый метод.

Такое измерение отражает прирост добавленной стоимости на единицу изменения затрат труда [10].

Технологичность – это системный и ещё более сложный в измерении показатель, нежели производительность труда. На сегодня точный статистический учёт и общепринятые методики измерения этого параметра фактически отсутствуют. В настоящем исследовании будем количественно оценивать следующий показатель, характеризующий технологичность – отношение объёма инновационной к неинновационной продукции работ, услуг.⁴

В общетеоретическом смысле, можно говорить о технологичности как об экономии факторов производства и ресурсной базы. В таком случае, оценке подлежат два вида технологичности и общесистемная технологичность – отдельно. Введя соответствующие показатели (T – технологичность⁵, R – ресурсы, U – степень использова-

³ Все индексы рассчитываются в постоянных ценах. См.: Приказ Росстата от 20.12.2013 г. № 492 «Об утверждении методики расчета показателя "Индекс производительности труда"».

⁴ Критерием отнесения продукции к инновационной является определение этой продукции как товаров, работ, услуг, новых или подвергавшихся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям. Объем неинновационных товаров работ услуг определяется как разница между «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» и «Объемом инновационных товаров, работ, услуг». См.: Основные понятия. Объем инновационных товаров, работ, услуг // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov-3.htm (дата обращения: 26.03.2026).

⁵ Технологичность является всегда системным параметром и для её полноценной оценки применяется набор показателей, в том числе так называемых «эффективных», то есть, описывающих эффективность использования ресурсов. Применяется этот показатель для того, чтобы полноценно осуществить, конечно, «эффективную» оценку ввода технологий и процессов технологического развития. Отметим, что показатель T_2 не является эффективностью в классическом понимании, поскольку в знаменателе не полные затраты, да и в числителе не полноценная разница между результатами и затратами. Этот показатель характеризует продукт с единицы ресурса, он это и показывает. Относительно T_1 – этот показатель характеризует изменение продукта с единицы изменения ресурса. Они могут использоваться для характеристики общей технологичности рассматриваемой хозяйственной системы.

ния ресурсов), технологичность можно записать в виде соотношений (3), имея в виду разные варианты (обозначены нижними индексами при показателе) определения или виды технологичности, при соответствующих ограничениях на динамику релевантных параметров, используемых для расчёта:

$$T_1 = dP/dR; T_2 = P/(K+L); T_3 = 1/U \quad (3)$$

Используемый в настоящем исследовании вариант оценки уровня технологичности имеет не меньшие основания к применению, нежели формулы (3), поскольку объём инновационной продукции работ и услуг формируется на базе ввода технологий и, следовательно, технологических инноваций [23; 24; 25]. Инновационную продукцию, работы и услуги проблематично создавать, осуществлять и оказывать в достаточном массиве без технологических инноваций, которые и осуществляются для повышения технологичности.

Как видим, с точки зрения экономического содержания и смысла, измерения, показатель производительности и технологичности разные и характеризуют разные аспекты функционирования хозяйственной системы. Производительность даёт представление о создании благ на единицу труда (по числу занятых или стоимостной оценке самого труда⁶).

Технологичность характеризует возможность экономии ресурсов и факторов, а также времени. Её повышение может означать снижение энергоёмкости, материалоёмкости и трудоёмкости экономической (производственной) деятельности. Как общий эффект возможно снижение спроса на ресурсы с вытекающим влиянием на динамику ВВП, вклад в такую динамику может даже понизиться в общем случае. Влияние на производительность труда может быть также не однозначным, поскольку экономия ресурсов может выразиться и в стоимости продукта, а также затрат труда, а ввод новых технологий – понизить занятость, сказавшись на выработке в сторону увеличения. Но снижение стоимости создаваемого продукта при этом может быть таким, что не будет наблюдаться ощутимого прироста производительности. И это лишь одно из обстоятельств, способных объяснить возникающий так называемый «парадокс производительности». Кстати, в том числе оно, а также «эффект Львова», когда труд недооплачен в стране, опровергают связь, что увеличивать оплату труда невозможно или нельзя без роста производительности.

⁶ Показатель производительности (индекс) считается как отношение индекса добавленной стоимости к индексу заработной платы. См.: Приказ Росстата от 20.12.2013 г. № 492 «Об утверждении методики расчета показателя "Индекс производительности труда"».

В указанных случаях рост заработной платы способен повысить мотивы труда и увеличить производительность, в том числе за счёт роста технологичности, интенсификации изобретательской и рационализаторской деятельности на производстве, что способно повысить производительность с некоторым лагом времени.

На рисунке 1 и 2 показана динамика производительности труда (по выработке на одного работника по статистике Международной организации труда – МОТ) в России и ряде стран, и рассчитана динамика технологичности, как выше введено её количественное измерение по инновационной компоненте.

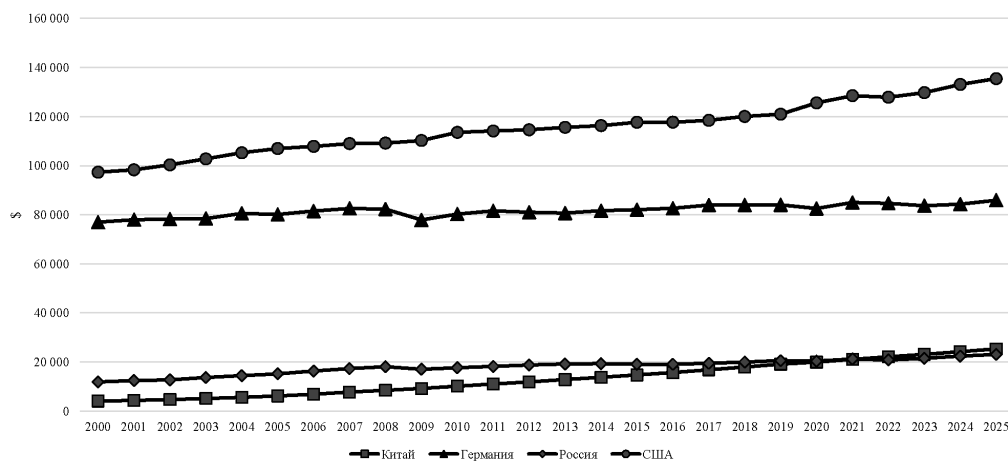

Рисунок 1. Производительность труда (ВВП в ценах 2015 года, долл. США), 2000–2025 гг.
Figure 1. Labor Productivity (GDP at 2015 Prices, US Dollars), 2000–2025

Источник: построено по данным Международной организации труда.⁷

Учитывая, что производительность определяется по выработке на одного работника (рисунок 1) у Китая весьма низкий показатель, сравнимый с российским, однако, отрыв России от США составляет более десятка раз (не в пользу России как видно из рисунка 1).

Обратим внимание на рисунок 2, где видна динамика технологичности в России за ряд лет. Видно, что рост выработки (производительности) сопровождался снижением технологичности в 2014–2022 гг. И только в 2023–2024 гг. произошёл рост технологичности (незначительный был ещё в 2020 году).

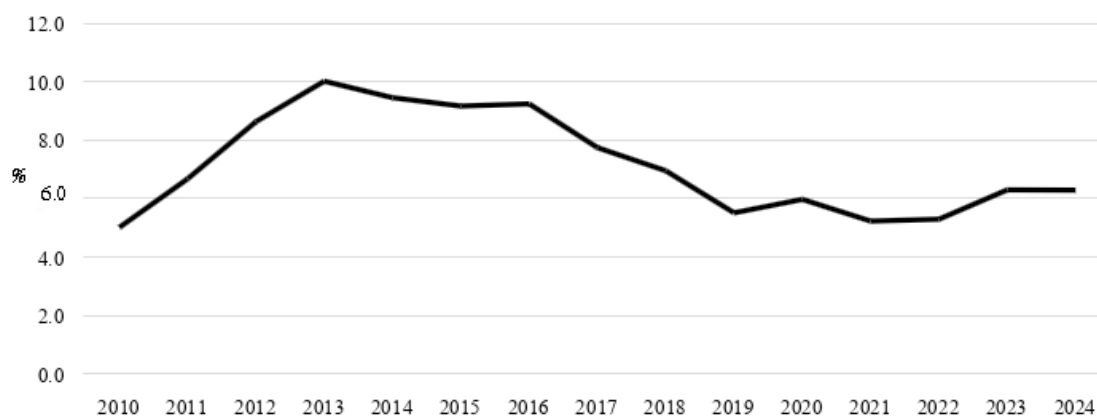

Рисунок 2. Динамика технологичности в России, %, 2010–2024 гг.
Figure 2. Technological Advancement in Russia, %, 2010–2024

Источник: рассчитано по данным Росстата.⁸

⁷ Statistics on Labour Productivity // ILOSTAT: [сайт]. URL: https://ilostat ilo.org/topics/labour-productivity/#elementor-toc_heading-anchor-1 (дата обращения: 26.03.2026).

⁸ Наука, инновации и технологии // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 26.03.2026).

Приведённая динамика заставляет исследователя поставить несколько вопросов, требующих изучения, поскольку важно то, что происходит в экономике с трудом, его производительностью и общей технологичностью системы. Каковы возможные связи и возникающие явления в структуре хозяйства. Сопоставление графиков рисунков 1–2 за соответствующие годы подтверждает необходимость исследования обозначенных выше проблем, включая выявление эффектов динамики труда в секторальном разрезе. Важно заметить, что динамика технологичности в агрегированных секторах, выделенных ниже, во многом повторяет общий показатель технологич-

ности для экономики России (рисунок 2), только для обрабатывающего сектора величина технологичности выше, нежели для транзакционного или сырьевого секторов.

Для выделения секторов воспользуемся ОКВЭДом (расшифровка позиций дана ниже в таблицах 1–2 и сноске) Росстата. Сформируем состав агрегированных секторов обработки и транзакционно-сырьевого сектора⁹. Кроме того, осуществим выделение сектора средств производства (вместе с базисной ресурсной основой производства) и предметов потребления. Таблицы 1–2 представляют состав сектора средств производства и предметов потребления.

Таблица 1

Сектор средств производства по ОКВЭД, Росстат

Table 1

Production Capital Goods Sector by ICTEA, Rosstat

Раздел ОКВЭД, позиция	Наименование
В	Добыча полезных ископаемых
С 19	Производство кокса и нефтепродуктов
С 24	Производство металлургическое
С 26	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий
С 27	Производство электрического оборудования
С 28	Производство машин и оборудования, не включённых в другие группировки
С 29	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
С 30	Производство прочих транспортных средств и оборудования
С 33	Ремонт и монтаж машин и оборудования
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха

Источник: данные Росстата.¹⁰

Предлагаемые разбивки секторов применяются с разными целями. Выделение агрегатных

⁹ В состав обрабатывающего сектора входят виды деятельности: обрабатывающие производства; строительство. В состав транзакционно-сырьевого сектора входят виды деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг. Такое выделение предпринято автором, является нормативным выражением применения структурного анализа посредством композиции хозяйственных секторов (по видам деятельности). Как известно, отрас-

секторов обработки и транзакционно-сырьевого используется, чтобы показать перемещение кадров и смещение в наращении фондов в этих секторах. А выделение агрегатных секторов средств производства и предметов потребления осуществляется для регрессионного анализа связи добавленной стоимости и изменения структуры труда. Тем самым применяются демонстрационно два ракурса в рамках применяемой методологии структурного анализа. Это позволяет показать, как сформировавшаяся экономическая структура, представимая в разных секторальных плоскостях, оказывала влияние на развитие и изменение рассматриваемых показателей.

левой классификатор в России сегодня не применяется. Оно выполнено для того, чтобы отграничить обрабатывающие виды деятельности – и всё остальные. Социальные секторы обозначены как транзакционные, что является общим атрибутом, находящим отражение в институциональных трудах. См.: Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁰ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 26.03.2026).

Сектор предметов потребления ОКВЭД, Росстат

Consumer Goods Sector ICTEA, Rosstat

Раздел ОКВЭД, позиция	Наименование
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
C (10–12)	Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий
C (13–15)	Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи
C 16	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения
C 17	Производство бумаги и бумажных изделий
C 18	Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации
C 20	Производство химических веществ и химических продуктов
C 21	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях
C 22	Производство резиновых и пластмассовых изделий
C 23	Производство прочей неметаллической минеральной продукции
C 25	Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования
C (31–32)	Производство мебели, прочих готовых изделий
G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
H	Транспортировка и хранение
I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
J	Деятельность в области информации и связи
K	Деятельность финансовая и страховая
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
M	Деятельность профессиональная, научная и техническая
N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
O 84	Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение
P 85	Образование
Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
S	Предоставление прочих видов услуг
T	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления

Источник: данные Росстата.¹¹

Далее обозначим алгоритм исследования, представленный следующими тремя основными шагами.

Шаг 1. Осуществим оценку динамики производительности труда в России и на доллар заработной платы (для сравнения и в США).

Шаг 2. Определим перемещение труда между обработкой и транзакционно-сырьевым агрегированными секторами, в зависимости от рентабельности и риска экономической деятельности в секторах, который оценивается как среднее квадратичное отклонение прибыли в секторе в ценах 2005 года¹². Рентабельность агрегированного сек-

¹¹ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 26.03.2026).

¹² Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций по видам экономической деятельности // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

тора – это рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), считается как среднее арифметическое по видам деятельности, входящим в сектор¹³. Выделим эффекты динамики труда – «технологического дуализма».

Шаг 3. Осуществим регрессионный анализ валовой добавленной стоимости сектора средств производства и предметов потребления от изменения численности занятых в секторах.

Реализация обозначенного алгоритма позволит получить релевантные оценки совместной

rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_11/IssWWW.exe/Stg/d01/15-04.doc (дата обращения: 26.03.2026)

¹³ Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) и активов организаций по видам экономической деятельности // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_11/IssWWW.exe/Stg/d01/15-09.doc (дата обращения: 27.03.2026).

динамики производительности труда, технологичности с учётом новых эффектов занятости и динамики заработной платы, которая с этими эффектами не может не быть связана. Причём влияние и прямое, и обратное. С одной стороны, более высокая рентабельность и как следствие заработная плата обеспечивают перемещение труда в эти виды деятельности. С другой стороны, это ограничивает рост производительности в этих секторах (по выработке и по трудоёмкости), но и становится ограничением для технологического обновления тех секторов, откуда уходит труд вследствие низкой рентабельности и заработной платы.

Остановимся на этих аспектах подробнее, реализуя указанные шаги исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Из рисунка 3 видно, что производительность труда (по выработке) на доллар заработной платы (в ценах 2000 года) до 2008 года превышало аналогичный показатель для США. Хотя сам индекс производительности труда был в США примерно в два раза выше. Это дало основание считать, что труд в России недооплачен, заработные платы низки [10].

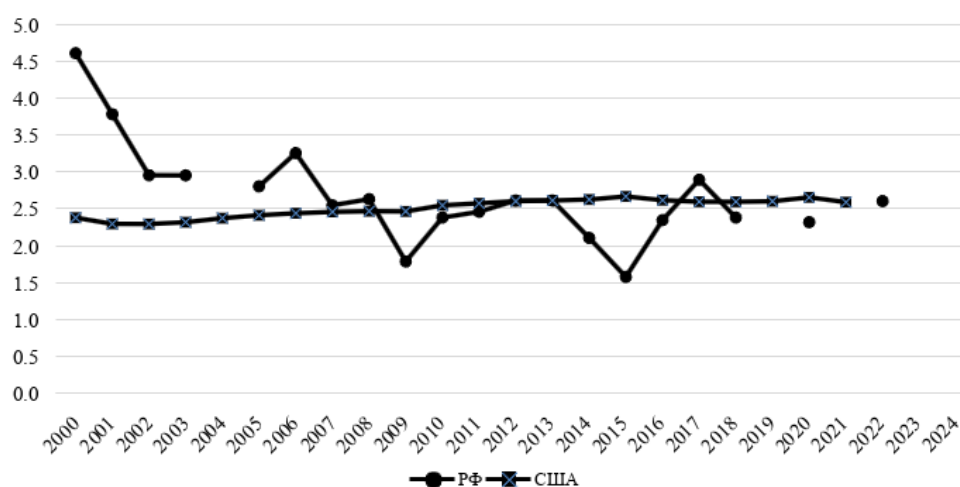

Рисунок 3. Производительность труда на доллар заработной платы, Россия и США, 2000–2023 гг. (раз – по оси ординат)

Figure 3. Labor Productivity per Dollar of Wages, Russia and the United States, 2000–2023 (Times – along the Ordinate Axis)

Источник: рассчитано по данным Всемирного банка,¹⁴ Международной организации труда.¹⁵

Тем самым был доказан тезис о том, что совсем не обязательно заработную плату повышать вслед за повышением производительности труда, считая это условием для повышения зарплаты. С 2009 года ситуация изменилась, однако в 2013–2014 гг. показатели двух стран были сопоставимы (рисунок 3).

В этот же период в России были проведены исследования по обнаружению «аргумента Манойлеску» для российской экономики [26]. Согласно этому тезису, имеется качественная разница между влиянием затрат труда и капитала на одного работника. Сильнее влияет на производительность величина капитала на одного работни-

ка. Становится возможно ранжировать отрасли, дающие стоимость продукции с минимальными затратами труда и капитала. Однако этот результат не назывался технологичным, хотя таковым являлся по факту. Когда средняя заработная плата в промышленности выше средней заработной платы в сельском хозяйстве возможно перемещение излишка труда. Однако, если производительности труда в секторах близки, то защитить от импорта оборудования индустрию можно только применением тарифной политики.

Для России до 2013 года была выявлена связь «специфического капитала Манойлеску» (величина капитала на одного работника) с производительностью труда. Высокая корреляция была для добывающей промышленности, и отчасти и для обрабатывающих производств. Также для добывающей промышленности подтверждалась сильная связь между рентабельностью активов и производительностью труда, умеренная для текстильной,

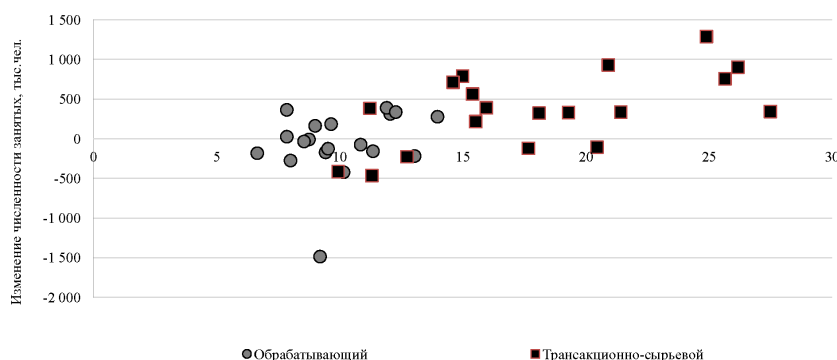
¹⁴ Agriculture and Rural Development // World Bank: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> Росстат: [сайт]. URL: (дата обращения: 27.03.2026).

¹⁵ Statistics on Employment // ILOSTAT: [сайт]. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/employment/> (дата обращения: 27.03.2026); Statistics on Earnings and Labour Income // ILOSTAT: [сайт]. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/wages/> (дата обращения: 27.03.2026).

целлюлозно-бумажной промышленности, производству транспортных средств, резиновых и пластмассовых изделий. Другие отрасли показывали слабую или даже отрицательную корреляцию, то есть связь между рентабельностью активов и производительностью была обратной. Из «аргумента Манойлеску» вытекает главное – разница по заработной плате влияет на движение труда между сек-

торами. Но это влияет и на производительность труда, которая в свою очередь изменяется (при расчёте по выработке) в силу такого движения, влияя и на динамику заработной платы.

На рисунках 4–5 показано изменение численности занятых по агрегированным секторам в России в период 2006–2024 гг. от рентабельности производства этих секторов (рисунок 4) и от риска (рисунок 5).

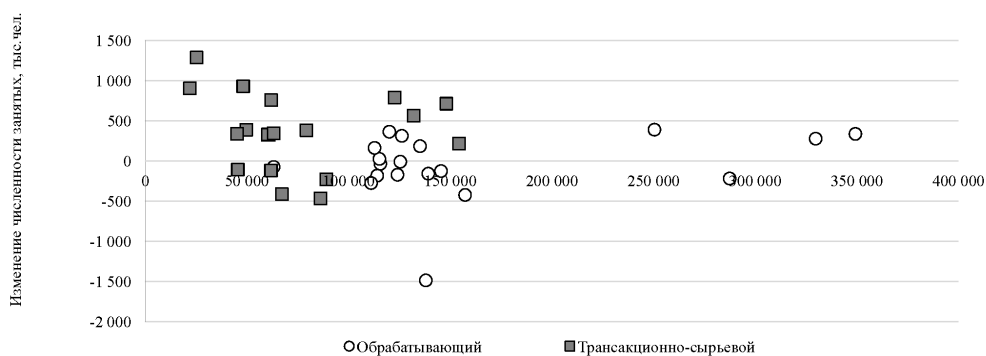
Рисунок 4. Изменение численности занятых (тыс. чел.) в обрабатывающем и транзакционно-сырьевом агрегированных секторах России от рентабельности (% – по оси абсцисс), 2006–2024 гг.

Figure 4. Change in the Number of People Employed (Thousand People) in the Manufacturing and Transaction-Raw Materials Aggregate Sectors of Russia from Profitability (% – on the Abscissa Axis), 2006–2024

Источник: рассчитано по данным Росстата.¹⁶

Эмпирические точки, размещённые на рисунках 4–5, подтверждают факт, что в обработке рентабельность была ниже, а риск выше, нежели в транзакционно-сырьевом секторе. Положительное изменение в обработке много ниже, чем в трансак-

ционно-сырьевом секторе. Более того, можно утверждать, что труд в среднем до 2021 года покидал обработку и размещался в транзакционных и сырьевых секторах.

Рисунок 5. Изменение численности занятых (тыс. чел.) в обработке и транзакционно-сырьевом агрегированных секторах от риска (млн руб. в ценах 2005 года по оси абсцисс) в России, 2006–2024 гг.

Figure 5. Change in the Number of People Employed (Thousand People) in the Manufacturing and Transaction-Raw Materials Aggregate Sectors from Risk (Million Rubles in 2005 Prices on the Abscissa Axis) in Russia, 2006–2024

Источник: рассчитано по данным Росстата,¹⁷ ЕМИСС.¹⁸

¹⁶ Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 26.03.2026); Рентабельность крупных и средних организаций Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/finans/fin12_bd.htm (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁷ Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁸ Прибыль (убыток) до налогообложения с 2017 г. // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57732> (дата обращения: 26.03.2026).

Итоговый результат изменения факторов производства (труда и капитала – фондов) сведён в таблицы 3–5. Из них видно, что до 2021 года труд покидает обработку. Фонды, хотя и обновляются, но преимущественно их

наращение происходит в десятки раз масштабнее в транзакционно-сырьевом секторе, нежели в обработке, судя по величине изменения (таблицы 3–5).

Таблица 3

**Изменение фондов и занятых за период 2006–2021 гг.
по секторам в России**

Table 3

**Changes in Funds and Employment for the Period 2006–2021
by Sector in Russia**

	Основные фонды		Занятые	
	млн руб. в ценах 2005 г.	%	тыс. чел.	%
Обрабатывающий сектор	1 357 111	18,18	-1 639	-2,36
Транзакционно-сырьевой сектор	30 558 229	185,95	4 898	6,90

Источник: рассчитано по данным Росстата.¹⁹

Оценка изменений в движении труда до 2024 года показывает уже меньший отток кадров из обработки, нежели за период до 2021 года. Это гово-

рит о том, что в 2022–2024 гг. произошли изменения, выражающиеся в притоке труда в обработку, что и отражает уже таблица 5.

Таблица 4

**Изменение фондов и занятых за период 2006–2024 гг.
по секторам в России**

Table 4

**Changes in Funds and Employment for the Period 2006–2024
by Sector in Russia**

	Основные фонды		Занятые	
	млн руб. в ценах 2005 г.	%	тыс. чел.	%
Обрабатывающий сектор	2 402 462	20,21	-1 095	-1,61
Транзакционно-сырьевой сектор	38 123 370	204,73	6 946	9,72

Источник: рассчитано по данным Росстата.²⁰

Таблица 5

**Изменение фондов и занятых за период 2022–2024 гг.
по секторам в России**

Table 5

**Changes in Funds and Employment for the Period 2022–2024
by Sector in Russia**

	Основные фонды		Занятые	
	млн руб. в ценах 2005 г.	%	тыс. чел.	%
Обрабатывающий сектор	1 045 351	2,03	397	0,53
Транзакционно-сырьевой сектор	7 565 141	18,78	1 495	2,04

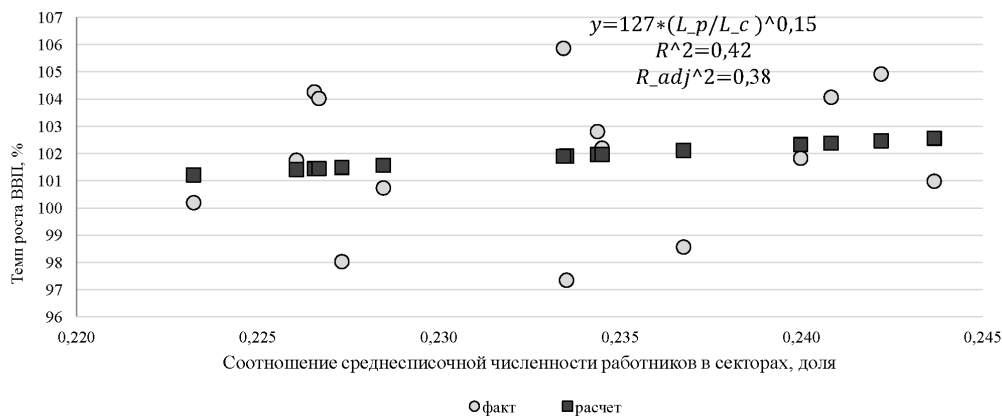
Источник: рассчитано по данным Росстата.²¹

Таблица 5 также говорит о том, что всё-таки большую величину кадров принимает агрегированный транзакционно-сырьевой сектор.

¹⁹ Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 26.03.2026); Рентабельность крупных и средних организаций Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/finans/fin12_bd.htm (дата обращения: 26.03.2026).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

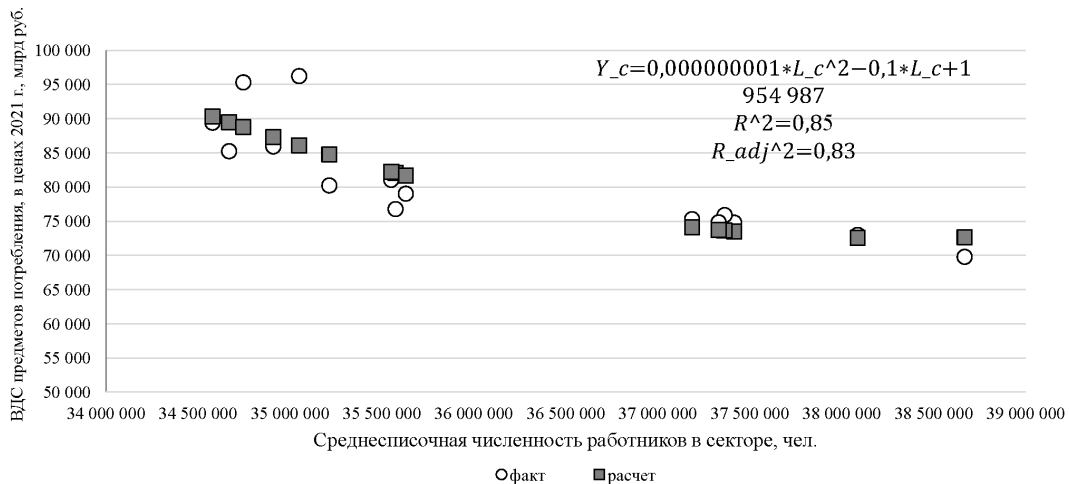

Рисунок 6. Темп роста ВВП России от соотношения среднесписочной численности работников в секторах средств производства и предметов потребления (L_p/L_c), 2011–2022 гг.²²
Figure 6. Russia's GDP Growth Rate as a Function of the Average Headcount Ratio in the Capital Goods and Consumer Goods Sectors (L_p/L_c), 2011–2022

Источник: рассчитан по данным Росстата,²³ ЕМИСС.²⁴

Рисунок 6 отражает связь темпа роста ВВП России в период 2011–2025 гг. со структурой кадров в секторе средств производства и предметов потребления. Хотя виден высокий разброс точек, и не высока детерминация, тем не менее, эмпи-

рические точки также отражают, что увеличение кадров в средствах производства (включая энергоресурсный блок, который включён в этот агрегированный сектор) положительно влияло на динамику ВДС (валовой добавленной стоимости).

Рисунок 7. Валовая добавленная стоимость (Y_c) сектора предметов потребления и среднесписочная численность работников (L_c) России, 2011–2025 гг.²⁵

Figure 7. Gross Value Added (Y_c) of the Consumer Goods Sector and Average Headcount (L_c) of Employees in Russia, 2011–2025

Источник: рассчитано на основе данных Росстата,²⁶ ЕМИСС.²⁷

²² Статистики регрессионной модели: F-критерий = 4,7; D-Врасчёт. = 2,43 € [1,36; 2,64]; Тест Уайта: χ^2 расчёт. = 0,18; χ^2 крит. = 3,84.

²³ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 26.03.2026).

²⁴ Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчетный период // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 26.03.2026).

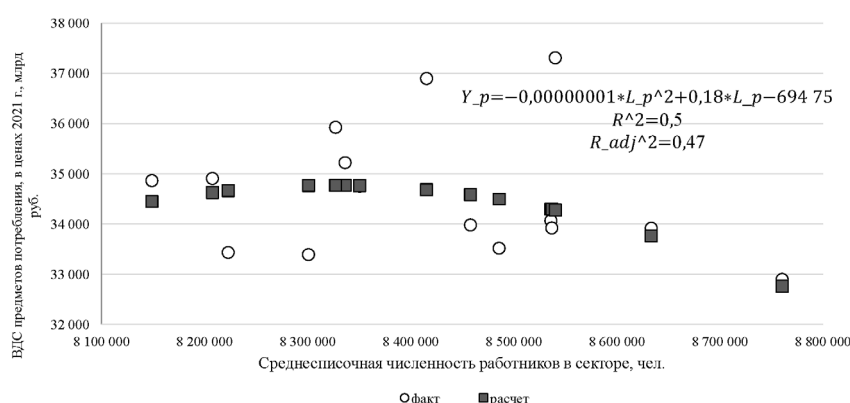
²⁵ Статистики регрессионной модели: F-критерий = 61,4; D-Врасчёт. = 1,44 € [1,36; 2,64]; Тест Уайта: χ^2 расчёт. = 2,62; χ^2 крит. = 3,84.

²⁶ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 26.03.2026).

²⁷ Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчетный период // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 26.03.2026).

Высокую зависимость показывает связь валовой добавленной стоимости, создаваемой в секторе предметов потребления с занятыми в этом

секторе (рисунок 7). Хотя изменение численности кадров в этом секторе не было значительным на более чем десятилетнем периоде.

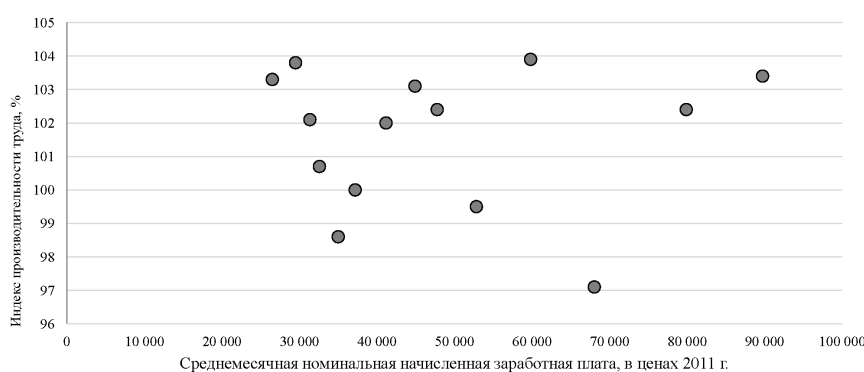

Рисунок 8. Валовая добавленная стоимость сектора средств производства (Y_p) и среднесписочная численность работников (L_p) в секторе России, 2011–2025 гг.²⁸
Figure 8. Gross Value Added of the Capital Goods Sector (Y_p) and Average Number of Employees (L_p) in the Sector in Russia, 2011–2025

Источник: рассчитано по данным Росстата,²⁹ ЕМИСС.³⁰

Что касается сектора средств производства, как он выделен здесь для исследования, то эмпирические точки не высвечивают какой-то чёткой связи (детерминации), хотя видно, что большая занятость отвечала меньшей создаваемой добавленной стоимости, а меньшая – большей величине добавленной стоимости (рисунок 8). Такая ситуация отвечает складывающимся условиям функционирования экономики России в рассматриваемый период. Обратим внимание, что технологичность снижалась до

2023–2024 гг, в которые несколько возросла. Динамика по производительности тоже возросла только в 2023–2024 гг. Именно в эти годы наблюдается приток кадров в обработку, что действовало на снижение показателя производительности по выработке. При этом связи между динамикой производительности труда и заработной платой не обнаруживалось, что подтверждает рисунок 9. Более высокой зарплате отвечает и снижение производительности, и достаточно высокий индекс.

Рисунок 9. Индекс производительности труда и среднемесячная заработная плата в ценах 2011 года, 2011–2024 гг.

Figure 9. Labor Productivity Index and Average Monthly Wages in 2011 Prices, 2011–2024

Источник: рассчитано по данным Росстат <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 26.03.2026).

²⁸ Статистики регрессионной модели: F-критерий = 5,04; D-Wрасчёт. = 1,62 € [1,36; 2,64]; Тест Уайта: χ^2 расчёт. = 0,98; χ^2 крит. = 3,84.

²⁹ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 26.03.2026).

³⁰ Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчетный период // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 26.03.2026).

Движение кадров из обработки до 2021 года, при отсутствии роста технологичности, по существу означало возникновение технологического дуализма в его псевдоварианте, отличающемся от классического. А увеличение технологичности в 2023–2024 гг. происходило при росте работников в обработке, что отвечает антиэффекту технологического дуализма. Причём рост кадров в обработке становится условием роста технологичности и производительности. Такой исход, вероятно, связан с необходимостью преодоления сложившегося дефицита труда в обрабатывающих секторах, а также решением задачи освоения новых технологий, что возможно только при вводе в сектор новых кадров. Однако, этот процесс насыщаем, поскольку дальнейший приток кадров может сопровождаться только развёртыванием новой фондовой базы, то есть, созданием и запуском новых производств.

Заключение

Подводя итог настоящему исследованию, сформулируем наиболее важные полученные результаты.

Во-первых, существует неоднозначная и недоисследованная связь между производительностью труда и её динамикой, и технологичностью, и динамикой этого показателя. Однозначной связи, что заработную плату, возможно повышать только при росте производительности, также не существует. Это определяется многими институциональными условиями и текущим состоянием и структурой труда, поставленными целями технологического развития. Иногда, чтобы повысить производительность, как раз нужно повышать заработную плату, особенно в высокотехнологичных секторах, что отвечает и двухфакторной теории Герцберга, представляющей заработную плату мотивирующим фактором.

Во-вторых, для российской экономики подтверждается отчасти «аргумент Манолейску», что величина специфического капитала будет сильно детерминировать производительность, а создание капитала предполагает оценку его качества и ввод новых технологий. Экономическая структура сложилась таким образом, что сектора обработки с высоким риском и низкой рентабельностью, что отвечает и менее высоким заработным платам относительно сырьевых и транзакционных секторов. Следовательно, возникает градиент перемещения труда из одних секторов в другие (из обработки в транзакционно-сырьевые секторы). Это поддерживает иллюзию не сниже-

ния производительности труда в обработке (по выработке), но сильно не тормозит производительность в транзакционных и сырьевых секторах по причине их расширения, и поглощения труда. Так происходило до 2023–2024 года с разной интенсивностью в российской экономике. Это являлось и причиной невысокой динамики в области производительности, а также иных социальных индикаторов развития – заработной платы и реальных располагаемых доходов. Однако технологическое обновление 2023–2024 гг. изменило ситуацию, что подтверждается проведённым здесь анализом. Однако сектор предметов потребления показывал высокую детерминацию занятыми, в отличие от сектора средств производства.

Тем самым можно подвести итог, что выдвигнутая гипотеза и основные положения исследования в целом подтверждаются. Хотя, конечно, дополнительная верификация, в частности, как и на сколько повышать заработную плату, чтобы росла производительность труда, необходима, как и исследования этого аспекта. Причина в том, что в различных секторах и видах деятельности величина такого повышения будет ограничена условиями развития этих видов труда, а также возможностью повышения производительности, которая лимитируется производительностью оборудования, то есть, основного капитала и его состоянием. Однако, эти аспекты лежали за границами настоящего исследования и должны найти свои решения в будущих работах, включая и других исследователей, которые могут продолжить начатое дело и осуществлённую постановку задачи в настоящей статье.

Таким образом, технологическое обновление может с течением какого-то времени и при соответствующем масштабе не влиять на рост производительности труда, а самоцель по увеличению производительности может вполне вредить достижению цели по обеспечению технологического обновления экономики и её суверенитет. Тем самым нужны исследования, а также определение связанных целей экономической и технологической политики, достижение которых сводилось бы к тому, что ввод новых технологий позволял увеличивать и технологичность, и производительность труда. При этом заработная плата для российской экономики, учитывая дефицит труда в наукоёмких и высокотехнологичных видах деятельности, будет фактором здоровья – то есть может повышаться вне связи с производительностью, но реализовывать цели получения технологичных решений.

Список источников

1. Анчишкин А.И. Наука, техника, экономика. М.: Экономика, 1986. 383 с. ISBN 978-5-0000-0000-0
2. Афанасьев В.Г. Научно-техническая революция, управление, образование. М.: Ленанд, 2023. 430 с. ISBN 978-5-0000-0000-0
3. Jiang H., Zhao S., Zhang S., et al. The Adaptive Mechanism Between Technology Standardization and Technology Development: An Empirical Study. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018;135:241–248. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.015>
4. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. Москва: Книжный мир, 2019. 768 с. ISBN 978-5-6041071-1-9
5. Solow R.M. The Last 50 Years in Growth Theory and the Next 10. *Oxford Review of Economic Policy*. 2007;23(1):3–14. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grm004>
6. Solow R.M. We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review*. 1987;(12):36.
7. Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. Том 21. № 1. С. 6–18. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18> EDN COKINW
8. Crafts N. The First Industrial Revolution: Resolving the Slow Growth. Rapid Industrialization Paradox. Papers and Proceedings of the Nineteenth Annual Congress of the European Economic Association. *Journal of the European Economic Association*. 2005;3(2/3):525–534.
9. Сухарев О.С. Технологический суверенитет: измерение и политика. М.: Ленанд, 2025. 202 с. ISBN 978-5-00237-081-8
10. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Производительность труда: измерение и возможности повышения // Journal of New Economy. 2026. Том 27. № 1. С. 6–27. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2026-27-1-1> EDN YTXIJ
11. Френкель А.А. Многофакторные корреляционные модели производительности труда. М.: Ленанд, 2022. 100 с. ISBN 978-5-9710-9532-3
12. Глазунова В.В. Измерение технологического развития и суверенитета // Экономика науки. 2024. Том 10. № 3. С. 22–33. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-22-33> EDN PCMQAV
13. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Pinter Publishers; 1987. 155 p. ISBN 0861879287
14. Глазьев С.Ю. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2023. 406 с. ISBN 978-5-7777-0891-5
15. Amann E. Globalisation, Industrial Efficiency and Technological Sovereignty: Evidence from Brazil. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2002;42(5):875–888. [https://doi.org/10.1016/S1062-9769\(02\)00144-8](https://doi.org/10.1016/S1062-9769(02)00144-8)
16. Eum W., Lee J-D. The Co-Evolution of Production and Technological Capabilities During Industrial Development. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2022;63:454–469. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2022.07.001>
17. Лазуренко С.Г. Измерение влияния научно-технического прогресса на рост национального дохода. М.: Наука, 1981. 129 с.
18. Кузнецов А.П. Классификация технологий, оборудования и металлорежущих станков. Эволюция и развитие // Станкоинструмент. 2023. Том 2. № 31. С. 50–75. <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2023.31.2.50.72> EDN QWYJJQ
19. Erebak S., Turgut T. Anxiety About the Speed of Technological Development: Effects on Job Insecurity, Time Estimation, and Automation Level Preference. *The Journal of High Technology Management Research*. 2021;32(2):100419. <https://doi.org/10.1016/j.hitech.2021.100419>
20. Ahmad N, Youjin L., Žiković S., et al. The Effects of Technological Innovation on Sustainable Development and Environmental Degradation: Evidence from China. *Technology in Society*. 2023;72:102184. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102184>
21. Romano L., Traù F. The Nature of Industrial Development and the Speed of Structural Change. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2017;42:26–37. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2017.05.003>
22. Takashima N. Self-Enforcing International Environmental Agreements with Third-Party Organizations: Initial Payment, Technological Development and Refunding. *Economics Letters*. 2023;228:111164. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111164>
23. Wu L., Chen W. Technological Achievements in Regional Economic Development: An Econometrics Analysis Based on DEA. *Heliyon*. 2023;9(6):e17023. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e17023>
24. Edler J., Blind K., Kroll H., et al. Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends and Means. *Research Policy*. 2023;52(6):104765. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>
25. Bassens D., Hendrikse R. Asserting Europe's Technological Sovereignty Amid American Platform Finance: Countering Financial Sector Dependence on Big Tech? *Political Geography*. 2022;97:102648. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2022.102648>
26. Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Экономический рост и технологические изменения: анализ факторов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Том 11. № 23(308). С. 15–37. EDN TWDDUR

Информация об авторе:

Олег Сергеевич Сухарев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (SPIN-код: 9463-8370) (ResearcherID: C-3767-2018) (Scopus Author ID: 56736819100)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Anchishkin A.I. Nauka, Tekhnika, Ekonomika. Moscow: Economica; 1986. 383 p. ISBN 978-5-0000-0000-0 (In Russ.)
2. Afanasyev V.G. Nauchno-Tekhnicheskaya Revolyutsiya, Upravlenie, Obrazovanie. Moscow: Publishing House Lenand; 2023. 430 p. ISBN 978-5-0000-0000-0 (In Russ.)
3. Jiang H., Zhao S., Zhang, S., et al. The Adaptive Mechanism Between Technology Standardization and Technology Development: An Empirical Study. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018;135:241-248. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.11.015>
4. Glazyev S.Yu. Rossiya v Novykh Tekhnologicheskoy i Mirokhozyaistvennom Ukladakh. Moscow: Publishing House Knizhny Mir; 2019. 768 p. ISBN 978-5-6041071-1-9 (In Russ.)
5. Solow R. M. The Last 50 Years in Growth Theory and the Next 10. *Oxford Review of Economic Policy*. 2007;23(1):3-14. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grm004>
6. Solow R.M. We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review*. 1987;(12):36.
7. Dementyev V.E. Technological Sovereignty and the Priorities of Localization of Production. *Terra Economicus*. 2023;21(1):6-18. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18> (In Russ.)
8. Crafts N. The First Industrial Revolution: Resolving the Slow Growth. Rapid Industrialization Paradox. Papers and Proceedings of the Nineteenth Annual Congress of the European Economic Association. *Journal of the European Economic Association*. 2005;3(2/3):525-534.
9. Sukharev O.S. Tekhnologicheskii Suverenitet: Izmerenie i Politika. Moscow: Publishing House Lenand; 2025. 202 p. ISBN 978-5-00237-081-8 (In Russ.)
10. Glazyev S. Yu., Sukharev O.S. Labor Productivity: Measurement and Potential for Improvement. *Journal of New Economy*. 2026;27(1):6-27. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2026-27-1-1> (In Russ.)
11. Frenkel A. A. Mnogofaktornye Korrelyatsionnye Modeli Proizvoditel'nosti Truda. Moscow: Publishing House Lenand; 2022. 100 p. ISBN 978-5-9710-9532-3 (In Russ.)
12. Glazunova V. V. Measuring Technological Development and Sovereignty. *Economics of Science*. 2024;10(3):22-33. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-22-33> (In Russ.)
13. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Pinter Publishers; 1987. 155 p. ISBN 0861879287
14. Glazyev S. Yu. The Chinese Economic Miracle. Lessons for Russia and the World. Moscow: Publishing House Ves' mir; 2023. 406 p. ISBN 978-5-7777-0891-5 (In Russ.)
15. Amann E. Globalization, Industrial Efficiency, and Technological Sovereignty: Evidence from Brazil. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2002;42(5):875-888. [https://doi.org/10.1016/S1062-9769\(02\)00144-8](https://doi.org/10.1016/S1062-9769(02)00144-8)
16. Eum W., Lee J-D. The Co-Evolution of Production and Technological Capabilities During Industrial Development. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2022;63:454-469. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2022.07.001>
17. Lazurenko S.G. Izmerenie Vliyaniya Nauchno-Tekhnicheskogo Progressa na Rost Natsional'nogo Dokhoda. Moscow: Publishing House Nauka; 1981. 129 p. (In Russ.)
18. Kuznetsov A.P. Classification of Technologies, Equipment, and Machine Tools. Evolution and Development. *Stankoinstrument*. 2023;2(31):50-75. <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2023.31.2.50.72> (In Russ.)
19. Ereba S., Turgut T. Anxiety about the Speed of Technological Development: Effects on Job Insecurity, Time Estimation, and Automation Level Preference. *The Journal of High Technology Management Research*. 2021;32(2):100419. <https://doi.org/10.1016/j.hitech.2021.100419>
20. Ahmad N., Youjin L., Žiković S., et al. The Effects of Technological Innovation on Sustainable Development and Environmental Degradation: Evidence from China. *Technology in Society*. 2023;72:102184. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102184>
21. Romano L., Traù F. The Nature of Industrial Development and the Speed of Structural Change. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2017;42:26-37. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2017.05.003>
22. Takashima N. Self-Enforcing International Environmental Agreements with Third-Party Organizations: Initial Payment, Technological Development, and Refunding. *Economics Letters*. 2023;228:111164. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111164>

23. Wu L., Chen W. Technological Achievements in Regional Economic Development: An Econometrics Analysis Based on DEA. *Heliyon*. 2023;9(6):e17023. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e17023>
24. Edler J., Blind K., Kroll H., et al. Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends and Means. *Research Policy*. 2023;52(6):104765. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>
25. Bassens D., Hendrikse R. Asserting Europe's Technological Sovereignty Amid American Platform Finance: Countering financial sector dependence on Big Tech? *Political Geography*. 2022;97:102648. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2022.102648>
26. Sukharev O.S., Strizhakova E.N. Economic Growth and Technological Change: Analysis of Factors. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2015;11(23(308)):15-37. (In Russ.)

Information about the author:

Oleg S. Sukharev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9463-8370) (ResearcherID: C-3767-2018) (Scopus Author ID: 56736819100)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Оригинальная статья

УДК 330.34

JEL O17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_5_256_268

EDN TQPUZY

Региональные тенденции распространения неформальной занятости в России

Александр Львович Сафонов¹, Дарья Валерьевна Некипелова²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ (alsafonov@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3577-5490>)

² (dvnekipelova@fa.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-8891-009X>)

Аннотация

Цель исследования – выявление региональных особенностей и тенденций распространения неформальной занятости в России. Теоретическую основу составили положения производственного и легалистского подходов Международной организации труда, концепции прекаризации трудовых отношений и теория «цифрового организованного неформалитета». Методологическая база включает балансный подход к оценке неформальной занятости (на основе данных ЕМИСС) как разности между общей численностью занятых в экономике и среднесписочной численностью работников организаций, а также корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) для выявления взаимосвязей с уровнем безработицы и темпами легализации самозанятых. Установлено, что после пандемийного спада 2020 г. восстановительная динамика обеспечила достижение абсолютного максимума – 30 млн неформально занятых к 2023–2024 гг., что свидетельствует о закреплении неформального сектора как системного элемента экономики. Корреляционный анализ подтвердил его компенсаторную функцию: преобладание отрицательной связи с уровнем безработицы (76 регионов) указывает на роль амортизатора рынка труда. Выявлена устойчивая положительная корреляция между численностью неформально занятых и количеством легализовавшихся самозанятых (78 регионов с коэффициентом 0,96–1,00), что демонстрирует эффект «высвечивания», а не замещения неформальности. Зафиксирована глубокая региональная дифференциация: от доминирования неформальной занятости в республиках Северного Кавказа до минимальных значений в арктических территориях. Обоснована необходимость перехода от политики «подавления» к политике «встраивания» новых форм занятости в систему социально-трудовых гарантий. Полученные результаты могут быть использованы при корректировке региональной политики занятости.

Ключевые слова: неформальная занятость, прекаризация труда, платформенная занятость, самозанятость, фриланс, регионы РФ, безработица

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Сафонов А.Л., Некипелова Д.В. Региональные тенденции распространения неформальной занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 256–268. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_5_256_268 EDN TQPUZY

RAR (Research Article Report)

JEL O17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_5_256_268

Regional Trends in the Prevalence of Informal Employment in Russia

Alexander L. Safonov¹, Daria V. Nekipelova²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ (alsafonov@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3577-5490>)

² (dvnekipelova@fa.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-8891-009X>)

Abstract

The aim of the study is to identify regional patterns and trends in the prevalence of informal employment in Russia. The theoretical framework comprises the productive and legalist approaches of the International Labour Organization, the concept of precarisation of labour relations, and the theory of «digital organised informality». The methodological basis includes a balance approach to estimating informal employment (using data from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System, EMISS) as the difference between the total number of employed persons in the economy and the average number of employees in organisations, as well as correlation analysis (Pearson's coefficient) to identify relationships with the unemployment rate and the rate of legalisation of the self-employed. It has been established that, following the post-pandemic decline in 2020, the recovery dynamics led to an absolute maximum of 30 million informally employed by 2023–2024, indicating the consolidation of the informal sector as a systemic element of the economy. Correlation analysis confirmed its compensatory function: the predominance of a negative relationship with the unemployment rate (76 regions) points to its role as a labour market buffer. A stable positive correlation was identified between the number of informally employed and the number of legalised self-employed individuals (78 regions, with coefficients ranging from 0.96 to 1.00), demonstrating an «illumination» effect rather than the substitution of informality. Profound regional differentiation was recorded, ranging from the dominance of informal employment in the republics of the North Caucasus to minimal values in the Arctic territories. The necessity of transitioning from a «suppression» policy to an «embedding» policy for new forms of employment into the system of social and labour guarantees is substantiated. The findings can be used to adjust regional employment policies.

© Сафонов А.Л., Некипелова Д.В., 2026

Keywords: informal employment, precarization of labor, platform employment, self-employment, freelancing, regions of RF, unemployment

Acknowledgments: the article was prepared based on research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Safonov A.L., Nekipelova D.V. Regional Trends in the Prevalence of Informal Employment in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):256–268. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_5_256_268 (In Russ.)

Введение

Неформальная занятость представляет собой один из наиболее устойчивых и противоречивых феноменов современного российского рынка труда [1; 2; 3], однако в рамках Российской Федерации она обладает высокой степенью региональной дифференциации. В отдельных регионах её уровень сопоставим с показателями развивающихся стран, тогда как для большинства субъектов характерна ситуация, типичная для стран Восточной Европы [4; 5].

В условиях цифровой трансформации проблема усугубляется ростом платформенной занятости и распространением новых форм прекаризации. При этом, как показывают оценки С.В. Киселева с соавторами, ключевыми факторами, определяющими динамику неформальной занятости, выступают уровень безработицы и заработной платы, тогда как влияние урбанизации статистически незначимо [6]. Введение специального налогового режима для самозанятых, призванного вывести из тени неформальные доходы, как отмечает С.В. Дорошенко, пока не привело к однозначному сокращению неформальной занятости, что свидетельствует о сохранении глубинных институциональных причин данного феномена [7].

Актуальность исследования обусловлена дефицитом достоверных оценок неформальной занятости, особенно в региональном разрезе. Действующая методология статистического учёта, основанная на производственном подходе, как подчёркивают Н.Н. Куницына и Е.И. Дюдикова [8], Е.С. Кубишин [9] и др. не учитывает современные реалии, смешивая занятость в неформальном секторе и неформальную занятость, что ведёт к искажению реальных масштабов явления. В этой связи особую значимость приобретают косвенные методы оценки.

Объектом исследования выступает неформальная занятость в регионах России. В настоящем исследовании используется операциональное (расчётное) понимание неформальной занятости, основанное на косвенном балансовом методе. В рамках данного подхода расчётный показатель неформальной занятости определяется как разность между общей численностью заня-

тых в экономике и среднесписочной численностью работников организаций.

Следует подчеркнуть, что получаемая таким образом величина не является прямым измерением неформальной занятости. Она представляет собой интегральный остаточный показатель, включающий совокупность занятых, не учтенных в административной отчётности организаций, в том числе лиц, занятых в индивидуальной деятельности, совместителей, самозанятых граждан и штатных работников, вовлечённых в неформальные трудовые отношения.

В связи с этим в дальнейшем по тексту используется термин «расчётный показатель неформальной занятости», что позволяет избежать смешения теоретической и операциональной трактовок данного феномена. Предметом исследования являются региональные особенности, тенденции и вызовы распространения неформальной занятости. Цель статьи – выявить региональные особенности и тенденции распространения неформальной занятости в России. Гипотеза исследования заключается в том, что неформальная занятость является устойчивым элементом российского рынка труда, обладает высокой степенью региональной дифференциации и выступает своеобразным буфером, нивелирующим последствия дефицита рабочих мест в корпоративном секторе экономики. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: обоснование методологического подхода к оценке неформальной занятости, количественное измерение её масштабов в регионах РФ за 2017–2024 гг., анализ динамики и региональной дифференциации, а также проверка гипотез о компенсаторной функции неформальной занятости (во взаимосвязи с безработицей) и эффекте легализации самозанятых посредством корреляционного анализа.

Теоретические и методологические основы

Гетерогенность неформальной занятости как экономического феномена предопределяет множественность теоретических трактовок и методологических подходов к её измерению. Официальная статистика РФ базируется на производственном подходе Международной организации труда (МОТ), фиксируя «занятость» в неформальном

секторе» (индивидуальные предприниматели, микропредприятия, домашние хозяйства)¹. Однако данный подход ограничен, поскольку фактически измеряет занятость в некорпоративном секторе экономики и не учитывает, например, неформальные трудовые отношения на предприятиях формального сектора или неформальную самозанятость (без регистрации).

Более поздняя методология МОТ, ориентированная на характеристику рабочих мест (основной критерий – наличие трудового договора), позволяет измерять собственно «неформальную занятость» независимо от типа предприятия и считается более объемлющей. Тем не менее, как отмечает Э. Фейдж, ни один прямой метод не позволяет в полной мере уловить все проявления неформальности в силу принципиальной ограниченности любого измерительного инструмента [10; 11]. Сложнее всего учёту поддаются скрытые формы, например, в рамках оформленных трудовых отношений (неофициальные подработки, «конвертные» выплаты, неоплачиваемые переработки). В связи с этим даже легалистский подход в настоящее время подвергается критике. В частности, В.Н. Бобков с соавторами указывают на недостаточность отождествления неформальности лишь с отсутствием оформления, предлагая многоаспектную систему индикаторов прекаризации [12]. Ж.Т. Тощенко также рассматривает неформальную занятость в контексте прекаризации, акцентируя содержание трудовых отношений и уровень социальных гарантий [13]. При этом, как убедительно демонстрирует Р.И. Капелюшников [14, с. 41], в зависимости от выбранного определения итоговые оценки масштабов неформальной занятости могут варьироваться в разы, что необходимо учитывать при межрегиональных сопоставлениях.

В настоящей работе авторы придерживаются легалистского подхода, где ключевым критерием выступает наличие трудового договора или регистрации в качестве индивидуального работника. В связи с этим в исследовании используется следующее рабочее определение неформальной занятости – это вид трудовых отношений без заключения трудового договора на выполнение трудовой функции, не нарушающей морально-этические принципы, между работником и работодателем, которая реализуется на основе устных договоренностей в целях сокращения расходов работодателя на обеспечение установленных государством социальных гарантий, а также уклонения от выполнения норм трудового права, регулирующих вопросы оплаты труда, режима

труда и отдыха, гарантий по соблюдению безопасных условий труда. Кроме того, к ней может относиться индивидуальная трудовая деятельность работника, осуществляемая без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ИП) или самозанятого гражданина в соответствии с определённым порядком, но не нарушающая морально-этические принципы общества. Это обуславливает применение косвенного (балансового) метода расчёта, при котором численность неформально занятых определяется как разность между общей численностью занятых в экономике (по данным баланса трудовых ресурсов) и среднесписочной численностью работников организаций². Выбор данного подхода продиктован статистической надёжностью показателей: среднесписочная численность базируется на строгой административной отчётности (включая малые предприятия и ИП), а общая численность занятых верифицируется через обследования рабочей силы. Полученный балансовым методом остаток с определённой долей условности можно рассматривать как оценку масштабов неформальной занятости, поскольку он аккумулирует лиц, не учтённых в административных источниках в качестве официально оформленных работников. Данный остаток авторы далее трактуют как расчётный показатель неформальной занятости.

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные ЕМИСС за период 2017–2024 гг. в региональном разрезе, включающие показатели среднесписочной численности работников организаций и общей численности занятых в экономике Российской Федерации.

Балансовый метод имеет ряд ограничений. Во-первых, он не позволяет учесть вторичную занятость: если работник имеет оформленную основную работу, он уже включён в среднесписочную численность, и его дополнительная занятость не отражается в остатке. Если же основная работа не оформлена, любая дополнительная за-

² Применение балансового метода (discrepancy methods) для оценки масштабов неформальной и теневой занятости имеет прочную традицию в зарубежной академической литературе. В фундаментальной работе Э. Фейджа (E.L. Feige) «The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion» (1989) данный подход рассматривается как один из ключевых макроинструментов измерения ненаблюдаемой экономической активности, основанный на сопоставлении данных из альтернативных статистических источников [11]. В последующей программной статье «Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach» (1990) Фейдж системно классифицирует методы измерения неформальной экономики, выделяя переписные и выборочные методы (census and survey procedures), метод расхождений (discrepancies) и монетарные методы (monetary methods), и обосновывает необходимость использования многомерного подхода для адекватного учёта скрытых экономических явлений [12].

¹ Постановление Госкомстата РФ от 25.10.2001 г. № 76 «Об утверждении Методологических положений по измерению занятости в неформальном секторе экономики».

нятость квалифицируется как неформальная. Во-вторых, зарегистрированные плательщики налога на профессиональный доход (самозанятые) и индивидуальные предприниматели без наёмных работников имеют легальный статус, однако их деятельность не оформляется трудовым договором. Часть из них уже учтена в среднесписочной численности по основной работе, другие используют режим НПД для деятельности, не связанной с занятостью (например, сдача недвижимости в аренду). Введение корректировок на величину самозанятых и ИП породило бы больше методологических вопросов, чем позволило бы решить, поэтому их присутствие в остатке рассматривается как ограничение метода.

Целевой группой, ради которой строится балансовый метод, являются лица, занятые по найму без оформления трудовых отношений по Трудовому кодексу РФ. Именно эта группа соответствует теоретическому понятию неформальной занятости в рамках принятого легалистского подхода. Такие работники не учтены в административной отчётности, но присутствуют в общей численности занятых, что обуславливает их попадание в расчётный остаток. Учитывая описанные особенности, в исследовании используется термин «расчётный показатель неформальной занятости», позволяющий разграничить теоретическое и операциональное понимание феномена.

Для проверки гипотезы о компенсаторной функции неформальной занятости применён корреляционный анализ Пирсона [15]³. Зависимая переменная – расчётный показатель неформальной занятости; независимые переменные – уровень безработицы и численность плательщиков налога на профессиональный доход. Расчёты проведены по субъектам РФ за 2017–2024 гг. Корреляционный анализ используется как инструмент выявления статистических взаимосвязей и не предполагает установления причинно-следственных зависимостей.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ динамики полученных показателей за период с 2017 по 2024 год позволяет выявить ряд устойчивых тенденций и структурных закономерностей, характеризующих российский рынок труда.

В территориальном разрезе сохраняются глубокие диспропорции. Наибольшие абсолютные значения расчётного показателя неформальной занятости традиционно сосредоточены в регионах с высокой плотностью экономической активности и численности населения. Так, на Центральный федеральный округ (ЦФО) приходится почти треть от общероссийской расчётной численности неформально занятых, что составляет более 8 млн человек (см. таблицу 1).

Таблица 1

Расчетные данные неформальной занятости по ЦФО, тыс. чел.

Table 1

Estimated Data on Informal Employment in the Central Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Центральный федеральный округ (в целом)	8 870,3	8 799 ,0	8 686 ,0	8 447,2	8 476,3	8 351,0	8 403,5	8 124,6
Белгородская область	271,1	265,8	269,1	274,1	295,7	309,4	303,8	315,5
Брянская область	215,2	209,3	196,2	193,7	212,2	212,3	217,6	222,3
Владимирская область	227,9	221,3	236,9	222,3	224,4	264,0	241,6	248,0
Воронежская область	421,3	429,3	427,1	439,9	488,1	513,1	514,5	530,0
Ивановская область	180,7	172,9	177,8	167,5	182,4	196,0	202,4	206,0
Калужская область	205,6	203,3	202,0	204,7	226,0	224,8	228,1	231,1
Костромская область	93,7	88,2	79,7	79,2	80,7	87,1	86,3	86,7
Курская область	202,3	193,1	185,9	175,2	194,6	199,0	189,7	197,2
Липецкая область	206,4	206,4	212,6	218,1	235,6	231,4	238,6	243,0
Московская область	1 516,6	1 420,0	1 407,9	1 371,9	1 453,3	1 428,5	1 631,5	1 583,3
Орловская область	103,1	99,1	92,0	91,2	101,1	100,0	106,3	95,4
Рязанская область	196,7	183,5	177,7	163,4	179,9	194,0	188,2	177,2
Смоленская область	146,4	135,1	117,2	127,3	135,0	155,0	152,9	145,8
Тамбовская область	195,2	182,9	175,8	186,6	194,3	214,0	194,1	203,2
Тверская область	208,5	214,7	207,9	205,3	204,0	212,0	214,0	218,4

³ Корреляционный анализ является традиционным и широко апробированным методом для выявления взаимосвязей неформальной занятости с макроэкономическими показателями, включая уровень безработицы. См., например: [16].

Окончание Таблицы 1

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Тульская область	293,2	290,2	282,0	288,3	300,3	303,8	292,5	295,4
Ярославская область	208,9	215,6	187,5	189,6	202,6	199,4	212,7	207,4
Город Москва	3 900,8	4 004,3	3 987,2	3 748,7	3 537,4	3 251,0	3 149,7	2 868,1

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.^{4,5}

Однако в целом в ЦФО наблюдается снижение показателя, при этом отдельные регионы демонстрируют разнонаправленную динамику. В Москве устойчивое снижение (с 3,90 до 2,87 млн чел.) вероятнее всего обусловлено легализацией, контролем и развитием корпоративного сектора, тогда как в Московской области фиксируются стабильно высокие показатели (пик в 1,63 млн чел. в 2023 г.), что свидетельствует о сохранении значительной неформальной компоненты. Положительная динамика роста отмечается также в

Белгородской, Брянской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Липецкой, Тамбовской, Тверской и Тульской областях. Однако сокращение в Москве (около 1 млн чел.) нивелировало рост в большинстве других регионов округа.

В свою очередь Северо-Западный федеральный округ (СЗФО), наоборот, в целом демонстрирует положительную динамику роста расчётного показателя неформальной занятости, хотя прирост и небольшой – около 50 тыс. человек (см. таблицу 2).

Таблица 2

Расчётные данные неформальной занятости по СЗФО, тыс. чел.

Table 2

Estimated Data on Informal Employment in the Northwestern Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Северо-Западный федеральный округ (в целом)	2 371,7	2 310,9	2 304,4	2 233,9	2 319,0	2 417,1	2 458,6	2 418,9
Республика Карелия	69,8	63,4	59,6	53,5	58,7	55,4	59,2	57,9
Республика Коми	75,3	81,3	76,7	62,0	65,0	67,0	67,1	78,5
Архангельская область	140,0	126,5	107,3	96,9	108,0	111,9	110,7	111,5
Ненецкий автономный округ	2,7	2,3	1,8	1,7	2,1	2,8	2,5	2,3
Архангельская область (кроме НАО)	137,3	124,2	105,5	95,1	105,9	109,2	108,2	109,2
Вологодская область	177,1	174,4	171,1	165,4	167,3	181,7	170,8	167,5
Калининградская область	166,9	166,9	164,9	164,0	187,8	235,5	249,0	259,4
Ленинградская область	397,5	395,0	400,3	418,3	460,0	571,8	549,0	539,3
Мурманская область	82,5	80,3	81,0	67,7	70,0	56,4	58,7	63,7
Новгородская область	89,4	86,0	83,1	65,9	69,8	73,7	78,9	80,1
Псковская область	78,9	84,0	84,6	80,6	87,5	86,8	107,7	106,0
Город Санкт-Петербург	1 095,6	1 053,9	1 077,3	1 061,2	1 146,3	1 179,3	1 209,0	1 178,8

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.⁶

Наибольшее влияние на статистику округа оказал рост показателя в таких регионах, как Республика Коми, Калининградская, Ленинградская, Псковская области и г. Санкт-Петербург.

⁴ Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчётный период // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 11.02.2026).

⁵ Среднегодовая численность занятых в экономике (расчёты на основе интеграции данных) с 2017 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 11.02.2026).

⁶ Там же.

Наиболее высокая доля неформальности по отношению к официальной занятости фиксируется в регионах Юга и Северного Кавказа (см. таблицы 3, 4)⁷. Здесь институциональная структура экономики исторически характеризуется высокой концентрацией малого бизнеса, сезонной занятости (туризм, сельское хозяйство) и личных подсобных хозяйств.

⁷ Среднегодовая численность занятых в 2024 г. в ЮФО составила 8 150 тыс. человек из них менее половины – 3 746 тыс. человек занято в корпоративном секторе. В СКФО из 4 308 тыс. человек только около трети – 1 488 тыс. человек заняты в корпоративном секторе (по данным 2024 г.).

Таблица 3

Расчётные данные неформальной занятости по ЮФО, тыс. чел.

Table 3

Estimated Data on Informal Employment in the Southern Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Южный федеральный округ (в целом)	3 561,6	3 570,4	3 585,8	3 579,5	3 887,8	4 066,3	4 308,4	4 403,5
Республика Адыгея	67,9	68,6	69,4	70,6	70,7	74,2	66,8	67,3
Республика Калмыкия	57,6	54,3	49,8	50,6	53,0	60,4	61,9	75,8
Республика Крым	436,1	433,9	449,3	433,7	446,0	446,2	486,8	509,7
Краснодарский край	1 226,9	1 232,2	1 250,7	1 275,1	1 390,2	1 459,4	1 575,3	1 559,6
Астраханская область	252,5	237,5	228,4	211,7	231,8	251,1	259,6	281,4
Волгоградская область	539,8	558,3	540,8	537,9	590,6	629,2	647,0	641,7
Ростовская область	894,1	870,7	878,1	885,5	967,7	1 009,2	1 067,5	1 112,6
Город Севастополь	86,7	114,3	120,0	114,5	137,8	136,6	142,5	155,0

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным.^{8,9}

В Южном федеральном округе (ЮФО) расчётный показатель неформальной занятости вырос с 3,56 до 4,40 млн чел., главным образом за счёт Краснодарского края, Ростовской и Волгоградской областей.

Таблица 4

Расчётные данные неформальной занятости по СКФО¹⁰, тыс. чел.

Table 4

Estimated Data on Informal Employment in the North Caucasian Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Северо-Кавказский ФО (в целом)	2 331,7	2 430,2	2 439,3	2 287,6	2 404,5	2 639,9	2 705,5	2 820,1
Республика Дагестан	754,5	788,4	772,8	677,6	715,5	827,4	894,2	936,7
Республика Ингушетия	122,8	123,4	129,1	120,5	120,4	133,5	140,7	139,1
Кабардино-Балкарская Республика	248,6	260,6	255,5	253,0	256,9	274,3	269,5	270,0
Карачаево-Черкесская Республика	90,2	94,9	90,6	85,5	93,5	106,1	115,5	124,0
Республика Северная Осетия-Алания	172,2	182,2	158,5	137,3	143,8	157,0	158,4	156,6
Чеченская Республика	318,4	319,5	337,6	310,1	331,9	362,9	352,9	354,5
Ставропольский край	624,9	661,2	695,1	703,6	742,4	778,4	774,3	839,2

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.^{11,12}

В ряде республик Северного Кавказа численность занятых в экономике в 2–4 раза превышает официальную среднесписочную численность штатного состава. Так, в Дагестане расчётный показатель неформальной занятости достиг 936,7 тыс. чел., в Чеченской Республике – 354,5 тыс., в Ставропольском крае – 839,2 тыс. Это свидетельствует о крайне высокой степени деформализации, носящей устойчивый характер и демонстри-

рующей низкую чувствительность к кризисным явлениям.

В Приволжском федеральном округе (ПФО), крупнейшем по численности занятых после ЦФО, расчётный показатель неформальной занятости демонстрирует наиболее динамичный рост в абсолютных цифрах: с 4,86 до 5,59 млн чел. (лидеры роста – Башкортостан, Татарстан, Самарская и Саратовская области) (см. таблицу 5).

Таблица 5

Расчётные данные неформальной занятости по ПФО, тыс. чел.

Table 5

Estimated Data on Informal Employment in the Volga Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Приволжский ФО (в целом)	4 862,5	4 634,8	4 466,5	4 499,1	4 874,4	5 033,3	5 249,4	5 585,3

⁸ Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчётный период // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 11.02.2026).

⁹ Среднегодовая численность занятых в экономике (расчёты на основе интеграции данных) с 2017 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 11.02.2026).

¹⁰ Северо-Кавказский федеральный округ.

¹¹ Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчётный период // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 11.02.2026).

¹² Среднегодовая численность занятых в экономике (расчёты на основе интеграции данных) с 2017 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 11.02.2026).

Окончание Таблицы 5

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Республика Башкортостан	635,9	604,2	572,6	555,9	635,6	706,1	758,2	788,7
Республика Марий Эл	113,4	105,7	103,7	93,7	102,4	102,2	111,8	130,5
Республика Мордовия	172,2	155,4	167,2	149,6	163,0	180,1	168,3	167,7
Республика Татарстан	687,7	697,0	701,8	724,7	792,6	801,7	733,8	771,1
Удмуртская Республика	205,5	205,2	200,8	196,6	217,3	221,1	241,0	241,0
Чувашская Республика	214,3	208,4	194,9	181,4	200,0	201,4	224,0	227,9
Пермский край	368,5	370,0	344,2	360,4	397,0	398,4	425,8	410,6
Кировская область	174,9	185,7	164,2	169,4	175,9	174,3	179,5	185,4
Нижегородская область	492,0	453,4	469,5	478,0	521,3	537,1	580,1	534,6
Оренбургская область	268,4	286,6	249,6	240,7	287,5	285,6	351,4	390,7
Пензенская область	211,6	218,4	203,7	237,6	267,6	261,2	288,1	293,7
Самарская область	612,3	627,0	613,3	621,4	668,9	661,8	663,9	652,9
Саратовская область	483,4	435,1	431,7	414,4	440,5	498,5	531,0	571,4
Ульяновская область	222,8	219,0	206,4	190,5	202,1	222,1	221,3	219,3

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.¹³

Уральский федеральный округ (УФО), напротив, тяготеет к северной модели формализации (см. таблицу 6). При полученном расчётном показателе неформальной занятости 1,54 млн чел., основная

масса приходится на Свердловскую, Тюменскую и Челябинскую области. В автономных округах неформальная занятость минимальна из-за доминирования крупных добывающих корпораций.

Таблица 6

Расчётные данные неформальной занятости по УФО, тыс. чел.

Table 6

Estimated Data on Informal Employment in the Ural Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Уральский ФО (в целом)	1 455,9	1 445,3	1 412,4	1 340,2	1 441,8	1 405,9	1 517,9	1 540,9
Курганская область	71,6	60,4	49,1	52,5	47,9	52,1	64,8	73,0
Свердловская область	508,1	488,6	464,2	415,6	476,2	466,9	524,3	528,9
Тюменская область	474,6	491,8	489,0	470,8	503,1	485,6	521,3	546,5
Ханты-Мансийский АО–Югра	236,7	248,4	247,2	237,1	258,8	247,1	267,0	268,1
Ямало-Ненецкий АО	68,9	68,7	70,9	67,5	72,8	71,0	78,5	79,9
Тюменская область (без АО)	169,0	174,7	170,9	166,2	171,5	167,5	175,8	178,5
Челябинская область	401,6	404,5	410,1	401,3	414,6	401,3	407,5	392,5

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.¹⁴

Противоположный полюс по отношению к южным регионам представляют территории с доминированием крупных корпоративных структур и бюджетного сектора. На Крайнем Севере и в высокоиндустриальных регионах разрыв между общей занятостью и списочным составом минимален (Ненецкий АО – 2,3 тыс., Чукотский АО –

6,3 тыс., Магаданская область – 18,7 тыс.) поскольку экономика этих территорий практически полностью монополизирована крупными предприятиями.

Сибирский и Дальневосточный федеральные округа (СФО и ДФО) занимают промежуточное положение (см. таблицы 7, 8).

Таблица 7

Расчётные данные неформальной занятости по СФО, тыс. чел.

Table 7

Estimated Data on Informal Employment in the Siberian Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Сибирский ФО (в целом)	2 340,8	2 339,4	2 259,6	2 102,6	2 280,7	2 336,4	2 425,2	2 553,0
Республика Алтай	18,9	19,1	19,2	19,3	21,3	22,8	25,1	29,6
Республика Тыва	26,0	31,0	30,6	31,9	34,6	41,0	40,6	46,9
Республика Хакасия	68,4	64,8	55,8	50,9	63,1	68,1	79,8	82,7
Алтайский край	308,2	326,6	326,1	292,0	325,4	381,5	418,5	439,1

¹³ Среднегодовая численность занятых в экономике (расчёты на основе интеграции данных) с 2017 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 11.02.2026).

¹⁴ Там же.

Окончание Таблицы 7

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Красноярский край	388,7	395,0	393,1	363,9	416,6	397,5	433,6	475,1
Иркутская область	333,3	330,6	334,5	323,9	352,5	374,3	381,1	397,5
Кемеровская область	396,8	398,5	388,3	373,0	390,7	396,9	393,6	410,6
Новосибирская область	442,3	432,8	433,6	407,8	448,8	436,8	447,1	456,1
Омская область	255,2	258,0	252,9	262,3	270,7	273,2	267,3	276,6
Томская область	154,6	161,8	158,7	152,6	163,0	163,4	171,3	188,2

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.¹⁵

В СФО расчётный показатель неформальной занятости вырос с 2,34 до 2,55 млн чел., наибольшие значения в Новосибирской области, Красноярском и Алтайском краях.

Таблица 8

Расчётные данные неформальной занятости по ДФО, тыс. чел.

Table 8

Estimated Data on Informal Employment in the Far Eastern Federal District, Thousand People

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Дальневосточный ФО (в целом)	1 175,6	1 176,5	1 085,4	1 072,8	1 112,1	1 092,1	1 141,2	1 183,6
Республика Бурятия	113,8	115,7	101,6	97,3	112,9	109,9	123,1	121,2
Забайкальский край	140,9	142,9	131,4	134,0	140,3	134,5	130,1	136,1
Республика Саха (Якутия)	131,6	139,7	149,0	141,4	148,8	163,1	175,3	188,9
Камчатский край	38,6	37,7	38,5	40,1	38,6	31,6	34,9	35,1
Приморский край	314,7	314,1	288,0	286,1	300,3	293,3	302,4	323,9
Хабаровский край	215,9	218,8	198,1	201,5	210,4	207,0	217,2	233,3
Амурская область	119,6	118,8	120,4	117,9	120,4	124,1	143,3	148,6
Магаданская область	20,8	20,8	20,3	20,3	21,9	20,1	18,5	18,7
Сахалинская область	64,4	62,1	60,8	59,3	54,1	58,6	62,8	52,6
Еврейская АО	20,6	19,8	18,9	19,7	18,6	19,1	17,7	20,8
Чукотский АО	5,2	5,3	5,1	5,5	6,5	5,8	5,2	6,3

Источник: составлено авторами на основании расчётов по данным Росстата.¹⁶

В ДФО расчётный показатель неформальной занятости составляет 1,18 млн чел., из них более половины приходится на Приморский и Хабаровский края. В северных и восточных регионах

округа (Камчатский край, Магаданская область, Чукотский АО) она остаётся крайне низкой.

На федеральном уровне наблюдается выраженная цикличность (см. Рисунок 1).

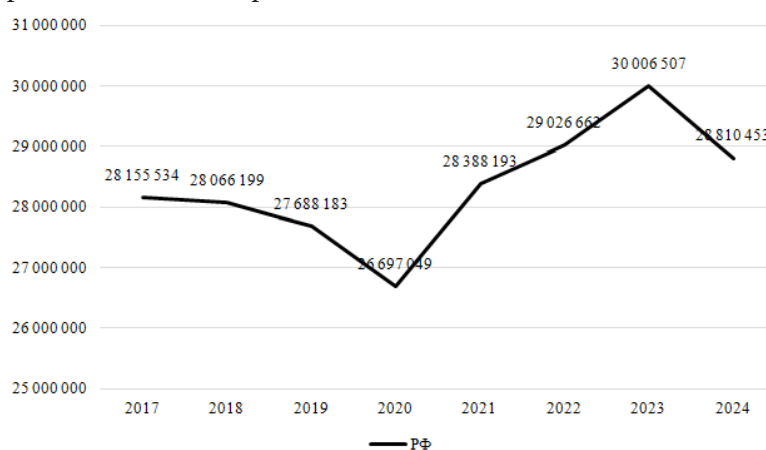

Рисунок 1. Динамика численности неформально занятых в РФ, чел.

Figure 1. Dynamics of the Number of Informally Employed in the Russian Federation, People

Источник: составлено по расчётам авторов.

¹⁵ Среднегодовая численность занятых в экономике (расчёты на основе интеграции данных) с 2017 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 11.02.2026).

¹⁶ Там же.

В 2020 году на фоне пандемийных ограничений совокупный расчётный показатель неформальной занятости по РФ сократился до 26,6 млн чел. Однако с 2021 года фиксируется интенсивный восстановительный рост. К 2023 году численность достигла абсолютного максимума в 30 млн чел., сохранившись на этом уровне в 2024-м (30,1 млн чел.). Это подтверждает, что адаптация экономики к новым геополитическим условиям происходила при активном расширении неформальной компоненты. Период 2022–2024 гг. характеризуется новым витком роста в ряде регионов: Ленинградской (с 397,5 до 539,3 тыс.), Калининградской (с 166,9 до 259,4 тыс.), Воро-

нежской (с 421,3 до 530,0 тыс.) областях, а также в республиках Северного Кавказа и Юга России. Данная динамика может отражать процессы структурной перестройки: переток рабочей силы в малый бизнес и сектор услуг, активизацию строительства, рост числа микропредприятий на грани формального и неформального секторов [16; 17; 18].

Для верификации гипотезы о роли неформальной занятости как буфера, компенсирующего дефицит рабочих мест, проведён корреляционный анализ с уровнем безработицы. Результаты расчёта коэффициентов корреляции Пирсона представлены в таблице 9.

Таблица 9
Результаты корреляционного анализа расчётного показателя неформальной занятости с уровнем безработицы в регионах¹⁷

Table 9

Results of Correlation Analysis of the Estimated Indicator of Informal Employment with the Unemployment Rate in the Regions

Сила связи	Коэффициент корреляции (r)	Регионы
Очень сильная отрицательная	от -1,00 до -0,91	35 регионов (в том числе Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край, Белгородская область и др.)
Сильная отрицательная	от -0,90 до -0,71	41 регион (Республики Северного Кавказа (кроме Чечни), Татарстан, Башкортостан, Свердловская область, регионы Сибири и Дальнего Востока)
Умеренная отрицательная	от -0,70 до -0,31	3 региона (Ненецкий АО, Магаданская область, Камчатский край)
Слабая / отсутствует	от -0,30 до +0,30	0
Положительная (аномальная)	выше +0,31	1 регион (Чеченская Республика)

Источник: составлено по расчётам авторов.

Преобладание отрицательных связей (76 регионов с весьма сильной и сильной корреляцией) подтверждает гипотезу о том, что неформальный сектор выполняет роль амортизатора, абсорбируя высвобождающуюся рабочую силу в периоды нестабильности, а также из-за особенностей региональных рынков труда. Данный вывод согласуется с исследованиями, согласно которым неформальная занятость выступает важнейшим механизмом подстройки к экономическим шокам [19] и непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития региона [4]. Наличие регионов

с положительной связью (Чеченская Республика, Камчатский край, Сахалинская область) указывает на ограниченность универсальности этого механизма локальными факторами. В частности, исследование влияния МРОТ демонстрирует, что повышение зарплат в формальном секторе может парадоксально стимулировать найм в неформальном, создавая положительную связь [20].

Для оценки влияния институциональных преобразований проанализирована связь неформальной занятости с динамикой легализации самозанятых (НПД) (см. таблицу 10).

Таблица 10
Результаты корреляционного анализа расчётного показателя неформальной занятости с темпами регистрации плательщиков налога на профессиональный доход (НПД) (самозанятость)

Table 10

Results of Correlation Analysis of the Estimated Indicator of Informal Employment with the Registration Rates of Payers of the Tax on Professional Income (Self-Employment)

Сила связи	Коэффициент корреляции (r)	Регионы
Очень сильная положительная	0,96–1,00	86 регионов
Сильная положительная	0,91–0,95	0
Умеренная положительная	0,86–0,90	0

¹⁷ Для расчёта коэффициентов корреляции использовался уровень безработицы (в процентах от экономически активного населения). Проверка на альтернативном измерителе (абсолютная численность безработных) не выявила принципиальных изменений в направлении и структуре связей.

Сила связи	Коэффициент корреляции (r)	Регионы
Слабая / отсутствует	$\leq 0,85$	0
Очень сильная отрицательная (аномальная)	-1,00 до -0,91	1 регион (г. Москва)

Источник: составлено по расчётам авторов.

Анализ подтвердил очень сильную положительную корреляцию (0,96–1,00) в 86 регионах, а также очень сильную отрицательную корреляцию (-0,99) в г. Москве. Это отражает структурное сходство рынков – регионы с более высоким расчётным показателем неформальной занятости демонстрируют и более высокую регистрационную активность самозанятых, что согласуется с полученными ранее результатами о региональной структуре неформальной занятости. В то же время отрицательная корреляция в Москве объясняется разнонаправленной динамикой: снижением расчётного показателя неформальной занятости на фоне активной регистрации самозанятых. Однако в силу того, что плательщики НПД не исключаются из расчётного остатка, из этих данных невозможно сделать однозначный вывод о влиянии института самозанятости на масштабы неформальной занятости, для этого требуется анализ на микроуровне.

Полученные результаты укладываются в рамки концепции «цифрового организованного неформалитета» [16], согласно которой цифровые институты могут придавать неформальности новую форму, делая её более видимой для государства, но не обязательно трансформируя прекарный характер труда. Как отмечается в исследовании МОТ, цифровизация в развивающихся экономиках часто происходит на фоне слабых институтов, формируя «цифровую потогонную систему».¹⁸ Применительно к России можно предположить, что институт самозанятости охватывает регионы с исторически значительным неформальным сектором (Юг, Северный Кавказ, ряд областей ЦФО и ПФО), что согласуется с гипотезой о его роли как инструмента частичной фиксации, а не радикального сокращения неформальности.

В свою очередь рост расчётного показателя неформальной занятости в постиндустриальных и приграничных регионах (Белгородской, Воронежской, Ленинградской, Калининградской областях) в 2022–2024 гг. актуализирует проблему новых форм прекаризации. Платформенная занятость и самозанятость создают зоны право-

вой неопределённости, что при выраженной региональной специфике (сокращение показателя в Москве контрастирует с его стабильно высоким уровнем в Московской области) подтверждает необходимость типологизации регионов для целей дифференцированной политики занятости [21; 22; 23; 24].

Структурный характер неформальной занятости подтверждается постпандемийным ростом расчётного показателя до 30 млн человек. Таким образом можно сказать, что неформальная занятость выступает полноценным элементом региональных экономических систем, реагируя на институциональные и экономические изменения.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило гипотезу об устойчивом и структурном характере неформальной занятости в России, её высокой региональной дифференциации и роли компенсаторного механизма на рынке труда. Расчётная численность неформально занятых, достигнув 30 млн человек к 2024 году, свидетельствует о встраивании этого сегмента в модель адаптации экономики к кризисам, структурным и институциональным сдвигам. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимой отрицательной взаимосвязи между расчётным показателем неформальной занятости и уровнем безработицы в большинстве регионов. Полученные данные позволяют предположить возможную компенсаторную функцию неформальной занятости, однако требуют дальнейшей проверки с использованием более сложных эконометрических моделей.

Выявленная регионализация неформальности подтверждает необходимость дифференцированного подхода к регулированию. Типологизация регионов на основе доли и динамики неформального сегмента позволяет выделить: а) регионы-«локомотивы» с устойчивым снижением (Москва); б) пояса «серой» зоны (Московская, Ленинградская области); в) южные и приграничные территории с исторически высокой долей неформальности (СКФО, ЮФО), где в последние годы зафиксирован дополнительный рост, вероятнее всего, связанный с импортозамещением и логистической перестройкой; г) северные и сы-

¹⁸ Cook S., Rani U. Platform work in developing economies: Can digitalisation drive structural transformation? Future of Work(ers) SCIS Working Paper. 2023. No. 63. 38 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-06/Cook%20and%20Rani%20SCIS%20WP%202023.pdf> (дата обращения: 05.02.2026).

рьевые регионы с минимальным уровнем неформальной занятости.

Корреляционный анализ выявил очень сильную положительную корреляцию между расчётным показателем неформальной занятости и численностью зарегистрированных самозанятых ($r > 0,95$) во всех регионах РФ за исключением г. Москвы. Это отражает структурное сходство рынков: регионы с более высоким расчётным показателем демонстрируют и более высокую регистрационную активность. Однако в силу того, что плательщики НПД не исключаются из расчётного остатка, из этих данных невозможно сделать однозначный вывод о влиянии института самозанятости на масштабы

неформальной занятости, для этого требуется более детальный анализ на микроуровне. Вместе с тем полученные результаты укладываются в рамки концепции «цифрового организованного неформалитета» и согласуются с гипотезой о том, что институт самозанятости может выступать инструментом частичной фиксации, а не радикального сокращения неформальной занятости.

Таким образом, полученные результаты ставят задачу перехода от политики подавления к политике «встраивания» неформальной занятости в систему социально-трудовых гарантий с учётом региональной специфики и новых форм организации труда в цифровой среде.

Список источников

1. Зудина А.А. Неформальная занятость под санкциями: случай России (2022–2023 гг.) // Экономическая социология. 2026. Том 27. № 1. С. 11–42. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-11-42> EDN VVTA
2. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2025. № 1(185). С. 107–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782> EDN НКСВВZ
3. Черных Е.А., Коровкина Н.В., Леонидова Г.В. Неформальная занятость: проблемы баланса «работа–личная жизнь» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Том 18. № 6. С. 194–210. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.6.102.9> EDN LBALDO
4. Баймурзина Г.Р., Ягафарова Д.Г., Кабашиова Е.В. Взаимосвязь неформальной занятости и социально-экономического развития регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Том 16. № 6. С. 223–235. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.13> EDN NKJKRE
5. Borisov A.N., Borodin A.I., Gubarev R.V., et al. Assessing the Level of Employment in the Informal Sector of the Economy of Russian Regions Using Modern Machine Learning Methods. *Review of Business and Economics Studies*. 2024;12(4):42-57. <https://doi.org/10.26794/2308-944X-2024-12-4-42-57> EDN DHGQYW
6. Kiselev S.V., Seitov S.K., Samsonov V.A., et al. Employment in Informal Sector of Russia: Unemployment and Other Socio-Economic Factors. *Population and Economics*. 2024;8(3):197-219. <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e114046> EDN VAWBYR
7. Дорошенко С.В. Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 3. С. 11–22. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11> EDN DDKQRY
8. Куницына Н.Н., Дюдикова Е.И. Масштабы занятости в неформальном секторе экономики: парадоксы измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3(175). С. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335> EDN CYWDNI
9. Кубишин Е. С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 521–534. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.8> EDN HPCFYD
10. Feige E.L. (ed.) *The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 378 p. ISBN 978-0521032841
11. Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach. *World Development*. 1990;18(7):989-1002. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(90\)90081-8](https://doi.org/10.1016/0305-750X(90)90081-8)
12. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Иванова, Т.В. Чащина // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> EDN KWLGGN
13. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь мир, 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6
14. Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? Препринт WP3/2012/04. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 84 с.
15. Зарова Е.В., Дубравская Э.И. Метод «случайный лес» в исследовании влияния макроэкономических показателей регионального развития на уровень неформальной занятости // Вопросы статистики. 2020. Том 27. № 6. С. 37–55. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-37-55> EDN MCRBBY

16. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 5–37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> EDN USUZBY
17. Ахапкин Н.Ю. Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 6. С. 7–23. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_7_23 EDN SFLSCO
18. Дегтярева Е.Г., Каменева Т.Н. Трансформации малого и среднего предпринимательства в России: от неопределенности к устойчивому росту // Социально-политические науки. 2025. Том 15. № 3. С. 153–159. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-15-3-153-159> EDN SSQKVC
19. Ray A. Coping with Crisis and Precarity in the Gig Economy: «Digitally Organised Informality», Migration and Socio-Spatial Networks Among Platform Drivers in India. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2024;56(4):1227-1244. <https://doi.org/10.1177/0308518X231220296>
20. Ten G.K., Wang S. Minimum Wage and Unemployment in Russia: A New Look on an Old Construct. *Economic Modelling*. 2025;148:107086. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107086>
21. Брушкова Л.А. Теневая занятость самозанятых в России: социально-экономический аспект // Вестник евразийской науки. 2025. Том 17. № 54. EDN OJUTXC
22. Алтунин К.В., Степаненкова Н.М. Трансформация рынка труда под влиянием гиг-экономики // Вопросы отраслевой экономики. 2025. № 2(10). С. 83–93. <https://doi.org/0.24888/2949-2793-2025-10-83-93> EDN BIEZBF
23. Илякова И.Е., Бурланков П.С. Трансформация сферы социально-трудовых отношений в условиях формирования гиг-экономики // Человек. Общество. Инклюзия. 2024. Том 15 № 2(58). С. 70–79. EDN GMXRXA
24. Леонидова Г.В. Платформенный труд в России: особенности занятости и риски прекаризации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Том 10. № 4(40). С. 39–52. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-39-52> EDN WXQAKL

Информация об авторах:

Александр Львович Сафонов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ (SPIN-код: 7192-4121) (ResearcherID: PKS-0017-2026)

Дарья Валерьевна Некипелова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ (SPIN-код: 8952-9510)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Дарья Валерьевна Некипелова.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Zudina A.A. Informal Employment under Sanctions: The Case of Russia in 2022–2023. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Journal of Economic Sociology*. 2026;27(1):11-42. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-11-42> (In Russ.)
2. Kapeliushnikov R.I., Zinchenko D.I. Digital Forms of Employment in the Russian Labor Market. Part II. Platform Employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(1(185)):107-129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2782> (In Russ.)
3. Chernykh E.A., Korovkina N.V., Leonidova G.V. Informal Employment: Problems of Work-Life Balance. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(6):194-210. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.6.102.9> (In Russ.)
4. Baymurzina G.R., Yagafarova D.G., Kabashova E.V. Relationship Between Informal Employment and Socio-Economic Development in Russian Regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(6):223-235. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.13> (In Russ.)
5. Borisov A.N., Borodin A.I., Gubarev R.V., et al. Assessing the Level of Employment in the Informal Sector of the Economy of Russian Regions Using Modern Machine Learning Methods. *Review of Business and Economics Studies*. 2024;12(4):37-55. <https://doi.org/10.26794/2308-944X-2024-12-4-42-57>
6. Kiselev S.V., Seitov S.K., Samsonov V.A., et al. Employment in Informal Sector of Russia: Unemployment and Other Socio-Economic Factors. *Population and Economics*. 2024;8(3):197-219. <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e114046>
7. Doroshenko S.V. Informal Employment: Does the Tax Regime Affect Professional Income? *Intellekt. Innovatsii. Investitsii=Intellect. Innovations. Investments*. 2024;(3):11-22. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11> (In Russ.)
8. Kunitsyna N.N., Dyudikova E.I. The Scale of Employment in the Informal Economy: Measurement Paradoxes. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(3(175)):217-238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335> (In Russ.)
9. Kubishin E.S. al Employment in Modern Russia: Old Problems and New Realities. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):521-534. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.8> (In Russ.)

10. Feige E.L. (ed.) *The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 378 p. ISBN 978-0521032841
11. Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach. *World Development*. 1990;18(7):989-1002. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(90\)90081-8](https://doi.org/10.1016/0305-750X(90)90081-8)
12. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., et al. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502-520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7> (In Russ.)
13. Toshchenko Zh.T. (ex. ed.) *Precarious Employment: Origins, Criteria, Features*. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2021. 400 p. ISBN 978-5-7777-0852-6 (In Russ.)
14. Kapelyushnikov R.I. Informality in the Russian Labor Market: What Do Alternative Definitions Tell Us? Working paper WP3/2012/04. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2012. 84 p. (In Russ.)
15. Zarova E.V., Dubravskaya E.I. The Random Forest Method in Research of Impact of Macroeconomic Indicators of Regional Development on Informal Employment Rate. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2020;27(6):37-55. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-37-55> (In Russ.)
16. Kapelyushnikov R.I. The Russian Labor Market: A Statistical Portrait on the Crises Background. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(8):5-37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> (In Russ.)
17. Akhapi N.Yu. Structural Dynamics of the Russian Labor Market: Effects of Sanctions Restrictions. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024(6):7-23. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_6_7_23 (In Russ.)
18. Degtyareva E.G., Kameneva T.N. Transformations of Small and Medium-sized Enterprises in Russia: From Uncertainty to Sustainable Growth. *Sotsial'no-politicheskie nauki=Sociopolitical Sciences*. 2025;15(3):153-159. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-3-153-159> (In Russ.)
19. Ray A. Coping with Crisis and Precarity in the Gig Economy: «Digitally Organised Informality», Migration and Socio-Spatial Networks Among Platform Drivers in India. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2024;56(4):1227-1244. <https://doi.org/10.1177/0308518X231220296>
20. Ten G.K., Wang S. Minimum Wage and Unemployment in Russia: A New Look on an Old Construct. *Economic Modelling*. 2025;148:107086. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2025.107086>
21. Brushkova L.A. Shadow Employment of the Self-Employed in Russia: Socio-Economic Aspect. *Vestnik evraziyskoy nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(S4):34FAVN425. (In Russ.)
22. Altunin K.V., Stepanenkova N.M. Transformation of the Labor Market Under the Influence of the Gig Economy. *Voprosy otraslevoy ekonomiki*. 2025(2):83-93. <https://doi.org/10.24888/2949-2793-2025-10-83-93> (In Russ.)
23. Ilyakova I.E., Burlankov P.S. Transformation Sphere of Social and Labor Relations in the Conditions of Formation of the Gig Economy. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya=Human. Society. Inclusion*. 2024;15(2(58)):70-79. (In Russ.)
24. Leonidova G.V. Platform Work in Russia: Employment Features and Precarization Risks. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya=Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2024;10(4(40)):39-52. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-4-39-52> (In Russ.)

Information about the authors:

Alexander L. Safonov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, the Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 7192-4121) (ResearcherID: PKS-0017-2026)

Daria V. Nekipelova – PhD in Economics, Senior Research Worker, the Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 8952-9510)

Authors' declared contribution: the authors contributed equally to this article.

The author declares no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Daria V. Nekipelova.

The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316.3

JEL I31, J16, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_6_269_282

EDN YOHLBT

Ценностные ориентации молодежи и их роль в экономическом поведении (на примере Республики Башкортостан)

Гульшат Рашитовна Фаткуллина

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия
(gulshat475@yandex.ru) (<https://orcid.org/0000-0002-6358-0853>)

Аннотация

В статье представлены результаты анализа данных социологических исследований, проведённых в 2021–2024 гг. среди молодежи Республики Башкортостан в возрасте 14–35 лет. Цель исследования заключается в выявлении и анализе характера детерминации экономического поведения молодежи их доминирующими ценностными ориентациями в условиях современных социально-экономических изменений. Методологическую основу составляет комплексный подход, включающий анализ статистических данных (Росстат, Башкортостанстат), репрезентативный опрос молодежи (общий объем выборки N = 12559 респондентов: 5080 в 2021 г. и 7479 в 2024 г.) и применение методов многомерного статистического анализа. Эмпирическая база охватывает период 2021–2024 гг., что позволяет проследить динамику изменений в контексте структурных преобразований экономики. Результаты исследования свидетельствуют об усилении экономической поляризации молодежи, проявляющейся в одновременном росте как благополучных, так и уязвимых групп. На основе адаптированной теоретической модели формирования ценностных ориентаций предложена типология, включающая адаптирующийся, социализирующий и индивидуализирующий типы. Установлено, что доминирующие ценностные установки детерминируют выбор стратегий экономического поведения: ориентация на стабильность способствует выбору гарантированных источников дохода, в то время как стремление к самореализации коррелирует с предпринимательской активностью и диверсификацией доходов. Выявлена положительная связь патриотических ценностей с практиками ответственного потребления, а также значимые различия в экономическом поведении в зависимости от возрастной когорты и гендера. Полученные данные подчёркивают необходимость дифференцированного подхода в молодежной политике и разработки адресных мер социально-экономической поддержки с учётом региональной специфики.

Ключевые слова: экономическая социализация, ценностные ориентации, молодежь, экономическое поведение, потребительское поведение, трудовое поведение, финансовое поведение, региональные исследования, Республика Башкортостан

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Для цитирования: Фаткуллина Г.Р. Ценностные ориентации молодежи и их роль в экономическом поведении (на примере Республики Башкортостан) // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 269–282. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_6_269_282 EDN YOHLBT

RAR (Research Article Report)

JEL I31, J16, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_6_269_282

Youth Values and Their Role in Economic Behavior (Based on the Republic of Bashkortostan)

Gulshat R. Fatkullina

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
(gulshat475@yandex.ru) (<https://orcid.org/0000-0002-6358-0853>)

Abstract

This article presents the findings of sociological surveys conducted between 2021 and 2024 among youth aged 14–35 in the Republic of Bashkortostan. The study aims to identify and analyze how young people's dominant value orientations shape their economic behavior in the context of contemporary socio-economic change. The methodological framework is a comprehensive approach that includes the analysis of statistical data (Rosstat, Bashkortostanstat), a representative youth survey (total sample N = 12,559 respondents: 5,080 in 2021 and 7,479 in 2024), and the application of multivariate statistical analysis methods. The empirical data cover the period from 2021 to 2024, making it possible to trace the dynamics of change against the backdrop of structural economic transformation. The findings indicate a growing economic polarization among youth, reflected in the simultaneous increase in both prosperous and vulnerable groups. Based on an adapted theoretical model of value orientation formation, a typology is proposed, comprising «adaptive», «socializing», and «individualizing» types. It is established that dominant value orientations determine the choice of economic behavior strategies: an orientation toward stability promotes the selection of guaranteed income sources, while a drive for self-realization correlates with entrepreneurial activity and income diversification. A positive link is identified between patriotic values and responsible consumption practices, alongside significant differences in economic behavior depending on age cohort and gender. The results underscore the need for a differentiated approach in youth policy and the development of targeted socio-economic support measures that account for regional specificities.

© Фаткуллина Г.Р., 2026

Keywords: economic socialization, value orientations, youth, economic behavior, consumer behavior, labor behavior, financial behavior, regional studies, Republic of Bashkortostan

Acknowledgements: This study was conducted as part of the State Assignment of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, project No. 075-00576-26-00 for 2026 and the planning period of 2027 and 2028.

For citation: Fatkullina G.R. Youth Values and Their Role in Economic Behavior (Based on the Republic of Bashkortostan). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):269–282. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_269_282 (In Russ.)

Введение

Современные кризисы, технологические сдвиги и геополитическая нестабильность меняют условия экономической активности молодежи. Эта группа выступает одновременно агентом изменений и уязвимым субъектом. Ценностные ориентации становятся ключевым фактором, определяющим модели потребления, сбережений, профессионального выбора и предпринимательства. Изучение этого влияния – основа эффективной молодежной политики.

Актуальность исследования определяется необходимостью понять механизмы трансляции ценностных структур в экономические стратегии в условиях неопределённости [1]. Научный дискурс сегодня сместился от констатации трансформации ценностей к анализу их связи с трудовыми стратегиями, потребительским [2; 3; 4; 5] и финансовым поведением молодежи [6], а также формами цифровой активности молодежи [7]. Особую остроту эта проблематика приобретает на региональном уровне, где общероссийские тренды преломляются через специфику локальных рынков труда и культурных традиций [8; 9]. Изучение этих процессов в полиэтничном регионе с диверсифицированной экономикой, таком как Республика Башкортостан, позволяет выявить уникальные сочетания традиционных и прагматических установок современной молодежи [10; 11; 12].

Анализ российских исследований фиксирует синтез в ценностных профилях поколений Y и Z¹ традиционных установок (семья, стабильность) и прагматических ориентаций на самореализацию и гибкость [11; 13]; амбивалентность трудовых ценностей: запрос на гарантированную занятость сочетается с ростом предпринимательских установок [14; 15]. Дистанционная занятость трансформирует трудовое поведение и ценностное

¹ Поколение Y (миллениалы) – люди, родившиеся примерно в 1981–1996 гг., чье становление пришлось на эпоху цифровизации и глобализации. Поколение Z – люди, родившиеся в 1997–2012 гг., «цифровые аборигены», выросшие в условиях повсеместного доступа к интернету и социальным сетям. См.: Теория поколений: как она работает и работает ли вообще // РБК: [сайт]. URL: <https://clck.ru/fQxoi> (дата обращения: 01.04.2026).

восприятие труда, смещая акценты с лояльности организации на автономию и контроль над временем [16]. Потребительское поведение всё чаще выступает практикой конструирования идентичности, где прослеживается связь патриотических установок с предпочтением локальных брендов [17]. При этом цифровизация выступает ключевым опосредующим фактором, формируя новые паттерны экономической активности, включая политическое участие и гражданские практики [18; 19], и одновременно порождая новые социальные риски [20; 21]. Актуализируется изучение региональной специфики, поскольку общенациональные тренды всегда преломляются через локальный контекст.

Вместе с тем, комплексные исследования, охватывающие одновременно трудовое, потребительское и финансовое поведение молодежи в их взаимосвязи с ценностными ориентациями на региональном уровне, представлены в литературе недостаточно. Большинство работ фокусируются либо на отдельных аспектах экономической активности, либо на общероссийских трендах без учёта региональной специфики. Настоящее исследование восполняет этот пробел, предлагая целостный анализ взаимосвязи ценностных ориентаций и стратегий экономического поведения молодежи (трудовых, потребительских, финансовых) на примере Республики Башкортостан – полиэтничного региона с диверсифицированной экономикой.

Таким образом, объектом исследования выступает молодежь Республики Башкортостан в возрасте 14–35 лет, а предметом – взаимосвязь между ценностными ориентациями и стратегиями экономического поведения (трудового, потребительского, финансового). Цель исследования – выявление и анализ характера детерминации экономического поведения молодежи их доминирующими ценностными ориентациями. Задачи исследования: на основе анализа статистических данных и данных авторского социологического исследования охарактеризовать социально-экономическое положение и экономические практики молодежи республики; выявить и типологизи-

ровать доминирующие ценностные ориентации молодёжи региона; проанализировать взаимосвязь между выделенными ценностными типами и конкретными стратегиями в сферах занятости, формирования доходов, потребления и кредитного поведения; определить возрастные и гендерные особенности проявления выявленных взаимосвязей; разработать практические рекомендации для органов власти и институтов гражданского общества, направленные на учёт ценностного фактора в региональной молодёжной политике.

Гипотеза исследования заключается в том, что экономическое поведение молодёжи носит стратегический характер и дифференцируется по доминирующему типу ценностных ориентаций (адаптирующегося, социализирующегося, индивидуализирующегося), при этом конкретные проявления этой взаимосвязи опосредованы возрастным этапом жизненного цикла, гендером и региональными социально-экономическими условиями.

Особый исследовательский интерес представляет анализ региональной специфики экономического поведения молодёжи. Республика Башкортостан, являясь полиэтничным регионом с диверсифицированной экономикой, демонстрирует уникальное сочетание традиционных ценностных ориентаций и адаптации к современным экономическим вызовам. По данным авторских опросов, именно в подобных регионах наиболее ярко проявляются противоречивые эффекты цифровой трансформации: с одной стороны, рост предпринимательской активности (до 18% среди 14–17-летних), с другой – усиление экономического неравенства. Этот разрыв, усугубляющийся в условиях экономической неопределённости, требует пристального внимания и разработки эффективных механизмов социальной поддержки. В представленной статье на основе комплексного анализа статистических данных и результатов авторских исследований рассматриваются ключевые аспекты экономического поведения молодёжи Республики Башкортостан, особое внимание уделяется взаимосвязи ценностных ориентаций и конкретных экономических практик в условиях современных вызовов и необходимости формирования у молодёжи устойчивых жизненных стратегий.

Теоретические и методологические основы

Теоретическая основа исследования формируется на пересечении нескольких направлений социологической мысли. На макроуровне для интерпретации структурного контекста мы используем концепцию «общества риска» У. Бека [22]. Согласно ей, в условиях позднего модернизма риски индивидуализируются, перенося ответс-

твенность за материальное положение на самого индивида. Этот подход позволяет концептуализировать наблюдаемую в регионе экономическую поляризацию молодёжи как следствие неравного распределения ресурсов для управления неопределённостью.

На мезоуровне для анализа возрастной динамики применяется теория жизненного цикла [23]. Выделение когорт (14–17, 18–23, 24–29, 30–35 лет) позволяет выявить не только актуальные практики, но и траектории экономической социализации, раскрывая связь между возрастными задачами и формированием поведенческих стратегий.

Микроуровень анализа опирается на структурно-динамическую модель ценностных ориентаций М.С. Яницкого [24]. Согласно модели, доминирование одного из трёх уровней – адаптирующегося (безопасность), социализирующегося (статус) или индивидуализирующегося (самореализация) – формирует соответствующий ценностный тип личности. Эта модель легла в основу эмпирической типологизации ценностей молодёжи в данном исследовании.

Связующим звеном между ценностными установками и их реализацией выступает концепция капиталов П. Бурдьё [25]. Анализ накопления и конвертации капиталов позволяет объяснить различия в экономических траекториях: от зависимости от родительской поддержки в младших группах до накопления экономического капитала через предпринимательство в старших.

Актуальность концепции капиталов подтверждается новейшими исследованиями: так, на примере молодёжных коммуникаций в сфере культуры показано, как рамка Бурдьё объясняет трансляцию культурного капитала в цифровой среде [26].

Таким образом, синтез этих перспектив позволяет разработать аналитическую модель, учитывающую институциональные изменения, возрастные этапы социализации, индивидуальные ценностные профили (Яницкий) и практики использования капиталов.

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, направленный на всестороннее изучение взаимосвязи ценностных ориентаций и экономического поведения. Эмпирическая база сформирована из нескольких взаимодополняющих источников:

1. Анализ статистических данных Росстата и Башкортостанстата за 2021–2024 гг., позволивший охарактеризовать структурный контекст.

2. Репрезентативное анкетирование молодёжи Республики Башкортостан в возрасте 14–35 лет, проведённое автором в 2021 (N = 5080) и 2024 гг. (N = 7479). Выборка квотная, репрезентирующая по полу, возрасту и типу населённого пункта.

Инструментарий включал оценку материального положения, структуры доходов и расходов, кредитного и трудового поведения, а также ранжирование терминальных ценностей для построения индивидуальных ценностных профилей.

3. Данные исследования, проведённого совместно с ИСЭИ УФИЦ РАН «Проблемы и перспективы развития социально-трудовой сферы Республики Башкортостан» (N=1100, 2024 г.).

4. Методы обработки: факторный анализ для выявления латентных структур ценностных ориентаций; множественный регрессионный анализ для установления взаимосвязей между ценностными факторами и показателями экономического поведения; описательная статистика и кросс-табуляции.

Хронологические рамки (2021–2024 гг.) охватывают период значительных трансформаций, что позволяет проследить динамику изменений в поведении молодёжи. Совокупность используемых методов и источников данных обеспечивает валидность, надёжность и репрезентативность полученных результатов, создавая основу для верификации сформулированной гипотезы.

Результаты исследования и их обсуждение

На основе модели М.С. Яницкого [24] разработана типология ценностных ориентаций молодёжи республики. Анализ субъективных рангов значимости терминальных ценностей позволил выделить три типа²: 1) адаптирующийся (приоритет базовых потребностей и стабильности); 2) социализирующийся (приоритет интеграции в общество, социального статуса, семейных и коллективных связей); 3) индивидуализирующийся (приоритет самореализации, личностного развития, независимости). Данная типология легла в основу дальнейшего анализа экономических стратегий.

Анализ динамики материального положения (таблица 1) выявляет две тенденции: усиление экономической поляризации (одновременный рост доли испытывающих трудности с питанием – до 10,9% в группе 24–29 лет – и доли тех, кто может позволить себе всё, кроме недвижимости – до 18,8% в группе 18–23 лет) и закономерность жизненного цикла: уровень благосостояния повышается с возрастом, наиболее уязвима группа 18–23 лет.

Таблица 1

Самооценка статуса материального положения семьи респондентов в динамике по возрастным группам (по данным опроса в Республике Башкортостан), %

Table 1

Self-assessment of Family Financial Status among Respondents: Dynamics across Age Groups (According to a Survey in the Republic of Bashkortostan), %

	2021 г.			2024 г.		
	18–23	24–29	30–35	18–23	24–29	30–35
Доходов не хватает даже на питание	4,0	9,0	3,4	3,1	10,9	5,1
Доходов хватает на питание, но покупка одежды и оплата жилищно-коммунальных услуг затруднительна	12,1	16,2	20,2	12,8	18,8	20,3
Доходов хватает на покупки предметов первой необходимости, но не хватает на товары длительного пользования	26,3	23,2	31,9	29,1	30,9	30,4
Денег вполне хватает на приобретение бытовой техники, но покупка автомобиля вызывает затруднения	27,8	34,2	27,7	21,3	18,5	20,3
Доходов хватает на всё, кроме приобретения недвижимости	7,8	5,1	9,1	18,8	14,3	16,4
Материальных затруднений не испытываем	22,1	12,4	7,7	14,8	6,7	7,4

Источник: данные социологического опроса.

Гендерный анализ (рисунок 1) показывает: женщины выше оценивают своё текущее потребление, мужчины чаще испытывают трудности с питанием, что отражает различия в занятости и поддержке семьи и подтверждает гендерную сегрегацию на рынке труда [27] и концентрацию женщин в низкооплачиваемых сферах [28; 29; 30; 31; 32]. Мужчины чаще прибегают к подработкам, женщины – к социальным пособиям и поддержке

партнёров [33]. Гендерный разрыв в доходах формируется уже в школьном возрасте.

² Здесь и далее по статье. Классификация респондентов на ценностные типы («адаптирующийся тип», «социализирующийся тип», «индивидуализирующийся тип») осуществлялась на основе их ответов на вопросы: «Что делает Вас счастливым?», «Выберите ценности, которые являются наиболее важными для Вас», «Выбери наиболее значимые для Вас жизненные цели», «Выберите одно высказывание, которое, с вашей точки зрения, может стать основным жизненным ориентиром современного человека».

Рисунок 1. Самооценка статуса материального положения семьи респондентов по гендеру (по данным опроса в Республике Башкортостан), %
Figure 1. Self-assessment of Family Financial Status among Respondents by Gender (According to a Survey in the Republic of Bashkortostan), %

Источник: данные социологического опроса.

Дифференциация доходов сохраняется: в 2024 г. 8,2% подростков 14-17 лет с доходом до 10 тыс. руб. ориентированы на ценности социализации (8,3%), вероятно, из-за ограниченных финансовых возможностей. В 2021 г. 39,6% молодёжи имели доход ниже прожиточного минимума, 40,3% школьников соглашались на низкооплачиваемую работу из-за недостатка опыта. В группе 18–35 лет преобладает доход 26–30 тыс. руб. (12,3%), ценности социализации сохраняют значимость (12,8%), что указывает на важность социальных связей даже при более высоком доходе.

Данные исследования ИСЭИ УФИЦ РАН «Проблемы и перспективы развития социально-трудовой сферы Республики Башкортостан» (репрезентативный опрос трудоспособного населения, N=1100, из которых 238 – молодёжь в возрасте 18–34 лет, 2024 г.) подтверждают: зарплата молодёжи 18–34 лет – 20–30 тыс. руб.,

для комфортной жизни респонденты называют 50 тыс. руб. (24,1% в группе 18–24 года, 26,0% в группе 25–34 года). Ценности патриотизма, семьи и самореализации положительно коррелируют с уровнем заработной платы (регрессионный анализ). Вероятно, эти ценности способствуют формированию качеств, востребованных работодателями (ответственность, трудолюбие). Влияние ценностей материального благополучия и прав человека на зарплату статистически не значимо.

Анализ источников дохода (таблица 2) показывает сохранение доминирующей роли заработка по основному месту работы. Ключевым изменением стал значительный рост значимости подработок (+10,9% за период), что отражает распространение нестабильных форм занятости и стратегий диверсификации доходов. Сохраняется и высокая зависимость от помощи семьи (27,3% в 2024 г.), особенно среди студенческой молодёжи.

Таблица 2

Источники дохода молодежи Республики Башкортостан в динамике в 2021 г. и 2024 г., %

Table 2

Sources of Income of Youth in the Republic of Bashkortostan in 2021 and 2024, %

Источники дохода	2021 г.	2024 г.
Нет личного дохода	12,8	11,4
Стипендия	19,1	21,7
Подработки	17,6	28,5
Помощь родных	24	27,3
Заработок по основному месту работы	52,9	52,2
Доход от работы по совместительству	7,1	11,0
Доход от предпринимательской деятельности	4,9	6,2
Доходы от собственности	4,3	6,0
Социальные выплаты	–	13,9

Источник: данные социологического опроса.

Выбор стратегий финансовой самостоятельности связан с типом ценностных ориентаций (рисунок 2): адаптирующий тип предпочитает гарантированный доход от основной работы (особенно в госструктурах); социализирующий тип опирается на коллективные ресурсы – помощь семьи, социальные выплаты. Однако, в группе 24–29 лет с этим типом выявлена высокая доля

занятых по совместительству и предпринимателей, что может интерпретироваться как попытка диверсифицировать доходы и снизить зависимость от внешней поддержки. Индивидуализирующий тип (особенно в группе 30–35 лет) демонстрирует стратегию достижения независимости через предпринимательство и доходы от собственности.

Рисунок 2. Взаимосвязь ценностных приоритетов и источников дохода молодежи Республики Башкортостан, %

Figure 2. Relationship between Value Priorities and Income Sources of Youth in the Republic of Bashkortostan, %

Источник: данные социологического опроса.

Анализ возрастной динамики ценностных приоритетов подтверждает их связь с источниками дохода и этапом жизненного цикла. В младшей группе (14–17 лет) максимальные значения по адаптации и социализации – у получающих помощь родных и соцвыплаты, по индивидуализации – у занятых предпринимательством и получающих доходы от собственности. В группе 18–23 лет структура сохраняется, но появляются признаки сдвига: показатели индивидуализации растут. В когорте 24–29 лет цели адаптации минимальны, социализация демонстрирует пик у занятых предпринимательством. В старшей группе (30–35 лет) цели индивидуализации максимальны у получающих доходы от предпринимательства и собственности, цели адаптации мини-

мальны. Это согласуется с концепцией жизненного цикла Г. Элдера [23], согласно которой экономические стратегии закономерно эволюционируют по мере взросления.

Самооценка изменения материального положения за последний год (рисунок 3) показывает поляризованные тенденции: более половины опрошенных констатировали улучшение своего финансового состояния, 30% отметили стабильность, и 16,9% – ухудшение. Эти данные фиксируют общую динамику, но, как следует из регрессионного анализа, не могут быть однозначно интерпретированы вне связи с ценностными ориентациями, которые, оказывают дифференцированное влияние на доходные стратегии.

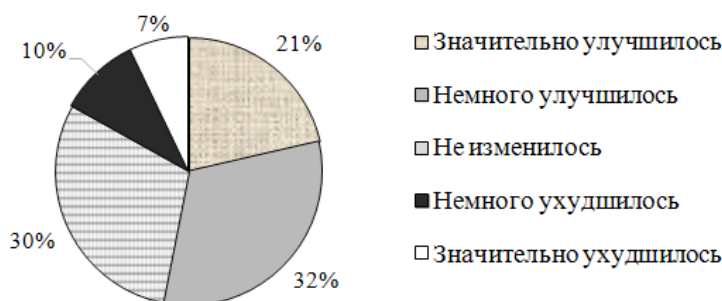

Рисунок 3. Оценка молодежью собственного материального положения в 2024 г. (по данным опроса в Республике Башкортостан), %

Figure 3. Youth Self-Assessment of Their Financial Situation in 2024 (According to a Survey in the Republic of Bashkortostan), %

Источник: данные социологического опроса.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов о специфике материального положения молодёжи региона. Во-первых, наблюдается усиление экономической поляризации, что требует разработки мер социальной поддержки для наиболее уязвимых групп молодёжи. Во-вторых, ценностные ориентации оказывают значимое влияние на уровень доходов и выбор стратегий адаптации, что необходимо учитывать при разработке программ поддержки молодёжного предпринимательства и занятости.

Трудовое поведение молодёжи детерминировано множеством факторов, среди которых особое значение приобретают ценностные ориентации, определяющие мотивацию, профессиональной траектории и стратегии адаптации на рынке труда.

Несмотря на позитивные общероссийские тренды снижения безработицы³ и доли NEET-молодёжи⁴, в республике сохраняются структурные проблемы: доля молодёжи с трудовым опытом со-

ставляет 63,1%, но почти половина работающих (48,2%) заняты не по специальности.

Регрессионный анализ занятости (таблица 3) выявил, что приверженность ценностям государственного патриотизма, самореализации и милосердия положительно коррелирует с вероятностью быть занятым. Ориентация на права человека демонстрирует отрицательную связь с занятостью. Это позволяет предположить, что в условиях современного российского рынка труда коллективистские и патриотические установки выступают адаптивным ресурсом, повышая готовность индивида принимать существующие правила и интегрироваться в трудовые коллективы. Напротив, акцент на индивидуальных правах может создавать дополнительные барьеры при трудоустройстве. Данный вывод перекликается с наблюдениями Диннер И.В. [2] о синтезе традиционных и прагматических установок в ценностных профилях поколений Y и Z.

Таблица 3

Значимые коэффициенты регрессионной модели занятости молодежи Республики Башкортостан
Table 3
Significant Coefficients of the Youth Employment Regression Model in the Republic of Bashkortostan

Фактор	β (стандартизованный)	p-значение	Интерпретация
Возрастная группа	-0.515	<0.001	Чем старше, тем выше занятость
Фактор 4 (Самореализация)	0.138	<0.001	Положительное влияние на занятость
Фактор 2 (Патриотизм)	0.109	0.002	Связь с трудовой интеграцией
Фактор 5 (Права человека)	-0.084	0.018	Отрицательное влияние
Фактор 7 (Милосердие)	0.067	0.061	Пограничная значимость

Источник: данные социологического опроса.

Анализ трудовой адаптации показывает, что работающая молодёжь ориентирована на социализацию (интеграция в коллектив) и адаптацию (гибкость). Безработные в возрасте 24–29 лет также демонстрируют высокую направленность на социализацию, компенсируя отсутствие работы учёбой или волонтерством. Безработные 30–35 лет чаще склоняются к индивидуализации, что может быть связано с переоценкой жизненных стратегий и поиском альтернативных путей самореализации в условиях профессиональных трудностей.

В 2024 г. 36,9% молодёжи не имели трудового опыта (фокус на образовании или барьеры рын-

ка). Доля занятых не по специальности (48,2%) отражает дисбалансы системы образования и адаптивность молодёжи.

Исследование ИСЭИ УФИЦ РАН фиксирует возрастную дифференциацию трудовой адаптации: в группе 18–24 лет наблюдается относительная стабильность занятости при снижении доходов и возможностей совместительства, тогда как когорта 25–34 лет демонстрирует более устойчивые показатели занятости, сопровождающиеся активной сменой профессиональной деятельности и повышением квалификации.

Трудовые ценности молодёжи прагматичны: приоритет – гибкости, профессиональному росту и балансу работы и жизни при значимости материального положения [27]. Достойная зарплата – главный критерий для 85,5% опрошенных, интересная работа (51,4%) и стабильность (48,3%) – далее. С возрастом акценты смещаются: для группы 18–24 лет важнее опыт и интерес, для

³ Доклад о положении молодёжи в Российской Федерации за 2023 год // Минобрнауки России: [сайт]. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2024/10/Доклад_ПМ2023_ЭЦП_Петров1.10.24.pdf (дата обращения: 29.04.2025).

⁴ NEET (Not in Employment, Education or Training) – молодёжь, которая не учится, не работает и не проходит профессиональное обучение. См.: Кто такая NEET-молодёжь и как не остаться без работы // HSE.Daily: [сайт]. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/910648986.html> (дата обращения: 17.01.2025).

когорты 25–34 лет – стабильность. По данным Башкортостанстата⁵, удовлетворённость работой среди молодёжи 16–29 лет составляет лишь 33,1%, причём наименьшие показатели фиксируются в группе 15–19 лет – из-за неудовлетворённости профессиональной составляющей. Наиболее значимым фактором профессионального выбора остаются родители (59,6%), что подтверждает ключевую роль семейной социализации [19]. Формальные институты профориентации (профконсультанты – 15%) и медиа (17,9%) играют второстепенную роль.

Трудовые стратегии дифференцируются по возрасту и ценностям: младшие группы (14–23 года) ориентированы на гибкость и развитие, старшие (25–35 лет) – на стабильность и материальное благополучие, что согласуется с теорией жизненного цикла Г. Элдера [23] и выводами Диннер [2] о синтезе традиционных и прагматических установок у поколений Y и Z.

Положительная связь коллективных и патриотических ценностей с трудовой интеграцией позволяет рассматривать их как адаптивный ресурс, повышающий готовность принимать институциональные правила и интегрироваться в трудовые коллективы. Напротив, акцент на индивидуальных правах может создавать барьеры из-за завышенных ожиданий и снижения гибкости, что коррелирует с наблюдениями Рошина и Емелиной [27].

Наряду с ценностной дифференциацией сохраняются структурные проблемы: высокая доля занятых не по специальности, маргинализация младших возрастных групп и низкая эффективность профориентации при ключевой роли се-

мейной социализации (59,6%) [19], что актуализирует реформирование государственных служб.

Трудовая реализация молодёжи республики отражает общероссийские тенденции [2; 27] и региональную специфику: в отличие от общероссийских исследований, роль семьи как агента профессиональной социализации здесь остаётся критически высокой (59,6%), что требует пересмотра формальных профориентационных стратегий. Результаты дополняют работы Винокуровой [19], демонстрируя преломление глобальных трендов через локальные нормы. Перспективы исследований – разработка профориентационных программ с учётом ценностных профилей молодёжи и изучение их карьерных траекторий.

Современное общество характеризуется ускорением социальных трансформаций, которые детерминируют изменения в ценностных ориентациях и потребительских практиках молодёжи. Республика, занимая 80-е место из 86 регионов по уровню закредитованности населения в 2024 г.⁶, демонстрирует относительно низкую долговую нагрузку, однако проблема чрезмерного кредитования отдельных групп, особенно молодёжи, остаётся актуальной.

Анализ кредитной активности демонстрирует чёткую возрастную динамику, отражающую этапы жизненного цикла (рисунок 4). Если в группе 18–23 лет кредитов не имеют 80,5%, то к 30–35 годам этот показатель снижается до 33,7%. В структуре кредитования с возрастом происходит закономерный переход от простых форм (кредитные карты) к крупным займам, связанным с созданием семьи и обустройством жилья: ипотека в группе 30–35 лет составляет 31,2%.

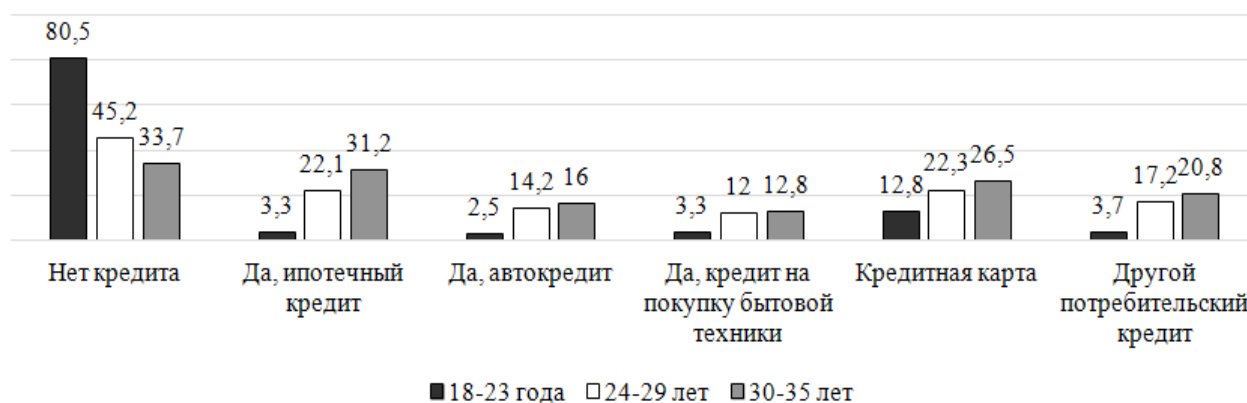

Рисунок 4. Закредитованность молодежи Республики Башкортостан в 2024 г. по возрастным группам, %
Figure 4. Debt Burden among Youth in the Republic of Bashkortostan in 2024 by Age Group, %

Источник: данные социологического опроса.

⁵ Комплексное наблюдение условий жизни населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: [сайт]. URL: <https://bashstat.gks.ru/folder/86298> (дата обращения: 30.05.2024).

⁶ Башкирия вновь вошла в десятку самых закредитованных регионов России // РБК: [сайт]. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/11/03/2024/65ee8bf59a7947a50a9349ce?ysclid=mlap2zto42648078982> (дата обращения: 15.05.2025).

Гендерные различия также показательны: женщины чаще берут ипотеку (34,4% против 27,8% у мужчин), что косвенно может указывать на их роль в иницировании и оформлении жилищных вопросов семьи, в то время как мужчины – автокредиты (16,7% против 15,3%). Это согласуется с выводами о сохранении традиционных гендерных ролей в экономическом поведении [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32].

Множественный регрессионный анализ выявил значимые связи между ценностными ориентациями и потребительскими предпочтениями

(таблица 4). Патриотические ценности («Гордость за страну», «Единство народов России») положительно коррелируют с выбором качественных товаров. Это позволяет интерпретировать патриотизм не только как идеологическую установку, но и как фактор, способствующий ответственному, долгосрочному потреблению и более высокой адаптивности к экономическим изменениям. Семейные ценности и историческая память также ассоциируются с предпочтением качественных товаров, тогда как ориентация на милосердие и самореализацию – с выбором более дешёвых вариантов.

Таблица 4

Влияния ценностей на потребительское поведение молодежи Республики Башкортостан

Table 4

The Influence of Values on the Consumer Behavior of Youth in the Republic of Bashkortostan

Ценность (Фактор)	Влияние на выбор	Интерпретация
Материальное благополучие и трудолюбие (Высокие нагрузки по ценностям: «Обеспеченная жизнь» (0.802), «Созидательный труд» (-0.724), «Жизнь и достоинство» (0.644), «Коллективизм» (-0.588))	Положительное	Чем выше стремление к материальному благополучию, тем чаще выбор качественных, но дорогих товаров.
Государственный патриотизм (высокие нагрузки по ценностям: «Единство народов России» (-0.870), «Гордость за страну» (0.473))	Положительное	Патриотично настроенные респонденты чаще выбирают качество.
Семейные ценности и историческая память (высокие нагрузки по ценностям: «Крепкая семья» (0.828), «Историческая память и преемственность поколений» (0.725))	Положительное	Привязанность к семье/традициям коррелирует с предпочтением качественных товаров.
Милосердие и самореализация (высокие нагрузки по ценностям: «Милосердие, гуманизм» (-0.627), «Самореализация и развитие» (-0.536))	Отрицательное	Готовность помогать другим связана с выбором более дешёвых вариантов.

Источник: данные социологического опроса.

Структура основных статей расходов молодежи (таблица 5) показывает приоритет электроники (44,7%), гастрономических услуг (44,0%) и

платной медицины (42,1%), что отражает как гедонистические установки, так и прагматичную заботу о здоровье в условиях платной медицины.

Таблица 5

Потребительское поведение молодежи Республики Башкортостан, %

Table 5

Consumer Behavior of Youth in the Republic of Bashkortostan, %

Категория расходов	Процент наблюдений	Категория расходов	Процент наблюдений
Покупка электроники	44,7	Образовательные услуги	22,0
Посещение музеев, театров, кинотеатров	28,3	Услуги добровольного страхования	8,4
Услуги кафе и ресторанов	44,0	Цифровые товары	18,1
Товары или услуги для своего увлечения, хобби	31,8	Абонементы на занятия спортом и фитнесом	13,2
Заказ готовой еды	37,4	Ничего из перечисленного	8,6
Платные медицинские услуги	42,1	Затрудняюсь ответить	11,0
Путешествия, экскурсии			17,3

Источник: данные социологического опроса.

Проведённый анализ свидетельствует, что потребительское поведение молодежи республики характеризуется значительной дифферен-

циацией, обусловленной как объективными социально-экономическими факторами, так и ценностными ориентациями. Анализ кредитной

активности продемонстрировал чёткую возрастную динамику, отражающую этапы жизненного цикла. Гендерные различия в потребительских практиках подтверждают гипотезу о сохранении традиционных социальных ролей в современном обществе.

Выявленная связь патриотических ценностей с ответственным потреблением согласуется с выводами Roa-Goyes и Pickering [3] о влиянии культурных ценностей на покупательское поведение молодёжи и исследованием Jasrotia [4], фиксирующим сдвиг в сторону устойчивого потребления, что косвенно подтверждается нашим выводом о предпочтении качественных товаров патриотически настроенной молодёжью. Однако, выявленная возрастная динамика кредитной активности эмпирически подтверждает теорию жизненного цикла. Дальнейшие перспективы в этой области связаны с анализом влияния цифровой среды на финансовые практики молодёжи, а также с изучением адаптации различных ценностных типов к экономическим кризисам.

Заключение

Исследование подтвердило гипотезу: экономическое поведение молодёжи стратегически дифференцируется в зависимости от доминирующего типа ценностных ориентаций. Конкретные проявления этой взаимосвязи опосредованы возрастом, гендером и региональными условиями.

Доминирующий тип ценностных ориентаций – адаптирующийся (приоритет стабильности), социализирующийся (ориентация на коллективные связи) или индивидуализирующийся (направленность на самореализацию) – предопределяет выбор моделей экономического поведения. Адаптирующийся тип ориентирован на гарантированный доход от основной работы. Социализирующийся тип опирается на коллективные ресурсы (помощь семьи, соцвыплаты), при этом в старших группах – на диверсификацию доходов. Индивидуализирующийся тип (особенно 30–35 лет) демонстрирует стратегию независимости через предпринимательство и инвестиции.

Выявленные стратегии закономерно эволюционируют в соответствии с логикой жизненного цикла. В младших возрастных группах (14–23 года) преобладает зависимость от семьи и ориентация на гибкие, часто неформальные формы занятости, тогда как в старших когортах (30–35 лет) фиксируется стабилизация трудовых траекторий, накопление имущества и закономерный рост кредитной нагрузки, прежде всего в сегментах ипотеки и автокредитования. Гендерные различия в экономическом поведении, в свою очередь, отражают сохранение традиционных со-

циальных паттернов: женщины чаще выступают ключевыми агентами в вопросах приобретения жилья и текущего потребления, мужчины – в вопросах мобильности и более рискованных финансовых стратегиях, что коррелирует с устойчивым гендерным разрывом в доходах, фиксируемым как в российских, так и в зарубежных исследованиях.

Особого внимания заслуживает выявленный адаптивный потенциал определённых ценностных установок. Регрессионный анализ подтвердил положительную связь ценностей патриотизма, коллективизма и самореализации с успешной трудовой интеграцией и ответственным потребительским поведением. Патриотически ориентированная молодёжь демонстрирует более высокую адаптивность к структурным изменениям, готовность к долгосрочным стратегиям и поддержке государственных инициатив, что позволяет рассматривать данные ценностные установки не только как идеологические ориентиры, но и как практический ресурс социально-экономической адаптации в условиях неопределённости и институциональных трансформаций.

Специфика Республики Башкортостан, выявленная в ходе исследования, проявляется в уникальном сочетании традиционных ценностных ориентаций (высокая значимость семьи, коллективных связей) и адаптации к современным экономическим вызовам (рост предпринимательской активности среди молодёжи до 18% в группе 14–17 лет). При этом общероссийские тренды – усиление экономической поляризации, высокая доля занятых не по специальности (48,2%), низкая эффективность формальных институтов профориентации – в республике дополняются сохранением ключевой роли семьи как агента профессиональной социализации (59,6%). Последнее отличает регион от территорий с более урбанизированной структурой, где влияние семьи на профессиональный выбор ниже.

Наконец, анализ региональной специфики Республики Башкортостан показал, что на фоне общероссийских трендов здесь фиксируется усиление экономической поляризации молодёжи. Сохраняется высокая доля занятых не по специальности (почти половина работающей молодёжи), что указывает на устойчивый дисбаланс между системой профессионального образования и потребностями регионального рынка труда. При этом семья остаётся ключевым агентом профессиональной социализации (её влияние отмечают почти 60% респондентов), тогда как формальные институты профориентации демонстрируют низкую эффективность, что актуализирует вопрос об их реформировании.

Результаты подчёркивают необходимость перехода от универсальных мер к адресным стратегиям, учитывающим ценностные профили, возраст и гендер, через укрепление адаптивного потенциала ценностей и преодоление структурных дисбалансов. На основе полученных результатов могут быть предложены следующие практические рекомендации. Для молодёжи адаптирующегося типа, ориентированной на стабильность, целесообразно развитие программ гарантированной занятости и социальной поддержки. Для социализирующегося типа – расширение возможностей для коллективных форм занятости, волонтерства

и участия в социальных проектах, а также программы диверсификации доходов (совместительство, поддержка самозанятости). Для индивидуализирующегося типа – развитие инфраструктуры молодёжного предпринимательства, образовательные программы по финансовой грамотности и инвестициям. Кроме того, учитывая ключевую роль семьи в профессиональной социализации (почти 60% респондентов), необходима разработка программ, вовлекающих родителей в профориентационную работу. Формальные институты профориентации требуют реформирования с учётом ценностных профилей молодёжи.

Список источников

1. Федорева В.С. Потребительское поведение как отражение социально-культурных ценностей в глобализированном мире // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 181–186. EDN DFLBVB
2. Диннер И.В. Трудовые ценности молодежи в контексте теории поколений // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2023. Том 21. № 1. С. 44–53. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(1\).44-53](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(1).44-53) EDN RJEVAG
3. Roa-Goyes S., Pickering G.J. Food Carbon Labels and Purchase Decisions of Youth in the Americas: The Role of Cultural Values. *Journal of International Consumer Marketing*. 2025;37(5):429-448. <https://doi.org/10.1080/08961530.2025.2481620>
4. Jasrotia S.S., Darda P., Pandey S. Changing Values of Millennials and Centennials Towards Responsible Consumption and Sustainable Society. *Society and Business Review*. 2023;18(2):244-263. <https://doi.org/10.1108/SBR-01-2022-0013>
5. Рожкова Л.В. Оценка политической, экономической ситуации в стране и политический потенциал молодежи // Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства: Материалы научно-практической конференции, 24 декабря 2021, Москва, Россия / отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 97–103.
6. Tuominen J., Nyrhinen J., Rantala E., et al. Stimulation Values and Life Satisfaction Among Young People: the Role of Impulsive Buying and Financial Problems. *Young Consumers: Insight and Ideas for Responsible Marketers*. 2025;26(7):92-110. <https://doi.org/10.1108/YC-07-2024-2142>
7. Tsouparopoulou E., Symeonaki M., Parsanoglou D., et al. European Youth and Digital Engagement: Attitudes, Skills, and Civic Participation. *Journal of Applied Youth Studies*. 2025;8:219–247. <https://doi.org/10.1007/s43151-025-00168-z>
8. Использование социальных медиа в политической коммуникации среди молодежи: анализ опросов и тенденций / М.И. Михайлюк, Г.С. Едич, А.И. Разумовский, А.А. Караев, А.Н. Терешина // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 164–166. EDN RHOAIE
9. Мурзаев М.С., Карымшакова Ж.Ө. Жаш Муундарды Улуттук Баалуулуктардын Негизинде Калыптандыруу Маселелери // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2024. № 1. С. 263–266. <https://doi.org/10.26104/IVK.2024.88.80.059> EDN QCZKYU
10. Репродуктивные установки российских студентов в преддверии глобального демографического кризиса / И.М. Лоскутова, М.В. Синяев, В.С. Тарченко, М.Ю. Казарян, В.В. Лукьянов // *Society and Security Insights*. 2025. Том 8. № 3. С. 84–98. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)3-04](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)3-04) EDN CMHOFO
11. Дубина А.Ш., Рожкова Л.В. Ценность труда у современной молодежи приволжского, центрального, северо-западного и крымского федеральных округов // Системное обеспечение условий достойного труда: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 22 ноября 2019, Новосибирск, Россия / отв. ред. В.И. Мельников. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 15–19. EDN YKCZQY
12. Дробышева Т.В. Предикторы потребительских предпочтений молодежи – жителей мегаполиса (на примере предпочтений смартфонов) // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 161–168. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72> EDN RDSIRY
13. Афанасьева О.Н., Маранов М.А. Влияние культуры потребления на финансовое поведение молодежи // *Eromen. Global*. 2025. № 62. С. 10–19. EDN YTRIUD
14. Мкртумова И.В., Ашкар М. Поведенческие паттерны нарушения репродуктивного здоровья молодежи: межстрановой анализ // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 58–62. EDN RNSHCF
15. Фаткуллина Г.Р. Влияние ценностных ориентаций и социального капитала на экономическую ситуацию среди молодежи в Республике Башкортостан // Экономика и практика. 2023. № 11-3(105). С. 129–131. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-11-3-129-131> EDN QJTEGX
16. Коушева С.А. Особенности профилактики «скулшутинга» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-2(82). С. 181–183. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-7-2-181-183> EDN QJTERN

17. Носкова Е.В., Романова И.М. Влияние культурных ценностей на этическое поведение российской и китайской молодежи и их восприятие брендов Nike и KFC // Практический маркетинг. 2022. № 7(304). С. 3–9. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2022-7304-3-9> EDN QAPPWY
18. Винокурова Н.А. От (до) советского к постсоветскому: проблема русской культурной преемственности в исторической перспективе // Казанский педагогический журнал. 2023. № 3(158). С. 249–255. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.160.3.032> EDN XBWOCX
19. Винокурова Н.А. Влияние глобализации на взгляды и социально-экономическое поведение студентов (по материалам социологических исследований) // Креативная экономика. 2024. Том 18. № 9. С. 2251–2274. <https://doi.org/10.18334/ce.18.9.121553> EDN OYALEC
20. Социально-экономическое развитие региона: роль воспитательного потенциала в поддержке молодежи в сфере физической культуры и спорта / Д.Н. Сюкиев, Б.В. Хечеев, Д.П. Церенов, Б.Н. Каруев, В.В. Габуншин, В.В. Дорджиев, П.А. Шаглинов // Экономика и предпринимательство. 2024. № 12(173). С. 1422–1432. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.173.12.258> EDN GPNXSE
21. Резер Т.М. Патриотическое воспитание молодежи в условиях современных вызовов // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 3(101). С. 45–56. https://doi.org/10.21510/18173292_2023_101_3_45_56 EDN THFYGP
22. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5
23. Elder G.H.Jr. The Life Course as Developmental. *Child Development*. 1998;69(1):1-12. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1998.tb06128.x>
24. Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Том 22. № 1. С. 194–206. 2020. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206>
25. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press; 1986. p. 241–258. ISBN 0-313-23529-5
26. Puccia A., Cabeza Ramírez L.J., Márquez de los Santos M., et al. Bridging Cultural Capital: Youth-Driven Communication as a Catalyst for Well-Being in Film Festival Participation. *Social Sciences*. 2025;14(1):26. <https://doi.org/10.3390/socsci14010026>
27. Воронова К.А. Гендерные различия мужчин и женщин в профессиональной сфере в современной России // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. № 2(9). С. 33–47. EDN QQZODJ
28. Рошин С.Ю., Емелина Н.К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. Том 26. № 2. С. 213–239. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239> EDN EYSYWA
29. Rudakov V., Kiryushina M., Figueiredo H., et al. Early Career Gender Wage Gaps Among University Graduates in Russia. *International Journal of Manpower*. 2023;44(6):1046-1070. <https://doi.org/10.1108/IJM-03-2021-0206>
30. Gautham L. The Paradox of Seclusion: Regional Differences in Female Employment and Wages in Urban India. *Journal of Development Studies*. 2026:1-23. <https://doi.org/10.1080/00220388.2026.2614508>
31. Alwago W.O. Ceilings or floors? A Decomposition Analysis of the Gender Pay Gap by Education in Kenya. *Hungarian Statistical Review*. 2025;8(2):135-182. <https://doi.org/10.35618/hsr2025.02.en135>
32. Лукьянова А.Л. Гендерный разрыв в оплате труда: за рамками декомпозиции Оаксаки – Блайндера: препринт WP3/2022/08. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 65 с.
33. Boudreaux C.J. Gender Gaps in the Gig Economy: Consequences for Entrepreneurship in the 21st Century. *Industrial and Corporate Change*. 2026;35(1):78-100. <https://doi.org/10.1093/icc/dtaf023>

Информация об авторе:

Гульшат Рашитовна Фаткуллина – научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (SPIN-код: 4445-4200) (ResearcherID: PKG-8315-2026)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Fedoreeva V.S. Consumer Behavior as a Reflection of Sociocultural Values in a Globalized World. *Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*. 2024;(12):181–186. (In Russ.)
2. Dinner I.V. Youth Labor Values in the Context of Generational Theory. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika=Herald of Omsk University. Series: Economics*. 2023;21(1):44–53. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(1\).44-53](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(1).44-53) (In Russ.)
3. Roa-Goyes S., Pickering G.J. Food Carbon Labels and Purchase Decisions of Youth in the Americas: The Role of Cultural Values. *Journal of International Consumer Marketing*. 2025;37(5):429-448. <https://doi.org/10.1080/08961530.2025.2481620>

4. Jasrotia S.S., Darda P., Pandey S. Changing Values of Millennials and Centennials Towards Responsible Consumption and Sustainable Society. *Society and Business Review*. 2023;18(2):244-263. <https://doi.org/10.1108/SBR-01-2022-0013>
5. Rozhkova L.V. Assessment of Political, Social, And Economic Situation in the Country and Youth Political Potential. In: Levashov V.K. (ed.) *Tret'i Dekabr'skie Sotsial'no-Politicheskie Chteniya «Kak Zhivesh', Rossiya?»*. Vyzovy Pandemii, Parlamentskie Vybory i Strategicheskaya Povestka dlya Obschestva i Gosudarstva Conference Proceedings; December 24, 2021; Moscow, Russia. Moscow: FCTAS RAS. 2022:97-103. (In Russ.)
6. Tuominen J., Nyrhinen J., Rantala E., et al. Stimulation Values and Life Satisfaction Among Young People: The Role of Impulsive Buying and Financial Problems. *Young Consumers: Insight and Ideas for Responsible Marketers*. 2025;26(7):92-110. <https://doi.org/10.1108/YC-07-2024-2142>
7. Tsouparopoulou E., Symeonaki M., Parsanoglou D., et al. European Youth and Digital Engagement: Attitudes, Skills, and Civic Participation. *Journal of Applied Youth Studies*. 2025;8:219-247. <https://doi.org/10.1007/s43151-025-00168-z>
8. Mikhailjuk M.I., Edich G.S., Razumovsky A.I., et al. The Use of Social Media in Political Communication Among Young People: Analysis of Surveys and Trends. *Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*. 2024;(5):164-166. (In Russ.)
9. Murzaev M.S., Karymshakova Zh.O. Problems of Forming National Values in the Young Generations. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana*. 2024;(1):263-266. <https://doi.org/10.26104/IVK.2024.88.80.059> (In Russ.)
10. Loskutova I.M., Sinyaev M.V., Tarchenko V.S., et al. Reproductive Attitudes of Russian Students on the Threshold of the Global Demographic Crisis. *Society and Security Insights*. 2025;8(3):84-98. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)3-04](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)3-04) (In Russ.)
11. Dubina A.Sh., Rozhkova L.V. The Value of Labor Among Modern Youth of the Volga, Central, Northwestern and Crimean Federal Districts. In: Melnikov V.I. (ed.) *Sistemnoe Obespechenie Uslovii Dostoinogo Truda* Conference Proceedings; November 22, 2019; Novosibirsk, Russia. Novosibirsk: Siberian Transport University. 2020:15-19. (In Russ.)
12. Drobysheva T.V. Consumer Preferences of Young People in a Metropolis: A Case Study of Their Smartphone Preferences. *Gertsenovskie Chteniya: Psikhologicheskie Issledovaniya v Obrazovanii=The Herzen University Readings: Psychological Research in Education*. 2020;(3):161-168. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72> (In Russ.)
13. Afanasyeva O.N., Maranov M.A. The Influence of Consumption Culture on the Financial Behavior of Youth. *Epomen Global*. 2025;(62):10-19. (In Russ.)
14. Mkrtumova I.V., Ashkar M. Behavioural Patterns of Reproductive Health Disorders Among Young People: Cross-Country Analysis. *Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*. 2024;(3):58-62. (In Russ.)
15. Fatkulina G.R. The Influence of Value Orientations and Social Capital on the Economic Situation Among Young People in the Republic of Bashkortostan. *Ekonomika i Biznes: Teoriya i Praktika=Journal of Economy and Business*. 2023;(11-3(105)):129-131. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-11-3-129-131> (In Russ.)
16. Koyusheva S.A. Features of the Prevention of Schoolshooting. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk=International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;(7-2(82)):181-183. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-7-2-181-183> (In Russ.)
17. Noskova E.V., Romanova I.M. The Impact of Cultural Values on the Ethical Behavior of Russian and Chinese Youth and Their Perception of NIKE and KFC Brands. *Prakticheskii Marketing=Practical Marketing*. 2022;(7(304)):3-9. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2022-7304-3-9> (In Russ.)
18. Vinokurova N.A. From (before) Soviet to Post-Soviet: The Problem of Russian Cultural Continuity in Historical Perspective. *Kazanskii Pedagogicheskii Zhurnal=Kazan Pedagogical Journal*. 2023;(3(158)):249-255. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2023.160.3.032> (In Russ.)
19. Vinokurova N.A. The Impact of Globalization on the Students' Views and Socio-Economic Behavior (Based on Sociological Research). *Kreativnaya Ekonomika=Journal of Creative Economy*. 2024;18(9):2251-2274. <https://doi.org/10.18334/ce.18.9.121553> (In Russ.)
20. Siukiev D.N., Khecheev B.V., Tserenov D.P., et al. Socio-Economic Development of the Region: The Role of Educational Potential in Supporting Youth in the Field of Physical Culture and Sports. *Ekonomika i Predprinimatel'stvo=Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2024;(12(173)):1422-1432. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.173.12.258> (In Russ.)
21. Rezer T.M. Patriotic Education of the Youth in the Context of Modern Challenges. *Pedagogicheskii Zhurnal Bashkortostana=Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2023;(3(101)):45-56. https://doi.org/10.21510/18173292_2023_101_3_45_56 (In Russ.)
22. Beck U. *Obschestvo Riska. Na Puti k Drugomu Modernu*. Transl. from Germ. by Sedelnik V., Fedorova N. Moscow: Publishing House Progress-Traditsiya; 2000. 384 p. (In Russ.)
23. Elder G.H.Jr. The Life Course as Developmental. *Child Development*. 1998;69(1):1-12. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1998.tb06128.x>
24. Yanitskiy M.S. System of Value Orientations of Personality and Social Communities: Structural and Dynamic Model and its Application in Psychological Research and Psychological Practice. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta=The Bulletin of Kemerovo State University*. 2020;22(1):194-206. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206> (In Russ.)
25. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press; 1986. P. 241-258. ISBN 0-313-23529-5

26. Puccia A., Cabeza Ramírez L.J., Márquez de los Santos M., et al. Bridging Cultural Capital: Youth-Driven Communication as a Catalyst for Well-Being in Film Festival Participation. *Social Sciences*. 2025;14(1):26. <https://doi.org/10.3390/socsci14010026>
27. Voronova K.A. Gender Differences in Men and Women in the Professional. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*=*Social Sciences and Humanities Theory and Practice*. 2024;(2(9)):33–47. (In Russ.)
28. Roshchin S.Yu., Yemelina N.K. Meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia. *Ekonomicheskii Zhurnal VShe*=*HSE Economic Journal*. 2022;26(2):213–239. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239> (In Russ.)
29. Rudakov V., Kiryushina M., Figueiredo H., et al. Early Career Gender Wage Gaps Among University Graduates in Russia. *International Journal of Manpower*. 2023;44(6):1046–1070. <https://doi.org/10.1108/IJM-03-2021-0206>
30. Gautham L. The Paradox of Seclusion: Regional Differences in Female Employment and Wages in Urban India. *Journal of Development Studies*. 2026:1–23. <https://doi.org/10.1080/00220388.2026.2614508>
31. Alwago W.O. Ceilings or Floors? A Decomposition Analysis of the Gender Pay Gap by Education in Kenya. *Hungarian Statistical Review*. 2025;8(2):135–182. <https://doi.org/10.35618/hsr2025.02.en135>
32. Lukyanova A.L. Gender Pay Gap: Beyond Oaxaca-Blinder Decomposition. Working paper WP3/2022/08. Moscow: HSE Publishing House; 2022. 65 p. (In Russ.)
33. Boudreaux C.J. Gender Gaps in the Gig Economy: Consequences for Entrepreneurship in the 21st Century. *Industrial and Corporate Change*. 2026;35(1):78–100. <https://doi.org/10.1093/icc/dtaf023>

Information about the author:

Gulshat R. Fatkullina – Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 4445-4200) (ResearcherID: PKG-8315-2026)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзорная статья
УДК 314.18; 331.5; 338.24
JEL J11, J14, H55, O33, I18
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_7_283_291
EDN YRBUDA

Экономика долголетия и социально-экономические последствия старения в эпоху искусственного интеллекта: концепция множественных возрастных парадигм

Игорь Владимирович Костиков

Национальный институт финансовых рынков и управления, Москва, Россия
(ikostikov@yahoo.com)

Аннотация

Цель исследования – разработать теоретическую концепцию множественных возрастных парадигм и проанализировать её влияние на рынок труда, экономический рост и фискальную устойчивость в условиях глобального старения населения и возможного распространения технологий обращения биологического возраста. Методология – теоретико-концептуальное и обзорное исследование с элементами сценарного анализа; отбор литературы проводился по базам данных Scopus, Web of Science, РИНЦ за период 2010–2025 гг. по ключевым направлениям (демографическое старение, экономика долголетия, технологии омоложения, ИИ и рынок труда). Результаты – предложена концепция сосуществования трёх возрастных траекторий (традиционная, компрессия заболеваемости, обращение биологического возраста), зависящих от доступа к медицинским технологиям. Показано, что ограниченный доступ способен усиливать социально-экономическое неравенство и формировать «возрастную стратификацию», тогда как универсальный доступ при условии институциональной адаптации может стабилизировать демографическую нагрузку. Научная новизна заключается во введении концепции множественных возрастных парадигм, анализе взаимодействия технологий омоложения и ИИ как взаимосвязанных факторов, а также в сценарной оценке фискальных и распределительных эффектов, что в существующей литературе разработано недостаточно.

Ключевые слова: демографическое старение, биологический возраст, технологии омоложения, пенсионные системы, искусственный интеллект, множественные возрастные парадигмы, фискальная устойчивость, неравенство

Для цитирования: Костиков И.В. Экономика долголетия и социально-экономические последствия старения в эпоху искусственного интеллекта: концепция множественных возрастных парадигм // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 283–291. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_7_283_291 EDN YRBUDA

REV (Review Article)
JEL J11, J14, H55, O33, I18
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_7_283_291

Economics of Longevity and Socio-Economic Consequences of Ageing in the Age of Artificial Intelligence: the Concept of Multiple Age Paradigms

Igor V. Kostikov

National Institute of Financial Markets and Governance, Moscow, Russia
(ikostikov@yahoo.com)

Abstract

The aim of the study is to develop a theoretical concept of multiple age paradigms and to assess its impact on labour markets, economic growth and fiscal sustainability in the context of global population ageing and the potential diffusion of biological age reversal technologies. Methodology – a theoretical-conceptual and review study with elements of scenario analysis; literature was selected from Scopus, Web of Science, RSCI databases for the period 2010–2025 on key topics (population ageing, economics of longevity, rejuvenation technologies, AI and labour markets). Results – the study introduces the concept of coexisting ageing trajectories – traditional ageing, compression of morbidity, and biological age reversal – which differ depending on access to medical technologies. It is argued that limited access may intensify socio-economic inequality and lead to «age stratification», whereas universal access, combined with institutional adaptation, could stabilise dependency ratios. Scientific novelty lies in introducing the concept of multiple age paradigms, analysing the interaction between rejuvenation technologies and AI as interrelated factors, and in scenario-based assessment of fiscal and distributional effects, which remains underdeveloped in the existing literature.

Keywords: demographic ageing, biological age, rejuvenation technologies, pension systems, artificial intelligence, multiple age paradigms, fiscal sustainability, inequality

For citation: Kostikov I.V. Economics of Longevity and Socio-Economic Consequences of Ageing in the Age of Artificial Intelligence: the Concept of Multiple Age Paradigms. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):283–291. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_7_283_291 (In Russ.)

© Костиков И.В., 2026

Введение

Современное общество находится на пересечении нескольких структурных трансформаций. Демографическое старение, устойчиво низкая рождаемость, ускоренное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) и развитие биомедицинских вмешательств, направленных на замедление или частичное обращение биологического старения, меняют традиционные представления о жизненном цикле человека, трудоспособности и социальной нагрузке.

Гипотеза исследования состоит в том, что общество не движется к единой «новой норме» возраста, а формирует множественную структуру возрастных режимов (парадигм), зависящих от доступа к технологиям продления жизни и омоложения. Различия в доступе к этим технологиям, усиленные автоматизацией на базе ИИ, могут привести либо к росту социально-экономического неравенства и закреплению «возрастных каст», либо – при универсальном доступе и институциональной адаптации – к стабилизации демографической нагрузки и возникновению «дивиденда долголетия».

Что касается динамики продолжительности жизни, то в развитых странах основной прирост ожидаемой продолжительности жизни во второй половине XX – начале XXI века пришёлся на старшие возрастные группы, тогда как до середины XX века доминировало снижение детской и молодёжной смертности [1]. Это привело к изменению возрастной структуры и росту демографической нагрузки. В ответ была предложена концепция перспективного возраста, где старость определяется ожидаемой остаточной продолжительностью жизни [2]. Появление технологий, способных радикально изменять темпы старения, потенциально влечёт и значимые демографические последствия [3]. В этих условиях формируется новая общественная рамка долголетия, в которой старение всё в большей степени становится предметом социально-экономической адаптации [4]. Это также требует переосмысления самой демографической нагрузки с учётом состояния здоровья, а не только календарного возраста [5]. Дополнительным инструментом такого переосмысления выступают альтернативные показатели старения, сочетающие ожидаемую продолжительность жизни и близость к смерти [6]. Во многих развитых странах суммарный коэффициент рождаемости стабильно находится в диапазоне 1,3–1,7 [7].

Появление эпигенетических метрик возраста, а также первые эмпирические результаты частичного обращения эпигенетического старения у человека, технологий частичного перепрограм-

мирования и сенолитиков создаёт предпосылки для систематического воздействия на биологический возраст. Экономика старения фиксирует, что неблагоприятная демографическая динамика способна замедлять темпы роста, а изменение продолжительности здоровой жизни влияет на параметры занятости и выхода с рынка труда. Макроэкономические последствия старения населения и необходимость адаптационных мер также подтверждаются в международной литературе [8; 9; 10; 11; 12; 13].

Объектом исследования является трансформация возрастной структуры населения в условиях демографического старения и развития технологий продления жизни. Предметом исследования выступают экономические и институциональные последствия сосуществования различных возрастных парадигм, включая их влияние на рынок труда, экономический рост и фискальную устойчивость.

Цель исследования – разработать теоретическую концепцию множественных возрастных парадигм и проанализировать её влияние на рынок труда, экономический рост и фискальную устойчивость в условиях глобального старения населения и возможного распространения технологий обращения биологического возраста.

Задачи исследования:

1. Формализовать различие календарного и биологического возраста и ввести структуру множественных возрастных парадигм.
2. Описать каналы влияния смещения биологического возраста на занятость, производительность, демографическую нагрузку и фискальные параметры.
3. Задать сценарии диффузии технологий омоложения (отсутствие / ограниченный / массовый доступ) и получить качественные сравнительные выводы по неравенству и экономической политике.
4. Сформулировать рекомендации по настройке пенсионных и социально-страховых механизмов.

Теоретические и методологические основы

1. Методология обзора и источники данных

Исследование носит теоретико-концептуальный и обзорный характер. Отбор литературы проводился по базам данных Scopus, Web of Science, РИНЦ за период 2010–2025 гг. Ключевые поисковые запросы включали: «demographic ageing» OR «population aging» AND «economic growth»; «rejuvenation technologies» OR «biological age reversal»; «artificial intelligence» AND «labour market» AND «ageing»; «pension systems» AND «fiscal sustainability». Дополнительно использовались аналитические материалы ООН, ОЭСР,

МВФ, Всемирного банка¹ и результаты клинических исследований по биологии старения. Количественные оценки носят сценарный и иллюстративный характер. Ограничения обзора: преимущественное внимание к развитым странам, высокая неопределённость сроков клинического внедрения технологий омоложения.

2. Структура жизненного цикла с учётом биологического возраста

Классические модели исходят из монотонного старения и фиксированной последовательности стадий. Появление технологий, способных замедлять или частично обращать биологическое старение, делает это допущение упрощённым. В мо-

дели используется четырёхстадийная структура: расширенная зависимость (от рождения до выхода на рынок труда), активное становление (до первой продуктивной вершины в 40–50 лет), вторая продуктивная вершина (где опыт компенсирует возрастное снижение) и период выраженных ограничений здоровья. Переходы между стадиями зависят от биологического, а не календарного возраста.

3. Три парадигмы старения

Выделяются три парадигмы, различающиеся по доступу к технологиям и социально-экономическому статусу. Их основные характеристики представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики трёх возрастных парадигм

Table 1

Characteristics of the Three Age Paradigms

Параметр	Парадигма А (традиционная)	Парадигма Б (компрессия заболеваемости)	Парадигма В (обращение биологического воз- раста)
Биологический возраст относительно календарного	Близок к календарному	Отстаёт на 5–10 лет	Периодически снижается на 10–20 лет
Начало периода ограничений здоровья	60–65 лет	67–72 года	75–85 лет и далее
Ожидаемая продолжительность жизни	75–80 лет	85–90 лет	100–120 лет
Типичный возраст выхода на пенсию	60–65 лет	67–72 года	75–85 лет (с возможностью продолжения работы)
Доступ к качественной медицине и технологиям	Ограниченный	Широкий (профилактика)	Эксклюзивный или универсальный (вмешательства)

Источник: составлено автором.

Характер занятости Физический или низкоквалифицированный труд «Экономика знаний», когнитивные навыки Высотехнологичные сектора, предпринимательство.

Традиционная парадигма (А) характеризуется тем, что биологический возраст человека в среднем близок к календарному. Период выраженных ограничений здоровья начинается в 60–65 лет, ожидаемая продолжительность жизни составляет 75–80 лет, а доля тяжёлой нетрудоспособности остаётся относительно высокой. Для этой траектории характерны более низкие доходы, ограниченный доступ к качественной медицине и занятость в физически тяжёлом или низкооплачиваемом труде.

Парадигма компрессии заболеваемости (Б) соответствует сценарию долголетия без омоложе-

ния. Биологический возраст отстаёт от календарного на 5–10 лет благодаря профилактике и качественной медицине. Период ограничений здоровья смещается к 67–72 годам, продолжительность жизни достигает 85–90 лет, а тяжёлая нетрудоспособность занимает меньшую часть жизненного цикла. Эту парадигму отличают более высокий уровень образования, лучший доступ к здравоохранению и занятость в интеллектуальных секторах.

Парадигма обращения биологического возраста (В) предполагает периодическое снижение биологического возраста посредством медицинских вмешательств (геропротекторы, сенолитики, частичное перепрограммирование). Биологический возраст может периодически снижаться на 10–20 лет относительно календарного. В этом случае период выраженных ограничений здоровья смещается к 75–85 годам и далее, а ожидаемая продолжительность жизни достигает 100–120 лет при сохранении высокой функциональной активности. Доступ к таким вмешательствам может быть либо эксклюзивным (для высокодоходных групп), либо универсальным.

¹ World Population Prospects 2024 // United Nations: [сайт]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 28.03.2026); Economic Policy Reforms 2023 // OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/economic/economic-policy-reforms-18136236.htm> (дата обращения: 28.03.2026); World Development Indicators // World Bank Group: [сайт]. URL: <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 28.03.2026).

Распределение населения между парадигмами определяется не только биологическими факторами, но и доходом, образованием, цифровыми навыками и характером занятости. При отсутствии активной политики доступ к омоложению концентрируется в верхних доходных группах, тогда как при его расширении возрастные траектории становятся более однородными.

4. Три сценария диффузии технологий омоложения

Выделяются три сценария диффузии технологий омоложения, каждый из которых даёт различные демографические, фискальные и распределительные последствия. Сводка основных эффектов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Демографические и фискальные эффекты по сценариям доступа к технологиям омоложения

Table 2

Demographic and Fiscal Effects by Scenario of Access to Rejuvenation Technologies

Показатель	Сценарий 1 (без омоложения)	Сценарий 2 (ограниченный доступ)	Сценарий 3 (универсальный доступ)
Доля населения в парадигме В к 2050 г.	0–5%	10–30%	60–80%
Пенсионные расходы (% ВВП)	15–20%	12–17% (неравномерно)	10–14% (при адаптации)
Расходы на здравоохранение (% ВВП)	12–15%	14–18% (включая вмешательства)	12–16% (с последующим снижением)
Коэффициент демографической нагрузки (65+/20–64)	0,5–0,6	0,4–0,5 (разный по группам)	0,3–0,4 (с поправкой на здоровье)
Риск «возрастных каст» / неравенства	Низкий (все стареют одинаково)	Высокий	Низкий (при равном доступе)
Влияние на экономический рост	Отрицательное (замедление)	Неоднородное (рост выпуска + неравенство)	Положительное (при адаптации)

Источник: составлено автором.

Сценарий 1 (без омоложения) предполагает, что доминируют традиционная парадигма и парадигма компрессии заболеваемости. К 2050 году доля населения в парадигме В не превышает 0–5%. Нагрузка на пенсионные системы возрастает, темпы экономического роста снижаются [13]. Риск неравенства, связанный с доступом к технологиям, отсутствует, поскольку все группы стареют примерно одинаково.

Сценарий 2 (ограниченный доступ) характеризуется тем, что к 2050 году 10–30% населения, преимущественно из высокодоходных и высококвалифицированных групп, переходят к парадигме обращения возраста. Остальная часть населения остаётся в парадигмах А и Б. Совокупный выпуск растёт за счёт продления трудовой жизни в группе доступа [14], однако усиливается социально-экономическое неравенство и возникает риск формирования «возрастных каст» – устойчивого разделения по биологическому возрасту и социальному статусу, которое может закрепляться межпоколенчески [16]. Пенсионные расходы в этом сценарии составляют 12–17% ВВП, но распределены крайне неравномерно между группами. Расходы на здравоохранение возрастают до 14–18% ВВП из-за высокой стоимости вмешательств.

Сценарий 3 (универсальный доступ) предполагает, что к 2050 году 60–80% населения следует траектории, близкой к парадигме В, благодаря включению базовых технологий омоложения в стандартные медицинские пакеты. Период выраженных ограничений здоровья смещается к 75–80 годам и далее. При использовании метрик, основанных на ожидаемой здоровой жизни, доля «эффективно зависимого» населения может стабилизироваться или снизиться относительно начала XXI века [15]. Коэффициент демографической нагрузки (65+/20–64) с поправкой на состояние здоровья может составить 0,3–0,4 вместо 0,5–0,6 в базовом сценарии. Пенсионные расходы при институциональной адаптации могут снизиться до 10–14% ВВП, а расходы на здравоохранение – до 12–16% ВВП после первоначального инвестиционного пика. Риск «возрастных каст» и неравенства низкий при условии равного доступа.

На этапе широкого внедрения в сценарии универсального доступа (2030–2045 годы) доминируют инвестиционные расходы: финансирование вмешательств для больших когорт может временно увеличить долю расходов на здравоохранение примерно на 2–3 процентных пункта ВВП относительно базового сценария. Однако при последующем удешевлении технологий и инсти-

туциональной адаптации (фактический выход на пенсию смещается к 75–80 годам, занятость старших когорт растёт) возникает «дивиденд омоложения»: дополнительные налоги от более долгой занятости, снижение пенсионных расходов через сокращение периода выплат и снижение затрат на хронические заболевания. В сумме возможен чистый положительный фискальный эффект на уровне нескольких процентов ВВП к середине века по сравнению с базовым сценарием.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Демографические последствия

В базовом сценарии (без омоложения) к 2040–2050 годам доля населения 65+ в развитых странах может превысить 25–30%, а коэффициент демографической нагрузки (численность населения 65 лет и старше к численности населения в возрасте 20–64 года) вырасти до 0,5–0,6. При ограниченном доступе к омоложению формируется двойная возрастная структура: часть населения стареет по традиционной траектории, часть – с более поздним наступлением ограничений здоровья. Даже при заметном снижении смертности после 60 лет численность населения увеличивается лишь примерно на 20–22% за столетие, поэтому агрегированные демографические показатели до середины века меняются умеренно. При универсальном доступе период выраженных ограничений здоровья смещается к 75–80 годам и далее, а доля «эффективно зависимого» населения (с учётом состояния здоровья, а не только календарного возраста) может стабилизироваться или даже снизиться относительно начала XXI века.

2. Рынок труда, производительность и взаимодействие с ИИ

В классических моделях жизненного цикла после определённого календарного возраста производительность монотонно падает. Концепция множественных парадигм меняет эту картину. В парадигме А пик производительности приходится на 40–50 лет, после 55–60 лет начинается устойчивое снижение. В парадигме Б благодаря лучшему здоровью пик и фактический выход на пенсию смещаются на 5–10 лет (до 67–72 лет). В парадигме В при регулярном омоложении высокая производительность может сохраняться до 75–85 лет и дольше; кривая производительности становится двух- или трёхвершинной: накопление капитала в молодости, максимальная отдача опыта в среднем возрасте и возможная новая специализация или предпринимательство в старших возрастах. Ключевым показателем становится ожидаемая здоровая трудовая жизнь, которая в парадигме В может увеличиться на 8–15 лет по сравнению с парадигмой А.

ИИ и автоматизация одновременно вытесняют часть труда и повышают производительность работников, способных использовать цифровые инструменты. В условиях множественных парадигм эффект двойственен. С одной стороны, работники парадигмы В могут компенсировать возрастные ограничения за счёт ИИ. Конкретные примеры включают: в здравоохранении – системы поддержки диагностических решений, которые снижают когнитивную нагрузку на врачей старших возрастов; в финансовом секторе – автоматизированный анализ больших данных, позволяющий опытным аналитикам фокусироваться на стратегических решениях; в образовании – персонализированные обучающие платформы, облегчающие переобучение и повышение квалификации в любом возрасте; в производстве – системы дополненной реальности и интеллектуальные помощники, снижающие физическую нагрузку на пожилых работников.

С другой стороны, при концентрации омоложения и цифровых навыков в верхних доходных группах возникает «двойное преимущество»: здоровье и ИИ усиливают друг друга. Работники парадигм А и Б могут сталкиваться одновременно с ухудшением здоровья, ограниченным доступом к переобучению и риском вытеснения автоматизацией. Наиболее уязвимые сектора – логистика и складское хозяйство (автоматизированные системы сортировки и доставки), производственные линии (промышленные роботы), рутинный офисный труд (автоматизация ввода и обработки данных). Это усиливает возрастные и квалификационные различия. Адаптация рынка труда возможна по трём траекториям: поляризация (усиление разрыва между высокотехнологичными и уязвимыми сегментами), частичная адаптация (программы переобучения без глубокой реформы институтов) или комплексная политика активного долголетия (реформы пенсионной и образовательной систем, поддержка гибкой занятости, борьба с возрастной дискриминацией, обеспечение относительно равного доступа к базовым технологиям замедления старения).

3. Каналы роста и «дивиденд долголетия»

Сочетание старения, ИИ и омоложения воздействует на экономический рост через четыре основных канала.

Первый канал – продление периода высокой производительности. Если работники остаются продуктивными на 8–15 лет дольше, увеличивается предложение квалифицированного труда, что непосредственно повышает потенциальный ВВП.

Второй канал – рост отдачи от человеческого капитала. При смещении фактического выхода на

пенсию к 75–85 годам инвестиции в обучение и переобучение в возрасте 45–55 лет становятся более оправданными, поскольку период окупаемости таких инвестиций существенно удлиняется.

Третий канал – предпринимательство в старших возрастах. Сохранение когнитивных функций и накопленный опыт усиливают роль пожилых людей в создании новых бизнесов, особенно в сферах, требующих глубоких отраслевых знаний и социальных связей.

Четвёртый канал – развитие «серебряной экономики». Более длительная здоровая жизнь стимулирует спрос не только на медицинские услуги, но и на образование, культуру, туризм, цифровые сервисы и адаптированное жильё, создавая новые рыночные ниши и рабочие места.

Совокупность этих эффектов формирует «дивиденд долголетия» и «дивиденд омоложения» – дополнительный вклад в экономический рост за счёт более длительной продуктивной жизни и повышения эффективности использования человеческого капитала. Однако без адаптации институтов и при ограниченном доступе выгоды могут концентрироваться у узких групп, тогда как для остальных возрастут риски вытеснения и снижения доходов.

4. Пенсионные системы и фискальная устойчивость

Многие развитые страны с середины 2010-х годов внедряют механизмы автоматической индексации пенсионного возраста, привязанные к росту ожидаемой продолжительности жизни. Примерами служат Финляндия, Дания, Швеция и ряд других стран ЕС, где закреплены правила регулярной корректировки пенсионного возраста на основе демографических показателей. Однако технологии обращения биологического возраста ставят под сомнение базовое допущение этих реформ о том, что календарный возраст остаётся приемлемым приближением к биологическому возрасту и трудоспособности. Если заметная часть населения сможет снижать биологический возраст на 10–20 лет, механическая привязка пенсионного возраста к ожидаемой продолжительности жизни может расходиться с реальным состоянием здоровья и работоспособности [17].

Следовательно, требуется переход от жёстких календарных порогов к адаптивным институтам, учитывающим функциональное состояние, биологический возраст и ожидаемую остаточную продолжительность жизни. В качестве методологической опоры выступает концепция перспективного возраста, где старость определяется через остаточную продолжительность жизни (например, порог «15 лет до средней ожидаемой смерти»). Практическим решением выступают

гибкие окна выхода на пенсию с актуарно справедливыми коэффициентами: выбирая более поздний выход, человек получает более высокую пенсию, при более раннем – более низкую [18]. В условиях роста здоровой продолжительности жизни поздний выход становится рациональным выбором для большей части населения; дополнительный стимул – надбавки за каждый год продолжения работы [19].

Фискальные последствия при различных сценариях систематизированы в таблице 2. Добавим, что при ограниченном доступе эффект оказывается смешанным. С одной стороны, продление трудовой жизни и рост производительности в группе доступа увеличивают налоговую базу и сокращают длительность получения пенсий; каждый дополнительный год работы может давать десятки тысяч евро налоговых поступлений на одного человека, а при когортах в десятки миллионов – заметный накопленный эффект [20]. С другой стороны, ранние поколения вмешательств будут дорогими и могут требовать повторений, создавая существенные расходы для здравоохранения и страховых фондов. Если государство или страховщики покрывают значительную часть затрат, выгоды от продления занятости могут нивелироваться ростом медицинских расходов. Кроме того, большая часть населения остаётся в традиционной или промежуточной парадигме, что ограничивает масштаб фискального выигрыша и усиливает межгрупповое неравенство [21].

5. Неравенство и риск «возрастных каст»

Неоднородный доступ к омоложению усиливает риск социально-экономического неравенства. Уже сейчас разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между верхними и нижними квинтилями доходов может достигать 10–15 лет и более, отражая различия в качестве медицинской помощи, образе жизни и условиях труда [22]. Если базовые технологии омоложения остаются дорогими и доступны только верхним слоям, разрыв в продолжительности и качестве здоровой жизни в старших возрастах увеличивается [23]. Высокодоходные группы смогут многократно продлевать активную жизнь, накапливать человеческий и финансовый капитал и передавать преимущества потомкам через частную медицину, страховые планы и социальные связи. Низкодоходные группы останутся в традиционной траектории с более ранним выходом на пенсию и более высокой зависимостью от государственных трансфертов [24].

В межпоколенческом измерении это создаёт риск закрепления неравенства в форме устойчивых «возрастных каст», подкреплённых экономическими и политическими механизмами. Под

«возрастными кастами» в данной работе понимается устойчивая социальная стратификация, при которой принадлежность к той или иной возрастной парадигме (и, следовательно, уровень здоровья, продолжительность активной жизни и экономические возможности) жёстко коррелирует с доходом и социальным статусом и воспроизводится от поколения к поколению. Для снижения этого риска требуется политика более справедливого доступа: прогрессивное субсидирование вмешательств для малообеспеченных слоёв, международные программы поддержки доступа для развивающихся стран, регулирование цен и интеллектуальной собственности на ключевые технологии. Без таких мер «дивиденд омоложения» может трансформироваться не в источник общего блага, а в фактор долгосрочного социального раскола [25].

Заключение

Проведённый анализ экономики долголетия и социально-экономических последствий старения в условиях развития искусственного интеллекта и потенциального распространения технологий омоложения показывает, что общество сталкивается с качественно новым набором демографических и институциональных вызовов. В работе предложена концепция трёх идеализированных возрастных парадигм – традиционной, парадигмы компрессии заболеваемости и парадигмы обращения биологического возраста – и рассмотрены три сценария их возможного сочетания: отсутствие омоложения, ограниченный доступ и универсальный доступ.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу исследования о том, что общество не движется к единой «новой норме» возраста, а формирует множественную структуру возрастных парадигм, определяемых доступом к технологиям продления жизни и омоложения. Показано, что неравномерный доступ к таким технологиям, усиленный внедрением искусственного интеллекта, может приводить к росту соци-

ально-экономического неравенства и формированию устойчивой «возрастной стратификации». В то же время при более широком или универсальном доступе и соответствующей институциональной адаптации возможна стабилизация демографической нагрузки и реализация «дивиденда долголетия».

Установлено, что демографические последствия даже значительного продления жизни оказываются более умеренными, чем это предполагается в дискуссиях о рисках «перенаселения». Ключевое значение приобретают изменения структуры жизненного цикла, соотношения периодов экономической активности и зависимости, а также институциональные условия распределения доступа к технологиям.

Анализ рынка труда и взаимодействия омоложения с искусственным интеллектом показывает, что без активной государственной политики возрастает риск поляризации занятости и закрепления социально-экономического неравенства. Вместе с тем при реализации комплексной стратегии активного долголетия – включающей реформирование пенсионных систем, развитие непрерывного образования, снижение возрастной дискриминации и обеспечение более равного доступа к базовым медицинским технологиям – возможно формирование «дивиденда долголетия» и «дивиденда омоложения», проявляющегося в ускорении экономического роста и повышении устойчивости государственных финансов.

Предложенная концепция множественных возрастных парадигм носит теоретико-концептуальный характер и задаёт основу для дальнейших количественных исследований. Перспективными направлениями являются калибровка модели на данных отдельных стран, анализ институциональной готовности к внедрению технологий омоложения, оценка фискальных последствий различных моделей их финансирования, а также исследование условий, при которых биомедицинский прогресс будет способствовать снижению, а не усилению социального неравенства.

Список источников

1. Eggleston K.N., Fuchs V.R. The New Demographic Transition: Most Gains in Life Expectancy Now Realized Late in Life. *Journal of Economic Perspectives*. 2012;26(3):137–156. <https://doi.org/10.1257/jep.26.3.137>
2. Sanderson W.C., Scherbov S. Remeasuring Aging. *Science*. 2010;329(5997):1287–1288. <https://doi.org/10.1126/science.1193647>
3. Gavrilov L.A., Gavrilova N.S. Demographic Consequences of Defeating Aging. *Rejuvenation Research*. 2010;13(2-3). <https://doi.org/10.1089/rej.2009.097>
4. Scott A.J. The Longevity Society. *The Lancet Healthy Longevity*. 2021;2(12):e820–e827. [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(21\)00247-6](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(21)00247-6)

5. Wachs D., Roman-Urrestarazu A., Brayne C., et al. Dependency Ratios in Healthy Ageing. *BMJ Global Health*. 2020;5(4):e002117. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2019-002117>
6. Marengoni A., Angleman S. Combining Remaining Life Expectancy and Time to Death as Alternative Measures of Population Aging. *BMC Public Health*. 2022;22(1):1–15. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13607-8>
7. Zaidi B., Morgan S.P. The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal. *Annual Review of Sociology*. 2017;43:473–492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053442>
8. Horvath S., Raj K. DNA Methylation-Based Biomarkers and the Epigenetic Clock. *Nature Reviews Genetics*. 2018;19(6):371–384. <https://doi.org/10.1038/s41576-018-0004-3>
9. Fahy G.M., Brooke R.T., Watson J.P., et al. Reversal of Epigenetic Aging and Immunosenescent Trends in Humans. *Aging Cell*. 2019;18(6):e13028. <https://doi.org/10.1111/acer.13028>
10. Cano Macip C., Hasan R., Hoznek V., et al. Gene Therapy-Mediated Partial Reprogramming Extends Lifespan and Reverses Age-Related Changes in Aged Mice. *Cellular Reprogramming*. 2024;26(1):24–32. <https://doi.org/10.1089/cell.2023.0072>
11. Chaib S., Tchkonja T., Kirkland J.L. Targeting Cellular Senescence for Healthy Aging: Advances in Senolytic Therapeutics. *Trends in Pharmacological Sciences*. 2024;45(3):210–225. <https://doi.org/10.1016/j.tips.2024.01.005>
12. Laaksonen M., Elovainio M., Kainulainen S., et al. Changes in Healthy and Unhealthy Working Life Expectancies Among Older Working-Age People in Finland, 2000–2017. *European Journal of Public Health*. 2022;32(5):729–738. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac119>
13. Bloom D.E. et al. Macroeconomic Implications of Population Ageing and Selected Policy Responses. *The Lancet*. 2015;385(9968):649–657. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(14\)61464-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(14)61464-1)
14. Börsch-Supan A., Wilke C.B. Mortality, Disability and Long-Term Care Among the Elderly in Europe. *Health Affairs*. 2016;35(11):2065–2071. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2016.0833>
15. Börsch-Supan A., Weiss M. Productivity and Age: Evidence from Work Teams at the Assembly Line. *Journal of Economic Perspectives*. 2016;30(3):33–52. <https://doi.org/10.1257/jep.30.3.33>
16. Marmot M., Allen J., Boyce T., et al. Health Equity in England: The Marmot Review 10 Years On. London: Institute of Health Equity, 2020. 190 p. <https://doi.org/10.1136/bmj.m6931>
17. *Потапенко В.В.* Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 EDN ISBAMN
18. *Капелюшников Р.И.* Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. № 2. С. 8–37. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-8-63> EDN MIIXFN
19. *Вишневский А.Г., Щербакова Е.М.* Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-48-70> EDN XPUDWH
20. *Фролова Е.А., Маланина В.А.* Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. 2021. Том 17. № 1. С. 209–222. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16> EDN RESRUA
21. *Васильева Е.В.* Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // Народонаселение. 2022. Том 25. № 3. С. 128–143. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10> EDN UMOKEF
22. *Рожков В.Д., Найденова А.А., Веишурова А.А.* Влияние возрастного фактора на пенсионную систему // Экономика труда. 2024. Том 11. № 6. С. 73–93. <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121210> EDN JPQXAZ
23. Zemlyanova E.V., Ivanova A.E., Sabgaida T.P., et al. Demographic Ageing, Health Status and Life Quality of the Elderly in Russia. *China Population and Development Studies*. 2023;7(2):130–159. <https://doi.org/10.1007/s42379-023-00133-4> EDN FBJEHY
24. *Секички-Павленко О.О.* Социально-экономические последствия изменений в возрастной структуре населения России // Научные исследования и инновации: Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Саратов, Россия, 02 сентября 2021 года. Саратов: ИП Емельянов, 2021. С. 206–212. EDN FDXCME
25. *Синяская О.В.* Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Том 21. № 4. С. 562–591. EDN YLBIWJ

Информация об авторе:

Игорь Владимирович Костиков – доктор экономических наук, профессор, ректор, Национальный институт финансовых рынков и управления (SPIN-код: 1068-0484)
 Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Eggleston K.N., Fuchs V.R. The New Demographic Transition: Most Gains in Life Expectancy Now Realized Late in Life. *Journal of Economic Perspectives*. 2012;26(3):137–156. <https://doi.org/10.1257/jep.26.3.137>
2. Sanderson W.C., Scherbov S. Remeasuring Aging. *Science*. 2010;329(5997):1287–1288. <https://doi.org/10.1126/science.1193647>

3. Gavrilov L.A., Gavrilova N.S. Demographic Consequences of Defeating Aging. *Rejuvenation Research*. 2010;13(2-3). <https://doi.org/10.1089/rej.2009.097>
4. Scott A.J. The Longevity Society. *The Lancet Healthy Longevity*. 2021;2(12):e820-e827. [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(21\)00247-6](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(21)00247-6)
5. Wachs D., Roman-Urrestarazu A., Brayne C., et al. Dependency Ratios in Healthy Ageing. *BMJ Global Health*. 2020;5(4):e002117. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2019-002117>
6. Marengoni A., Angleman S. Combining Remaining Life Expectancy and Time to Death as Alternative Measures of Population Aging. *BMC Public Health*. 2022;22(1):1–15. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13607-8>
7. Zaidi B., Morgan S.P. The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal. *Annual Review of Sociology*. 2017;43:473-492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053442>
8. Horvath S., Raj K. DNA Methylation-Based Biomarkers and the Epigenetic Clock. *Nature Reviews Genetics*. 2018;19(6):371–384. <https://doi.org/10.1038/s41576-018-0004-3>
9. Fahy G.M., Brooke R.T., Watson J.P., et al. Reversal of Epigenetic Aging and Immunosenescent Trends in Humans. *Aging Cell*. 2019;18(6):e13028. <https://doi.org/10.1111/ace1.13028>
10. Cano Macip C., Hasan R., Hoznek V., et al. Gene Therapy-Mediated Partial Reprogramming Extends Lifespan and Reverses Age-Related Changes in Aged Mice. *Cellular Reprogramming*. 2024;26(1):24–32. <https://doi.org/10.1089/cell.2023.0072>
11. Chaib S., Tchkonja T., Kirkland J.L. Targeting Cellular Senescence for Healthy Aging: Advances in Senolytic Therapeutics. *Trends in Pharmacological Sciences*. 2024;45(3):210–225. <https://doi.org/10.1016/j.tips.2024.01.005>
12. Laaksonen M., Elovainio M., Kainulainen S., et al. Changes in Healthy and Unhealthy Working Life Expectancies Among Older Working-Age People in Finland, 2000–2017. *European Journal of Public Health*. 2022;32(5):729–738. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac119>
13. Bloom D.E. et al. Macroeconomic Implications of Population Ageing and Selected Policy Responses. *The Lancet*. 2015;385(9968):649–657. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(14\)61464-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(14)61464-1)
14. Börsch-Supan A., Wilke C.B. Mortality, Disability and Long-Term Care Among the Elderly in Europe. *Health Affairs*. 2016;35(11):2065–2071. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2016.0833>
15. Börsch-Supan A., Weiss M. Productivity and Age: Evidence from Work Teams at the Assembly Line. *Journal of Economic Perspectives*. 2016;30(3):33–52. <https://doi.org/10.1257/jep.30.3.33>
16. Marmot M., Allen J., Boyce T., et al. Health Equity in England: The Marmot Review 10 Years On. London: Institute of Health Equity, 2020. 190 p. <https://doi.org/10.1136/bmj.m6931>
17. Potapenko V.V. Population Aging and the Demographic Burden on the Russian Pension System. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* 2025(5):27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 (In Russ.)
18. Kapelyushnikov R.I. The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects. *Ehkonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2019;(2):8–37. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-8-63> (In Russ.)
19. Vishnevsky A.G., Scherbakova E.M. Demographic Brakes on the Economy. *Voprosy Ekonomiki*. 2018;(6):48–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-48-70> (In Russ.)
20. Frolova E.A., Malanina V.A. Active Ageing Index in Siberian Regions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2021;17(1):209–222. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16> (In Russ.)
21. Vasilyeva E.V. Active Ageing Index in Russian Regions: An Alternative Approach. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(3):128–143. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10> (In Russ.)
22. Rozhkov V.D., Naidenova A.A., Veshkurova A.A. The Influence of Age on the Pension System. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2024;11(6):73–93. <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121210> (In Russ.)
23. Zemlyanova E.V., Ivanova A.E., Sabgaida T.P., et al. Demographic Ageing, Health Status and Life Quality of the Elderly in Russia. *China Population and Development Studies*. 2023;7(2):130-159. <https://doi.org/10.1007/s42379-023-00133-4>
24. Sekicki-Pavlenko O.O. Socio-Economic Consequences of Changes in the Age Structure of the Russian Population. In: Scientific Research and Innovation. XI International Scientific and Practical Conference; September 02, 2021; Saratov, Russia. Collection of scientific papers. Saratov: IE Emelyanov; 2021. P. 206-212. (In Russ.)
25. Sinyavskaya O.V. The Russian Pension System in the Context of Demographic Challenges and Constraints. *Ehkonomicheskii zhurnal vysshei shkoly ehkonomiki=HSE Economic Journal*. 2017;21(4):562-591. (In Russ.)

Information about the author:

Igor V. Kostikov – Doctor of Economics, Professor, President, National Institute of Financial Markets and Governance (SPIN-code: 1068-0484)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 24.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Оригинальная статья

УДК 316.628

JEL I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_8_292_301

EDN ZTCFUS

Право на смерть и качество жизни пожилых: философско-психологические аспекты эвтаназии и суицидального поведения в контексте старения

Виталий Григорьевич Пичугин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
(VGPichugin@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9622-8533>)

Аннотация

Статья посвящена междисциплинарному анализу философско-психологических и демографических аспектов добровольного ухода из жизни (эвтаназии и суицидального поведения) в контексте старения населения. Цель работы – выявление детерминант отношения к «праву на смерть» в старших возрастных группах, его взаимосвязи с качеством жизни и влияния на демографические процессы. Теоретическую базу исследования составляют экзистенциальная философия, геронтологические концепции и принципы биоэтики. Применяется компаративный анализ законодательных подходов, систематизация научных источников и вторичный анализ статистических данных (Росстат, ВЦИОМ, зарубежные регистры). Исследование подтверждает качественное отличие суицидальных тенденций в пожилом возрасте, где ключевым предиктором выступает субъективное чувство ненужности, а не объективная изоляция. Анализ опыта стран, легализовавших эвтаназию (Нидерланды, Канада, Швейцария), выявляет системные риски «структурного принуждения» и коммерциализации смерти. В статье обосновывается, что российская правовая модель «презумпции жизни», основанная на конституционном запрете эвтаназии и развитии паллиативной помощи, является эффективной альтернативой западным подходам. Делается вывод, что совершенствование системы долговременного ухода и геронтопсихологической поддержки выступает прямым вкладом в сохранение человеческого капитала, снижение смертности и укрепление демографической безопасности России.

Ключевые слова: демография, эвтаназия, суицидальное поведение, пожилой возраст, право на смерть, старение, качество жизни

Для цитирования: Пичугин В.Г. Право на смерть и качество жизни пожилых: философско-психологические аспекты эвтаназии и суицидального поведения в контексте старения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2026. Том 22. № 2. С. 292–301. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_8_292_301 EDN ZTCFUS

RAR (Research Article Report)

JEL I38

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_8_292_301

The Right to Death and the Quality of Life of the Elderly: Philosophical and Psychological Aspects of Euthanasia and Suicidal Behavior in the Context of Aging

Vitaly G. Pichugin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
(VGPichugin@fa.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9622-8533>)

Abstract

This article presents an interdisciplinary analysis of the philosophical-psychological and demographic aspects of voluntary death (euthanasia and suicidal behavior) in the context of population aging. The aim of the work is to identify the determinants of attitudes towards the «right to die» among older age groups, its relationship with the quality of life, and its impact on demographic processes. The theoretical framework of the study is based on existential philosophy, gerontological concepts, and the principles of bioethics. The research employs a comparative analysis of legislative approaches, a systematic review of scholarly literature, and a secondary analysis of statistical data (Rosstat, VCIOM, and international registries). The study confirms a qualitative difference in suicidal tendencies in old age, where the key predictor perceived burdensomeness, rather than objective isolation. An analysis of the experience of countries that have legalized euthanasia (the Netherlands, Canada, Switzerland) reveals systemic risks of «structural coercion» and the commercialization of death. The article argues that the Russian legal model of the «presumption of life», based on the constitutional prohibition of euthanasia and the development of palliative care, is an effective alternative to Western approaches. It is concluded that improving the system of long-term care and gerontopsychological support directly contributes to the preservation of human capital, the reduction of mortality, and the strengthening of Russia's demographic resilience.

Keywords: demographics, euthanasia, suicidal behavior, old age, the right to die, aging, quality of life

For citation: Pichugin V.G. The Right to Death and the Quality of Life of the Elderly: Philosophical and Psychological Aspects of Euthanasia and Suicidal Behavior in the Context of Aging. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi*=*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):292–301. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_8_292_301 (In Russ.)

© Пичугин В.Г., 2026

Введение

Актуальность исследования обусловлена кардинальными сдвигами в возрастной структуре населения, где увеличение абсолютного числа и доли граждан старших возрастных групп становится определяющим трендом современности. По данным Росстата, на начало 2025 года общая численность пенсионеров в Российской Федерации составила 41,17 млн человек¹. Это создаёт беспрецедентную нагрузку на систему здравоохранения, социального обеспечения и рынок труда [1], порождает вызовы социально-экономическому развитию [2]. С другой стороны, исследователи отмечают, что люди предпенсионного и пенсионного возраста стремятся остаться в коллективе и быть полезными обществу, одновременно стараясь поддержать качество жизни [3]. Продление сроков активной деятельности, являясь важнейшим достижением цивилизации, одновременно актуализирует проблему содержательного и качественного наполнения заключительного этапа жизненного пути, связывая благополучие с возможностью достойного пенсионного обеспечения [4]. Неудовлетворение базовой потребности в финансовой стабильности приводит к повышению рисков в сфере уровня жизни населения, в первую очередь наименее защищённых [5]. Возникает противоречие между витальной ценностью жизни как таковой и возможностью утраты её субъективно приемлемого качества, что выводит на передний план дискуссию о феноменах, объединяемых понятием «право на смерть» [6; 7; 8]. В российском правовом поле эвтаназия отсутствует, однако анализ границ автономии личности в принятии экзистенциальных решений требует углублённого изучения [9; 10]. Процесс легализации эвтаназии активно продолжается в мире (Бельгия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия и др.), что делает критически важным анализ его социально-демографических последствий для выработки эффективной политики в России.

Объектом исследования выступает феномен добровольного ухода из жизни (эвтаназия и суицидальное поведение) в контексте глобального демографического старения. Предметом исследования являются философско-психологические детерминанты и социально-демографические последствия отношения к «праву на смерть» в старших возрастных группах, а также их взаимосвязь с качеством жизни пожилых людей. Цель – выявление и междисциплинарный анализ этих детерминант и их взаимосвязи с качеством жизни пожилых людей и демографическими процессами.

¹ Старшее поколение // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 15.02.2026).

Гипотеза исследования заключается в предположении, что природа суицидальных тенденций в пожилом возрасте качественно отлична от таковой в других возрастных группах: ключевым предиктором выступает субъективное чувство ненужности и экзистенциальный вакуум, а не объективная изоляция, при этом российская правовая модель «презумпции жизни», основанная на запрете эвтаназии и развитии паллиативной помощи, представляет собой эффективную альтернативу либеральным юрисдикциям, минимизируя риски структурного принуждения и коммерциализации смерти, а сама дискуссия о «праве на смерть» в РФ является индикатором латентных проблем социального самочувствия старшего поколения, а не запросом на либерализацию.

Теоретические и методологические основы

Теоретико-методологическая база исследования является междисциплинарной и синтезирует философские, психологические, социологические, правовые и демографические подходы. Базис работы составляют экзистенциальная философия (конечность бытия, свобода выбора, экзистенциальный вакуум), позволяющая рассматривать суицидальные тенденции в пожилом возрасте как результат утраты смысла, а не только клинического состояния. Для анализа позднего возраста привлечены концепции активного старения, психологические теории кризисов и межличностная теория суицида Т. Джойнера, концептуализирующая ключевые факторы риска: восприятие себя бременем и чувство ненужности. Методологически значимым является анализ этических дилемм через принципы биоэтики (автономия, запрет причинения вреда, благодеяние, справедливость). Правовой блок базируется на компаративном анализе законодательных подходов к эвтаназии, выделяющем либеральную модель (Нидерланды, Бельгия), эволюционирующую (Канада) и российскую модель «презумпции жизни».

Эмпирическую базу составили три группы источников:

1. Отечественные данные: статистика Росстата по суицидам и демографической нагрузке, опросы ВЦИОМ об отношении к эвтаназии.

2. Зарубежные данные: регистры смертности стран, легализовавших эвтаназию (Нидерланды, Бельгия, Канада, Швейцария), и анализ их законодательства.

3. Научные публикации: статьи по геронтологии, суицидологии, паллиативной помощи, биоэтике и философские труды.

Методологический инструментарий включил:

- Компаративный анализ законодательных подходов для выявления рисков либеральных моделей и обоснования российской специфики.

- Систематизацию и теоретический анализ источников для реконструкции эволюции понятия «достойная смерть» и психологических механизмов суицида.

- Вторичный анализ статистических данных с использованием описательной статистики для выявления трендов.

Результаты исследования и их обсуждение

Семантическое наполнение категории «достойная смерть» претерпело существенную трансформацию на протяжении истории западноевропейской мысли. В античной парадигме (Сенека) уход из жизни рассматривался сквозь призму общественного блага: «мудрый живет не сколько должен, а сколько может» [11, с. 125]. Здесь качество жизни индивида ещё не было самоудовлеющей ценностью; оно было производным от его способности выполнять общественные функции.

Переход к модерну знаменовал собой кардинальный сдвиг оптики: декартовский когнитивный субъект [12] и кантовская идея автономии воли [13] легитимизировали суверенитет личности над собственной телесностью и судьбой как негативную свободу от вмешательства извне.

Современная ситуация (постмодерн) вносит в дискуссию элемент социальной прагматики. Концепция «биовласти» (М. Фуко) [14] и дискуссии о распределении ограниченных ресурсов здравоохранения создают новый, зачастую имплицитный, контекст обсуждения эвтаназии. В условиях демографического старения вопрос стоимости продления жизни становится всё более острым.

Таким образом, эволюция представлений о «достойной смерти» показывает, как менялось соотношение индивидуального и общественного в этом вопросе. Сегодня, в эпоху высоких технологий и ограниченных бюджетов, дискуссия о праве на смерть всё чаще артикулируется не только в языке автономии, но и в экономических категориях. Возникает риск редукции экзистенциальной проблемы к вопросу о «социальной нагрузке» пожилого населения. Как показывают исследования, представления о «нормальной» смерти формируются под влиянием институциональных факторов, стремящихся использовать символический капитал «достойного ухода». Это может означать возврат к утилитаристскому подходу, но уже не во имя полиса, а во имя коллективной экономической эффективности, то есть здоровье становится ресурсом для поддержания рынка труда [15], однако сохранение этого ресурса превращается в общественный приоритет, напрямую влияя на демографическую безопасность.

Этические дилеммы геронтологии в реалиях российской действительности

В прикладном аспекте геронтологии и паллиативной помощи философская категория «права на смерть» переходит в разряд конкретных этических дилемм. Наиболее остро они проявляются при попытке реализовать социально-философские и этические принципы автономии и личного достоинства у пациентов с тяжёлыми возрастными заболеваниями и когнитивными расстройствами. В классической концепции присутствует опора на представление о «святости жизни», постулируется безусловная ценность человеческого бытия как такового, что не должно зависеть от его качества или временной протяжённости. Данная позиция, укоренённая в теологических доктринах, получает светское обоснование через аргумент «скользкого пути», что подразумевает легализацию права на смерть для отдельных лиц, и, как следствие, возможное появление негласной обязанности для других уйти из жизни.

В противовес этому подходу другая точка зрения обращается к идее достоинства, неотделимого от способности человека к самоопределению. С позиций такой логики продление существования исключительно биологическими (медицинскими) методами при необратимой утрате когнитивных функций либо при некупируемом болевом синдроме может интерпретироваться как посягательство на человеческое достоинство.

В таком противостоянии точек зрения нельзя обойти вниманием потенциал традиционных религиозных конфессий (православия, католицизма, ислама, иудаизма и др.), которые не только формируют социально-нормативную базу отношения к смерти и страданию, но и реально участвуют в паллиативной практике, предлагая собственные этические ориентиры и модели поддержки пациентов и их семей.

Исследователи подчёркивают, что тема качества жизни становится сегодня одной из центральных в паллиативной помощи, а дискуссии о «благой смерти» неразрывно связаны с вопросами благополучия пациента, что предусматривает исполнения всего комплекса медицинских и социальных услуг. Пожилые люди нуждаются не только в медицинском уходе, но и в профилактике возрастных заболеваний, однако системы здравоохранения часто ориентированы на минимизацию последствий, а не на лечение [16]. Ключевая критика «права на смерть» в геронтологии зиждется на проблеме валидности согласия: насколько свободен выбор человека, находящегося в депрессии, под влиянием болезни или ощущающего себя обузой?

В этом контексте показательным общественное мнение: данные ВЦИОМ демонстрируют, что

в российском обществе доминирует запрос на традиционные ценности. Если сложить тех, кто выступает категорически против (34%), и тех, кто пока сомневается и не готов дать однозначный ответ (38%), мы получим подавляющее число граждан – 72%. Однако, это лишь потенциал консервативного лагеря. Цифра сомневающихся (38%) отражает зону неопределённости и недостаточной информированности, однако именно это обстоятельство делает неоправданным легализацию столь сложной процедуры в отсутствие общественного консенсуса. Таким образом, потенциал традиционного лагеря огромен, и он значительно превосходит по численности группу респондентов, поддерживающих эвтаназию, составляющую лишь 28%². Принцип «автономии», за который выступает меньшая часть граждан, вступает в противоречие с принципом «не навреди», разделяемым большинством, а само «достоинство» рискует быть истолковано не как внутреннее свойство личности, а как внешняя оценка её «полезности».

Исходя из анализа этого этического противоречия, становится очевидным, что легализация «права на смерть» в России противоречит комплексу основополагающих принципов. Подобные инициативы вступают в прямой конфликт с конституционными нормами, закрепляющими право на жизнь (Конституция Российской Федерации, ст. 20)³ как абсолютную ценность, а также с фундаментальным принципом здравоохранения, зафиксированным в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁴ и недопустимость причинения вреда пациенту. Российское право стоит на страже жизни человека вне зависимости от его возраста или состояния здоровья. Иная трактовка подменяет понятие достоинства как внутреннего свойства внешней оценкой «полезности», что чуждо российской ментальности, где старшее поколение играет ключевую роль в сохранении ценностей и социализации [17, с. 82].

Более того, поддержка легализации эвтаназии создаёт опасный прецедент в условиях сложной демографической ситуации в России, характеризующейся высокой нагрузкой на трудоспособное население. По данным Росстата, демографическая нагрузка на 1000 человек трудоспособного возраста составляет на 2026 год в низком варианте

² Эвтаназия, или право на смерть // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehvtanazija-ili-pravo-na-smert?ysclid=ml05q60pyz234263628> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).

прогноза 797 человека нетрудоспособных возрастов, высоком варианте прогноза 881. Предполагается, что этот показатель будет расти с надеждой на его незначительное снижение к 2031 году⁵. В таких условиях даже обсуждение подобного закона может стать инструментом скрытого социального давления на пожилых, которые могут ощутить себя «обязанными» уйти из жизни, чтобы не быть обузой. Это приведёт не к повышению качества и продолжительности жизни, а к обесцениванию старшего поколения и росту смертности.

Психологические аспекты суицидального поведения в пожилом возрасте

Пожилым возрастом часто сопровождается экзистенциальным кризисом, утратой идентичности и социальной эксклюзией [18]. В отличие от молодых, у пожилых людей на первый план выходят качественно иные факторы: переосмысление жизни, размывание ролевых паттернов, формирующие экзистенциальный вакуум, что приводит к депрессии, признаки которой наблюдаются у «19,9% мужчин и у 41,3% женщин.» [19, с. 513].

Одиночество и феномен «социальной смерти»

Эмпирические данные свидетельствуют, что суицидальный риск коррелирует не с физической изоляцией, а с субъективным чувством отчуждения и ненужности [20]. Как показывают исследования, ключевым триггером суицидальных мыслей становится размывание семейных ценностей и чувство покинутости [21].

Утрата идентичности и автономии

Невозможность выполнять привычные профессиональные и бытовые обязанности, утрата роли «кормильца» или «хранительницы очага» приводит к тому, что личность перестаёт находить подтверждение своей ценности во внешнем мире. Это состояние усугубляется феноменом «приобретённой способности к совершению суицида» [22, с. 168], описанным Т. Джойнером в контексте межличностной психологической теории суицида, когда бремя собственной ненужности сочетается с чувством отсутствия связи с другими, а также восприятием себя и как морально-эмоционального бремени для близких [23]. Данный феномен имеет двойственную природу. С одной стороны, он обусловлен реальным возрастанием физической зависимости от окружающих. С другой стороны, он является следствием интернализованных возрастных стереотипов, транслируемых обществом (эйджизм), которые формируют у пожилого человека убеждение, что его дальнейшее существование требует непропорционально высоких «затрат» (эмоциональ-

⁵ Коэффициент демографической нагрузки // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn4.htm (дата обращения: 15.02.2026).

ных, физических, материальных) со стороны семьи и социума. Высокий уровень депрессии и низкая самооценка, напрямую коррелирующие с суицидальными мыслями, являются в данном случае закономерным следствием утраты позитивной идентичности [24].

Экзистенциальный кризис и потеря смысла

Вершинным проявлением является состояние «жизни без смысла» из-за нереализованности замысла прожитой жизни [25, с. 71]. В отличие от молодых людей, кризис у пожилых обращён в прошлое (подведение итогов) и ближайшее будущее (ожидание страданий).

Феномен «отложенного суицида»

Сочетание указанных факторов формирует паттерн «витального истощения» или «синдрома ухода» [26, с. 3], когда человек постепенно приходит к выводу, что «жизнь окончена», хотя биологическое существование продолжается. Ключевая характеристика – когнитивный и эмоциональный уход из жизни задолго до физического действия.

Решающую роль играет именно субъективное чувство ненужности. По данным Росстата, в 2023 году уровень суицидов среди россиян 70+ лет остаётся одним из самых высоких в популяции, составляя 24.8 среди мужчин и 3.1 среди женщин на 100 тыс. населения, с увеличением возраста показатели значительно растут, 80+ лет, среди мужчин – 34, женщин – 7⁶. Это подчёркивает необходимость не только медицинской, но и глубокой социально-психологической поддержки пожилых.

Демографические и социальные детерминанты спроса на эвтаназию: критический анализ опыта стран, легализовавших эвтаназию

При анализе связи между демографическим старением и частотой применения эвтаназии следует соблюдать методологическую аккуратность. Как свидетельствуют данные регистров смерти [27], расширение данной практики в Нидерландах и Бельгии связано не столько с демографическим давлением, сколько с эволюцией культурных норм и пересмотром критериев «некупируемого страдания» (включая психические расстройства и психологические трудности). Иная картина наблюдается в Канаде, где программа добровольного ухода MAiD развивается в условиях хронического недофинансирования паллиативной помощи. Согласно расчётам [28], замена дорогостоящего

терминального ухода (как правило последний месяц жизни) на процедуру, предлагаемую MAiD даёт существенную экономию средств, что в ситуации ограниченных ресурсов создаёт риск так называемого «структурного принуждения», то есть, опасного прецедента, когда экономическая целесообразность негласно подталкивает к выбору в пользу эвтаназии.

Феномен «эвтаназийного туризма» и коммерциализация смерти

Швейцарское законодательство, не требующее резидентуры, сформировало устойчивый спрос со стороны иностранцев, создав «юрисдикционные убежища» [29].

Данное обстоятельство формирует специфический рынок предложения, где некоммерческие по своему изначальному статусу организации (как Dignitas) вынуждены функционировать по законам рыночной экономики, предлагая пакеты услуг, включающие медицинские консультации, юридическое сопровождение и процедуру ухода из жизни.

Процесс коммерциализации смерти неразрывно связан с более широким явлением коммодификации человеческого тела и процессов умирания. Как отмечается в современных биоэтических исследованиях (Антипов А. В. Биоэтика умирания), рыночная модель трансформирует отношения, ранее регулировавшиеся моральными и религиозными нормами, сводя их к экономическому обмену. В контексте эвтаназийного туризма это проявляется в том, что достоинство и право на «легкую смерть» превращаются в товар, доступ к которому определяется исключительно платежеспособностью клиента. Моральный выбор общества и индивида подменяется экономическим выбором, где цена услуги становится решающим фактором [30].

Ключевым социально-экономическим аспектом данной проблемы является неравенство доступа. Финансовые издержки эвтаназийного туризма включают не только непосредственную оплату процедуры организации-провайдеру, но и транспортные расходы, проживание, а также гонорары юристам. Это формирует ситуацию, при которой право на смерть с достоинством становится привилегией экономически благополучных слоёв населения. Данное обстоятельство вступает в противоречие с базовыми принципами социальной справедливости и равенства граждан перед законом, независимо от их имущественного положения [31]. Таким образом, эвтаназийный туризм выступает индикатором провалов национальных систем здравоохранения, толкая пациентов к поиску радикальных решений за рубежом [32].

⁶ Мартынихин И.А., Грачев Г.И. Суициды в России: динамика и факторы на нее влияющие // Росстат: [сайт]. URL: <https://rannks.ru/upload/iblock/45a/240921%20Мартынихин%20презентация.pdf?ysclid=ml09hk66ln757018589> (дата обращения: 16.02.2026).

Правовое регулирование и демографическая безопасность: русская модель «презумпции жизни»

Правовое регулирование, обеспечивающее демографическую безопасность, должно быть основано на модели «презумпции жизни» как ответ на вызовы старения населения.

Анализ зарубежных правовых моделей позволяет выделить два основных подхода к критериям допуска к процедуре. В Нидерландах, Бельгии, Люксембурге и Испании законодательство изначально не содержало строгого требования наличия терминальной стадии заболевания, допуская эвтаназию при невыносимых страданиях, вызванных неизлечимым заболеванием. Иная модель, принятая в большинстве штатов США (Орегон, Калифорния, Вашингтон) и на начальном этапе в Канаде, изначально ограничивала право на ассистированную смерть исключительно терминальными больными с прогнозом жизни менее шести месяцев. Однако, как отмечается в зарубежной правовой доктрине, практика идёт по пути расширения критериев: Канада в 2021 году отказалась от требования терминальности, а в Швейцарии, где ассистированный суицид де-факто разрешён с 1940-х годов, этические нормы также эволюционировали в сторону снятия подобных ограничений [33].

Следует признать, что сторонники легализации эвтаназии в России и за рубежом апеллируют к ценностям индивидуальной автономии, милосердия и предотвращения страданий. Право на смерть рассматривается как логическое продолжение права на распоряжение собственной жизнью. Правоприменительная практика западных стран выявляет системные риски такой «нормализации» эвтаназии, которая содержательно имеет тенденцию к расширению, например, основанием к таковой может служить не только физические страдания, психические расстройства, но и состояние «усталости от жизни». Российская модель «презумпции жизни» имеет конституционные и законодательные основы. В противовес западной либерализации Российская Федерация последовательно реализует модель «презумпции жизни», в основе которой лежит конституционное признание жизни высшей ценностью, а также запрет на жестокое и унижающее достоинство обращение (Конституция Российской Федерации, ст. 21)⁷. Данная модель исходит из того, что государство обязано не только воздерживаться от лишения жизни, но и создавать условия для её сохранения до естественного конца, это важная часть правовой идеологии: «Общество можно

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр., в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).

характеризовать по его отношению к существующей системе права. Это отношение складывается из наличия и восприятия концепций, идей, представлений и взглядов, с помощью которых происходит отражение и оценивание правовой действительности» [34, с. 125].

Ключевым элементом этой модели является безусловный запрет эвтаназии, закреплённый в статье 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: медицинским работникам запрещается удовлетворение просьбы пациента об ускорении его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами⁸. В отличие от ряда зарубежных стран, где дискуссия смещается в плоскость процедурных гарантий, российский законодатель сохраняет императивный запрет, рассматривая любую форму активного содействия уходу из жизни как несовместимую с профессиональным долгом врача и публичным порядком.

Приоритет России заключается не в пассивном запрете, а в активном развитии позитивных обязательств государства перед пожилыми и неизлечимо больными гражданами. Конституционно-правовая доктрина последних лет всё чаще оперирует понятием «соматических прав», однако в российской интерпретации акцент смещается с права на смерть на право на достойное существование в процессе умирания, что утверждено «Стратегией действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года»⁹.

Существенные сдвиги в организации паллиативной помощи связаны с обновлением её нормативно-правовой базы. Если сторонники эвтаназии аргументируют свою позицию необходимостью избавления от страданий, то российский законодатель предлагает альтернативный путь: не устранять страдающего, а устранять страдания. Значительным шагом вперёд стало совершенствование нормативной базы оказания паллиативной помощи. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2024 г. № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» существенно расширило содержание паллиативной помощи¹⁰. Данный документ заметно расширяет трактовку паллиа-

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 г.).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 07.04.2025 г. № 830-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года».

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 г. № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

тивной помощи: в неё включены не только сугубо медицинские, но также психологические, социальные и духовные аспекты сопровождения пациентов. Впервые на столь высоком уровне прописаны правила оказания поддержки на дому, в том числе касающиеся предоставления медтехники, обезболивающих (наркотических и психотропных препаратов) и лечебного питания. Это перекликается с тезисом о том, что запрос на уход из жизни зачастую вызван отсутствием полноценной помощи вне стационарных условий. Стоит отметить, что законодательство само по себе не является единственным фактором оказания эффективной паллиативной помощи, необходимы, на основании принятых правовых норм, усилия органов исполнительной власти по выстраиванию работающей системы для полной реализации положений закона.

Заслуживает отдельного анализа развитие геронтопсихологии и психиатрической поддержки лиц пожилого и старческого возраста. Программой госгарантий закреплён приоритет диспансерного наблюдения за теми, у кого выявлены психические нарушения или расстройства поведения, включая формирование специализированных выездных психиатрических бригад и доставку лекарств на дом. Однако, в данном случае, нельзя переоценивать эффективность декларируемых мер, поскольку существует ещё финансово-экономические условия, в рамках которых приходится выкраивать деньги из бюджетов дотационных регионов, например для утверждения штатных нормативов с целью организации помощи пожилым людям с психическими расстройствами. Необходимо констатировать, что пока геронтопсихиатрические кабинеты в структуре психоневрологических диспансеров, объективно не могут организовать охват всех нуждающихся лиц пожилого возраста с определёнными расстройствами психики. Тем не менее сама логика развития системы психосоциального сопровождения имеет большой потенциал и выступает инструментом, способным уменьшать риск формирования депрессивных и суицидальных настроений у одиноких пожилых людей, когда экзистенциальный кризис остаётся без внимания.

Законодательное регулирование поддержки пожилых обеспечивает Российскую модель «презумпции жизни» рядом системных преимуществ:

1. Поддержание межпоколенческой солидарности, поскольку запрет эвтанази транслирует ценность каждой человеческой жизни, что снижает проявления эйджизма.

2. Развитие социально-ориентированной медицины. При всех экономических сложностях современности, вместо упрощённых механизмов «избавления от обузы» государство вкладывает ресурсы в систему долговременного ухода, что даёт новые рабочие места и инфраструктуру.

3. Согласованность с традиционными ценностными установками выражается в охранительной позиции законодателя, что очень важно, учитывая высокую вероятность злоупотреблений и необратимый характер возможных ошибок.

Заключение

Проведённое междисциплинарное исследование философско-психологических, этических и демографических аспектов добровольного ухода из жизни в контексте старения населения позволяет сделать однозначный вывод относительно выдвинутой в работе основной гипотезы.

Авторская гипотеза, согласно которой природа суицидальных тенденций в пожилом возрасте имеет качественное отличие от таковой в других возрастных группах, а критическим предиктором выступает субъективное чувство ненужности и экзистенциальный вакуум, а не объективная социальная или физическая изоляция, полностью подтверждается.

Эмпирические данные и теоретический анализ, представленные в работе, верифицируют, что ключевым триггером суицидальных настроений у лиц старших возрастных групп является не столько одиночество как объективный факт, сколько интернализированное ощущение собственной обременительности для близких и общества, утрата позитивной идентичности и смыслозначимых ориентиров. Состояние «витального истощения» и «социальной смерти» предшествует физическому уходу и формируется под воздействием эйджизма и экзистенциального кризиса.

Также нашло своё подтверждение предположение о том, что дискуссия об эвтаназии в российском контексте является индикатором латентных проблем социального самочувствия старшего поколения. Анализ зарубежных практик (Нидерланды, Канада, Швейцария) выявил системные риски «структурного принуждения» и коммерциализации смерти, что опровергает тезис о легализации эвтанази как о гуманной и безусловно прогрессивной мере. В противовес этому российская модель «презумпции жизни», базирующаяся на конституционном запрете эвтанази и развитии паллиативной помощи и геронтопсихологической поддержки, демонстрирует свою эффективность как альтернатива, направленная не на устранение страдающего, а на устранение страданий.

Компаративный анализ опыта стран, легализовавших эвтаназию, не выявляет прямой каузальной связи с демографическим старением, но фиксирует системные риски: экспансию практики за счёт культурных сдвигов (Бенилюкс), «структурное принуждение» в условиях недофинансирования паллиативной помощи (Канада) и коммодификацию смерти через «эвтаназийный туризм» (Швейцария).

Для России императивом является не заимствование моделей легализации, а развитие системы долговременного ухода, что позволяет сохранить межпоколенческий контракт и гарантировать пожилому человеку статус полноправного субъекта прав. При этом мировоззренческий фундамент российской модели «презюмции жизни» подкрепляется

не только правовыми и социально-экономическими аргументами, но и ценностными установками традиционных для России религий, а также философской критикой утилитаристского подхода к человеческой жизни, что позволяет рассматривать отказ от легализации эвтаназии как элемент сохранения национальной цивилизационной идентичности.

Список источников

1. Безвербный В.А. Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 2. С. 197–211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 EDN EGMDAU
2. Барков С.А., Земляков Д.Н., Юрасова М.В. Особенности восприятия российскими работодателями проблемы занятости старшего поколения: опыт социологического анализа // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 91–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_8_91_104 EDN FBOXZL
3. Танатова Д.К., Королев И.В. Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 3. С. 384–395. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_3_384_395 EDN CTCEVJ
4. Соловьев А.К. Анализ методов индексации пенсий с целью достижения благополучия старших поколений // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 1. С. 59–71. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71 EDN OJJCLY
5. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGXW
6. Новоселов В.М. К вопросу о геронтоциде: проблема морального выбора пожилых людей не продлевать свою жизнь в мучениях // *Ученые записки Института психологии Российской академии наук*. 2023. Том 3. №1. С. 66–74. https://doi.org/10.38098/proceedings_2023030107 EDN ZTVIEL
7. Шматова Ю. Е. Факторы риска тревоги и депрессии у старшего поколения // *Факторы и механизмы демографического развития: сборник научных статей*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. С. 696–708. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-4-10> EDN LVTIUI
8. Baé J., Draper B., Wijeratne C.A. Systematic Review of Reasons for and Against Euthanasia and Physician-Assisted Suicide in Older People with a Non-Terminal Condition. *Australas Psychiatry*. 2025;33(3):366-375. <https://doi.org/10.1177/10398562251313917>
9. Довнар А.Н. Правовое регулирование эвтаназии в России: запретить, нельзя разрешить // *Медицинское право: теория и практика*. 2024. Том 10. № 3–4(25-25). С. 64–68. EDN GDKJWM
10. Рагозин А.В., Гришин В.В., Сиводедов А.А. Право пациента на добровольный выбор эвтаназии и ассистированного суицида: почему по приоритету финансирования паллиативная помощь должна быть приравнена к родовспоможению // *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение*. Вестник ВШОУЗ. 2023. Том 9. № 1(31). С. 26–40. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2023-9-1-26-40> EDN VXTYKJ
11. Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. 384 с.
12. Декарт Р. Избранные произведения. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1950. 711 с.
13. Кант И. Основоположение к метафизике нравов. Сочинения на нем. и рус. яз. Том 3. М.: Московский философский фонд, 1997. 780 с.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва: Касталь, 1996. 448 с. ISBN 5-85374-006-7
15. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Охрана здоровья работающих пенсионеров в фокусе здравоохранительной политики // *Народонаселение*. 2025. Том 28. № 4. С. 212–226. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-212-226> EDN YINSOI
16. Галкин К.А. Индивидуальное восприятие неравенств в здравоохранении пожилыми людьми // *Народонаселение*. 2025. Том 28. № 3. С. 235–248. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-235-248> EDN IAAECE
17. Назарова И.Б. Старшее поколение: особенности коммуникации с детьми // *Народонаселение*. 2024. Том 27. № S1. С. 81–93. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93> EDN SVSZ
18. Rodríguez Ruzafa M., Carrasco Picazo J.P., Junquera Fernández G., et al. EUROL: Preliminary Results of the Ecological Study on Suicide and its Associated Socioeconomic Variables in People Over 85 in Europe. *International Psychogeriatrics*. 2022;34(12):1127–1128. <https://doi.org/10.1017/S1041610222000072>
19. Averina M., Nilssen O., Brenn T., et al. Social and Lifestyle Determinants of Depression, Anxiety, Sleeping Disorders and Self-Evaluated Quality of Life in Russia – a Population-Based Study in Arkhangelsk. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2005;40(7):511–518. <https://doi.org/10.1007/s00127-005-0918-x>
20. Социально-демографические и клинико-психологические факторы суицидальных попыток путем самоотравления в пожилом возрасте / О.Д. Пуговкина, Е.В. Борисоник, А.Б. Холмогорова, А.Ю. Симонова, М.М. Поцхверия // *Неотложная медицинская помощь*. Журнал им. Н.В. Склифосовского. 2024. Том 13. № 4. С. 590–598. <https://doi.org/10.23934/2223-9022-2024-13-4-590-598>
21. Christensen M., Chan Hiu Yin, Chan Yuen Yi, et al. Suicide Ideation in Older People: a Qualitative Review and Meta-Analysis of Asian Studies. *Frontiers in Psychiatry*. 2023;14:1169820. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1169820>

22. В поисках психологических факторов риска суицида: смена парадигмы // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 1. С. 167–174. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260112>
23. Dan Zhang, Rui Wang, Yinong Tian, et al. Exploring Life and Help-Seeking Experiences Regarding Suicidal Ideations Among Nursing Home Residents. *Geriatric Nursing*. 2022;45:69-76. <https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2022.03.004>
24. Lee Y.-J., Song J.-A. The Effects of Social and Psychological Factors on Suicidal Ideation in Elderly People Living Alone: A Cross-Sectional Correlational Study. *Journal of Korean Gerontological Nursing*. 2025;27(1):45-56. <https://doi.org/10.17079/jkgn.2024.00640>
25. Кадыржанова Ж. Е. Экзистенциальный кризис зрелого возраста и пути его преодоления // Вестник Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета. 2022. Том 23. № 3. С. 103–107. EDN CRZWME
26. Любов Е.Б., Зотов П.Б. Суицидологическая терминология в научных исследованиях и клинической практике. Что значит имя. Часть II. Суицидальная попытка // Суицидология. 2025. Том 16. № 1(58). С. 3–16. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.25-16-01\(58\)-3-16](https://doi.org/10.32878/suiciderus.25-16-01(58)-3-16) EDN YVWVWG
27. Colombo A.D., Dalla-Zuanna G. Data and Trends in Assisted Suicide and Euthanasia, and Some Related Demographic Issues. *Population and Development Review*. 2024;50(1):233-257. <https://doi.org/10.1111/padr.12605>
28. Trachtenberg A.J., Manns B. Cost Analysis of Medical Assistance in Dying in Canada. *Canadian Medical Association Journal*. 2017;189(3):e101-E105. <https://doi.org/10.1503/cmaj.160650>
29. Симонова Ж.Г. Эвтаназийный туризм: этические аспекты легального ухода из жизни // Манускрипт. 2021. Том 14. № 4. С. 727–731. <https://doi.org/10.30853/mns210127> EDN ZNGUJB
30. Антипов А.В. Биоэтика умирания: достоинство, коммерциализация и орган как дар // Человек. 2025. Том 36. № 2. С. 32–51. <https://doi.org/10.31857/S0236200725020025> EDN NVERJH
31. Farg S. Will NHS Resource Constraints Undermine the Proposed Legal Safeguards for Assisted Dying? *Journal of Medical Ethics*. 2025;51(11):738-742. <https://doi.org/10.1136/jme-2025-110756>
32. Düzgün G. The Role of Nurses at the Intersection of Palliative Care and Death Tourism: Global Ethical Dilemmas and Professional Preparedness. *Journal of Hospice and Palliative Nursing*. 2025;27(5):1-8. <https://doi.org/10.1097/NJH.0000000000001176>
33. Сергеев Ю.Д., Заневская Н.А. Модели правового регулирования отношений в сфере трансплантации органов // Медицинское право. 2024. № 4. С. 2–6. EDN IXCMAK
34. Пичугин В.Г. Связь и взаимное влияние исторического и правового сознания общества // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 124–129. EDN OTLJVG

Информация об авторе:

Виталий Григорьевич Пичугин – доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (SPIN-код: 1705–3559), (ResearcherID: I-4615-2018)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.02.2026; одобрена после рецензирования 26.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Bezverbnii V.A. Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):197–211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 (In Russ.)
2. Barkov S.A., Zemlyakov D.N., Yurasova M.V. Peculiarities of Russian Employers' Perception of the Problem of Employment of the Older Generation: the Experience of Sociological Analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):91–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_8_91_104 (In Russ.)
3. Tanatova D.K., Korolev I. V. Achievements and Obstacles in Pursuing a Long and Active Life for the Older Generation in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):384–395. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_3_384_395 (In Russ.)
4. Solov'ev A.K. Analysis of Pension Indexation Methods in Order to Achieve the Well-Being of Older Generations. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):59–71. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_4_59_71 (In Russ.)
5. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
6. Novoselov V.M. On the Issue of Gerontocide: the Problem of the Moral Choice of Elderly People not to Prolong their Lives in Torment. *Ucheny'e zapiski Instituta psixologii Rossijskoj akademii nauk=Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. 2023;3(1):66-74. https://doi.org/10.38098/proceedings_2023030107 (In Russ.)
7. Shmatova Yu. E. Risk Factors for Anxiety and Depression in the Older Generation. In: Factors and Mechanisms of Demographic Development. Collection of Scientific Articles. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2025. P. 696–708. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-4-10> (In Russ.)
8. Baé J., Draper B., Wijeratne C.A. Systematic Review of Reasons for and Against Euthanasia and Physician-Assisted Suicide in Older People with a Non-Terminal Condition. *Australas Psychiatry*. 2025;33(3):366-375. <https://doi.org/10.1177/10398562251313917>
9. Dovnar A.N. Pravovoe Regulirovanie Ehvтаназии v Rossii: Zapretit', Nel'zya Razreshit'. *Medicinskoe pravo: teoriya i praktika*. 2024;10(3-4(25-25)):64-68. (In Russ.)

10. Ragozin A.V., Grishin V.V., Sivodedov A.A. The Patient's Right to Voluntarily Choose Euthanasia and Assisted Suicide: Why Palliative Care Should be Equated with Obstetric Care in Terms of Funding Priority. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ=Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ*. 2023;9(1):26–40. <https://doi.org/10.33029/2411-8621-2023-9-1-26-40> (In Russ.)
11. Seneca L. *Moral Letters to Lucilius*. Moscow: Nauka; 1977. 384 p. (In Russ.)
12. Descartes R. *Selected Works*. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1950. 711 p. (In Russ.)
13. Kant I. *Fundamentals to the Metaphysics of Morals*. In: Kant I. *Essays in Russian and German*. Vol. 3. Moscow: Moscow Philosophical Foundation; 1997. 780 p. (In Russ.)
14. Foucault M. *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. Moscow: Publishing House Kastal; 1996. 448 p. ISBN 5-85374-006-7 (In Russ.)
15. Grigorieva N.S., Chubarova T.V. Health Protection of Working Pensioners in the Focus of Health Policy. *Narodonaselenie=Population*. 2025;28(4):212–226. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-4-212-226> (In Russ.)
16. Galkin K.A. Individual Perception of Inequalities in Healthcare by Older People. *Narodonaselenie=Population*. 2025;28(3):235–248. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-235-248> (In Russ.)
17. Nazarova I.B. The Older Generation: Features of Communication with Children. *Narodonaselenie=Population*. 2024;27(S1):81–93. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93> (In Russ.)
18. Rodriguez Ruzafa M., Carrasco Picazo J.P., Junquera Fernández G., et al. EUROLD: Preliminary Results of the Ecological Study on Suicide and its Associated Socioeconomic Variables in People Over 85 in Europe. *International Psychogeriatrics*. 2022;34(12):1127–1128. <https://doi.org/10.1017/S1041610222000072>
19. Averina M., Nilssen O., Brenn T., et al. Social and Lifestyle Determinants of Depression, Anxiety, Sleeping Disorders and Self-Evaluated Quality of Life in Russia – a Population-Based Study in Arkhangelsk. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2005;40(7):511–518. <https://doi.org/10.1007/s00127-005-0918-x>
20. Pugovkina O.D., Borisonik E.V., Xolmogorova A.B., et al. Socio-Demographic and Clinical and Psychological Factors of Suicidal Attempts by Self-Poisoning in Old Age. *Zhurnal im. N.V. Sklifosovskogo Neotlozhnaya medicinskaya pomoshh`=Russian Sklifosovsky Journal of Emergency Medical Care*. 2024;13(4):590–598. <https://doi.org/10.23934/2223-9022-2024-13-4-590-598> (In Russ.)
21. Christensen M., Chan Hui Yin, Chan Yuen Yi, et al. Suicide Ideation in Older People: a Qualitative Review and Meta-Aggregation of Asian Studies. *Frontiers in Psychiatry*. 2023;14:1169820. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1169820>
22. In Search of the Psychological Risk Factors of Suicide: Change of the Paradigm. *Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya=Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2018;26(1S):167–174. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260112>. (In Russ.)
23. Dan Zhang, Rui Wang, Yinong Tian, et al. Exploring Life and Help-Seeking Experiences Regarding Suicidal Ideations Among Nursing Home Residents. *Geriatric Nursing*. 2022;45:69–76. <https://doi.org/10.1016/j.gerinurse.2022.03.004>
24. Lee Y.-J., Song J.-A. The Effects of Social and Psychological Factors on Suicidal Ideation in Elderly People Living Alone: A Cross-Sectional Correlational Study. *Journal of Korean Gerontological Nursing*. 2025;27(1):45–56. <https://doi.org/10.17079/jkgn.2024.00640>
25. Kadyrzhanova Zh. E. E`kzistencial`ny`j Krizis Zrelogo Vozrasta i Puti Ego Preodoleniya. *Vestnik Zapadno-Kazakhstanskogo Innovatsionno-Tekhnologicheskogo Universiteta=Bulletin of West Kazakhstan Innovative and Technological University*. 2022;23(3):103–107. (In Russ.)
26. Lyubov E.B., Zotov P.B. Suicidological Terminology in Scientific Research and Clinical Practice. What Does the Name Mean. Part II. Suicide Attempt. *Suicidologiya=Suicidology*. 2025;16(1(58)):3–16. [https://doi.org/10.32878/suicidurus.25-16-01\(58\)-3-16](https://doi.org/10.32878/suicidurus.25-16-01(58)-3-16) (In Russ.)
27. Colombo A.D., Dalla-Zuanna G. Data and Trends in Assisted Suicide and Euthanasia, and Some Related Demographic Issues. *Population and Development Review*. 2024;50(1):233–257. <https://doi.org/10.1111/padr.12605>
28. Trachtenberg A.J., Manns B. Cost Analysis of Medical Assistance in Dying in Canada. *Canadian Medical Association Journal*. 2017;189(3):e101–E105. <https://doi.org/10.1503/cmaj.160650>
29. Simonova Zh. G. Euthanasia Tourism: Ethical Aspects of Legal Retirement. *Manuskript=The Manuscript*. 2021;14(4):727–731. <https://doi.org/10.30853/mns210127> (In Russ.)
30. Antipov A.V. Bioethics of Dying: Dignity, Commercialization and Organ as a Gift. *Chelovek=Human*. 2025;36(2):32–51. <https://doi.org/10.31857/S0236200725020025> (In Russ.)
31. Farg S. Will NHS Resource Constraints Undermine the Proposed Legal Safeguards for Assisted Dying? *Journal of Medical Ethics*. 2025;51(11):738–742. <https://doi.org/10.1136/jme-2025-110756>
32. Düzgün G. The Role of Nurses at the Intersection of Palliative Care and Death Tourism: Global Ethical Dilemmas and Professional Preparedness. *Journal of Hospice & Palliative Nursing*. 2025;27(5):1–8. <https://doi.org/10.1097/NJH.0000000000001176>
33. Sergeev Yu.D., Zanevskaya N.A. Models of Legal Regulation of Relations in the Field of Organ Transplantation. *Medicinskoe pravo=Medical Law*. 2024;(4):2–6. (In Russ.)
34. Pichugin V.G. Connection and Mutual Influence of Historical and Legal Consciousness of Society. *Social`no-gumanitarny`e znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*. 2023;(11):124–129. (In Russ.)

Information about the author:

Vitaly G. Pichugin – Doctor of Philosophy, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (SPIN-code: 1705-3559), (ResearcherID: I-4615-2018)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 23.02.2026; approved after reviewing 26.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Оригинальная статья

УДК 314.1; 332.1

JEL J13, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_9_302_318

EDN BRYWLW

Качество жизни населения и рождаемость как факторы пространственного развития территорий Тамбовской области

Елена Юрьевна Меркулова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
(merkatmb@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1044-0053>)

Аннотация

Цель исследования – выявление детерминант рождаемости с учётом оценки качества жизни населения и разработки типологии муниципальных образований для дифференцированной демографической политики. Теоретическая основа базируется на синтезе концепций демографического перехода, экономической теории рождаемости и пространственной демографии. Методология включает факторный анализ (метод главных компонент), иерархический кластерный анализ (метод Уорда), пространственный анализ (индекс Морана) и множественную регрессию с контролем возрастной структуры. Эмпирическую базу составляют официальные статистические данные по 30 муниципальным округам Тамбовской области и результаты авторского социологического опроса (n=2657, октябрь 2024 г., метод CAWI). Стратификация выборки по возрасту позволила выделить три когнитивные группы: «оптимисты-мигранты» (до 30 лет, 39,4%), «стабилизаторы» (30–45 лет, 26,1%) и «локалисты» (старше 45 лет, 34,5%). Факторный анализ идентифицировал три латентных измерения качества жизни: оценка места проживания и перспектив его развития (39,6% дисперсии), инфраструктура и среда для жизни (27,8%), удовлетворённость медицинскими услугами (10,0%). Регрессионная модель ($R^2 = 0,789$; $F(3,26) = 32,31$; $p < 0,001$) показала доминирующее влияние доли населения моложе трудоспособного возраста ($\beta = 0,558$; $p < 0,001$) и брачности ($\beta = 0,557$; $p < 0,001$). Выявлен парадоксальный эффект жилищных условий: увеличение площади жилья на душу населения ассоциируется со снижением рождаемости ($\beta = -0,218$; $p = 0,028$), что интерпретируется как индикатор депопуляции. Субъективные факторы оказывают опосредованное влияние через миграционные установки и брачное поведение. Кластерный анализ позволил выделить четыре типа территорий: демографически стабильные, стареющие с потенциалом развития, территории контрастов и демографически депрессивные. Пространственный анализ выявил локальные эффекты: «горячую точку» вокруг областного центра и «холодные точки» на периферии. Практическая значимость заключается в обосновании перехода от универсальной к дифференцированной демографической политике, учитывающей типологию территорий и возраст-но-специфические различия в оценках качества жизни населения. Разработанный инструментальный может быть адаптирован для исследования других регионов.

Ключевые слова: качество жизни населения, рождаемость, пространственное развитие, муниципальные округа, факторный анализ, кластерный анализ, регрессионное моделирование, типология территорий, демографическая политика, Тамбовская область

Для цитирования: Меркулова Е.Ю. Качество жизни населения и рождаемость как факторы пространственного развития территорий Тамбовской области // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 302–318. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_9_302_318 EDN BRYWLW

RAR (Research Article Report)

JEL J13, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_9_302_318

Quality of Life of the Population and Fertility as Factors of Spatial Development in the Tambov Region

Elena Yu. Merkulova

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia
(merkatmb@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1044-0053>)

Abstract¹

The aim of the study is to identify the determinants of fertility, taking into account assessments of the quality of life of the population, and to develop a typology of municipalities for a differentiated demographic policy. The theoretical framework is based on a synthesis of the concepts of demographic transition, the economic theory of fertility, and spatial demography. The methodology includes factor analysis (principal component method), hierarchical cluster analysis (Ward's method), spatial analysis (Moran's index), and multiple regression controlling for age structure. The empirical base consists of official statistical data on 30 municipal districts of the Tambov region and the results of the author's sociological survey (n = 2,657, October 2024, CAWI method). Age stratification of the sample made it possible to identify three cognitive groups: «migrant optimists» (under 30 years, 39.4%), «stabilizers» (30–45 years, 26.1%), and «localists» (over 45 years, 34.5%). Factor analysis identified three latent dimensions of quality of life: assessment of the place of residence and its development prospects (39.6% of variance), infrastructure and living environment (27.8%), and satisfaction with medical services (10.0%). The regression model ($R^2 = 0.789$; $F(3,26) = 32.31$; $p < 0.001$) showed the dominant influence of the share of the population below working age ($\beta = 0.558$; $p < 0.001$) and the crude marriage rate ($\beta = 0.557$; $p < 0.001$). A paradoxical effect of housing conditions was revealed: an increase in housing space per capita is associated with a decline in fertility ($\beta = -0.218$; $p = 0.028$), interpreted as an indicator of depopulation. Subjective factors exert an indirect influence through migration intentions and marital behavior. Cluster analysis identified four types of territories: demographically stable, aging with development potential, territories of contrasts, and demographically depressed. Spatial analysis revealed local effects: a «hot spot» around the regional center and «cold spots» on the periphery. The practical significance lies in substantiating the

© Меркулова Е.Ю., 2026

transition from a universal to a differentiated demographic policy that takes into account the typology of territories and age-specific differences in assessments of the quality of life of the population. The developed toolkit can be adapted for studying other regions.

Keywords: quality of life of the population, fertility, spatial development, municipal districts, factor analysis, cluster analysis, regression modeling, territorial typology, demographic policy, Tambov region

For citation: Merkulova E.Yu. Quality of Life of the Population and Fertility as Factors of Spatial Development in the Tambov Region. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):302–318. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_9_302_318 (In Russ.)

Введение

Качество жизни населения выступает ключевым индикатором устойчивого пространственного развития территорий и одновременно – фундаментальным фактором демографического поведения, определяющим дифференциацию репродуктивных стратегий на локальном уровне. В современной демографической науке существует консенсус относительно того, что репродуктивные решения домохозяйств определяются не только биологическими и социально-структурными характеристиками, но и комплексной оценкой условий жизни, включающей как объективные показатели (доходы, инфраструктура, экология), так и субъективные установки (удовлетворённость жизнью, ожидания будущего, локальная идентичность) [1; 2]. В контексте Тамбовской области, характеризующейся устойчивой депопуляцией, аграрной специализацией и выраженной внутренней дифференциацией, изучение механизмов трансляции качества жизни в демографические паттерны приобретает особую актуальность для формирования адресной демографической политики.

Взаимосвязь качества жизни и рождаемости в современных исследованиях рассматривается через призму нелинейных зависимостей и «парадокса Истерлина»: рост благосостояния (объективная характеристика материальных условий жизни) не всегда коррелирует с повышением рождаемости, поскольку при достижении определённого порога благосостояния семьи начинают приоритизировать «качество» детей над их количеством, что сопровождается ростом требований к «доходным предпосылкам родительства» [3; 4]. Российские исследователи [5; 6] выявили гендерную специфику данной взаимосвязи: для женщин критическим фактором является возможность совмещения профессиональной деятельности и материнства, тогда как для мужчин – стабильность дохода и жилищные условия. Так же они установили, что рождение детей может выступать фактором регресса социально-экономического положения семьи, создавая негативную обратную связь в демографической системе. Однако данные исследования фокусируются преимущественно

на национальном или региональном уровнях агрегации, не объясняя внутрорегиональную вариативность рождаемости.

Субъективные факторы и ценностные установки в формировании репродуктивного поведения остаются недостаточно изученными, так А.В. Ларионов выделил факторы целевого репродуктивного поведения, включая субъективную оценку экономической неопределённости и восприятие родительства как инвестиционного проекта [7], зарубежные исследователи [4; 8] обосновали теорию «растущих доходных предпосылок родительства», согласно которой откладывание деторождения связано не столько с объективной бедностью, сколько с субъективной потребностью в достижении минимального уровня экономической стабильности, воспринимаемого как необходимый для рождения ребёнка. Исследования глобального разнообразия в восприятии места проживания, показали, что благополучие (субъективная оценка человеком своей жизни) коррелирует с миграционными и репродуктивными стратегиями независимо от объективных экономических показателей. Тем не менее, субъективные измерения качества жизни редко интегрируются в количественные демографические модели как структурные переменные, что ограничивает объяснительную силу существующих исследований.

Пространственная демография традиционно анализируется через призму миграционных перемещений и дифференциации регионов по оценке качества жизни населением [9]. В частности, внутренняя миграция определяется не только экономическими факторами, но и качеством социальной инфраструктуры, экологическими условиями и субъективной оценкой перспектив территории [10], а значительные центрально-периферийные различия в продолжительности жизни, определяются комплексом социально-экономических, демографических, поведенческих и экологических факторов, при этом пространственная автокорреляция играет существенную роль [11; 12; 13].

Однако большинство исследований концентрируется на межрегиональных сравнениях,

игнорируя муниципальный уровень, где проявляется «тонкая структура» пространственной дифференциации и где административные условия идентичны, что позволяет «контролировать» региональную политику и выявить роль локальных факторов качества жизни, отсутствует методический инструментарий типологизации территорий, который мог бы быть применён к другим регионам. Настоящее исследование направлено на заполнение этого пробела через разработку интегрированной методологии анализа муниципальных различий, учитывающей как объективные условия, так и коллективные восприятия качества среды. Повышение качества жизни для развития российской экономики в условиях структурно-технологической перестройки предполагает целенаправленные действия в области демографии, здравоохранения, образования и социальной политики [14]. Оценка результативности мер демографической политики показала, что меры социальной поддержки и регионального материнского капитала способствуют достижению роста рождаемости, при этом необходим комплексный подход к решению демографических проблем с учётом региональной специфики [15].

Цель исследования – выявление ключевых детерминант рождаемости, включающих оценку качества жизни населения и разработку типологии муниципальных образований для формирования дифференцированной демографической политики. Объектом данного исследования является рождаемость в муниципальных образованиях Тамбовской области как демографический процесс, детерминированный качеством жизни населения. Предмет исследования – взаимосвязи между оценкой качества жизни населения и демографическими характеристиками в пространственной локализации муниципальных образований Тамбовской области.

Задачи исследования

- Критически переосмыслить теоретические подходы к взаимосвязи качества жизни и репродуктивного поведения с учётом субъективных факторов и пространственных зависимостей;
- Разработать методологию оценки качества жизни населения в модели пространственной демографии на муниципальном уровне;
- Выявить пространственные закономерности взаимосвязи между качеством жизни и демографическими показателями путём факторного и кластерного анализа;
- Сформировать переносимый инструментарий выделения когнитивных групп населения по возрасту для выявления дифференцированных репродуктивных стратегий и типологизации территорий по комплексу демографических показате-

телей и метрик качества жизни для территориального контекста её реализации.

В данном исследовании под качеством жизни населения понимается интегральная характеристика условий жизнедеятельности, включающая единство объективных условий существования (благополучия) и субъективных оценок населением своей жизни (благополучия), которые в совокупности формируют жизненные стратегии домохозяйств, включая репродуктивное поведение. В контексте муниципального уровня анализа данная категория представляет собой пространственно-дифференцированный ресурс, определяющий способность территории удерживать и воспроизводить население, при этом субъективная составляющая выступает посредником, трансформирующим объективные характеристики среды в индивидуальные демографические решения.

Пространственное развитие территорий региона – процесс формирования устойчивой дифференциации муниципальных образований по способности поддерживать демографическое воспроизводство, характеризующийся неравномерностью распределения качества жизни и репродуктивных потенциалов в географическом пространстве, усилением центрально-периферийных диспропорций и поляризацией территорий по демографическим режимам (демографически стабильные, стареющие с потенциалом развития, территории контрастов и депрессивные), что требует дифференцированного подхода в демографической и социально-экономической политике.

Гипотеза исследования заключается в том, что репродуктивное поведение населения в муниципальных округах региона определяется сложным взаимодействием оценки качества жизни населения и демографической структуры. При этом оценка благополучия оказывает опосредованное, но значимое влияние на рождаемость, что необходимо учитывать для разработки дифференцированной демографической политики Тамбовской области.

Теоретические и методологические основы

Теоретическая база исследования формируется на основе синтеза концептуальных подходов, каждый из которых раскрывает отдельные аспекты взаимосвязи качества жизни и рождаемости в пространственном измерении. Теория демографического перехода и концепция «демографических волн» объясняют долгосрочную трансформацию режимов воспроизводства населения и структурные колебания численности репродуктивных континентов, обусловленные историческими кризисами [16; 17]. Многие регионы России, включая Тамбовскую область, находятся на пост-

переходной стадии, характеризующейся старением материнства, ростом добровольной бездетности и распространением неформальных союзов. Данные теории описывают общие тенденции, но не объясняют значительную пространственную вариативность рождаемости внутри регионов, находящихся на одной стадии перехода, и недооценивают роль субъективных факторов качества жизни в формировании локальных демографических паттернов.

Теория второго демографического перехода акцентирует внимание на ценностных трансформациях как движущей силе демографических изменений, сдвиге от материалистических к постматериалистическим ценностям (самореализация, автономия, индивидуализм). Однако данная теория, объясняя ценностные различия между поколениями, недостаточно учитывает роль пространственного контекста и локальной специфики восприятия качества жизни, характерных для периферийных территорий [4; 18].

В рамках экономической теории рождаемости и теории человеческого капитала дети рассматриваются как объект инвестиций. В современных условиях родители концентрируют ограниченные ресурсы на одном-двух детях, максимально инвестируя в их образование, здоровье и развитие. Это существенно увеличивает «стоимость» каждого ребёнка. В условиях роста требований к качеству жизни особенно в городской агломерации время родителей становится ключевым ограничивающим ресурсом. Для женщин с высшим образованием и карьерными амбициями альтернативная стоимость времени, затрачиваемого на уход за ребёнком, значительно возрастает, что напрямую снижает планируемое число детей [19]. Предлагаемые модели не в полной мере учитывают «парадокс Истерлина» – после достижения базового уровня благосостояния дальнейший рост доходов не гарантирует повышения рождаемости, если не сопровождается ростом благополучия и доверия к будущему территории [20].

Z. Meng [21] провёл корреляционный анализ взаимосвязи национальной рождаемости и социально-экономического развития на примере Китая, выявив, что урбанизация, рост образовательного уровня и изменение структуры занятости объясняют большую часть снижения рождаемости, чем изменения в доходах. Y. Wu [22] установил, что в США на уровень рождаемости влияют такие факторы, как стоимость жилья, доступность медицинских услуг и гибкость рынка труда, что подтверждает многофакторную природу демографических процессов.

Пространственные аспекты демографической дифференциации [23] выявили паттерны взаимо-

связи между продолжительностью жизни и ВВП в регионах России, показав существование пространственной автокорреляции – соседние регионы имеют сходные демографические характеристики. Представители концепции «пространственной зависимости» выявили, что демографические показатели конкретной территории коррелированы не только с локальными условиями, но и с положением в иерархии пространственного развития (центр–периферия) [24].

Таким образом, преобладание межрегиональных сравнений не позволяет выявить факторы пространственной дифференциации рождаемости внутри субъекта РФ, где административные и институциональные условия идентичны. Анализ на уровне муниципальных образований позволяет «контролировать» региональную политику и выявить роль локальных факторов. Существующие модели рождаемости редко учитывают пространственную автокорреляцию – влияние характеристик соседних территорий на демографические процессы. Данное исследование предлагает усовершенствованный методический инструментарий типологизации муниципальных образований по критериям качества жизни и демографического потенциала, который может быть использован для исследования внутрирегиональных различий в других регионах России.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные статистические данные Росстата и результаты авторского социологического исследования всех 30 муниципальных округов (МО) Тамбовской области. Такой подход позволяет совместить объективные показатели социально-экономического развития с субъективными оценками качества жизни населением, что соответствует принципам place-based анализа, учитывающего локальный контекст. Выбор данного территориального масштаба обусловлен тем, что на муниципальном уровне наиболее явно проявляются пространственные демографические трансформации, обусловленные дифференциацией качества жизни населения и реализацией социальной политики.

Для получения субъективных данных о качестве жизни в октябре 2024 года был проведён онлайн-опрос (CAWI – Computer Assisted Web Interviewing) жителей Тамбовской области. Выборочное наблюдение соответствовало комбинированному типу: на первом этапе была рассчитана квотная выборка по структуре трудоспособного населения (N = 534 тыс. чел., данные Росстата на 01.01.2024) по всем муниципальным образованиям области. На втором этапе проведена реализация выборки (n = 2657) с использованием интернет-панели. Метод рекрутирования респонден-

тов представлял собой распространение анкеты через социальные сети, где размещались прямые ссылки на электронную анкету с географической привязкой к каждому муниципальному округу. Участие было добровольным и анонимным; информированное согласие запрашивалось на первой странице анкеты. Такой метод рекрутирования имеет определённые ограничения, связанные с возможной недоучётностью населения с низким уровнем цифровой грамотности и ограниченным доступом к интернету, а также с потенциальной избыточной представленностью наиболее активных пользователей социальных сетей. Вместе с тем преимуществом данного подхода является высокая скорость сбора данных, относительно низкая стоимость исследования и возможность охвата труднодоступных сельских территорий без организации очного интервьюирования.

Каждому респонденту предлагалось ответить на единый опросник, содержащий 156 вопросов, сгруппированных в блоки: социально-демографический паспорт, оценка жилищных условий и коммунальной инфраструктуры, доступность и качество медицинской помощи, образовательные услуги, транспортная доступность, возможности для досуга и отдыха, удовлетворённость работой и доходами, оценка деятельности органов муниципального управления по качеству реализации социальной политики, а также демографические намерения и репродуктивные установки.

Валидность исследования обеспечивалась несколькими методами: пилотное тестирование анкеты на выборке из 100 респондентов для выявления неоднозначных формулировок; использование встроженных в анкету контрольных вопросов с логическими связями; сравнительный анализ полученных данных с официальной статистикой по ключевым параметрам; метод «перекрестной проверки» для выявления противоречивых ответов. Для минимизации искажений с одного IP-адреса можно было заполнить анкету только один раз. Условная расчётная ошибка выборки для долей при доверительной вероятности 95% составляет $\pm 1,9\%$, а при 99,5% – $\pm 2,7\%$. Ввиду использования непробабилистической онлайн-панели и механизмов самоотбора фактическая погрешность может быть выше за счёт систематических отклонений, связанных с цифровым неравенством.

Для минимизации данного смещения при расчёте агрегированных показателей применялась постстратификация по полу и возрасту с использованием весовых коэффициентов, обратно пропорциональных вероятности включения в выборку. Тем не менее, гендерная структура выборки характеризуется выраженным перекосом в сторону женщин (83,2% против 16,8% мужчин),

что отражает типичную для онлайн-опросов по тематике демографии «женскую» активность в исследовательском участии, а также специфику восприятия темы рождаемости как преимущественно «женской» сферы. Средний возраст участников – 35 лет (медиана – 34 года), что ниже среднего возраста трудоспособного населения региона (41 год), свидетельствуя о большей активности молодой аудитории в цифровой среде. Семейное положение: 47,6% состоят в зарегистрированном браке, 48,3% не состоят в браке, 4,2% указали наличие гражданского брака. Структура семей по количеству детей: 25% семей – один ребёнок, 33% – два ребёнка, 7% – три и больше детей, 35% опрошенных детей не имеют.

Агрегация индивидуальных оценок на уровне муниципалитетов проводилась путём расчёта средневзвешенных значений (Weighted Mean) по каждому из 50 показателей качества жизни (оценки по шкале Лайкерта, где 1 – «полностью не удовлетворён», 5 – «полностью удовлетворён») внутри каждого муниципального образования. Валидность агрегации обеспечивалась минимальным порогом выборки ($n \geq 50$ респондентов), что позволяет получить стандартную ошибку среднего не выше $\pm 0,28$ балла при стандартном отклонении 1,0. Тем не менее, при интерпретации результатов необходимо учитывать риск экологической ошибки (ecological fallacy): переход от индивидуальных установок к агрегированным характеристикам территории предполагает, что «средний» респондент репрезентативен для всей популяции муниципалитета. Полученные факторные оценки следует рассматривать как контекстные характеристики среды (contextual parameters), отражающие общий «климат» территории, а не как прямые меры индивидуальных намерений всех жителей. Полученные результаты следует интерпретировать как оценки восприятия качества жизни наиболее социально-активной части населения. Однако это не препятствует анализу пространственной дифференциации, поскольку территориальные паттерны оценок демонстрируют высокую внутреннюю согласованность и репрезентативны для выявления относительных различий между муниципалитетами, что является ключевой задачей настоящего исследования.

Для выявления латентных структур из совокупности 50 показателей опроса применён эксплораторный факторный анализ (EFA) методом главных компонент с ортогональным вращением Варимакс (Kaiser normalization). Перед проведением анализа все метрические переменные подвергнуты z-стандартизации. Пригодность матрицы данных подтверждена высоким значением меры КМО (0,801) и значимым критерием сфе-

ричности Бартлетта ($p < 0,001$). Количество извлекаемых факторов определялось по критерию собственных значений Кайзера (Kaiser's criterion: eigenvalues $> 1,0$) и анализу каменной осыпи (scree plot). Для улучшения интерпретируемости структуры факторов выполнено ортогональное вращение Варимакс (Varimax rotation), максимизирующее дисперсию нагрузок внутри каждого фактора и обеспечивающее независимость (ортогональность) полученных компонент. Для включения показателей в итоговую структуру использован порог факторных нагрузок $[0,50]$; показатели с кросс-нагрузками (разница между максимальной и вторичной нагрузкой $< 0,20$) исключались из интерпретации. В итоговую факторную модель включен 21 индикатор из 50 исходных, характеризующихся высокими коммуналностями (communalities $> 0,60$), что свидетельствует о достаточной доле объясненной факторами дисперсии каждого показателя. Устойчивость полученной структуры проверена через анализ чувствительности: исключение единичных показателей не приводило к существенному изменению факторных нагрузок оставшихся переменных, что подтверждает робастность выделенных компонент. Внутренняя консистентность шкал оценена с помощью коэффициента альфа Кронбаха (Cronbach's alpha) по агрегированным items внутри каждого фактора (значения $> 0,5$ свидетельствуют о приемлемой надёжности). На основании содержательного анализа входящих в них переменных с высокими факторными нагрузками три значимые компоненты (совокупно объясняющие 77,4% дисперсии) интерпретированы как следующие латентные измерения качества жизни населения:

- фактор (f_1 – 39,6% дисперсии) «Оценка места проживания и перспектив его развития»: объединяет субъективные оценки удовлетворённости жизнью в населённом пункте, веры в его процветание, готовности рекомендовать его для проживания, оценки экологической безопасности, качества дорог и госуслуг (коэффициенты нагрузки 0,74–0,9);

- фактор (f_2 – 27,8% дисперсии) «Оценка инфраструктуры и среды для жизни»: включает оценки доступности торговли, общепита, спортивных объектов, мест для досуга и качества общественных пространств (коэффициенты нагрузки 0,63–0,91);

- фактор (f_3 – 10% дисперсии) «Оценка удовлетворённости медицинскими услугами»: формируется показателями удовлетворённости скорой и амбулаторной медицинской помощью (коэффициенты нагрузки 0,95–0,96).

Таким образом, применение метода главных компонент с вращением Варимакс позволило

трансформировать разрозненные показатели социологического опроса в три независимых, содержательно интерпретируемых и статистически надёжных измерения качества жизни, для каждого муниципалитета рассчитаны факторные баллы (factor scores) методом регрессии (Anderson–Rubin), используемые далее как метрики в типологизации.

Типология муниципальных округов Тамбовской области проведена на основе иерархического кластерного анализа методом Уорда (Ward's linkage) с использованием квадрата евклидова расстояния как меры близости между объектами. В качестве входных переменных использовались стандартизированные показатели (z-scores), характеризующие демографическую ситуацию и качество жизни. Оптимальное число кластеров определялось по критерию индекса Девиса-Болдина (Davies-Bouldin Index) DBI=0,78, что свидетельствует о качественной кластеризации и коэффициенту силуэта (Silhouette Coefficient) SC=0,52, что соответствует умеренно хорошей структуре кластеров. Кластеризация осуществлена на матрице попарных расстояний между 30 муниципальными образованиями. Для проверки устойчивости результата дополнительно использована k-средних (k-means) с начальными центроидами из процедуры Уорда. Валидация полученной структуры проведена с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с последующим пост-хок тестированием Тьюки (Tukey HSD) для парных сравнений кластеров. Уровень статистической значимости принят при $p < 0,05$. Гомогенность дисперсий контролировалась критерием Левина (Levene's test), которая показала, что межгрупповое суммарное объясненное квадратичное отклонение составляет 86,46 из общей дисперсии 180,00 (47,9% объясненной дисперсии), что статистически значимо ($F = 16,44$; $p < 0,001$) для всех включённых переменных.

Для выявления детерминант рождаемости на уровне муниципальных округов Тамбовской области построена множественная линейная регрессионная модель. Зависимой переменной выступает общий коэффициент рождаемости на 1000 человек населения (ОКР), который зависит от возрастной структуры населения. Для контроля этой зависимости в модель включена независимая переменная – доля населения моложе трудоспособного возраста (0–14 лет), что позволяет частично нейтрализовать структурный эффект и выявить поведенческие детерминанты рождаемости. Данный показатель отражает структурный демографический потенциал, так как отражает накопленный эффект рождений предыдущих периодов и определяет когорты потенциальных

менты матрицы обнулены $w_{ii}=0$. Для оценки статистической значимости использовано стандартное нормальное приближение. Локальный индекс пространственной ассоциации (LISA) рассчитывался для каждого муниципалитета. Территории с $p < 0,05$ классифицировались по четырём типам пространственных ассоциаций: HH (высокие значения среди высоких соседей), LL (низкие среди низких), HL (высокие среди низких – «холодные» выбросы) и LH (низкие среди высоких – «горячие» выбросы).

Для каждого муниципалитета рассчитано эмпирическое двустороннее p -значение как доля перестановок, при которых абсолютное значение локального индекса Морана превышает или равно наблюдаемому. Результаты расчёта глобального индекса Морана указывают на слабую положительную пространственную автокорреляцию: $I = 0,1532$, $E[I] = -0,0333$. Хотя значение индекса превышает его теоретическое ожидание при случайном распределении, величина I близка к нулю, что свидетельствует об отсутствии выраженной

пространственной кластеризации рождаемости на уровне всего региона.

Результаты исследования и их обсуждение

Демографические трансформации играют ключевую роль в пространственном развитии региона, затрагивая экономические, социальные и экологические аспекты. С одной стороны, изменения в численности населения, его структуре и распределении влияют на потребление ресурсов, рынок труда и уровень жизненного комфорта. С другой стороны, эти трансформации формируют новые запросы на инфраструктуру, жильё и социальные услуги. Численность населения Тамбовской области за период существования области в современных границах уменьшилось с 1549 до 951,5 тыс. человек (рисунок 1). По прогнозам Росстата численность населения Тамбовской области в 2030 году составит 883,5 тыс. человек, а в 2045 году 734,8 тыс. человек, то есть в предстоящие 20 лет численность сократится ещё на 230 тысяч человек.

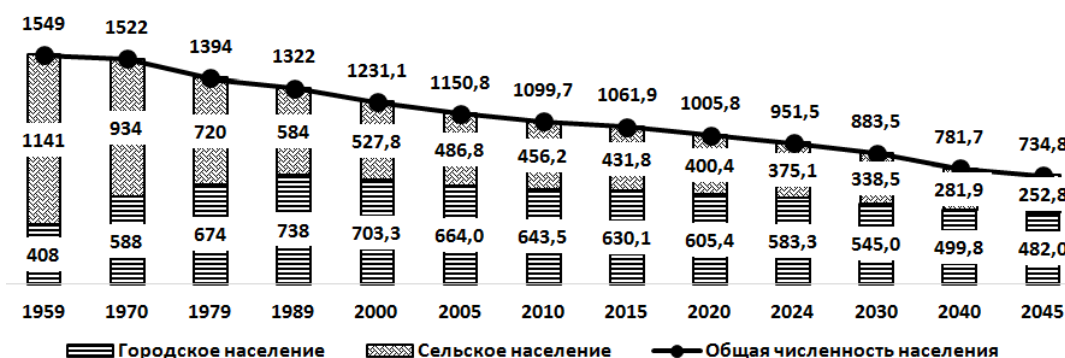

Рисунок 1. Динамика численности населения Тамбовской области за 1959–2024 годы и прогноз Росстата с 2030 по 2045 годы (тыс. чел.)

Figure 1. Population Dynamics of the Tambov Region from 1959 to 2024 and Rosstat Forecast from 2030 to 2045 (Thousand People)

Источник: составлено автором по данным Росстата.²

Социально-экономические преобразования в российском обществе нашли свое отражение в демографических процессах Тамбовской области. Регион переживает процесс постепенного сокращения населения, обусловленный комплексом факторов, включая снижение показателей рождаемости при одновременном увеличении смертности (рисунок 2). Существующие показатели рождаемости в области не обеспечивают даже базового воспроизводства населения. На формиро-

вание репродуктивных установок и фактическое рождение детей влияют: возрастная структура женского населения репродуктивного возраста (15-49 лет), состояние репродуктивного здоровья женщин, степень удовлетворённости семейным бюджетом и качеством жизни в целом. Результаты опроса показали, что у половины опрошенных в возрасте от 25 до 30 лет и 20% опрошенных в возрасте от 30 до 35 лет нет детей, а 15% респондентов заявили, что не хотят иметь детей.

Социальные ценности и семейные установки населения формируют институциональный контекст, в котором реализуются репродуктивные решения. Анализ семейных установок, разводимости и внебрачной рождаемости позволяет

² Переписи населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 01.11.2025); Демографический ежегодник России // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 01.11.2025); Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.11.2025).

обосновать включение в регрессионную модель общего коэффициента брачности как ключевого институционального предиктора. Высокая доля внебрачных рождений (20% в области, 25% в сельской местности) и хрупкость браков (семь из десяти распадаются) свидетельствуют о трансформации каналов реализации репродуктивного поведения. Однако статистический анализ подтверждает, что зарегистрированный брак остаётся доминирующим институтом для рождения детей: коэффициент брачности де-

монстрирует высокую статистическую значимость ($\beta = 0,557$; $p < 0,001$) и второй по величине стандартизованный коэффициент после возрастной структуры. Таким образом, описательные данные о семейных трансформациях служат контекстуальной базой для интерпретации силы институционального фактора в модели: несмотря на распространение неформальных союзов, брак сохраняет свою роль структурного детерминанта рождаемости на муниципальном уровне.

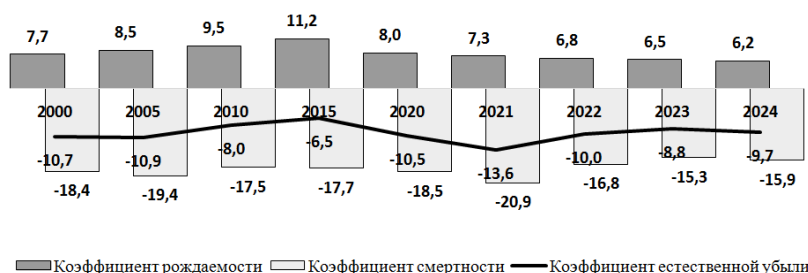

Рисунок 2. Динамика коэффициентов естественного прироста населения Тамбовской области за 2000–2024 годы (‰)

Figure 2. Dynamics of the Natural Population Growth Rate in the Tambov Region for 2000–2024 (‰)

Источник: составлено автором по данным Тамбовстата, Росстата.³

Возрастная пирамида показывает, что население Тамбовской области до 35 лет стремительно сокращается, причём часть из них прописана по месту жительства, но находится за пределами области на учёбе или работе. Доля

детей в возрасте до 15 лет составляет около 15% от общей численности, узкое основание пирамиды указывает на низкую рождаемость, характерную для центральных регионов России (рисунок 3).

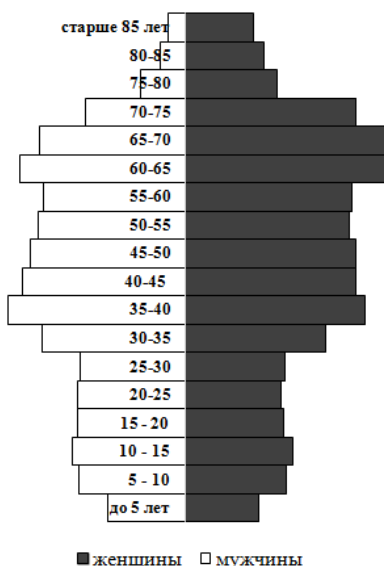

Рисунок 3. Возрастная пирамида населения Тамбовской области за 2023 год (тыс. чел.)

Figure 3. Population Age Pyramid of the Tambov Region for 2023 (Thousand People)

Источник: составлено автором по данным Тамбовстата.⁴

³ Тамбовская область в цифрах // Тамбовстат: [сайт]. URL: <https://68.rosstat.gov.ru/folder/227817> (дата обращения: 01.11.2025); Социально-экономическое положение Тамбовской области за январь 2025 года // Росстат: [сайт]. URL: https://68.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/kdm01_2025.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ Численность и состав постоянного населения по полу и возрасту Тамбовской области за 2023 год. // Тамбовстат: [сайт]. URL: <https://68.rosstat.gov.ru/folder/227817> (дата обращения: 01.11.2025).

Для Тамбовской области характерно наличие нескольких демографических волн. Первая связана с наличием пика в группе от 60–70 лет – это послевоенные дети, они в свою очередь способствовали повышенной рождаемости 1980-х, к сожалению, в дальнейшем мы видим провалы рождаемости (25–30 лет) в следствии кризиса 90-х годов, который в свою очередь даёт повторные провалы особенно в последние годы (группа до 5 лет).

Тамбовская область сталкивается с серьёзными демографическими вызовами, исследование проблем качества жизни населения помогает выявить факторы, способствующие улучшению благосостояния населения, что, в свою очередь, может положительно сказаться на демографических показателях, таких как уровень рождаемости и продолжительность жизни и миграционных процессов в регионе. На рисунке 4 представлена тепловая карта распределения муниципальных территорий Тамбовской области по оценке качества жизни и демографических индикаторов, полученная на основе кластерного анализа методом Варда.

Важной характеристикой качества жизни является удовлетворённость населением места своего проживания и перспектив его развития (f_1). Наиболее высоко данный фактор оценили жители г. Тамбова, г. Уварово и Ржаксинского, Знаменского и Кирсановского МО, а наиболее низкие оценки дали жители г. Мичуринска, г. Моршанска, Инжавинского и Никифоровского МО. Место проживания нравится и стало лучше за последние три года считают 45%, а не нравится 20% опрошенных, также они считают, что в будущем их место проживания станет лучше. При этом хотят, чтобы через 20 лет дети остались жить в этом же населённом пункте только 29% респондентов. Готовы порекомендовать свой населённый пункт кому-либо для проживания 60% опрошенных. Население сельских муниципалитетов в среднем более удовлетворены жизнью в своих населённых пунктах, текущей работой, экологией и чувствуют себя более защищёнными на улицах населённого пункта, поэтому чаще готовы рекомендовать его другим людям для проживания.

Демографически-стабильные территории	Города: Тамбов, Котовск, Кирсанов, Мичуринск, Моршанск, Рассказово
Демографически стареющие территории с потенциалом для развития	МО: Знаменский, Мичуринский, Никифоровский, Первомайский, Рассказовский, Тамбовский, Сампурский
Территории контрастов	МО: Бондарский, Петровский, Мордовский, Инжавинский, Мучкапский
Демографически депрессивные территории	МО: Моршанский, Сосновский, Пичаевский, Гавриловский, Уметский, Ржаксинский, Токаревский, Жердевский Уваровский

Рисунок 4. Типология муниципальных округов Тамбовской области
Figure 4. Typology of Municipal Formations in the Tambov Region

Источник: расчёты автора на основе данных Тамбовстата⁵ и данных авторского социологического опроса о качестве жизни населения муниципальных округов Тамбовской области.

Качество дорожной инфраструктуры в селе оцениваются чуть выше, но всё равно низко. Городские жители более оптимистичны в долгосрочной перспективе, они верят, что в будущем их населённый пункт будет процветать. Однако достаточно низкими оценками (ниже 3 баллов) оказались долгосрочные перспективы прожива-

ния детей в муниципалитетах через 20 лет, в данном случае прослеживается связь с возможными перспективами достойного трудоустройства это – худший показатель. Наиболее лояльно оценили качество места проживания и перспективы его развития жители

Города и районы с развитой инфраструктурой для отдыха привлекают большее количество людей (f_2). Молодёжь и семьи с детьми чаще выбирают места с парками, детскими площадками и раз-

⁵ Тамбовская область в цифрах // Тамбовстат: [сайт]. URL: <https://68.rosstat.gov.ru/folder/227817> (дата обращения: 01.11.2025).

влекательными центрами для жизни. В целом по Тамбовской области довольны инфраструктурой для отдыха более 40% населения (средний балл 3,2). Доступ к паркам и спортивным сооружениям способствует физической активности населения и улучшению общего здоровья населения – 47% опрошенных довольны наличием мест для занятий спортом (средний балл 3,3 балла). Более 55% населения довольны наличием предприятий торговли и ассортимента товаров в них. Удовлетворённость предприятиями общественного питания достаточно высокая в городах, но в муниципальных округах не превышает 30%.

Однако городская инфраструктура оценивается жителями выше по всем параметрам. Наибольший разрыв образовался в наличии мест для проведения досуга и наличием объектов общественного питания. Жители Инжавинского и Мучкапского МО особенно недовольны отсутствием кафе, кинотеатров и спортивных объектов. Доступность объектов для покупки продуктов питания, их разнообразие и качество устраивает большинство жителей Тамбовской области (средний балл 4). В то же время объекты для покупки непродовольственных товаров, их разнообразие и качество жители городов оценили на 3,68 балла, а в сельской местности только 3,26 балла. При этом горожане активнее используют онлайн-покупки. Инфраструктура общественного транспорта и качественные дороги обеспечивают населению доступ к работе, образовательным учреждениям, медицинским услугам и развлекательным заведениям. Результаты опроса показали, что 35% респондентов не довольны состоянием дорог и расписанием общественного транспорта.

Улучшение условий жизни, доступ к качественным медицинским услугам и здоровому обра-

зу жизни могут снизить уровень заболеваемости и смертности, что является важным аспектом в демографических исследованиях (f_3). Городское население выше оценило качество оказания медицинских услуг, за исключением Мичуринска, недовольны качеством жители пригородных территорий. Среди опрошиваемых 17% респондентов обращались за скорой медицинской помощью, 39,4% за амбулаторной и 15% за стационарной. Выявленные результаты показывают, что скорая и стационарная медицинская помощь оцениваются населением выше (3,31 балла), амбулаторная (3,07) данный разрыв указывает на системные дисфункции первичного звена. Среди причин низкого качества 82% опрошенных указали на отсутствие отдельных или многих профильных специалистов. Также среди причин неудовлетворённости регистрации к врачу 40% отмечают долгий период ожидания медицинской помощи от профильных специалистов, почти четверть опрошенных не смогла дозвониться по многоканальному телефону, а в портале государственных услуг невозможно выбрать профильного специалиста. Данная проблема приводит к необходимости обращения за платной помощью к профильным специалистам, о чём подтвердили 17% опрошенных ещё 25% отметили, что часть услуг пришлось оплатить.

Проведённое исследование выявило возрастные различия в оценке качества жизни населения (таблица 2). В исследовании принимали участие 1046 человек в возрасте до 30 лет, 694 человека в возрасте от 30 до 45 лет и 917 человек старше 45 лет, при этом 87,5% молодых респондентов до 30 лет не состоят в браке, более взрослые респонденты в основном состоят в браке.

Таблица 2

Оценка факторных показателей населением разных возрастов

Table 2

Assessment of Factor Indicators by Different Age Groups

Возрастная группа	Тип респондентов	Численность респондентов (человек)	Удельный вес (%)	Количество баллов			Итого баллов
				f1	f2	f3	
До 18 лет	Оптимисты-мигранты	217	39,4	3,4	3,7	3,3	3,4
18–25 лет		734		3,3	3,8	3,4	
25–30 лет		95		3,1	3,4	3,2	
30–35 лет	Стабилизаторы	188	26,1	3,1	3,3	3,2	
35–40 лет		252		3,0	3,3	3,1	3,2
40–45 лет		254		3,0	3,3	3,0	
45–50 лет	Локалисты	242	34,5	3,1	3,2	3,2	3,1
старше 50 лет		675		3,1	3,1	3,3	
Всего		2657	100,0	3,2	3,4	3,2	3,3

Источник: рассчитано автором на основе авторского социологического опроса о качестве жизни населения по муниципальным округам Тамбовской области и результатов факторного анализа с применением метода главных компонент.

Условные обозначения: фактор (f_1) «Оценка места проживания и перспектив его развития»; фактор (f_2) «Оценка инфраструктуры и среды для жизни»; фактор (f_3) «Оценка удовлетворённости медицинскими услугами».

Молодое поколение – «оптимисты-мигранты» оценивает своё место проживания в среднем на 3,57 баллов из 5, при этом 74% из них критически оценивают инфраструктуру досуга, 68% отмечают недостаток карьерных возможностей, в результате 32% активно рассматривают возможность миграции.

Среднее поколение – «стабилизаторы» ниже оценивают удовлетворённость жизнью (3,2 балла), следует отметить, что пик их профессиональной активности совпадает с минимальной оценкой удовлетворённости местом работы и наличием перспективных мест для работы (2,4 балла). Респонденты данной возрастной группы (85%) отмечают, что они сосредоточены на решении жилищных проблем и воспитании детей. По сравнению с молодым поколением в данной группе отмечается резкое падение предпринимательской активности (с 15,5% до 6,9%).

Старшее поколение – «локалисты» демонстрируют «эффект адаптации» к условиям проживания (3,32 балла), большая часть из них решили жилищные проблемы (удовлетворённость 3,7 балла), желание мигрировать отмечает 17% опрошенных в данной группе. Таким образом, полученные результаты указывают на то, что молодёжь более активна и критична, но менее уверена в перспективах развития места проживания, тогда как старшие группы более оптимистичны, но менее вовлечены в общественные процессы.

Результаты опроса показали, что среди молодёжи до 30 лет в ближайшем будущем планируют рождение детей 26% респондентов, в группе 30–45 лет только 5,6% рассматривают такую возможность, не планируют рождение детей в фертильном возрасте 4,8% опрошенных. Основной причиной возникновения «эффекта отложенной жизни», является фактор низкого уровня доходов населения 15,2%, следующим фактором является необходимость карьерного роста 8,1% и отсутствие собственного жилья 7,8% респондентов. Необходимость поддержания рождаемости с помощью выплаты материнского капитала подтвердили 11,8% опрошенных ещё 35,6% считают, что его размер недостаточен, а 52,6% респондентов не считают данную меру эффективным стимулом деторождения. Большинство опрошенных считают, что для стимулирования рождения детей необходимы меры социальной поддержки на время отпуска ухода по ребёнку более 50000 рублей в месяц, при этом средний ожидаемый уровень поддержки: 45000–47000 рублей.

Для выявления детерминант рождаемости на уровне муниципальных округов Тамбовской области построена множественная линейная регрессионная модель.

$$\hat{y} = -1,186x_10^{-10} + 0,558x_1 + 0,557x_2 - 0,218x_3 + \varepsilon \quad (1)$$

$\hat{y}$ – общий коэффициент рождаемости по муниципальным округам Тамбовской области

x_1 – доля населения моложе трудоспособного возраста;

x_2 – общий коэффициент брачности на 1000 человек населения;

x_3 – общая площадь жилых помещений на одного жителя.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наибольший вклад в вариацию рождаемости вносят доля населения моложе трудоспособного возраста ($\beta = 0,558$; $p < 0,001$) и общий коэффициент брачности ($\beta = 0,557$; $p < 0,001$). Высокий уровень значимости переменной «доля моложе трудоспособного возраста» подтверждает необходимость контроля возрастной структуры при анализе ОКР. Содержательно это означает, что территории, уже имеющие высокую долю детей и подростков, обладают накопленным репродуктивным потенциалом, который транслируется в текущие показатели рождаемости («эффект демографической инерции»). Коэффициент брачности ожидаемо демонстрирует прямую связь с рождаемостью, подтверждая тезис о том, что институт брака остаётся ключевым каналом реализации репродуктивных установок.

Переменная «общая площадь жилых помещений на одного жителя» демонстрирует отрицательную связь с рождаемостью ($\beta = -0,218$; $p = 0,028$). Данный результат, на первый взгляд контринтуитивный, объясняется структурными особенностями депрессивных территорий: в районах с высоким оттоком населения и демографическим старением показатель обеспеченности жильём парадоксально возрастает (при сокращении численности населения жилищный фонд не убывает), тогда как рождаемость остаётся низкой. Таким образом, переменная «жильё» в данном контексте выступает косвенным индикатором депопуляционных процессов, а не мерой доступности жилья для молодых семей.

Включение в модель факторных оценок качества жизни (удовлетворённость местом проживания, инфраструктурой, медицинскими услугами) не привело к статистически значимому улучшению объясняющей способности модели ($p > 0,05$ для всех факторных переменных). Это позволяет предположить, что на агрегированном муниципальном уровне субъективные факторы оказывают опосредованное влияние на рождаемость, реализуясь через брачность и миграционные установки, но не являясь прямым предиктором краткосрочных колебаний ОКР. Выявленный эффект согласуется с теоретическими положениями «парадокса Истерлина», согласно которым материальные и структурные факторы доминируют на макроуровне, тогда как субъективное благопо-

лучие выступает модератором, а не прямой причиной демографических изменений.

Для характеристики пространственного распределения муниципальных округов по уровню общего коэффициента рождаемости построена диаграмма рассеяния Морана (рисунок 5). «Горячая точка»: город Тамбов демонстрирует высокий ОКР (8.6) и окружён МО со сравнительно высокими значениями (г. Котовск, Тамбовский, Рассказовский, Никифоровский МО). Его локальный индекс Морана положителен и наибольший по модулю: $I_i = 0,0953$, Z -оценка = 2,24, что может указывать на статистическую значимость ($p < 0,05$ при одностороннем тесте). Это свидетельствует о формировании демографического ядра в административном центре региона с благоприятной социально-экономической средой. Уваровский (ОКР=2,9; $I_i = 0,0459$, $Z = -2,34$) и Ржаксинский (ОКР=3,8; $I_i = 0,007$, $Z = -1,613$) МО формируют

«холодную точку» (LL): низкая рождаемость сосредоточена в кластере с аналогично низкими соседями Мучкапском, Жердевским и Токаревским МО. Это указывает на устойчивую депрессивную демографическую зону в юго-восточной части области, требующую целевых мер демографической политики. В северной части региона Моршанский, Сосновский и Пичаевский МО также образуют группу демографически депрессивных территорий, из которых молодёжь уезжает, остаются пенсионеры, и рождаемость падает по всей группе сразу. Таким образом, несмотря на отсутствие глобальной пространственной зависимости, в Тамбовской области существуют локальные кластеры различной направленности. Это говорит о неоднородности демографических процессов и подчёркивает необходимость дифференцированного подхода к разработке региональной политики в сфере семьи и детства.

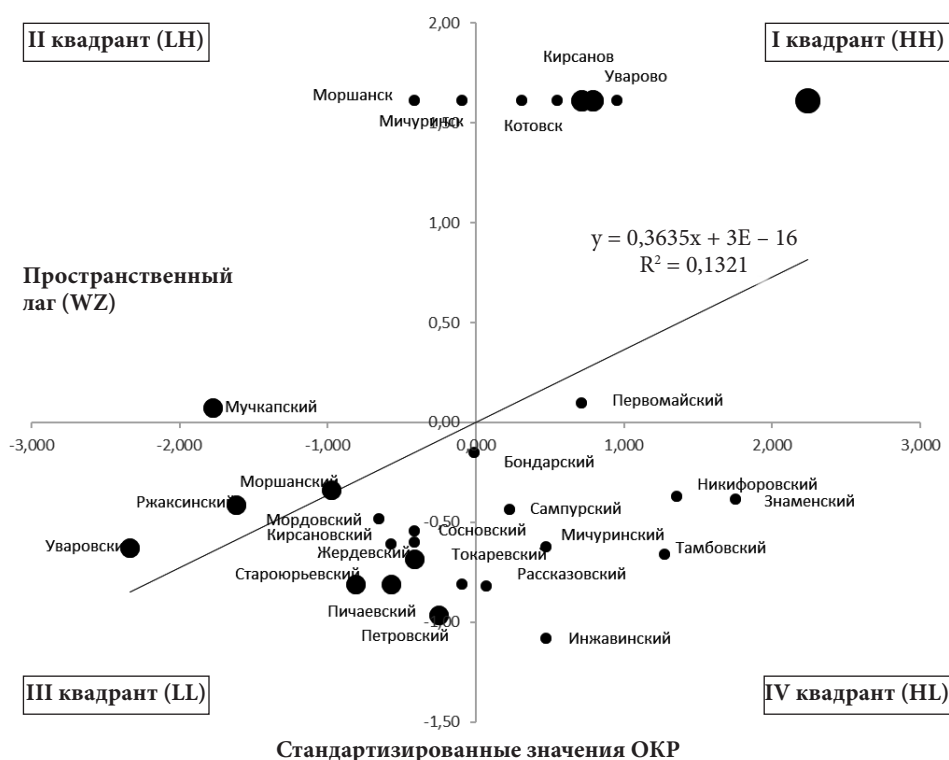

Рисунок 5. Диаграмма рассеяния Морана общего коэффициента рождаемости по Тамбовской области
 Figure 5. Moran Scatter Plot of the General Fertility Rate in the Tambov Region

Источник: расчёты автора на основе данных Тамбовстата.⁶

Демографическая политика должна учитывать территориальную неоднородность: стимулирование рождаемости в депрессивных юго-восточных районах и поддержание благоприятных условий в центральном агломерационном ядре.

⁶ Тамбовская область в цифрах // Тамбовстат: [сайт]. URL: <https://68.rosstat.gov.ru/folder/227817> (дата обращения: 01.11.2025).

Наличие HH-кластера вокруг областного центра может быть связано с лучшей доступностью медицинских услуг, миграционным притоком молодёжи и развитой инфраструктурой. В то же время LL-кластер на юго-востоке области отражает процессы депопуляции, старения населения и оттока трудоспособного населения.

Дифференциация территорий по четырем типам требует смены парадигмы региональной демографической политики: от универсальных мер – к «точечным» и контекстно-обусловленным стратегиям. Для депрессивных территорий (LL-кластеры) первоочерёдными становятся комплексные программы создания мини-кластеров экономической активности, развития удалённой занятости и цифровой инфраструктуры, параллельно с мерами по восстановлению базовой медицинской доступности и повышению доверия к местным властям. Ключевым нематериальным стимулом является формирование уверенности в будущем развитии населённого пункта – фактора, способного компенсировать ограниченность материальных ресурсов. Для демографически стареющих территорий с потенциалом развития необходим акцент на качество среды (общественные пространства, досуг, дороги), чтобы конвертировать существующий демографический потенциал и позитивные ожидания в реальную рождаемость и удержание молодёжи. Для демографически стабильных территорий приоритетом является поддержание благоприятных условий через развитие инфраструктуры семейной поддержки и сохранение миграционной привлекательности.

Разработка программ должна быть направлена не только на финансовую поддержку, но и на повышение доверия к местным властям, вовлечение граждан в местное развитие. Поэтому демографическая политика должна учитывать не только материальные меры поддержки, но и восприятие будущего территории: уверенность в развитии населённого пункта может быть нематериальным стимулом к рождению детей.

Гипотеза о комплексном влиянии материальных условий, качества инфраструктуры, благополучия и демографической структуры на репродуктивное поведение нашла эмпирическое подтверждение с уточнением механизмов. Анализ семейных установок и брачных паттернов (высокая разводимость, отложенные браки, рост внебрачной рождаемости) обосновал включение общего коэффициента брачности в регрессионную модель как индикатора институциональной стабильности партнёрства. Полученный коэффициент $\beta = 0,557$ подтверждает, что несмотря на ценностные трансформации, брак остаётся ключевым каналом реализации репродуктивных установок в российском обществе, что согласуется с выводами В.Н. Архангельского и др. [5; 6]. Субъективные факторы качества жизни (удовлетворённость местом проживания, инфраструктурой, медицинскими услугами), выявленные факторным анализом, оказывают опосредованное влияние через брачное поведение и миг-

рационные установки, но не являются прямыми предикторами краткосрочных колебаний общего коэффициента рождаемости на агрегированном уровне. Данный результат подтверждает применимость концепции «демографической инерции» [16] к внутрорегиональному анализу: территории с благоприятной возрастной структурой обладают накопленным репродуктивным потенциалом, который транслируется в текущие показатели рождаемости независимо от краткосрочных колебаний экономических условий. Отрицательная связь между рождаемостью и обеспеченностью жилой площадью на душу населения связана с проблемой депопуляции сельских территорий и соответствует теоретическим положениям о «парадоксе Истерлина» [20].

Факторный анализ выявил три латентных измерения качества жизни, совокупно объясняющие 77,4% дисперсии субъективных оценок: оценка места проживания и перспектив его развития (f_1), удовлетворённость инфраструктурой и средой для жизни (f_2), удовлетворённость медицинскими услугами (f_3). Однако включение факторных оценок в регрессионную модель не привело к статистически значимому улучшению объясняющей способности ($p > 0,05$ для всех факторных переменных). Данный результат не свидетельствует о незначимости благополучия, а указывает на его опосредованный механизм влияния на уровне региона.

Кластерный анализ позволил выделить четыре устойчивых типа территорий: демографически стабильные (города), стареющие с потенциалом развития (пригородные зоны), территории контрастов и демографически депрессивные (юго-восточные и северные районы). Подтверждено наличие локальных пространственных эффектов: вокруг областного центра формируется «горячая точка» (НН-кластер) с относительно повышенной рождаемостью, в то время как на периферии фиксируются «холодные точки» (LL-кластеры) с устойчиво низкими показателями. Установлен «парадокс периферии»: жители сельских территорий демонстрируют более высокую локальную идентичность и удовлетворённость жизнью сегодня, но крайне низко оценивают долгосрочные перспективы для своих детей. Это создаёт эффект «отложенной депопуляции», когда позитивные текущие оценки не конвертируются в репродуктивные решения из-за отсутствия веры в будущее территории.

Заключение

Проведённое исследование демографических трендов и качества жизни населения Тамбовской области выявило критическую необходимость

пересмотра подходов к пространственному развитию территорий и формированию дифференцированной демографической политики. Анализ показал, что современная демографическая ситуация в регионе характеризуется комплексом взаимосвязанных проблем, требующих системного решения. Успех демографической политики будет зависеть от способности региональных властей дифференцировать подходы по типу территории, связывать материальные меры с повышением благополучия, превращать «социальный капитал» (доверие, идентичность, участие) в реальный демографический ресурс. Без этого даже самые щедрые выплаты не остановят депопуляцию в тех районах, где люди не видят будущего для своих детей. Практическая значимость результатов заключается в возможности формирования обоснованных рекомендаций для органов власти различных уровней по разработке эффективных инструментов демографической политики с учётом территориальной специфики и потребностей различных социально-демографических групп населения.

Исследование вносит вклад в развитие концепций второго демографического перехода и пространственной демографии, демонстрируя, что на муниципальном уровне классические экономи-

ческие детерминанты рождаемости опосредуются «контекстуальными параметрами» – коллективным восприятием качества среды и доверием к будущему. Разработанный методический инструментарий, включающий интеграцию объективной статистики, факторных оценок качества жизни и регрессионного моделирования с контролем возрастной структуры, является переносимым и может быть адаптирован для анализа внутрирегиональных различий в других субъектах РФ.

Основным ограничением работы является гендерный дисбаланс выборки (83,2% женщин), что типично для опросов по демографической тематике, однако требует осторожности при экстраполяции выводов на мужские репродуктивные установки. Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом когортных различий в восприятии качества жизни (поколенческий анализ), а также с включением в модель миграционных потоков молодёжи как ключевого звена, замыкающего обратную связь между качеством жизни и демографией. Дальнейшая валидация предложенной типологии на материалах других регионов позволит перейти от описательной модели к предиктивной в управлении пространственным развитием.

Список источников

1. Arbor S., Arbor T., Berg-Cross L. Quality of Life (QoL) Calculations and Interventions across Divergent Societies. In: Mullings J. (ed.) *Well-Being Across the Globe – New Perspectives, Concepts, Correlates and Geography*. Collection of Scientific Papers. London: IntechOpen, 2024. 228 p. ISBN 978-1837685837 <https://doi.org/10.5772/intechopen.113316>
2. Veselova V.N., Valeeva O.V., Korytny L.M. Rating of the Quality of Life of the Population in Russian Regions. *Geography and Natural Resources*. 2020;41(4):316–326. <https://doi.org/10.1134/S1875372821040022> EDN OJRVOP
3. Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П., Архангельский В.Н. Уровень жизни и рождаемость: взаимосвязь двух неравенств на макро- и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. 2022. Том 15. № 3. С. 38–51. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51> EDN XWGTVS
4. Van Wijk D., Billari F.C. Fertility Postponement, Economic Uncertainty, and the Increasing Income Prerequisites of Parenthood. *Population and Development Review*. 2024;50(2):287–322. <https://doi.org/10.1111/padr.12624>
5. Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 3–24. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.1> EDN YEVOGS
6. Arkhangelskiy V.N., Sivoplyasova S.Yu., Moiseeva E.M. Exploring Fertility Dynamics and Factors Shaping Russia's Demographic Prospects. *Change of Societies and Personalities*. 2024;8(2):291–312. <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.275>
7. Ларионов А.В. Факторы целевого репродуктивного поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4(211). С. 198–208. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-198-208> EDN CCRTXR
8. Counted V., Cowden R., Lomas T. Exploring the Complex Nature of the Rural-Urban Binary: Global Diversity in Experiences of Place and Well-Being Using the Gallup World Poll. *SSRN*. 2023:August 09. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4535638>
9. Безвербный В.А. Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 197–211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 EDN EGMDAU
10. Рыбаковский Л.Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 327–337. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 EDN EIOOWG
11. Shchur A., Shkolnikov V.M., Timonin S., et al. Where Do People Live Longer in Russia in the 21st Century? Life Expectancy Across Urban and Rural Areas. *Population and Development Review*. 2021;47(4):1049–1074. <https://doi.org/10.1111/padr.12437> EDN XTORRV

12. Blinova T., Bylina S., Rusanovskiy V. Interregional Differences of Life Expectancy in Rural Russia: Assessment of Socio-Economic, Demographic, Behavioural and Ecological Factors. *Geospatial Health*. 2021;16(1):876. <https://doi.org/10.4081/gh.2021.876> EDN EKQLCV
13. Sakevich V.D., Denisov B.P. Center-Peripheral Differences in Life Expectancy in Russia: a Regional Analysis. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2020;7(5):63-83. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i5.13198>
14. Авдеев Ю.А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 12–27. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_1_12_27 EDN МСҮКХТ
15. Агеев А.И., Золотарева О.А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. Том 30. № 2. С. 53–71. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN UCЕХВВ
16. Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Структурные демографические волны регионов России: предварительный анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 425–438. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.1> EDN XQZEPQ
17. Чернышев К.А. Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 212–222. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222 EDN DWABLU
18. Doecke M., Hannusch A., Kindermann F., et al. The Economics of Fertility: a New Era. In: Lundberg S., Voena A. (eds.) *Handbook of the Economics of the Family*. Volume 1. Issue 1. Amsterdam: North-Holland; 2023. P. 151–254. ISBN 9-78032-389-965-9 <https://doi.org/10.1016/bs.hefam.2023.01.003>
19. Сивоплясова С.Ю., Сigareва Е.П. Рождение детей как фактор регресса социально-экономического положения семьи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Том 8. № 2. С. 85–96. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-7> EDN MOFUVY
20. Stelzner M. Growth, Consumption and Happiness: Modeling the Easterlin Paradox. *Journal of Happiness Studies*. 2022;23:377-389. <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00486-6>
21. Meng Z. Correlation Analysis Between National Fertility Rate and Socioeconomic Development: A Study Based on Birth Rates in China. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 2024;(79):210-217. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/79/20241820>
22. Wu Y. An Analysis of the Influencing Factors of the Birth Rate in the USA. *Highlights in Science, Engineering and Technology*. 2024;(88):1138-1143. <https://doi.org/10.54097/d3qtc753>
23. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Tursun-Zade R., et al. Patterns in the Relationship Between Life Expectancy and Gross Domestic Product in Russia in 2005–15: a Cross-Sectional Analysis. *The Lancet Public Health*. 2019;4(4):e181–e188. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(19\)30036-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30036-2)
24. Bezverbny V., Rostovskaya T., Sitkovsky A., et al. The Impact of Population Density on the Socio-Economic Development of Russian Regions: From Correlation Portraits to the Cluster-Differentiated Density Governance. *Frontiers in Political Science*. 2025;7:1715504. <https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1715504>

Информация об авторе:

Елена Юрьевна Меркулова – доктор экономических наук, профессор, директор центра пространственного развития территорий и качества жизни населения, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (SPIN-код: 8509-2211) (ResearcherID AAP-3278-2021) (Scopus Author ID: 57195720953)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Arbor S., Arbor T., Berg-Cross L. Quality of Life (QoL) Calculations and Interventions across Divergent Societies. In: Mullings J. (ed.) *Well-Being Across the Globe – New Perspectives, Concepts, Correlates and Geography*. Collection of Scientific Papers. London: IntechOpen; 2024. 228 p. ISBN 978-1837685837 <https://doi.org/10.5772/intechopen.113316>
2. Veselova V.N., Valeeva O.V., Korytny L.M. Rating of the Quality of Life of the Population in Russian Regions. *Geography and Natural Resources*. 2020;41(4):316–326. <https://doi.org/10.1134/S1875372821040022>
3. Sivoplyasova S.Yu., Sigareva E.P., Arkhangelskiy V.N. Standard of Living and Fertility: the Relationship of Two Inequalities at the Macro and Micro levels. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economy. Taxes. Law*. 2022;15(3):38–51. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51> (In Russ.)
4. Van Wijk D., Billari F.C. Fertility Postponement, Economic Uncertainty, And The Increasing Income Prerequisites Of Parenthood. *Population and Development Review*. 2024;50(2):287–322. <https://doi.org/10.1111/padr.12624>
5. Arkhangelskiy V.N., Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N. Influence of the Standard of Living on the Reproductive Behavior of Russians: Gender Aspect. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve=Woman in Russian Society*. 2021;(S):3-24. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.1> (In Russ.)
6. Arkhangelskiy V.N., Sivoplyasova S.Yu., Moiseeva E.M. Exploring Fertility Dynamics and Factors Shaping Russia's Demographic Prospects. *Change of Societies and Personalities*. 2024;8(2):291-312. <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.275>

7. Larionov A.V. Factors of Target Reproductive Behavior in the Russian Population. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2025;(4(211)):198-208. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-198-208> (In Russ.)
8. Counted V., Cowden R., Lomas T. Exploring the Complex Nature of the Rural-Urban Binary: Global Diversity in Experiences of Place and Well-Being Using the Gallup World Poll. SSRN. 2023:August 09. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4535638>
9. Bezverbnyi V.A. Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):197-211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 (In Russ.)
10. Rybakovskiy L.L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):327-337. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 (In Russ.)
11. Shchur A., Shkolnikov V.M., Timonin S., et al. Where Do People Live Longer in Russia in the 21st Century? Life Expectancy Across Urban and Rural Areas. *Population and Development Review*. 2021;47(4):1049-1074. <https://doi.org/10.1111/padr.12437>
12. Blinova T., Bylina S., Rusanovskiy V. . Interregional Differences of Life Expectancy in Rural Russia: Assessment of Socio-Economic, Demographic, Behavioural and Ecological Factors. *Geospatial Health*. 2021;16(1):876. <https://doi.org/10.4081/gh.2021.876>
13. Sakevich V.D., Denisov B.P. Center-Peripheral Differences in Life Expectancy in Russia: a Regional Analysis. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2020;7(5):63-83. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i5.13198>
14. Avdeev Yu.A. What Demographic Policy Does Russia Need. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):12-27. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_1_12_27 (In Russ.)
15. Ageev A.I., Zolotareva O.A. Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation. *Voprosy statistiki=Issues of Statistics*. 2023;30(2):53-71. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> (In Russ.)
16. Rybakovskiy O.L., Fadeeva T.A. Structural Demographic Waves of Russian Regions: Preliminary Analysis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):425-438. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.1> (In Russ.)
17. Chernyshev K.A. Demographic Development of Russia's Regions: Progress towards Achieving National Goals. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):212-222. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222 (In Russ.)
18. Doepke M., Hannusch A., Kindermann F., et al. The Economics of Fertility: a New Era. In: Lundberg S., Voena A. (eds.) *Handbook of the Economics of the Family*. Volume 1. Issue 1. Amsterdam: North-Holland; 2023. P. 151-254. ISBN 9-78032-389-965-9 <https://doi.org/10.1016/bs.hefam.2023.01.003>
19. Sivoplyasova S.Yu., Sigareva E.P. Birth of Children as a Factor of Regressing of Socio-Economic Status of the Family. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie=Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(2):85-96. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-7> (In Russ.)
20. Stelzner M. . Growth, Consumption, and Happiness: Modeling the Easterlin Paradox. *Journal of Happiness Studies*. 2022;23:377-389. <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00486-6>
21. Meng Z. Correlation Analysis Between National Fertility Rate and Socioeconomic Development: A Study Based on Birth Rates in China. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 2024;(79):210-217. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/79/20241820>
22. Wu Y. An Analysis of the Influencing Factors of the Birth Rate in the USA. *Highlights in Science, Engineering and Technology*. 2024;(88):1138-1143. <https://doi.org/10.54097/d3qtc753>
23. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Tursun-Zade R., et al. Patterns in the Relationship Between Life Expectancy and Gross Domestic Product in Russia in 2005-15: a Cross-Sectional Analysis. *The Lancet Public Health*. 2019;4(4):e181-e188. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(19\)30036-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30036-2)
24. Bezverbnyi V., Rostovskaya T., Sitkovskiy A., et al. The Impact of Population Density on the Socio-Economic Development of Russian Regions: From Correlation Portraits to the Cluster-Differentiated Density Governance. *Frontiers in Political Science*. 2025;7:1715504. <https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1715504>

Information about the author:

Elena Yu. Merkulova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Center for Spatial Development of Territories and Quality of Life of the Population, Derzhavin Tambov State University (SPIN-code: 8509-2211) (ResearcherID: AAP-3278-2021) (Scopus Author ID: 57195720953)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 15.06.2026.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Оригинальная статья

УДК 330.101; 331; 316

JEL E2, I3, J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_10_319_329

EDN CLDFNM

Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения

Вячеслав Николаевич Бобков

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Аннотация

Целью представленного исследования является уточнение и развитие авторской теоретико-методологической рамки изучения качества жизни (КЖ) и уровня жизни (УЖ) и выявление наиболее острых проблем в этой области, которые потребуют дальнейших исследований и практических решений, сквозь призму вопросов, рассмотренных на научном семинаре «Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения», состоявшемся в 2026 году на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК–2026). Теоретико-методологической основой исследования являются научные разработки, выполненные коллективом исследователей под руководством автора данной публикации во Всероссийском центре уровня жизни, Институте социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и в настоящее время проводимые в Институте экономики РАН. В качестве исходных данных (информационной основы) исследования автор использовал доклады, сделанные на научном семинаре СПЭК–2026, а также публикации, на которые ссылались докладчики, а также автор данной публикации. Основными результатами исследования являются уточнённые и развитые параметры авторской рамки изучения содержания и взаимосвязей КЖ и УЖ, и их место в системе воспроизводства жизнедеятельности, расставленные акценты в приоритизации производственных отношений и совокупности социальных отношений и форм общественного сознания, а также выявленные наиболее острые проблемы в качестве и уровне жизни в нашей стране: преобладающее суженное и простое воспроизводство УЖ; высокое экономическое неравенство среди массовых социальных групп, неблагоприятная его конфигурация, выражающаяся в значительной концентрации ресурсов в верхних социальных группах; проблемы в социальной сфере, обусловленные недооценкой роли культуры, гуманитарной и социально-экономической науки, а также образования; концентрация демографических и семейных проблем. Дальнейшие исследования будут направлены на более широкое обобщение теоретико-методологических и практических вопросов качества и уровня жизни, освещённых в профильных российских и зарубежных журналах.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, качество общества, качество трудовой жизни, качество социальных институтов, безопасность жизнедеятельности, качество взаимодействия с окружающей средой, удовлетворённость качеством жизни

Для цитирования: Бобков В.Н. Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 319–329. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_10_319_329 EDN CLDFNM

RAR (Research Article Report)

JEL E2, I3, J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_10_319_329

The Quality and Standard of Living of the Population in Modern Russia: Realities, Trends, and Solutions

Vyacheslav N. Bobkov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Abstract

The purpose of this study is to refine and develop the author's theoretical and methodological framework for studying quality of life and standard of living and to identify the most pressing issues in this area that require further research and practical solutions, based on those discussed at the scientific seminar «Quality and Standard of Living in Modern Russia: Realities, Trends, Solutions», held in 2026 at the St. Petersburg Economic Congress (SPEK-2026). The theoretical and methodological basis of the study is based on research conducted by a team of researchers led by the author of this publication at the All-Russian Center for Standard of Living, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences and currently underway at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The author used reports presented at the SPEK-2026 scientific seminar, as well as publications referenced by the speakers, as well as the author of this publication, as the initial data (information base) for the study. The main results of the study are the clarified and developed parameters of the author's framework for studying the content and interrelations of the categories of quality of life and standard of life, and their place in the system of reproduction of life activity, the principal findings of the study include a re-emphasis on the prioritization of production relations alongside the broader system of social relations and forms of social consciousness. The study also identifies the most acute problems affecting the quality and standard of living in contemporary Russia: the predominance of narrowed and simple reproduction of living standards; high economic inequality in the distribution of living standards among broad social groups and its unfavorable configuration, reflected in the significant concentration of resources within upper social strata; problems in the social sphere caused by worldview limitations and the underestimation of the role of culture, the humanities,

© Бобков В.Н., 2026

socio-economic science, and education; the persistence and concentration of demographic and family-related problems. Further research will focus on a broader generalization of the theoretical, methodological, and practical issues related to the study of quality and standard of living as reflected in leading Russian and international academic journals.

Keywords: quality of life, standard of living, quality of society, quality of working life, quality of social institutions, life safety, quality of interaction with the environment, satisfaction with quality of life

For citation: Bobkov V.N. The Quality and Standard of Living of the Population in Modern Russia: Realities, Trends and Solution. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):319–329. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_10_319_329 (In Russ.)

Введение

Толчком к проведению данного исследования явились два научных события, посвящённые изучению качества жизни (КЖ) и уровня жизни (УЖ). 28 и 29 октября 2025 г. в Институте экономики Российской академии наук (ИЭ РАН) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвящённая памяти Е.И. Капустина, на тему «Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения». Евгений Иванович Капустин (24.10.1921–09.12.2005) в 1971–1986 гг. возглавлял Институт экономики АН СССР, а с 1986 г. работал в институте в качестве главного научного сотрудника. Конференция объединила для обсуждения актуальных вопросов специалистов из Института экономики РАН и других академических институтов, научно-исследовательских и образовательных организаций гг. Москвы, Донецка, Томска, Уфы (Российская Федерация), а также Минска (Республика Беларусь) и Андижана (Республика Узбекистан). Программная часть конференции включала шесть тематических сессий, на которых было заслушано 20 докладов, прокомментированных в [1]. Видео-запись конференции была размещена на ресурсе Rutube¹ и позволяет заинтересованному исследователю проанализировать полные тексты всех докладов и дискуссий.

26 марта 2026 г. в рамках работы Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2026) состоялось инициированное ИЭ РАН заседание научного семинара «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации». На семинаре были заслушаны и обсуждены 13 докладов, которые представили учёные из Вологды, Донецка, Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы и Челябинска [2]. Значительное внимание

докладчиками, как и следовало ожидать, было уделено экономической сфере российского общества (В.Н. Бобков, М.В. Борисенко, О.Н. Калачикова, С.В. Мареева, Е.В. Одинцова, А.А. Разумов, В.И. Рязанцев, Ю.А. Шерстобитова). К вопросам социальных отношений и форм общественного сознания (духовной, культурной и др. сферами жизни) было привлечено меньше внимания: доклады (О.Н. Калачиковой и В.Ю. Музычук).

Практически все докладчики рассматривали вопросы качества общества, раскрывая те или иные сферы его жизнедеятельности: 1) здоровья и здравоохранения (О.Н. Калачикова, О.А. Кислицина, Д.А. Плетнев); 2) демографическую (А.А. Разумов); 3) семейно-личностную (М.В. Борисенко, Е.В. Одинцова, А.А. Разумов); 4) социально-психологическую (О.Н. Калачикова); 5) гражданско-общественную (О.Н. Калачикова); 6) интеллектуально-образовательную (М.В. Борисенко, М.П. Декина и И.И. Елисеева, З.М. Ишназарова, О.Н. Калачикова, О.А. Кислицина, Д.А. Плетнев); 7) профессионально-трудоую (М.В. Борисенко, О.Н. Калачикова); безопасности жизнедеятельности (Д.А. Плетнев); 8) духовно-культурную (О.Н. Калачикова, В.Ю. Музычук); 9) антропо-природную (Д.А. Плетнев); 10) социально-экономическую (В.Н. Бобков, М.В. Борисенко, О.Н. Калачикова, С.В. Мареева, Е.В. Одинцова, А.А. Разумов, В.И. Рязанцев, Ю.А. Шерстобитова).

Центральной тематикой в докладах был анализ качества трудовой жизни (М.В. Борисенко, О.Н. Калачикова, О.А. Кислицина, Д.А. Плетнев, В.И. Рязанцев), а также уровня жизни (уровня и структуры потребления населения: В.Н. Бобков, М.В. Борисенко, С.В. Мареева, Е.В. Одинцова, Д.А. Плетнев, А.А. Разумов, В.И. Рязанцев, Ю.А. Шерстобитова). Субъективному оцениванию качества и уровня жизни было уделено внимание в докладах О.Н. Калачиковой, О.А. Кислициной, С.В. Мареевой, З.М. Ишназаровой. Меньше были освещены вопросы качества социальных институтов (О.А. Кислицина), безопасности жизнедеятельности (Д.А. Плетнев, З.М. Ишназарова) и качества окружающей среды (Д.А. Плетнев).

¹ Конференция памяти Е.И. Капустина [видео-запись] // Rutube. 28 октября 2025 г. URL: <https://rutube.ru/video/a85fb7d15e95a7f98efe473903047ae8/> (дата обращения: 05.05.2025); Конференция памяти Е.И. Капустина [видео-запись] // Rutube. 29 октября 2025 г. URL: <https://rutube.ru/video/91bc275d670a17c24ad302d5d13144e1/> (дата обращения: 05.05.2026).

В целом, в докладах в разной степени нашли отражение все структурные элементы качества и уровня жизни. Проведённый нами анализ позволил следующим образом сгруппировать проблематику докладов.

1. О социально-экономических индикаторах идентификации социальных групп по уровню и качеству жизни, выявлении и характеристике неравенства их распределения и его конфигурации, а также динамических характеристиках (не)устойчивости и (не)стабильности, обусловленных перемещениями домохозяйств из одних социальных групп в другие (В.Н. Бобков, С.В. Мареева, Е.В. Одинцова, Ю.А. Шерстобитова).

2. О преодолении преобладающего в домохозяйствах суженного и простого воспроизводства уровня жизни, в т.ч. балансирования ресурсов и общественно-значимых функций, выполняемых современными семьями с учётом их размеров и состава (О.Н. Калачикова, Е.В. Одинцова, А.А. Разумов, В.И. Рязанцев).

3. О значимости культуры, образования, здоровья и профессиональных характеристик работников, а также использования ИИ в формировании объективных и субъективных характеристик уровня и качества жизни (И.И. Елисеева, М.П. Декина, О.А. Кислицина, В.Ю. Муzychук).

4. О региональных характеристиках качества жизни и разработке их интегральных индексов; приоритетах повышения КЖ и УЖ на основе комплексных экономических и социологических измерений (М.В. Борисенко, З.М. Ишназарова, Д.А. Плетнев).

Наряду с безусловным позитивным результатом состоявшаяся дискуссия выявила целый ряд не решённых теоретико-методологических вопросов и противоречивых рекомендаций для практики.

Всё это побудило автора не только систематизировать сделанные на научном семинаре, состоявшемся в рамках СПЭК (далее – Семинар), доклады, но и проанализировать их дискуссионные аспекты.

Научная проблема, решаемая в данном исследовании, состоит в попытке уточнения и расширения рамки теоретико-методологических основ изучения КЖ и УЖ, выявления ключевых проблем, которые потребуют дальнейшего изучения и практических решений, опираясь на результаты научных разработок возглавляемого автором исследовательского коллектива с учётом дискуссии, состоявшейся на Семинаре.

Актуальность исследования обусловлена нерешённостью в нашей стране многих проблем обеспечения достойных КЖ и УЖ, обусловленных теоретическими не исследованными или дискусси-

онными нишами, а также имеющимися «пробелами» во взаимодействии науки и практики, тесная взаимосвязь между которыми позволяет науке выявлять новые процессы, происходящие в реальности, а практике – опираться в принимаемых решениях на научные разработки. Ограничением представленного исследования является его сосредоточение только на российских практике и научном дискурсе изучения КЖ и УЖ.

Объект исследования – проблематика КЖ и УЖ, рассмотренная в докладах на Семинаре. Предмет исследования – выявление особенностей социально-экономических отношений в нашей стране по поводу формирования и повышения КЖ и УЖ, позволяющих уточнить и развить авторскую рамку их изучения, и ключевых проблем, требующих дальнейшего изучения и практических решений.

Целью представленного исследования является уточнение и развитие сквозь призму сделанных на Семинаре докладов авторской теоретико-методологической рамки изучения КЖ и УЖ и выявление наиболее острых проблем в этой области, которые потребуют дальнейших исследований и практических решений. Поставлены следующие задачи: 1) уточнение и развитие теоретико-методологической рамки изучения КЖ и УЖ; 2) выявление наиболее острых проблем, требующих дальнейших исследований и практических решений сквозь призму уточнённой и приращённой авторской теоретической рамки изучения КЖ и УЖ.

Гипотезы исследования состоят в следующем: 1. Итоги Семинара позволяют уточнить и расширить теоретико-методологические основы изучения КЖ и УЖ. 2. Анализ докладов участников Семинара позволяет с учётом авторских наработок выявить наиболее острые проблемы КЖ и УЖ, которые потребуют дальнейшего изучения и рекомендаций по их решению.

Теоретические и методологические основы исследования

В дальнейшем анализе мы будем опираться на ряд научных разработок, выполненных коллективом исследователей под руководством автора данной публикации во Всероссийском центре уровня жизни, ИСЭПН ФНИСЦ РАН и в настоящее время проводимых в Институте экономики РАН. Их ключевые результаты состоят в следующем. Разработаны критериальные стандарты УЖ, представляющие собой нормативные и нормативно-статистические потребительские бюджеты разного уровня достатка и стандарты жилищной обеспеченности, включающие площадь, просторность и качество жилища, позволившие идентифицировать социальные группы населения с качественно различающимся УЖ [3; 4; 5]. Эти стандарты с 1995 года положены в основу ежегод-

ного Мониторинга доходов и уровня жизни (204 выпуска) и показывают социальную структуру российского общества и её динамику по УЖ [6; 7; 8; 9]. УЖ в наших исследованиях представлен следующими компонентами: макроэкономический уровень потребления; микроэкономический уровень текущего потребления; микроэкономический уровень долговременного потребления и неравенство потребления [10, с. 454–455].

Разработана классификация компонентов и индикаторов, характеризующая КЖ. Оно охарактеризовано следующими компонентами: качество общества; качество трудовой жизни; качество социальных институтов¹; безопасность жизнедеятельности; качество взаимодействия с окружающей средой²; удовлетворённость качеством жизни [11, с. 13, 260–272].

В качестве исходных данных (информационной основы) исследования использовались доклады, сделанные на научном Семинаре в рамках СПЭК-2026, и публикации, на которые ссылались докладчики семинара, а также автор представленного исследования.

Для анализа и синтеза изученной информации применены методы индукции (анализ докладов), дедукции (уточнение и развитие теоретико-методологической рамки исследования КЖ и УЖ), а также группировки вопросов, раскрытых в докладах для выявления наиболее острых проблем, требующих дальнейших исследований и практических решений.

Результаты исследования и их обсуждение

Результатами исследования являются уточнённые и развитые параметры авторской рамки изучения содержания и взаимосвязей категорий КЖ и УЖ, и их места в системе воспроизводства жизнедеятельности. В характеристике КЖ акцент делается на содержании жизнедеятельности людей, а в идентификации УЖ на воспроизводстве

их готовности к продолжению деятельности, осуществляемой благодаря потреблению материальных благ, услуг и информации.

Качество жизни представляет собой *содержание деятельности* личности, социальных групп и общества, вследствие развитости способностей и ценностей, а также условий их реализации. КЖ характеризует смысловую характеристику жизнедеятельности, раскрывает её и институты, выражающие потребности и интересы личности, социальных групп и общества. Таким образом, КЖ характеризует жизнедеятельность со стороны реализации её смыслов.

Уровень жизни представляет собой *потребление* личностью, социальными группами и обществом благ во всех сферах их жизнедеятельности в формах потребительских корзин, а также в денежной в сопоставимых ценах. Таким образом, УЖ характеризует жизнедеятельность со стороны потребления всего комплекса благ в процессе которого воспроизводятся способности людей к жизнедеятельности, т.е. воспроизводству того или иного качества жизни. Автор пересмотрел ранее использованную им идентификацию УЖ в качестве одного из компонентов КЖ [11, с. 13, 269–271] и пришёл к выводу что КЖ и УЖ являются двумя равнозначными характеристиками жизнедеятельности: КЖ характеризует содержание жизнедеятельности, а УЖ – воспроизводство способностей и ценностей для неё в процессе потребления.

Важное методологическое значение имеет характер воспроизводства жизнедеятельности в том или ином обществе и государстве, обуславливающий рамочные условия, опосредующие содержание и взаимосвязи КЖ и УЖ. По нашему мнению, они определяются производственными отношениями (базисом), а также материальными и информационными ресурсами. На рисунке 1 представлена взаимосвязь компонентов жизнедеятельности.

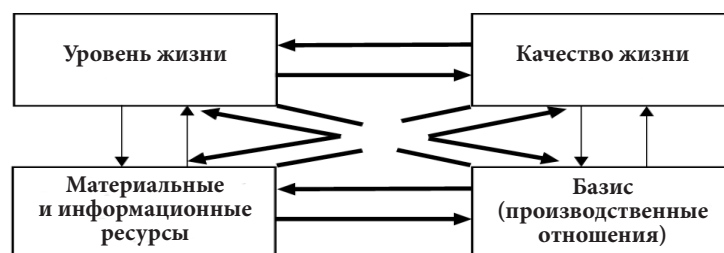

Рисунок 1. Воспроизводство жизнедеятельности

Figure 1. Reproduction of Vital Activity

Источник: составлено автором.

² В более ранних исследованиях мы называли эту компоненту КЖ социальной инфраструктурой – объектами (родильные дома, детские сады и др. материальные объекты). В отличие от этого социальные институты представляют собой отношения между людьми, в которых реализуются соответствующие функции.

³ В более ранних исследованиях мы называли эту компоненту «качество окружающей среды, что косвенно отражает результаты взаимодействия с ней человека. В отличие от этого более точным является идентификация этой компоненты КЖ как «качество взаимодействия с окружающей средой», т.к. непосредственно указывает на этот аспект деятельности человека.

В российском капиталистическом обществе базис (производственные = экономические отношения) с 1992 года по настоящее время является приоритетной сферой жизнедеятельности. Его объективные законы, обусловленные господством частной собственности на средства производства, предопределяют позиционирование общественных классов⁴ [12, с. 15], профессиональных групп и других социальных образований⁵ [13, с. 636].

Классовое сознание сформировало у их представителей, а также близких по экономическому положению социальных групп представления о социальных, экономических и других явлениях общественной и личной жизни, интересы и осознание мотивов жизнедеятельности.⁶ Крупные социальные группы, сформировавшиеся внутри основных классов [11; 14], определяют в нашей стране социальную структуру по уровню жизни, обусловленную, в основном, покупательной способностью домохозяйств по душевым денежным доходам, а также межпоколенным родственным перераспределением материальных и информационных ресурсов и дополнительных бесплатных для населения благ, обеспечиваемых государством и бизнесом.

Состав социальных групп и их численность определяются условиями реализации трудового потенциала экономически активного населения (рабочей силы). В современной России сложилось глубокое противоречие между трудовым потенциалом (способностями/возможностями) высоко- и среднеквалифицированных работников и производственными отношениями, которые не позволяют большинству работников из этих групп трансформировать трудовой потенциал в расширенное воспроизводство уровня жизни, т.е. обеспечить окупаемость затрат в развитие их способностей/возможностей [15].

⁴ Автор применительно к характеристике капиталистических обществ исходит из марксистской теории классов, определяющей их как большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают [12, с. 15]. В современном российском обществе сохраняются основные условия для существования антагонистических классов буржуазии и пролетариата (наёмных работников), обусловленные экономическими отношениями.

⁵ Марксистское определение общественных классов, которое мы разделяем применительно к характеристике капиталистических обществ, рассматривает их не как существующие «над» или «под» другими классами, оно определяет классы с точки зрения их социального отношения к другим классам [13, с. 636].

⁶ Философия: учебник / В.Н. Лавриненко, Г.И. Иконникова, В.П. Ратников, В.В. Юдин; под ред. В.Н. Лавриненко. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; 2011. С. 427–431.

Окупаемость затрат в развитие способностей/возможностей работников позволяет трансформировать их трудовой потенциал в человеческий капитал. Как известно, категория «человеческий капитал» определялась его родоначальниками Т. Шульцем и Г. Беккером как дополнительный источник дохода, обеспечиваемый знаниями, навыками и мотивациями человека, обуславливающими окупаемость затрат в развитие его способностей и была развита А. Сенем [16; 17; 18].⁷ Результаты исследований показывают, что в нашей стране значительно недоиспользуется трудовой потенциал средне- и высококвалифицированных работников [15]. Недостаточная покупательная способность специалистов высшего уровня квалификации по заработной плате не позволяет в их домохозяйствах капитализировать трудовой потенциал. У специалистов среднего уровня квалификации с высшим образованием недостаточно стимулов занимать рабочие места, требующие более высокой квалификации, поскольку это не приводит к преодолению границы покупательной способности по заработной плате, позволяющей капитализировать их трудовой потенциал. При должном стимулировании специалистов высшего уровня квалификации, их более высокая заработная плата являлась бы для специалистов с высшим образованием, занимающих рабочие места, требующие средней квалификации, стимулом к капитализации их трудового потенциала.

Недофинансирование расширенного воспроизводства трудового потенциала касается не только поколения работников, но и поколения их детей (недостаточных вложений в их здоровье, образование, общекультурный потенциал). Значительная часть следующего поколения работников недополучает адекватных вложений, что негативно скажется на будущем российской экономики. Всё это мы называем поколенными потерями человеческого капитала и значительным резервом для ускорения экономического роста.

В результате недостаточной покупательной способности по заработной плате у специалистов средней и, особенно, высокой квалификации не

⁷ Обоснование понятия «капитал», распространяющее его на результаты труда рабочей силы, в то время не было принято основным направлением экономистов. Т. Шульц объяснял это, главным образом, негативной реакцией на него со стороны А. Маршалла, подкрепленной его большим авторитетом [19, с. 6]. А. Маршалл считал нецелесообразным распространять традиционную рыночную концепцию капитала на человеческий капитал, хотя и признавал его, судя по утверждению Т. Шульца, «...с абстрактной и математической точки зрения...» [19, с. 7]. Вследствие этого, Т. Шульц в своих аргументах о введении понятия «человеческий капитал» давал этому следующее объяснение: «...Из-за неопределённости, которые обременяют теорию капитала, нам целесообразно обойти ее и опереться на теорию инвестиций и нормы доходности инвестиционных возможностей...» [19, с. 4].

созданы условия для экономической устойчивости их домохозяйств, а также устойчивого экономического роста российской экономики.

Во многом вследствие потерь человеческого капитала значительная часть средне- и высоко-

квалифицированных работников не обеспечивает расширенного воспроизводства уровня жизни в их домохозяйствах, о чём свидетельствует социально-экономическая структура российского населения по УЖ, представленная на рисунке 2.

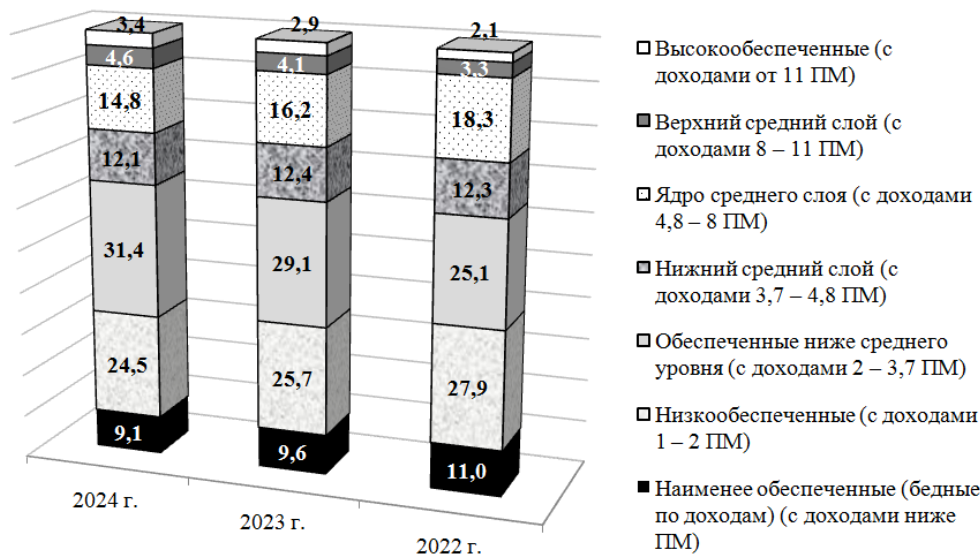

Рисунок 2. Социально-экономическая структура населения на основе стандартов покупательной способности по душевым денежным доходам, в целом по России, 2022–2024 гг., в %

Figure 2. Socio-economic Structure of the Population Based on Purchasing Power by per Capita Monetary Income, in Russia as a Whole, 2022–2024, in %

Источник: [9, с. 68].

В 2024 году социальная структура населения по уровню жизни, обусловленная покупательной способностью по душевым денежным доходам, была представлена следующим образом: наименее обеспеченные (доходы менее среднедушевого прожиточного минимума (ПМ)) составляли 9,1%; низкообеспеченные (1–2ПМ) – 24,5%; обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,7 ПМ) – 31,4%; среднеобеспеченные (3,7–11 ПМ) – 31,5 %; высокообеспеченные группы составляли 3,5%. В течение последних трёх лет социально-экономическая структура по уровню жизни мало изменилась. В 2022 году наименее обеспеченных было на 1,9% больше; низкообеспеченных – на 3,4% больше, обеспеченных ниже среднего уровня – на 6,3% меньше; среднеобеспеченных – на 2,4% больше, доля высокообеспеченного населения была на 1,4% меньше. В целом, в 2024 году доля населения, обеспечившая возможности расширенного воспроизводства уровня жизни, составляла 35,0%, а в 2022 году – 36,0%. Такая представленность массовых социально-экономических групп по покупательной способности по душевым денежным доходам показывает, что примерно 2/3 российского общества не могли обеспечить расширенного воспроизводства уровня жизни, ус-

тойчивого развития домохозяйств и войти в средне- и высокообеспеченные группы.

Важно подчеркнуть, что взаимообусловленность экономической сферы с совокупностью социальных отношений и форм общественного сознания (духовной, культурной и др. сферами жизни), являющимися важными компонентами качества жизни, опосредуется мировоззрением, которое включает не только знания, но и ценности, идеалы, отношение к миру и к себе. Качество жизни включает в себя мировоззрение, во многом определяющее содержание жизнедеятельности. Во взаимодействии общественного и индивидуального сознания у людей складываются представления о своем экономическом и социальном положении в обществе и целеполагание, формируются субъективные оценки отнесения себя и других индивидов к тем или иным социальным структурам. Субъективное оценивание и самооценивание индивидов в России, как правило, не совпадают с объективным экономическим и социальным положением общественных классов и составляющих их социально-экономических групп [20]. Но субъективные оценки также являются важными индикаторами комплексной характеристики состояния

отдельных индивидов, социальных групп, общественных классов и общества в целом.

С нашей точки зрения, на определённых этапах развития капиталистического общества влияние социальных отношений и форм общественного сознания на базис может усиливаться, что создаёт предпосылки для трансформации как средств производства, так и производственных отношений. Именно такой период, по нашему мнению, в настоящее время проходит наша страна под воздействием внешнего давления и внутренних проблем, обусловленных отрицательными последствиями либеральных капиталистических преобразований, охвативших период 1992–2014 гг. и копированием принесённых извне моделей развития. Хотели бы подчеркнуть, что внешние и внутренние процессы после 2014 года подтолкнули нашу страну и, если так можно сказать, «принуждают» российское общество осознавать эти негативные последствия и вырабатывать противодействующие им элементы мировоззрения, духовной и художественной культуры.

Представленная выше теоретико-методологическая рамка изучения качества и уровня жизни позволяет систематизировать и проанализировать преобладающую направленность тематики докладов рассматриваемого Семинара [2]. В докладах были показаны результаты различающихся исследовательских подходов к формированию и использованию индикаторной базы для структуризации социальных групп. В одном из докладов утверждалось, что современное российское общество представляет «общество массовых средних слоев» как по доходам, так и по качеству жизни, что выступает значимым ресурсом социальной устойчивости. В то же время из другого исследования вытекало, что неустойчивый уровень жизни, не достигающий нижней границы его расширенного воспроизводства, имели примерно 60% российских домохозяйств, в том числе две трети домохозяйств с детьми, а динамика переходов между социальными группами в 2022–2024 гг. продемонстрировала неизменность или ухудшение уровня жизни в социальной группе с неустойчивым уровнем жизни (80% к 20%) и, наоборот, улучшение или неизменность уровня жизни в группе с устойчивым уровнем жизни (70% к 30%). В вышеупомянутых докладах подтверждён рост экономического неравенства в нашей стране. Заслуживает внимания постановка вопроса о необходимости изучения конфигурации экономического неравенства.

Утверждение, что «качество жизни формирует самостоятельное немонетарное измерение неравенства... в определённой степени сглаживающее различия в доходном распределении» (С.В. Ма-

реева), является верным. Заметим только, что деятельность профессионалов в образовании, здравоохранении, гуманитарной и социальной науке, культуре и в других отраслях социальной сферы, а также инженерно-технических и других работников, являющихся носителями средне- и высококвалифицированного труда, демонстрирующая высокое качество их жизни, осуществляется, зачастую вопреки государственной и корпоративной монетарной политике достойной оценки их труда. Это приводит к преобладанию домохозяйств с суженным и простым воспроизводством уровня жизни и высокому, по нашему мнению, экономическому неравенству его распределения в массовых социальных группах российского общества. Так, при учёте минимального варианта иждивенческой нагрузки (два работника и один ребёнок), доля работников организаций, у которых заработная плата не позволяла их домохозяйствам обеспечить расширенное воспроизводство уровня жизни, составляет более 80% [21]. Трудовое положение домохозяйств с детьми, их экономическое положение и уровень жизни, обобщённые в их социально-трудовое положение, позволяют характеризовать их как устойчивые, уязвимые и неустойчивые, проводить количественное оценивание и предложить конструктивные подходы к повышению их уровня жизни и укреплению здоровья, комплексной поддержке семьи [22].

Преодоление преобладающего в домохозяйствах суженного и простого воспроизводства уровня жизни, в том числе обусловленной этим несбалансированности ресурсов и общественно-значимых функций, выполняемых современными семьями с учётом их размеров и состава, тормозится капиталистическими законами распределения. Острые демографические проблемы нашей страны, которые необходимо решать, побуждают государство принимать всё новые и новые меры в области демографической и семейной политики. Однако, как мы видим, пока они не приносят требуемых результатов.

Культура, образование и характеристики работников, а также использование в настоящее время искусственного интеллекта (ИИ), действительно имеют первостепенное значение в формировании объективных и субъективных характеристик уровня и качества жизни. Однако их содержание во многом определяется смысловой, ценностной стороной мировоззрения. В формировании качества жизни особенно велика роль культуры [23]. Важно осознавать, и мы хотели бы это подчеркнуть, что в российском капиталистическом обществе как, впрочем, и во всех капиталистических обществах культура в значительной степени связана с частной собственностью, с рын-

ком, являющимися их смыслообразующими (мировоззренческими) основами. Поэтому коммерциализация культуры является её «естественной формой» развития и формирует сильную зависимость её доступности от доходов индивидов, неравенства их распределения и, в конечном итоге, их классовой принадлежности. Это не исключает государственного сектора культуры, бесплатных каналов её распространения, грантовой поддержки. Однако, преобладающими являются частные экономические интересы, ограничивающие её роль, использование рыночных инструментов оценивания её результатов и регулирования доступности в обществе.

Недостаточные инвестиции в отрасли социальной сферы: культуру, образование, здравоохранение, социально-экономическую науку и др., а также не достигающая социально приемлемого уровня покупательная способность доходов от занятости работников сложного, высококвалифицированного труда обусловлены капиталистическими распределительными отношениями и особенно остро проявляются на начальной стадии накопления капитала, которая продолжается в нашей стране.

Целый ряд острых проблем в качестве и уровне жизни связан со сложной пространственной конфигурацией нашей страны. Продемонстрированные в докладах региональные характеристики качества и уровня жизни, в том числе мониторинговые исследования, разработка интегральных индексов, прогностические решения и рекомендации для федеральных и региональных органов власти показали их зависимость от демографического и профессионально-квалификационного состава, природно-климатических и ресурсных возможностей, качества регионального управления и других факторов, изучение влияния которых является важной задачей отечественной социально-экономической науки и практики [6-9].^{8,9,10}

Заключение

1. Гипотеза о том, что итоги состоявшегося Семинара позволяют уточнить и расширить теоретико-методологические основы изучения

⁸ Мониторинг социально-экономического поведения и состояния здоровья населения Российской Федерации / рук. П.М. Козырева, Я.М. Рощина. 2019. // Институт социальной политики НИУ «ВШЭ»: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/longitude/projects/275853804> (дата обращения: 13.04.2026).

⁹ Мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения / рук. Т.М. Малева // Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС: [сайт]. URL: <https://isp.hse.ru/monitoring> (дата обращения: 13.04.2026).

¹⁰ Соколов И.А. Мониторинг экономической ситуации в России. URL: https://cesi.tatarstan.ru/file/pub/pub_4821866.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

КЖ и УЖ, которые обусловлены российской действительностью и закреплены в руководящих государственных документах, подтвердилась. Результаты представленных исследований выявили различающиеся теоретико-методологический инструментарий измерения и оценивания качества и уровня жизни. Их рассмотрение позволило уточнить и развить авторскую теоретико-методологическую рамку изучения КЖ и УЖ в части содержания и взаимосвязи этих категорий, роли способа производства, а также материальных и информационных ресурсов, определяющих их возможное развитие, расставить акценты в приоритизации производственных отношений и совокупности социальных отношений и форм общественного сознания (духовной, культурной и др. сфер жизни).

2. Гипотеза о том, что анализ докладов участников Семинара позволяет с учётом авторских наработок выявить наиболее острые проблемы КЖ и УЖ, которые потребуют дальнейшего изучения и рекомендаций по их решению, также подтвердилась. Результаты семинара акцентировали ряд острых проблем в качестве и уровне жизни в нашей стране:

- преобладающее суженное и простое воспроизводство уровня жизни, высокое экономическое неравенство его распределения среди массовых социальных групп, неблагоприятную его конфигурацию, выражающуюся в значительной концентрации ресурсов в верхних социальных группах нашей страны;

- острые проблемы в социальной сфере, обусловленные недооценкой роли культуры, гуманитарной и социально-экономической науки, а также образования, в том числе, обучения возможностям использования искусственного интеллекта в сферах экономики и общественной жизни. Вместе с тем, трудовой и человеческий потенциал страны ещё позволяет сглаживать негативные тенденции в распределении ресурсов и уровня жизни и иметь более высокие немонетарные характеристики качества жизни населения;

- концентрацию демографических и семейных проблем, несмотря на значительные усилия науки, государства, бизнеса и общественных организаций по их решению.

- пространственную асимметрию практических решений по обсужденным в ходе экспертной дискуссии вопросам качества и уровня жизни.

3. Экспертная дискуссия показала, что в представленных на Семинаре докладах, имеются, опережающие практическое применение, разработки, позволяющие проводить комплексное оценивание качества и уровня жизни в нашей стране, осуществлять мониторинги их динамики, в том

числе международные сопоставления и предоставлять органам государственного управления прогностические оценки и решения по повышению качества и уровня жизни.

4. Дальнейшие исследования, на наш взгляд, необходимо посвятить анализу общероссийского

дискурса по вопросам качества и уровня жизни в наиболее рейтинговых российских и зарубежных научных журналах и определению возможных направлений его развития для решения научных и практических задач повышения качества и уровня жизни российских граждан.

Список источников

1. Одинцова Е.В., Шерстобитова Ю.А. Качество и уровень жизни населения в современной России: реалии, тенденции, решения (обзор всероссийской научно-практической конференции с международным участием) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 4. С. 648–660. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_11_648_660 EDN JСPEUE
2. Шерстобитова Ю.А. Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2026. Том 22. № 2. С. 336–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349 EDN GPXTXP
3. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. Том 13. № 4. С. 971–984. <https://doi.org/10.17059/2017-4-1> EDN XIGYOK
4. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
5. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. № 2(208). С. 8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> EDN XWEPСP
6. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Том 16. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1> EDN ASIDQD
7. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2017 год / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова; под рук. В.Н. Бобкова. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2018. 87 с. ISBN 978-5-4465-1857-9 EDN XWSVUL
8. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. ISBN 978-5-9940-0734-1 EDN KGTONL
9. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3(204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
10. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России / В.С. Степанов, В.Н. Бобков, Е.Ф. Шамаева, Е.В. Одинцова // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 4. С. 450–465. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3> EDN FUJMOM
11. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 56 т. Том 39. М.: Госполитиздат, 1963. 574 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Том 26. Часть II. М.: Госполитиздат, 1963. 712 с.
14. Средние классы в капиталистической России: научная монография / под ред. В.Н. Бобкова. 2 изд., стереотип. М.: КноРус, 2019. 208 с. ISBN 978-5-406-00366-4 EDN VAISCV
15. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Об условиях капитализации трудового потенциала работника // *Общество и экономика*. 2025. № 6. С. 5–18. <https://doi.org/10.31857/S0207367625060013> EDN EDDWYO
16. Schultz T.W. Capital Formation by Education. *Journal of Political Economy*. 1960;68(6):571-583. <https://doi.org/10.1086/258393>
17. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York: National Bureau of Economic Research; 1975. 187 p. ISBN 0-87014-513-4
18. Sen A. Development as Freedom. UK: Oxford University Press; 2001. 366 p. ISBN 978-0-19-289330-7
19. Schulz T.W. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities In: *Economic Research: Retrospect and Prospect*. Vol 6. New York: National Bureau of Economic Research; 1972. P. 1–84. ISBN 0-87014-255-0
20. Коленникова Н.Д. Субъективная стратификация российского общества: динамика и специфика // *Социологические исследования*. 2024. Том 50. № 12. С. 74–87. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120071> EDN NASSLP

21. Покупательная способность наемных работников как индикатор уровня жизни и экономической (не)устойчивости их домохозяйств / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова, Е.А. Черных // Мир новой экономики. 2025. Том 19. № 4. С. 88-100. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2025-19-4-88-100> EDN CQLCOS
22. Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности: [монография] / Е.В. Одинцова, А.А. Гулюгина, Е.Е. Гришина [и др.]; под ред. Е.В. Одинцовой. Ижевск: Шелест, 2025. 228 с. ISBN 978-5-908023-14-6 EDN JXHBBQ
23. Музычук В.Ю. Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 502–517. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 EDN OYLCDT

Информация об авторе:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН
(SPIN-код: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019) (Scopus ID: 55960509800)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Odintsova E.V., Sherstobitova Ya.A. Quality and Standard of Living of the Population in Modern Russia: Realities, Trends, and Solutions (Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):648–660. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_11_648_660 (In Russ.)
2. Sherstobitova Yu.A. Quality and Standard of Living as Factors and Outcomes of the Sustainable Development of the Russian Federation. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):336–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349 (In Russ.)
3. Bobkov V. N., Kolmakov, I. B. Identifying the Social Structure and the Inequality of Monetary Incomes of the Population of the Russian Federation. *Ekonomika regiona=Economy of Region*. 2017;13(4):971-984. <https://doi.org/10.17059/2017-4-1> (In Russ.)
4. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kolmakov I. B. Normative-Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(3):84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 (In Russ.)
5. Bobkov V.N., Kolmakov I. B., Odintsova E. V. Social Structure of Russian Society in Terms of Housing Security: Criterion and Quantitative Identification, the Guidelines for State Policy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;(2(208)):8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> (In Russ.)
6. Bobkov V.N., Gulugina A.A. 25 Years of Monitoring Income and Living Standards of the Russian Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(3):9-23. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2020.16.3.1> (In Russ.)
7. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2017 god. Moscow: ISESP RAS; 2018. 87 p. ISBN 978-5-4465-1857-9 (In Russ.)
8. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god. Yearbook. Issue 2(203). Moscow: IE RAS; 2024. 182 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)
9. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2024 god. Yearbook. Issue 3(204). Moscow: IE RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)
10. Building a Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Population with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia / Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E.F., Odintsova E.V. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):450–465. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.4.3> (In Russ.)
11. Bobkov V.N., Bobkova T.E. (ed.), Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F., et al. The Standard of Living and Quality of Life in Russia: From Reality to Designing the Future. Monograph. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 (In Russ.)
12. Lenin V.I. Complete works: in 56 volumes. Vol. 39. Moscow: Gospolitizdat; 1963. 574 p. (In Russ.)
13. Marx K., Engels F. Works in 50 volumes. Vol. 26. Part II. Moscow: Gospolitizdat; 1963. 712 p. (In Russ.)
14. Bobkov V.N. (ex. ed.) Srednie Klassy v Kapitalisticheskoy Rossii. Monograph. Moscow: Publishing House KNORUS; 2018. 208 p. ISBN 978-5-406-00366-4 (In Russ.)
15. Bobkov V. N., Odintsova E.V. On the Conditions of Capitalizing the Employee's Labor Potential. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*. 2025;(6):5-18 <https://doi.org/10.31857/S0207367625060013> (In Russ.)
16. Schultz T.W. Capital Formation by Education. *Journal of Political Economy*. 1960;68(6):571-583. <https://doi.org/10.1086/258393>
17. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York: National Bureau of Economic Research; 1975. 187 p. ISBN 0-87014-513-4

18. Sen A. Development as Freedom. UK: Oxford University Press; 2001. 366 p. ISBN 978-0-19-289330-7
19. Schulz T.W. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities In: Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol 6. New York: National Bureau of Economic Research; 1972. P. 1-84. ISBN 0-87014-255-0
20. Kolennikova N.D. Subjective Stratification of Russian Society: Dynamics and Specifics. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(12):74-87. <https://doi.org/10.31857/S0132162524120071> (In Russ.)
21. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V., et al. Purchasing Power of Employees as an Indicator of the Standard of living and Economic (In)Stability of Their Households. *Mir novoi ehkonomiki=The World of New Economy*. 2025;19(4):88-100. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2025-19-4-88-100> (In Russ.)
22. Odintsova E.V. (ed.), Gulyugina A.A., Grishina E.E., et al. Social and Labour Position of Russian Households with Children (2022–2024): Risks and Opportunities. Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2025. 228 p. ISBN 978-5-908023-14-6 (in Russ.)
23. Muzychuk V.Yu. Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):502-517. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 (In Russ.)

Information about the author:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019) (Scopus ID: 55960509800)
The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 15.06.2026.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Письмо в редакцию

УДК 314.1

JEL J10, J11, J18

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_11_330_335

EDN EFBGDH

Об изменении подхода к решению демографических проблем Дальнего Востока России

Юрий Алексеевич Авдеев

Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской Академии наук, Владивосток, Россия
(avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

Для цитирования: Авдеев. Ю.А. Об изменении подхода к решению демографических проблем Дальнего Востока России // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 330–335. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_11_330_335 EDN EFBGDH

COR (Correspondence)

JEL J10, J11, J18

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_11_330_335

On Changing the Approach to Solving Demographic Problems in the Russian Far East

Yurii A. Avdeev

Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
(avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

For citation: Avdeev Yu.A. On Changing the Approach to Solving Demographic Problems in the Russian Far East. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi*=Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2026;22(2):330–335. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_11_330_335 (In Russ.)

Уважаемые коллеги-демографы, не пора ли себе ответить: наши исследования влияют на демографическую политику, проводимую в стране, прислушиваются к нашим рекомендациям наверху, или тысячи публикаций, не стоят бумаги, на которой напечатаны, часов и дней, потраченных на конференции, круглые столы? Или только мне кажется, что демографическая ситуация в России очень тревожная? Живя на Дальнем Востоке более полувека, сравнивая, как население прирастало до 1991 года, и как убывает уже четвёртое десятилетие, а рядом территории с плотностью в сотни раз больше, на ум приходит только библейское: «на землю без людей придут люди без земли...»

На эти вопросы меня подвигли два события 2026 года: 2 февраля утверждена Стратегия демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.¹, а 22 апреля состоялось выступление Министра Дальнего Востока и Арктики на Правительственном часе в Государственной Думе². Это было ответом на

¹ Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2026 г. № 170-р «Об утверждении Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»

² Дальний Восток наводят на цель. На слушаниях в Госдуме представлен проект стратегии развития макрорегиона // Коммерсантъ; [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8607383> (дата обращения: 15.04.2026).

поручения Президента Российской Федерации по итогам прошедшего в 2025 году Восточного экономического форума³, где федеральному правительству вместе с главами субъектов поручено подготовить новую стратегию Дальнего Востока.

Стратегический замысел первого документа: «В соответствии с **национальными целями**⁴ и с учётом реализации государственной политики **опережающего демографического развития** планируется достижение ... целевых значений показателей численности населения – к 2030 году – 7,866 млн человек, 2036 году – 7,866 млн человек», т.е. сохранение численности 2023 года. Во втором – министр представил «интегральную цель» – перейти к росту численности: «...приток населения за счёт внутренней миграции в 2036-м составит 40 тыс. человек в год», или, за десять лет макрорегион прирастёт за счёт мигрантов на 400 тыс. человек.

Скептическую реакцию вызывают противоречащие друг другу обе стратегические цели. Ещё в сентябре 2019 г., открывая заседание Президиума Госсовета на острове Русский во Владивостоке, Президент подчёркивал: «Один из главных

³ Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума (утв. Президентом РФ 01.11.2025 № Пр-2532).

⁴ Здесь и далее выделенный курсивом текст автора обращения.

© Авдеев Ю.А., 2026

индикаторов (эффективности всех программ развития) – это численность населения, демографическая ситуация. Должен сказать, что пока **этот индикатор находится в тревожной, в «красной» зоне.** Практически во всех дальневосточных субъектах Федерации численность населения продолжает снижаться⁵. Ранее, в 2012 г. глава государства ставил задачу «добиться к 2018 году роста коэффициента рождаемости до 1,753»; в 2018 г. в Нацпроекте «Демография» – к 2024 г. выйти на уровень «1,7»; в 2020 г. на десятилетие для «прорывного развития РФ «обеспечить устойчивый рост численности населения», в 2024 г. – установить «повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году. В 2026 г. предлагается одним решением «удержать» численность на достигнутом уровне, а другим – прирастить «за счёт внутренней миграции». Но за предстоящие десять лет ни того, ни другого на Дальнем Востоке не случится, как не получилось увеличить численность на 300 тыс. с 2017 по 2025 гг., что предусматривалось Концепцией демографической политики для Дальнего Востока, когда по факту убыль составила 460 тыс. человек. Так и теперь нужно готовиться к сокращению численности, во-первых, в связи с самым худшим ухудшением демографической структуры населения (детей – меньше, стариков – больше), во-вторых, в силу значительного выбытия мужчин сельской местности, в-третьих, из-за отрицательного сальдо миграции. Потери макро-региона могут превысить прежние, что приведёт к неоправданным затратам на тысячи новых рабочих мест, обострению дефицита трудовых ресурсов, а в конечном счёте замедлению экономического развития территории Дальнего Востока. Предотвратить такой вариант развития событий невозможно при сохранении сложившейся методологии, применяемых инструментов, целевых установок, ориентируемых на ситуацию «как во всём мире». Жизненно необходима радикальная смена подхода к решению демографических проблем в стране, и, прежде всего, перейти от формулы «сбережения населения» к «приумножению народонаселения». Формат Национальной программы демографического развития необходимо рассматривать как минимум в пределах трёх сменяющих друг друга поколений, т.е. до 2100 года. Вся совокупность факторов, влияющих на воспроизводство населения, должна обрести системный вид, во взаимосвязи, с оценкой степени влияния на конечный результат. Нужна целостная модель демографического развития, реализацию которой следует начать на репрезентативных

⁵ Заседание президиума Госсовета 04 сентября 2019 года // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61443> (дата обращения: 15.04.2026).

территориях, одной из которых является Дальневосточный федеральный округ. Для этого необходима консолидация усилий академического сообщества, вузовской науки, специалистов в области демографических процессов.

Государство социальной направленности, но...

В Основном Законе Российской Федерации зафиксировано, что это «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Но результаты социальной политики государства деформируются целями, присущими природе капитала: как бы ни было велико финансовое обеспечение демографических программ, конечным бенефициаром являются банки и девелоперские компании. Государство направляет на решение демографических проблем триллионы рублей, – на расширение программы жилищного строительства, на социальную инфраструктуру, и тут же цена квадратного метра подскакивает, ипотечное кредитование тяжёлым бременем ложится на население, цены на коммунальные услуги, транспорт и многое другое «съедают» демографические стимулы.

К. Маркс видел первичную ячейку капиталистического общества в товаре. А что является первичной ячейкой социального государства? – Семья – Семь Я – папа, мама и пятеро детей! Вот основа расширенного воспроизводства в социальном обществе, в котором государство направляет усилия на создание условий для гармоничного развития каждого, последовательно сокращая время участия в общественном производстве, высвобождая его для самосовершенствования. Разве не это происходило в СССР, когда был введён 8-часовой рабочий день, сокращена рабочая неделя, высвободилось время, преодолена безграмотность, создана самая читающая страна, лучшая система образования, медицинское обслуживание и т.д.

Начало 90-х, когда был повержен «идол коммунизма», дикое первоначальное накопление капитала, декларируемая социальная направленность государства привела к «русскому кресту» – уровень смертности превысил уровень рождаемости, демографические потери – миллионы людских жизней. Страна была ввергнута в гуманитарную катастрофу, и нужны решительные действия, чтобы не довести до необратимых демографических процессов. Принятая в 2007 году Концепция демографической политики России смогла лишь притормозить деградацию демографических процессов, но не обеспечить расширенное воспроизводство. На программу «Демография» в 2018–2024 гг.

запланировали беспрецедентные 3,4 трлн руб.; на 2025–2030 гг. эта сумма возросла до 16 трлн рублей. То есть, государство предпринимает колоссальные усилия для решения демографических проблем, но достичь желаемого результата не удаётся. И на вопрос: почему? – ответ на поверхности: потому что не социальное государство, а капиталистический способ производства оказывает влияние на конечный результат. – Кто формирует содержание жилищных программ в городах, кто строит «человейники», непригодные для демографического развития? – Девелоперы, для которых на первом месте снижение издержек и получение максимальной прибыли. Кто заинтересован в финансировании этих программ, и участии в ипотечном кредитовании? – Банковские структуры и финансовые компании. И пока государство не проявит волю, не сделает приоритетом социальные программы, под которые на конкурсной основе будут допускаться строительные и финансовые структуры, а их действия не будут противоречить решению прежде всего демографических проблем.

Цель Государства: обеспечить абсолютный рост численности населения

Спросите многодетную семью, зачем им столько детей? – Вопрос покажется неуместным, и ответы будут разные, но вряд ли родители думают и ответят, что они заботятся о росте численности населения в стране. Семья наслаждается радостью материнства и отцовства, родители думают о здоровых, развитых, образованных детях, об их достижениях, которыми можно гордиться. А государству важен прирост населения – главного богатства: трудовые ресурсы, избиратели, налогоплательщики, защитники Отечества, покорители земель. То есть выгодоприобретателем роста численности населения является государство, и ответственность государственных органов на всех уровнях за прирост численности населения является первым критерием эффективности деятельности госслужащих. Именно поэтому на государственном уровне в качестве стратегической цели демографической политики необходимо сформулировать: **обеспечить достижение численности населения Российской Федерации до 2100 г. не менее чем в 500 млн человек, начиная с Дальнего Востока, демографический потенциал которого необходимо довести до уровня в 25–30 млн человек.**

Только такой может быть у России целевая установка стратегии демографической политики по меньшей мере на три поколения вперед. Только при достижении поставленной цели можно обеспечить ускоренное экономическое развитие

страны, опережающее социальное развитие, гарантировать национальную безопасность и территориальную целостность.

Достижение амбициозной цели потребует решения ряда системных задач, институциональных и структурных изменений в системе управления демографической политикой.

Задача 1. Домашний труд – как общественно полезный труд

Кто является основным инвестором в долгосрочном проекте, длящимся 18–25 лет, по рождению и воспитанию детей? – Ответ очевиден: семья, а финансовая помощь государства в виде материнского капитала, детских пособий, льгот, являясь поддержкой семейного бюджета, не меняет материального статуса многодетной семьи. – Материально обеспеченные не нуждаются в «пособиях». Государство способствует включению женщины в общественное производство, поддерживая таким образом её инвестиционный потенциал. Но никто не отменял домашних дел, которые ложатся на плечи матери, их выполняет в «свободное» от работы время, где она воспитатель, повар, врач, хранитель домашнего очага. Думать о втором ребёнке, о последующих детях для женщины становится проблемой.

Есть изрядная часть женщин, которые ориентированы на карьерный рост. Статистика утверждает, что 48 процентов женщин имеют престижную работу, хороший заработок, и никто не в праве покушаться на их выбор. Вместе с тем, доля женщин, занятых неквалифицированным трудом, на работах, с низким уровнем доходов, безработные или уже занятые в домашнем хозяйстве составляет не меньше. Именно с этой категории женщин следует начинать реализацию программы: **«Женский труд в домашнем хозяйстве – общественно полезный труд»**, оплачиваемый государством, засчитываемый в трудовой стаж, и обеспечиваемый пенсией. В этом, пожалуй, одна из составляющих смены ролей в инвестиционном процессе воспроизводства, когда государство становится равным соинвестором в приумножении населения. Но главное – женщина обретает экономический статус, её доход включается в валовый региональный продукт, она получает экономический статус, позволяющий избавиться от унижительных «пособий».

Задача 2. Жильё – базовое условие устойчивости семейных отношений

Для создаваемой семьи, когда речь о социальном государстве, вопрос жилья не должен превращаться в проблему. Задачей высшего уровня для субъектов федерации и местных органов власти должно стать формирование **Фонда социального жилья**, что позволит молодёжи вместе со

свидетельством о браке решить извечный вопрос, открывающий перспективу для роста числа детей в семье. В настоящее время приобретение жилья является частной проблемой семьи. Но обеспечить расширенное воспроизводство населения позволит *жильё как рычаг демографического развития*. – Заказчиком на строительство и распорядителем социального жилищного фонда, как и земли, находящейся в их ведении, являются субъекты федерации и муниципалитеты. Они владеют информацией о демографической структуре населения, о количестве населения до 24-летнего возраста, количестве многодетных семей, о людях предпенсионного и пенсионного возраста, из чего складывается оценка потребности в жилье в регионе, качественные и количественные характеристики. При наличии такого инструмента глава субъекта федерации реально сможет отвечать за динамику демографических процессов на вверенной ему территории.

Первоочередной задачей является жильё для многодетных семей: для тех, у кого уже пять детей и более оно предоставляется бесплатно. С числом детей менее пяти в семье устанавливается плата с условием, при появлении пятого ребёнка с семьи снимаются финансовые обязательства перед государством.

Финансовые обязательства молодой семьи сокращаются по мере рождения детей, и прекращаются с появлением пятого ребёнка. Жильё как демографический рычаг, главным образом, следует применять к вновь создаваемым семьям, когда церемония регистрации брака молодых сопровождается предложением жилья на выбор, с условием, что появление первого ребёнка сокращает их финансовые обязательства на 10 процентов, второго – на 15, а с появлением пятого ребёнка в семье обязательства обнуляются, и жильё становится собственностью семьи.

Реализация такого проекта потребует кардинального пересмотра взаимоотношений между властями всех уровней, застройщиками и финансовыми структурами и населением. Субъекты федерации берут на себя роль заказчика на социальное жильё, они же держатели и распорядители жилищного фонда на своей территории, у них появляется потребность в разработке долгосрочных планов развития системы расселения, в которых учтены и согласованы перспективы размещения промышленных объектов, сельскохозяйственных угодий, застройка поселений ведётся комплексно, что снимает актуальность продвигаемых девелоперами мастер-планов. Место конъюнктурных девелоперских проектов займут Генеральные планы развития территорий субъектов федераций и муниципальных образований.

Не конечные потребители, а субъекты федерации и муниципалитеты должны выступать контрагентами строительных компаний и банковских структур. Законодательное оформление этих взаимоотношений позволит территориальным органам власти предлагать строительным компаниям на конкурсной основе что, где, как и по какой цене застраивать жилые комплексы, втягивая в эти процессы сельскую местность. При этих обстоятельствах окажутся востребованы архитектурные, дизайнерские и другие мастерские, предлагающие на данной территории целостные и гармонично сформированные системы расселения, производства, экологические решения и т.д.

Задача 4. Как повысить доходы главы многодетного семейства?

В современных экономических реалиях, когда в структуре экономики преобладают сырьевые отрасли, достойный доход главе многодетного семейства способен обеспечить преимущественно этот сектор экономики, но занято здесь не так много мужского населения. В иных сферах деятельности уровень доходов в целом заметно ниже, и человек оказать влияние на ситуацию не в состоянии.

Более того, вновь создаваемое производство, требующее привлечения высококвалифицированных работников, собирает их по стране и за рубежом, оплачивает их труд высоко, а местные кадры либо невостребованы, либо уровень их заработной платы существенно ниже. Усилия государства направлены на изменение соотношения между добывающими и обрабатывающими отраслями, но подчинить интересы капитала, и направить их на решение демографических проблем пока не удаётся. То есть *препятствием для обеспечения уровня доходов, соответствующего потребностям многодетного семейства для его главы остаётся преобладание в структуре производства отраслей добывающей промышленности*. Только по мере повышения удельного веса высокотехнологичных, а значит высокодоходных отраслей с высоким уровнем добавленной стоимости, можно обеспечить материальный достаток многодетных семей. И это не менее важный пункт в отчётах глав субъектов федерации, насколько удалось изменить соотношение в отраслевом балансе, насколько обеспечен не просто прирост новых рабочих мест, а с высоким уровнем заработной платы.

Задача 5. Территориальная организация хозяйства и расселения

Спор между сторонниками раскассировать всё население страны по 20 мегаполисам и теми, кто отстаивает право малых городов и сельской местности на более цивилизованную жизнь, воз-

вращает к забытой теории более равномерного расселения населения по территории. С точки зрения капиталистической «бережливости», следует сконцентрировать население в счётном количестве крупных городов, решая таким образом многие социальные проблемы. Но наиболее низкий показатель СКР как раз в крупных городах. С другой стороны, одной из устойчивых тенденций последних трёх десятилетий стало стремление населения вырваться из города, и построить дом на земле. К настоящему времени более половины построенного жилья – индивидуальное жилищное строительство. **Возвращение человека на землю – направление, которое становится массовым, но пока не стало генеральной линией государственной политики в решении вопросов демографии.** Опасение, будто на всех не хватит земли, беспочвенно. Значительная часть России – северные территории, или приравненные к ним, но даже если треть из 17 млн кв км площади России пригодна для жизни по природно-климатическим условиям, на каждого из 500 млн в будущем жителя России приходится более одного гектара земли. В этом не только решение задачи абсолютного роста численности населения страны, но и множества других – от снижения цены квадратного метра жилья до решения коммунальных проблем.

В стране более 400 опорных центров. На Дальнем Востоке – 25 городов, на укрепление социальной инфраструктуры которых предусмотрено более 4,4 трлн рублей до 2030 г. Работа, несомненно важная, но её последствия не очевидны, что можно пояснить на примере г. Владивостока. При подготовке к саммиту АТЭС в инфраструктуру города вложили более 680 млрд рублей. В нынешней программе предусмотрено более 960 млрд рублей, а вместе с г. Артём, частью Владивостокской агломерации, эта сумма превышает 1 200 млрд рублей. Заметим, численность населения этих городов немного, но растёт, а в целом Приморский край неуклонно теряет своё население (если в 1991 году численность составляла 2 340 тыс. человек, то осталось менее 1 800 тыс. Население периферии, где уровень развития социальной инфраструктуры существенно ниже, чем в краевой столице, перемещается в центральный город, и тяготеющие к нему поселения, тогда как коренное население Владивостока покидает эту территорию. Другими словами, демографический потенциал периферии сокращается, а центрального города растёт, но деградация наблюдается и там, и здесь: там количественная, здесь – качественная (по уровню образования, снижению профессионального уровня, уровню доходов).

Не будет ли подобное происходить в других опорных центрах, притягательных для жителей окрестных мест: вложения в социальную инфраструктуру, рассчитанные на жителей опорных центров, не смогут удовлетворить их потребностей, поскольку нагрузка возрастёт за счёт приехавших. То есть, когда речь идёт о развитии опорных центров, то показатели нагрузки на социальную инфраструктуру должны быть скорректированы с учётом предстоящего перемещения в них мигрантов из ближайшего окружения. А это говорит о том, что нужна разработка не краткосрочных мастер-планов, а долгосрочных Генеральных планов и схем расселения на десятилетия вперёд.

Задача 6. Миграция как способ улучшения демографической структуры

Страна потеряла несколько миллионов населения с 1991 г. Значительную часть за счёт естественной убыли населения, но заметную долю этих потерь составляет миграция. Именно миграция привела к деформации демографической структуры: доля населения до трудоспособного возраста сократилась, а доля пенсионеров существенно возросла. Уповать на преодоление сложившихся диспропорций за счёт только ускоренного воспроизводства не приходится, а потому для изменения ситуации потребуется на время интенсифицировать миграционный приток извне. Необходимо **переосмыслить содержание миграционных процессов**, которые сегодня иначе, как источник дополнительных трудовых ресурсов, не трактуется. Нуждается в переосмыслении Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Установка на абсолютный рост численности населения России, ориентирует на стимулирование притока в ближайшие 10–15 лет не менее десяти миллионов соотечественников, что позволит изменить демографическую структуру населения, а значит повысить эффективность и результативность процессов воспроизводства населения.

Задача 7. Почему начинать необходимо с Дальнего Востока?

Предлагаемая Стратегия демографической политики России 2100 как альтернатива одобренной Правительством Российской Федерации Стратегии для Дальнего Востока, разумеется, нуждается в более глубокой проработке, обсуждении, расчётах. Но принципиально важно, где и как начинать её реализацию. Более удачной территории, чем Дальневосточный Федеральный округ, в России нет: 7 млн кв км плюс 5,5 млн акватории в национальных границах, это больше Соединённых Штатов Америки. Дальний Восток – это богатейшие природные ресурсы, до которых ещё не дотянулись руки «резидентов» особых зон,

это потенциальные энергетические ресурсы, лес, рыба, драгметаллы, полиметаллические руды и многое другое.

Одиннадцать субъектов Федерации, которые нуждаются не только в координации и согласовании экономической деятельности между регионами, но и долгосрочном планировании, налаживании устойчивых кооперационных связей, углублении региональной специализации. Но значительная часть субъектов ориентирована на добычу полезных ископаемых, которые, не подвергаясь дальнейшей переработке, – нет промышленного производства – становятся предметом экспорта, а потому экономика макрорегиона преимущественно зависима от конъюнктуры внешних рынков. Те немногие масштабные проекты, которые в настоящее время реализуются на Дальнем Востоке, зачастую также уязвимы, находятся в зависимости от внешних поставок оборудования, технологий, и даже сырья.

ДФО – это репрезентативная территория для начала проведения масштабных реформ в сфере демографии, которая затрагивает или находится в прямой зависимости от решения коренных вопросов социально-экономического ус-

тройства до решения проблем пространственной организации, миграции и т.п.

Изменение подхода к решению демографических проблем макрорегиона требует ещё до начала реализации всестороннего обсуждения, расчётов, моделирования. Но крайне серьёзным ограничением является дефицит кадров в этой области. Мало того, что миграционный отток с Дальнего Востока «унёс» тех немногих специалистов, которые до недавнего времени здесь были, потенциал исполнителей Министерства Дальнего Востока в основном сосредоточен в Москве, что снижает остроту восприятия ситуации, требующей поиска нетривиальных решений, расчёта вариантов, организации дискуссий.

* * *

Обращаясь к коллегам-демографам, авторам и читателям журнала «Уровень жизни населения регионов России», выражаю надежду, что вместе нам удастся к годовщине Указа Президента о создании Совета по демографии и семейной политике подготовить предложения по изменению демографической ситуации, решению задачи расширенного воспроизводства населения в России, и доказать обществу, что демографические исследования чего-нибудь да стоят.

Информация об авторе:

Юрий Алексеевич Авдеев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской Академии наук (SPIN-код: 7481-4302) (ResearcherID: K-5937-2018)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; принята к публикации 15.06.2026.

Information about the author:

Yurii A. Avdeev – PhD in Economics, Leading Researcher, Laboratory Social and Medical Geography, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 7481-4302) (ResearcherID: K-5937-2018)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 12.05.2026; accepted for publication 15.06.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

УДК 330.101, 331, 330.59, 314, 364

JEL E2, I3, J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349

EDN GPXTXP

Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации

Юлия Александровна Шерстобитова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(missjuli02@list.ru), (<https://orcid.org/0009-0006-2035-1942>)

Аннотация

Статья посвящена обзору докладов, сделанных на научном семинаре «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации», состоявшемся в 2026 году на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2026). Представители российских научно-исследовательских и образовательных организаций обсудили актуальные проблемы по широкому кругу вопросов, касающихся сферы качества и уровня жизни: качество общества; качество трудовой жизни; качество социальных институтов; безопасность жизнедеятельности; охрана окружающей среды; уровень жизни, включая текущее и долговременное потребление товаров и услуг, и социально-экономическое неравенство. Также обсуждены субъективные оценки компонентов качества и уровня жизни. Представлены сокращённые материалы тезисов докладчиков конференции, полученные от докладчиков и систематизированные автором.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, качество трудовой жизни, демографическая политика, семейная политика, социальная поддержка инвалидов, индикаторы качества жизни, государственная социальная политика

Для цитирования: Шерстобитова Ю.А. Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 336–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349
EDN GPXTXP

CNF (Conference Proceedings)

JEL E2, I3, J01

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349

Quality and Standard of Living as Factors and Outcomes of the Sustainable Development of the Russian Federation

Yulia A. Sherstobitova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(missjuli02@list.ru), (<https://orcid.org/0009-0006-2035-1942>)

Abstract

The article is devoted to a review of the reports presented at the scientific seminar “Quality and Standard of Living as Factors and Outcomes of the Sustainable Development of the Russian Federation,” held within the framework of the St. Petersburg Economic Congress 2026 (SPEC-2026). Representatives of Russian research and educational institutions discussed a broad range of pressing issues related to quality-of-life and living-standard issues, including the quality of society, quality of working life, quality of social institutions, life safety and security, environmental protection, and the standard of living, encompassing both current and long-term consumption of goods and services, as well as socio-economic inequality. Subjective assessments of the components of quality and standard of living were also examined. The article presents abridged materials of the conference reports provided by the speakers and systematized by the author.

Keywords: quality of life, standard of living, quality of working life, demographic policy, family policy, social support for persons with disabilities, quality-of-life indicators, state social policy

For citation: Sherstobitova Yu.A. Quality and Standard of Living as Factors and Outcomes of the Sustainable Development of the Russian Federation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):336–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349 (In Russ.)

26 марта 2026 г. в рамках работы Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2026) состоялось инициированное Институтом экономики РАН заседание научного семинара «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации». На семинаре были заслушаны и обсуждены 13 докладов, которые представили учёные из Вологды, Донецка, Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы

и Челябинска. Участники семинара следующим образом акцентировали внимание на актуальных вопросах изучения качества и уровня жизни.

Доклад д-ра экон. наук, профессора **Александра Александровича Разумова**, советника генерального директора «Всероссийского научно-исследовательского института труда» Министерства труда и социальной защиты РФ («ВНИИ труда» Минтруда России), был посвящён *социальной по-*

© Шерстобитова Ю.А., 2026

литике в России как факторе устойчивого экономического роста. Докладчик сконцентрировал своё выступление на двух ключевых, по его мнению, вопросах. Это, во-первых, повышение и стимулирование рождаемости, поддержка семей с детьми, защита детства и материнства и, во-вторых, снижение бедности и неравенства, повышение доходов малоимущих семей как важного направления роста уровня и качества жизни населения.

По данным двум вопросам был сделан контент-анализ соответствующих указов Президента Российской Федерации В.В. Путина (прежде всего о национальных целях развития Российской Федерации и профильных национальных проектах), его выступлений на заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, посланий Федеральному собранию, других выступлений за последние 5 лет. Главное целезадающее положение из выступлений В.В. Путина в области сбережения народа, сохранения и приумножения российского социума, по мнению автора, было сформулировано президентом ещё в 2022 г.: «Нам удалось преодолеть последствия коронавирусной пандемии, сократить смертность, однако резкое снижение рождаемости фактически свело на нет эти достижения... Нужно изменить ситуацию к лучшему, обеспечить повышение рождаемости и рост продолжительности жизни в России».¹

В этой связи в докладе было отмечено, что ВНИИ труда по поручению Минтруда России в рамках выполнения государственного задания выполняет темы: «Мониторинг исполнения утверждённых региональных программ по повышению рождаемости, а также их влияния на изменение уровня рождаемости в регионах» [1] и «Мониторинг и оценка федеральных и региональных мер, направленных на снижение уровня бедности и повышение доходов малоимущих граждан» [2], которые по исследовательским направлениям и полученным научным результатам тесно связаны и зачастую переплетаются между собой.

Автор подчеркнул, что большую работу по повышению эффективности государственной социальной политики проводит Минтруд России, о чём, в частности, говорилось на заседании итоговой (расширенной) коллегии министерства, состоявшейся 13 марта 2026 г., в докладе Министра труда России А.О. Котякова², выступлениях участни-

ков. На коллегии были представлены многие положительные результаты практической реализации государственной социальной политики в России. Докладчик перечислил некоторые основные:

- безусловное исполнение социальных обязательств государства перед населением;

- развитие региональных программ по повышению рождаемости привело к существенному снижению темпов падения рождаемости (а в некоторых регионах – росту данного показателя), увеличению численности многодетных семей и количества детей в них;

- успешный старт национального проекта «Семья», направленного на реализацию семейной и демографической политики, поддержку многодетности, укрепление демографического и, тем самым, экономического потенциала страны. В нацпроекте «Семья» предусмотрены новые меры поддержки семей с детьми, в том числе семейные выплаты, которые с 2026 г. получают семьи с невысокими доходами, в которых растут двое и более детей;

- внедрение корпоративного демографического стандарта, заключающегося в разработке и реализации мероприятий корпоративной социальной политики по поддержке работодателями работников с семейными обязанностями и введение на предприятиях и в организациях единовременной корпоративной выплаты при рождении ребёнка. По мнению автора, данная выплата представляет собой, по существу, корпоративный материнский капитал, и, таким образом, можно говорить о триаде материнских капиталов – федеральном, региональном и корпоративном;

- усиление влияния политики доходов (адресные социальные выплаты, пособия на детей и матерей, материнский капитал и др.) на создание условий по улучшению демографической ситуации в стране;

- дальнейшее снижение уровня бедности как результат реализации активных мер на рынке труда и усиления адресных мер поддержки. Развитие социального контракта и его охват многодетных семей, что позволило в 2025 г. выйти из состояния бедности 44 % граждан, охваченных социальным контрактом.

В заключение автор остановился на следующем дискуссионном вопросе: каково «истинное» социально-экономическое неравенство в России – как по доходам, так и по общему благосостоянию [3]. Он предложил совершенствовать методы статистического учёта социального расслоения населения и его распределения по доходным и социально-демографическим группам, в том числе увеличить охват населения страны соот-

¹ Заседание Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 8 декабря 2025 г. // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/70086> (дата обращения: 15.04.2026).

² Доклад об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2025 и задачах на 2026. Минтруд России. Март 2026 г. 67 с.

ветствующими статистическими наблюдениями, главным образом расположенного на «хвостах» распределения по доходам и общему благосостоянию – самых богатых (включая владельцев крупного бизнеса, топ-менеджмент корпораций, финансово-промышленных групп, банков и т. п.) и самых бедных (прежде всего не имеющих постоянного собственного жилища и регулярных источников доходов, лиц без определённого места жительства и бездомных). Особого внимания требует учёт различных видов неформальной экономической деятельности (теневой экономики), степени её концентрации в регионах и отраслях.

В докладе «Культурная составляющая качества и уровня жизни в системе устойчивого развития России» д-ра экон. наук, доцента **Валентины Юрьевны Музычук**, заместителя директора Института экономики РАН, была затронута очень важная проблематика: влияние культуры на качество и уровень жизни народонаселения России.

Традиционно в экономике качество и уровень жизни оценивают через такие монетарные параметры, как покупательная способность и уровень доходов. Но этого явно недостаточно. В исследовании британского экономиста Р. Лэйарда, одного из основателей «экономики благополучия», «Счастье: уроки новой науки» (2012 г.) говорится о том, что за последние полвека уровень доходов в развитых странах мира вырос более чем в два раза, однако этот рост сопровождался увеличением преступности, ростом аддиктивных состояний и депрессии. Люди в этих странах не стали счастливее с ростом благосостояния. В этой связи Лэйард предложил при оценке государственной политики руководствоваться не понятием благосостояния (*wealth*), которое оценивается через такой макроэкономический показатель, как ВВП, а понятием благополучие (*wellbeing*), включающий в себя такие субъективные оценки жизни людей, как удовлетворённость жизнью и насколько люди чувствуют себя счастливыми. «Политики по всему миру задаются вопросом, является ли богатство адекватной мерой измерения благосостояния. Заговорили о важности того, как люди ощущают жизнь внутри себя» [4, с. 11]. Таким образом, государственные расходы на социально значимые отрасли (образование, здравоохранение, социальная политика) представляют собой вложения государства в благополучие граждан.

Не менее важны для благополучия граждан государственные расходы на сферу культуры, поскольку культура является неотъемлемой составляющей качества и уровня жизни народонаселения. Роль культуры в системе общественного устройства раскрывается через три её ипостаси: 1) культура как передача социального опыта;

2) культура как реализация прогностической функции; 3) культура как иной способ познания окружающего мира.

Во-первых, культура как передача социального опыта подразумевает «очеловечивание человека». Согласно академику В.С. Степину, «культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях». Причём «эти программы носят социальный характер. Они как бы надстраиваются над биологическими программами» [5, с. 33]. Кроме того, к объяснению культуры как передаче социального опыта относятся аргументы, связанные с её влиянием на качественную составляющую системы общественного устройства через совершенствование человеческого потенциала и качества жизни людей [6, с. 316–317].

Во-вторых, культура важна для воспроизводства индивидуумов, занятых творческим трудом и реализующих прогностическую функцию. Речь идёт о креативном классе (в терминах Р. Флориды), который реализует «программы, адресованные будущему» (в терминах В.С. Степина). По мнению отечественного философа А. Гулыги, «художник не только видит, но и предвидит» [7, с. 4]. Культура – это не только сохранение ценностей и традиций, это и взгляд в будущее через прозрение и готовность воплотить новое знание в инновациях.

В-третьих, культура и искусство представляют собой иной способ познания окружающего мира. «Искусство – важное средство познания» [7, с. 11]. Для формирования полноценной картины мира рациональность науки с её системным мышлением следует дополнить искусством с его палитрой художественных образов. Экономисты, в свою очередь, подчёркивали, что «в культуре и искусстве, в отличие от науки, познание действительности происходит не посредством понятий, умозаключений, а посредством живых образов. ... Культура и искусство призваны способствовать правильному пониманию и преобразованию человеком окружающего мира. Культура и искусство как отрасль общественно полезного труда, изображая жизнь, вскрывает за внешней видимостью явлений их действительную сущность, помогает разобраться во всей сложности общественных процессов, отношений, человеческих характеров» [8, с. 27].

Культурологи выделяют два процесса «окультуривания» человеческой личности: социализацию и инкультурацию. В этой связи огромное значение приобретает *культурная среда* как

триада: люди культуры, культурный контент и инфраструктура культуры. Причём все три составляющие работают именно в связке, а не отдельно друг от друга. Таким образом, оценки качества и уровня жизни людей необходимо дополнить социокультурными параметрами.

Доклад д-ра экон. наук **Ольги Анатольевны Кислицыной**, главного научного сотрудника Института экономики РАН, был посвящён качеству жизни в современную эпоху в аспектах доверия, страхов и социального принятия искусственного интеллекта в сферах труда и здравоохранения в России. Автор подчеркнула, что в современную эпоху качество жизни человека начинает определяться не только материальным благополучием [9], но и характером его взаимодействия с цифровыми алгоритмами³, формирующими информационную среду, влияющими на принятие решений, социализацию и здоровье [10]. Исследование направлено на выявление социально-экономических факторов, формирующих отношение россиян к искусственному интеллекту (ИИ) в двух наиболее чувствительных сферах: здравоохранении и трудовой деятельности. Информационной базой исследования послужили данные 33-го раунда РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2024 г⁴. Методология опирается на применение бинарной логистической регрессии.

Зафиксирован «цифровой парадокс»: несмотря на высокую техническую оснащённость россиян (около 80% владеют смартфонами), в обществе наблюдается информационный вакуум. Почти 62% не имеют чёткого представления о возможностях ИИ, а доля регулярных пользователей ИИ составляет критически малые 1,4%.

В здравоохранении выявлен феномен «оптимизма на расстоянии»: 72% признают общую пользу технологий для отрасли, но почти 80% не ощущают их влияния на личное здоровье. Негативно оценивают использование ИИ в здравоохранении женщины, пожилые, жители областных центров, работники вне медицинской сферы. Высокий доход и плохое/удовлетворительное состояние здоровья снижают вероятность негативной оценки. Низкая цифровая грамотность остаётся главным фактором негативного восприятия ИИ в сфере здравоохранения.

³ Guidelines on Measuring Subjective Well-being (2025 Update) // OECD: [сайт]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-guidelines-on-measuring-subjective-well-being-2025-update_9203632a-en.html3 (дата обращения: 04.04.2026).

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН // НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 04.04.2026).

В сфере труда преобладает «иллюзия неуязвимости»: 70% убеждены, что развитие ИИ не затронет их деятельность. Негативные оценки влияния ИИ концентрируются в «полярных» группах: среди социально уязвимых и высокообразованных. Низкая цифровая грамотность усиливает тревогу перед ИИ. В зоне риска находятся «белые воротнички» – чиновники, офисные работники и представители информационно-аналитического сектора, а также квалифицированные рабочие машинного труда. Занятые переработкой и производством демонстрируют относительное спокойствие. На вопрос «заменит ли вас ИИ через 5 лет?» большинство (56%) дают твёрдый ответ «нет». Ещё 36% предполагают, что ИИ заменит отдельные функции, 8% допускают, что ИИ сможет работать «так же хорошо» (7%) или «лучше» (1%). Молодёжь признаёт превосходство ИИ, высокообразованные отрицают даже техническую возможность своей замены. Риски сосредоточены в офисной, информационно-аналитической сферах, среди фрилансеров и самозанятых, тогда как чиновники, представители науки и образования, а также квалифицированные рабочие ручного труда демонстрируют наибольшую уверенность в своей незаменимости.

В заключении формулируются долгосрочные прогнозы до 2030 г. В качестве ключевых вызовов рассматриваются углубление цифрового разрыва, трансформация структуры занятости среднего класса и ограниченная интеграция ИИ в практическое здравоохранение в связи с недоверием населения. Рост качества жизни более вероятен среди групп, обладающих развитой алгоритмической грамотностью и способных эффективно интегрировать ИИ в повседневные практики.

В докладе канд. экон. наук **Ольги Николаевны Калачиковой**, ведущего научного сотрудника, заместителя директора по научной работе Вологодского научного центра РАН (г. Вологда) автор обосновывает значимость оценки качества жизни семьи, как ключевого института формирования человеческого капитала. В контексте общественно-значимых выполняемых функций современная семья вынуждена искать их баланс исходя из имеющихся ресурсов. Например, массовая молодёжь стала компромиссом репродуктивной и экономической функций семьи в условиях высоких требований к качеству жизни и воспитанию детей. Следует отметить, что родители сами должны обладать соответствующим человеческим потенциалом для формирования его у детей. В контексте удовлетворения потребностей семьи качество жизни определяет его степень. При этом подразумевается весь спектр потребностей, которые функционально удовлетворяет институт

семьи. Акцентируем внимание на потребности в детях и ресурсах, необходимых для её удовлетворения в условиях конкуренции потребностей и, соответственно, функций семьи. Набор и объём ресурсов, необходимых для успешного выполнения семьей её функций, будет различаться в зависимости от состава домохозяйств, наличия иждивенческой нагрузки. Учесть происходящие изменения и определить существующие требования к ресурсообеспеченности позволяют концепции жизненного цикла семьи [11] и благополучной счастливой семьи [12]. В предлагаемом подходе автор исходил из оценки «материальных» и «нематериальных» ресурсов, необходимых семье. К числу первых относятся ресурсы уровня жизни (в первую очередь, жильё и доходы [13]), ко вторым отнесены компетенции (или грамотность в сферах, позволяющих семье успешно реализовывать свои функции) и время. Авторская гипотеза предполагает объективно обусловленное наличие этапов жизненного цикла семьи, на которых требуются существенные материальные ресурсы. Это этап создания семьи, на котором требуется обеспечение супружеской пары отдельным пространством (жильём), предметами быта и т.д. Сама по себе свадьба как социокультурно обусловленное событие, сопровождающее переход к демографическому статусу женатых людей, требует затрат. В фазе экспансии семье необходимо обеспечить «инфраструктуру» детям: пространство, мебель, одежда и пр. А также происходит и расширение расходной части бюджета на детское здравоохранение, досуг, образование, т.е. на этапах создания семьи как отдельной экономической ячейки, при переходе к родительству требуются крупные затраты. Их вероятность в дальнейшем может быть связана с переходом к многодетности, поскольку он может повлечь необходимость расширения жилплощади. В фазах зрелого брака, «пустого гнезда», одиночества оснований для крупных затрат, обусловленных сменой демографического статуса, нет. В сфере компетенций соответственно этапам жизненного цикла семьи необходимы: планирование, коммуникация, финансовая грамотность, разрешение конфликтов, детская психология и физиология, навыки ухода за детьми, организация детско-родительских и супружеских отношений в новом статусе родителей, выстраивания отношений в сиблинговой системе, отношений с взрослыми детьми, прародительства, одинокого проживания и сохранения связей с детьми и внуками. В перспективе предполагается апробация предлагаемого подхода на эмпирических данных.

В докладе член-корреспондента РАН, д-р экон. наук, профессора **Ирины Ильиничны Ели-**

севой, профессора кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург) и канд. экон. наук, доцента **Марии Павловны Декиной**, доцента кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург) была дана оценка влияния образования на уровень жизни на основе микроданных выборочных наблюдений. Образование выступает важнейшей характеристикой качества жизни [14]. Общеизвестна модель Дж. Минцера, в которой заработная плата рассматривается как переменная, зависящая от образования и стажа работы [15]. Значимая информация для исследования роли образования содержится в базах данных многих выборочных статистических обследований, в частности, в материалах КОУЖ⁵, дающих возможность следующих разрезов анализа: на основе заработной платы работника, дохода индивида, общего дохода домохозяйства и среднедушевого дохода члена домашнего хозяйства. Оценка влияния различных факторов выполнена методом многоуровневого моделирования. В рамках многоуровневых моделей определяется процент вариации зависимой переменной дохода от различных уровней дифференциации, что позволяет измерить вклад каждого из оснований дифференциации. Кроме монетарных характеристик в качестве оснований дифференциации индивидов рассматривались также такие характеристики индивидов, как пол, возраст, стаж работы, занимаемая должность, вид экономической деятельности, тип населенного пункта, субъект РФ, федеральный округ РФ и пр. Использовались микроданные двух выборочных наблюдений Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по социально-демографическим проблемам: Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) и Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН). Объём выборки домашних хозяйств этих наблюдений составил 60 тысяч домашних хозяйств и свыше 100 тыс. индивидов. По данным ВНДН в 2023 г. вклад образования в вариацию заработной платы занимает первое место и составляет 24,3%, на втором месте – социально-профессиональная группа респондента (23,7%), а на третьем – субъект РФ (21,0%). Вклад указанных факторов примерно равный, вместе с тем, фактор образования показывает свою первостепенную значимость.

Доклад канд. социол. наук **Светланы Владимировны Мареевой**, заведующей Центром иссле-

⁵ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 02.03.2026).

дований неравенства и уровня жизни Института социальной политики НИУ ВШЭ (г. Москва), был посвящён проблеме *неравенства в уровне и качестве жизни населения как одному из ключевых вызовов реализации целей устойчивого развития современной России*.

Согласно представленным результатам, при умеренно высоком уровне неравенства доходов в массовых слоях населения Россия характеризуется крайне высокой концентрацией доходов и особенно богатства в верхнем 1%. Тем самым специфика российской модели монетарного неравенства определяется не столько его уровнем, сколько конфигурацией [16]. При этом качество жизни формирует самостоятельное немонетарное измерение неравенства, не сводимое к доходам и богатству, и в определённой степени сглаживающее различия в доходном распределении [17].

Обобщение результатов анализа показывает, что как доходные, так и немонетарные характеристики отражают различные, хотя и взаимосвязанные проявления единой модели неравенства. Её особенности позволяют охарактеризовать современное российское общество как «общество массовых средних слоёв» как по доходам, так и по качеству жизни, что выступает значимым ресурсом социальной устойчивости [18].

В то же время данная модель сопряжена с рядом существенных рисков. Во-первых, средние слои характеризуются сравнительно скромным уровнем доходов и качества жизни. Их положение по ряду параметров оказывается ближе к нижним группам, чем к верхним [19]. Это ограничивает их возможности выступать социальной базой долгосрочной социально-экономической устойчивости. Во-вторых, зоны низких доходов и низкого качества жизни остаются достаточно массовыми (превышая уровень официальной бедности). В-третьих, специфика российской модели неравенства определяется чрезвычайно высокой концентрацией доходов и богатства, а также возможностей в узкой «верхушке». При этом устойчивость «верхушки» контрастирует с неустойчивостью массовых слоёв.

Возможности и риски устойчивости связаны также со спецификой восприятия неравенства населением страны [20]. С одной стороны, сохраняется толерантность к неравенству доходов и различным его проявлениям при условии легитимности его оснований и исходного равенства возможностей. С другой, разрыв между нормативными ожиданиями и реальной моделью социальной структуры обуславливает восприятие неравенства россиянами как излишне высокого и несправедливого, а также формирует устойчивый общественный запрос на активную роль го-

сударства в его регулировании. Тем самым, принципиальная готовность россиян к неравенству сосуществует с неудовлетворённостью его конкретной конфигурацией.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что обеспечение устойчивого развития России требует перехода от политики борьбы с бедностью к стратегии расширения зоны устойчиво высокого уровня и качества жизни населения. Формирование стабильного ядра массовых слоёв с устойчивыми характеристиками уровня и качества жизни выступает необходимым условием трансформации модели «общества массовых средних слоёв» в модель устойчивого развития, в которой неравенство выполняет преимущественно стимулирующую, а не деструктивную функцию. При этом ключевым является не столько снижение неравенства как такового, сколько изменение его конфигурации и оснований.

Доклад д-р экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ **Вячеслава Николаевича Бобкова**, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Института экономики РАН (г. Москва), был посвящён проблеме обоснования теоретико-методологического подхода к изучению уровня жизни. Авторский подход продолжает традицию научной школы изучения уровня жизни, основанную во Всероссийском центре уровня жизни [21; 22] и развиваемую в настоящее время в Институте экономики РАН.

Он получил условное название «нормативно-статистический подход к изучению уровня жизни» (далее НСП). Его суть состоит в выявлении социальных стандартов потребления, представляющих собой нормативные потребительские бюджеты, характеризующие пороговые значения перехода от низких к высоким стандартам уровня жизни.

Наряду с выявленными социальными стандартами НСП включает выявление в рядах распределения населения по ресурсам, используемым для потребления (совокупные душевые доходы, душевые денежные доходы, потребительские расходы, сбережения, жилище и др.), информативных статистических точек (мода, медиана, среднедушевое значение и др.), которые позволяют дополнить пороговые значения перехода от низких к более высоким стандартам уровня жизни, а также упростить практическое применение социальных стандартов, «привязать» часть из них к статистическим точкам в рядах распределения населения по ресурсам, используемым на потребление.

В докладе был представлен один из аспектов рассматриваемого подхода к изучению уровня жизни, состоящий в выявлении уровня текущего потребления населения, обеспечиваемого ресур-

сами душевых денежных доходов и покупательной способностью населения по доходам (ПС).

НСП на данном этапе позволил выявить в нашей стране пять больших социальных групп, различающихся «моделями» уровня жизни: наименее обеспеченные ($ПС < ПМ^6$), низкообеспеченные ($ПМ < ПС < 2ПМ = МПБ^7$), обеспеченные ниже среднего уровня ($2ПМ < ПС < СДД^8 = СППБ^9$), среднеобеспеченные ($СДД < ПС < 11ПМ^{10}$, в их составе идентифицированы три слоя: нижний, ядро, верхний) и высокообеспеченные группы населения ($ПС > 11ПМ$) [23].

В докладе приведены оценки уровня жизни населения в 2022–2024 гг., измеренные покупательной способностью населения по душевым денежным доходам. Доля средне- и высокообеспеченных групп населения, в которых реализовывались модели расширенного воспроизводства уровня жизни, была представлена, примерно, одной третью населения. В 2024 г. их удельный вес составлял 35,0%, снизившись на 0,6 п.п. по сравнению с 2023 г. и на 1,0 п.п. по сравнению с 2022 г. Наоборот, доля трёх нижних групп (обеспеченных ниже среднего уровня, низко- и наименее обеспеченных), не осуществляющих расширенное воспроизводство уровня жизни, оценивалась, примерно, двумя третями населения. В 2024 г. их удельный вес составлял 65% и вырос, соответственно, на 0,6 п.п. и 1,0 п.п. [24].

Нормативно-статистический подход к изучению уровня жизни позволяет проводить специальный Мониторинг доходов и уровня жизни, включающий наряду с показателями, публикуемыми официальной статистикой, более 25-ти оригинальных, основанных на НСП, индикаторов экономического и социального положения населения, имеющих важное значение для реализации целей российской государственной социальной политики [25].

Доклад канд. экон. наук **Елены Валерьевны Одинцовой**, ведущего научного сотрудника Института экономики РАН (г. Москва), был посвящён проблеме *(не)устойчивости уровня жизни российских домохозяйств*. Согласно авторскому подходу, (не)устойчивость уровня жизни рассматривается в двух проекциях: устойчивость – неустойчивость и стабильность – нестабильность. (Не)устойчивость определяется при оценивании типа

⁶ ПМ – среднедушевой прожиточный минимум;

⁷ МПБ – среднедушевой минимальный потребительский бюджет.

⁸ СДД – информативная статистическая точка среднедушевых денежных доходов в ряду распределения населения по душевым денежным доходам.

⁹ СППБ – социально приемлемый потребительский бюджет.

¹⁰ 11ПМ представляет нижнюю границу, идентифицирующую группу населения с высоким уровнем жизни.

воспроизводства (суженное, простое, расширенное) уровня жизни домохозяйств на основе следующих базовых критериев – покупательная способность по денежным доходам, сбережения и жилищная обеспеченность [26]. По каждому из критериев для идентификации (не)устойчивости уровня жизни автором применяются социальные стандарты [27; 28; 29], фиксирующие пороговую границу перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни. Обобщение ситуации по всем трем критериям позволяет составить интегральную характеристику и провести позиционирование домохозяйств в группах (1) с устойчивым уровнем жизни, (2) с неустойчивым уровнем жизни и (3) в переходных группах. При оценивании (не)стабильности уровня жизни рассматривается (не)изменность характеристики устойчивости уровня жизни и перемещение домохозяйств между группами (1) – (3) [26].

Наложение предложенной автором «теоретической рамки» на микроданные *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ*¹¹ показало, что группы домохозяйств с устойчивым уровнем жизни являются небольшими (0,3% среди домохозяйств с детьми, 2,4% среди домохозяйств без детей). Домохозяйства, попавшие в эти группы, удовлетворяют критериальным стандартам по всем трем рассматриваемым критериям. В них обеспечено расширенное воспроизводство уровня жизни. В домохозяйствах с неустойчивым уровнем жизни (65,2% среди домохозяйств с детьми, 48,5% среди домохозяйств без детей) обеспечено его суженное или простое воспроизводство. Эти домохозяйства не соответствуют критериальным стандартам по всем трем критериям для идентификации устойчивости уровня жизни. Остальные домохозяйства (34,5% среди домохозяйств с детьми и 49,1% среди домохозяйств без детей) не соответствуют одному или двум критериальным стандартам и находятся в переходных группах [26].

Доклад **Юлии Александровны Шерстобитовой**, младшего научного сотрудника Института экономики РАН (г. Москва), был посвящён характеристике дискуссионного поля в части критериев и границ средне- и высокообеспеченных групп населения. Автор отмечает, что вопросы повышения уровня жизни населения и изменения результатов его распределения приобретают

¹¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН // НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 04.04.2026).

всё большую значимость, поскольку являются важной социально-экономической характеристикой российского общества, влияющей на устойчивость социально-экономического развития страны. В настоящее время нет согласованной и общепризнанной идентификации границ социальных групп населения по уровню жизни, особенно, по отношению к средне- и высокообеспеченному населению, что подчёркивает необходимость продолжения комплексных исследований этих вопросов.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривалось решение задачи увеличения доли «среднего класса» до 60–70%.¹² Такая достаточно амбициозная задача на практике достигнута не была. По оценкам учёных Института экономики РАН, доля среднеобеспеченной группы населения в 2020 году составила 33,5%. [29] Действующий «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» предусматривает три сценария (консервативный, инновационный и форсированный), в каждом из которых отмечается разная доля «среднего класса». Так, в рамках консервативного, на наш взгляд, наиболее вероятного сценария, доля «среднего класса» может составить около трети населения к 2030 году.¹³

На примере нормативно-статистического и относительного медианного подходов к изучению дифференциации уровня жизни, показано, что исследователи по-разному трактуют критериальные границы социальной структуры населения. Группа со средним уровнем жизни в рамках нормативно-статистического подхода составляла 32,2% в 2023 году (ядро – 15,2%), в то время как в рамках относительного медианного подхода доля среднедоходной группы составляла 20,4%. [23] Анализ высокодоходных групп показывает ещё большие расхождения из-за разных критериальных границ их идентификации. При этом существуют и другие подходы для оценки доходного неравенства.

Отсутствие консенсуса в вопросах идентификации средних и высокообеспеченных групп формирует проблематику дальнейших исследований. Автору представляется целесообразным уточнить критериальные границы средних и

высокообеспеченных групп за счёт их идентификации с использованием не только критерия покупательной способности душевых денежных доходов. Предлагается наряду с этим критерием использовать критерий сбережений, а также имущественные критерии: обеспеченность жилищем и земельными участками, а также цифровыми и финансовыми активами. Две последние группы активов играют всё возрастающую роль при переходе от средних к высокообеспеченным группам населения.

Канд. экон. наук **Дмитрий Александрович Плетнёв**, директор Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения РАН, доцент Челябинского государственного университета представил в своём докладе результаты разработки *интегрального индекса качества жизни в российских регионах с учётом предпочтений жителей*. Важность этой научной задачи объясняется широким распространением в риторике руководителей страны и регионов этого понятия и, как следствие, стремление к повышению «качества жизни», до сих пор не имеющего ни строгого конвенционального определения, ни признанной методики измерения. Это создаёт ситуацию, описанную «законом» Гудхарта: когда мера становится целью, она перестает быть хорошей мерой. И важно иметь инструмент измерения качества жизни, который отвечал бы требованиям прозрачности, объективности, точности. Для оценки качества жизни на региональном уровне последнее требование предполагает, что необходим учёт региональных особенностей восприятия качества жизни, его восприятия жителями. Анализ существующих в мировой и российской практике подходов к измерению качества жизни показал несколько системных проблем. Во-первых, мировые индексы качества жизни (Numbeo, US News Best Countries, CEO World Magazine, Worlddata) единообразно отражают определённую политическую позицию, доминирующую в западных странах, согласно которой и безопасность, и здравоохранение, да и другие компоненты качества жизни в России в разы хуже, чем в любых странах Запада [30]. С учётом непрозрачности используемых методик и их очевидной спорности (например, опрос посетителей сайта), мировой опыт измерения качества жизни практически не применим к российским реалиям. Во-вторых, российские академические подходы к разработке рейтингов качества жизни в подавляющем большинстве случаев строятся на показателях доходов или валового регионального продукта, и не отражают ни социальный, ни «средовой» аспекты качества жизни. В-третьих, российские экспертные рейтинги отличаются непрозрачностью и уже превратились в

¹² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»).

¹³ «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России).

«цель», перестав быть хорошей мерой. Согласно авторскому подходу, индекс качества жизни должен определяться на основе объективных общедоступных показателей, отражающих все значимые компоненты качества жизни (материальное благополучие, качество трудовой жизни, образование и здравоохранение, связанность пространства, экология, безопасность, качество досуга, а также собственно демографический аспект) [31], интегрированных при помощи модифицированного метода TOPSIS, набор которых может меняться в процессе постоянного применения и совершенствования индекса, а также сверки полученных результатов с данными опросов. С другой стороны, важной особенностью предложенного подхода является гибкая система весов отдельных компонентов, уникальная для каждого региона и определяемая при помощи опроса жителей или экспертных оценок.

Апробация предложенного подхода показала, что многие высокие позиции в рейтинге, в сравнении с подходами АСИ и РИА-рейтинг, заняли регионы с более высокими значениями «социальных» компонентов качества жизни. Вместе с тем следует отметить, что предложенный подход – это не готовый ответ на вопрос о том, как избежать действия «закона» Гудхарта применительно к качеству жизни, а скорее приглашение к дискуссии и продолжению совместной разработки интегрального индекса качества жизни для российских регионов, отвечающего требованиям научности, относительно легко вычисляемого и слабо подверженного влиянию органов исполнительной власти, заинтересованных в его высоких значениях.

Доклад **Вадима Игоревича Рязанцева**, младшего научного сотрудника Института экономики РАН (г. Москва), был посвящён исследованию динамики социально-экономической дифференциации по покупательной способности душевых денежных доходов. Были рассмотрены основные источники доходов людей с инвалидностью и дифференциация по покупательной способности в 2017 и в 2024 годах.

Объектом исследования выступили домохозяйства, состоящие из инвалидов. Предмет исследования – размеры и динамика дифференциации уровня жизни людей с инвалидностью. Методологической основой исследования является нормативно-статистический подход, основанный на нормативных потребительских бюджетах и информативных точках в рядах распределения населения и общего объёма денежных доходов по душевым денежным доходам. Базовый социальный стандарт, на основании которого построены группы по покупательной способности – прожиточ-

ный минимум пенсионера. Источники данных – РМЭЗ НИУ ВШЭ 26 и 33 волн (2017 и 2024 гг.).

По данным Росстата, в 2024 году средний доход на одного члена домохозяйства, состоящего только из людей с инвалидностью, составил 41218,7 рублей, из них социальные выплаты – 30648 рублей (74%), доход от трудовой деятельности – 8254,7 рублей (20%). В 2017 году в среднем доход на члена таких домохозяйств составил 25 287,5 рублей, из них социальные выплаты – 21 455,9 рублей (84,8 %), доход от трудовой деятельности – 3 376,4 рублей (13,3%).¹⁴

В структуре социальных выплат выделяются пенсии и пособия. В 2024 году размер пенсий составлял 24 709,7 рублей (59,9% от среднедушевых денежных доходов членов домохозяйств, состоящих только из людей с инвалидностью), в 2017 – 16 268,7 рублей (64,3%), размер пособий в 2024 году составил 5 187,2 рублей (20,5%), в 2017 – 5 938,5 рублей (14,1%).¹⁵ Таким образом, средний душевой доход вырос на 63%, увеличилась доля дохода от трудовой деятельности с 13,3% до 20%, снизилась доля дохода от социальных выплат на 10,8%. Люди с инвалидностью стали меньше зависеть от государственной социальной помощи. При этом сохранилось её преобладающее значение в структуре душевых денежных доходов людей с инвалидностью.

В 2017 году наименее обеспеченные среди людей с инвалидностью составляли 3%, низкообеспеченные – 45,7%, обеспеченные ниже среднего уровня – 36,2%, среднеобеспеченные – 14,7%, в том числе периферия – 9%, ядро – 5,7%, высокообеспеченные – 0,4%. В 2024 году наименее обеспеченные составляли 2,7%, низкообеспеченные – 47,8%, обеспеченные ниже среднего уровня – 40%, среднеобеспеченные – 8,9%, в том числе нижний средний слой – 4,1%, ядро – 4,6%, верхний средний слой – 0,2% и высокообеспеченные – 0,6% [32; 24].^{16,17}

В целом наблюдался низкий уровень жизни людей с инвалидностью – в 2017 году 84,9% не достигали среднего слоя, в 2024 году этот показатель вырос и составил 90,5%. В структуре групп по покупательной способности среднедушевых

¹⁴ Положение инвалидов // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 03.04.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Для расчёта использовались социальные стандарты из: Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2018 год / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков, Е.В. Одинцова, Е.А. Черных; техн. сост. М.А. Юдина. М., 2019. С. 66. ISBN 978-5-4465-2334-4 EDN UUGHVO

¹⁷ Для расчёта использовались социальные стандарты из: Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3(204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. С. 110. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA

денежных доходов выявлено незначительное сокращение наименее обеспеченных (-0,3%), увеличение групп с низким (+2,1%) и с ниже среднего (+3,8%) уровнем жизни, сокращение среднего слоя (-5,8%).

Доклад д-ра экон. наук **Зульфии Мирзовны Ишназаровой**, доцента Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (г. Уфа) был посвящён проблеме качества жизни населения в Республике Башкортостан в контексте мировой и российской динамики.

Согласно авторской методике оценки качества жизни населения предлагается в качестве дополнительных (субъективных) показателей учитывать результаты социологических исследований, которые, наряду с основными (объективными) официальными статистическими данными, позволяют сформировать целостный информационный массив для принятия органами государственной власти сбалансированных регулирующих мер по повышению качества жизни населения в регионе; включает инструментарий составления рейтингов качества жизни в различных проекциях, с различной степенью детализации и декомпозиции, имеет гибкую настройку формирования итоговых результатов, что позволяет провести оценку качества жизни с учётом влияния современных условий (цифровизация, интеллектуализация и дематериализация потребляемых продуктов, перенос трудовой деятельности и сферы услуг в дистанционную форму) [33].

Предлагается качество жизни населения рассматривать как комплекс взаимосвязанных компонентов, определяющий социально-экономические [34] и иные условия жизнедеятельности (личная и общественная безопасность, образовательная среда, культурно-нравственное и социальное развитие), *структура и состав которых могут меняться в зависимости от временных тенденций, оказывающих влияние на формирование у населения актуального набора компонентов качества жизни* [35].

Проведённый анализ основных показателей показал, что Республика Башкортостан отстаёт от мировых и общероссийских по ряду показателей (за 2023–2024 гг.):¹⁸ ожидаемой продолжительности жизни (73,4 года – в мире, 73,2 года – в России и 73,1 года – в регионе), расходов на здравоохранение на душу населения (4000 – в мире, 1500 – в России и 1200 – в регионе (в долл. США по паритету покупательной способности)), индексу

реальных доходов населения (102,5% – в мире, 103,0% – в России и 99,7% – в регионе), доли расходов на образование в структуре ВРП (ВВП) (4,8% – в мире, 3,7% – в России и 3,3% – в регионе), однако опережает общероссийские по следующим показателям: темпу роста расходов на здравоохранение (110% – в мире, 125% – в России и 140% – в регионе), обеспеченности жильём (кв. м на чел.) и опережает мировые и общероссийские значения субъективного показателя «удовлетворённость жизнью» (5,45 баллов – в мире, 5,50 баллов – в России, 5,60 баллов – в регионе).

Доклад канд. экон. наук **Марины Владимировны Борисенко**, заведующей отделом социально-экономических исследований Института экономических исследований (г. Донецк), был посвящён анализу институциональных барьеров и диспропорций уровня жизни в новых субъектах РФ в контексте нооперевода, на примере ДНР. В центре внимания находится интеграция ДНР в социально-экономическое пространство России как процесс не только восстановления инфраструктуры, но прежде всего воспроизводства качественного человеческого капитала, который необходим для обеспечения технологического суверенитета страны. Исследование опирается на теоретические положения концепции нооперевода, предполагающей переход к экономике знаний, смену технологического уклада и формирование «умного» производства, где знание становится базовым ресурсом развития [36].

В эмпирической части доклада рассмотрены ключевые проявления диспропорций уровня жизни в ДНР: демографическое давление и старение трудового ядра, экстремальный «рынок соискателя» при дефиците квалифицированных кадров, значительный разрыв в заработной плате по сравнению со среднероссийским уровнем, а также феномен «работающих бедных», при котором занятость не гарантирует выхода из бедности. Отдельно анализируются различия в доходах и стоимости потребительской корзины по отношению к соседним регионам, что усиливает разрыв в уровне жизни населения [37, с. 223–229].

Особое внимание уделено институциональным барьерам, выступающим системными причинами выявленных диспропорций: нормативной дискриминации интеллектуального труда в науке и образовании, «ловушке МРОТ» в бюджетном секторе, а также формализму управления, при котором декларируемый курс на наукоёмкие отрасли не подкрепляется соответствующей системой материальных стимулов [38]. Показано, что подобная конфигурация институтов блокирует воспроизводство «человека знания» и тем самым

¹⁸ World Happiness Report 2026 // World Happiness Report: [сайт]. URL: <https://www.worldhappiness.report/ed/2025/> (дата обращения: 15.02.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели 2025 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.02.2026).

ограничивает включение новых территорий в контур нооиндустриального развития России.

В докладе предлагается комплекс возможных решений, ориентированных на нооинструменты и системные реформы: корректировка тарифной политики в отношении квалифицированного труда, переход к управлению, основанному на показателях сохранения и развития человеческого потенциала, а также создание экосистемы специализированных проектов в сфере образования, здоровья и психологической реабилитации населения. Обосновывается, что в условиях нооперехода главным критерием успешной интеграции новых регионов должно стать сокращение разрыва в уровне и качестве жизни и формирование устойчивых условий для воспроизводства человеческого капитала, способного обеспечивать вклад в технологический суверенитет России¹⁹.

Заключение

В целом материалы научного семинара «Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации», состоявшегося в 2026 году на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2026), показали, что проблематика качества и уровня жизни населения в современных условиях приобретает всё более комплексный характер и выходит за рамки исключительно экономического анализа. Представленные доклады продемонстрировали тесную взаимосвязь демографических процессов, трансформации рынка труда, неравенства, социальной политики, развития человеческого потенциала и институциональных условий устойчивого развития. Анализ докладов свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теоретико-методологических подходов к исследованию качества и уровня жизни населения.

Список источников

1. Мусин Э.Р. Государственная поддержка семей с детьми: особенности региональных программ и классификация мероприятий по повышению рождаемости. Социально-трудовые исследования. 2024. № 4(57). С. 119–129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-119-129> EDN WWPGRJ
2. Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 EDN JJPCCKB
3. Разумов А.А. Уровень и качество жизни населения России: новые повороты научных исследований // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 164–169. <https://doi.org/10.31857/S013216250026599-1> EDN WOVUFB
4. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. 416 с.
5. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 542 с. ISBN 978-5-8291-1717-7
6. Hansen T.B. Measuring the Value of Culture. *The European Journal of Cultural Policy*. 1995;1(2):309-322. <https://doi.org/10.1080/10286639509357988>
7. Гулыга А.В. Искусство в век науки. М.: Наука, 1978. 182 с.
8. Агабабян Э.М. Экономические основы воспроизводства нематериальных благ при социализме. М.: Наука, 1983. 272 с.
9. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 216 с. ISBN 978-5-93255-427-2
10. Шишов С.Е., Кальней В.А. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический контекст и современные вызовы // Гуманизация образования. 2025. № 1. С. 103–128. <https://doi.org/10.24412/2541-8734-2025-1-103-128> EDN ORMJAY
11. Ляликова С.В. Понятие жизненного цикла семьи и особенности его типологизации в работах отечественных ученых с привлечением исследовательских данных // Социология. 2019. № 6. С. 233–248. EDN QOQBNA
12. Ростовская Т.К., Калачикова О.Н. Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ // Logos et Praxis. 2022. Том 21. № 1. С. 54–65. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6> EDN FYWVIV
13. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // Мир новой экономики. 2021. Том 15. № 2. С. 16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28> EDN RKNAKU
14. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. М.: Наука, 2012. 432 с. ISBN 978-5-02-037968-8
15. Mincer J. *Schooling, Experience and Earnings*. New York: National Bureau of Economic Research; 1974. 152 p.
16. Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 78–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.664> EDN IXMBEZ
17. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2022. <https://doi.org/10.55604/9785777708731> EDN XJGBFE

¹⁹ Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения научно-технологического суверенитета Российской Федерации».

18. *Мареева С.В.* Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090012> EDN QXFCVVB
19. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / под ред. Н.Е. Тихоновой. С-Пб.: Нестор-История, 2018. 368 с. ISBN 978-5-4469-1419-7 <https://doi.org/10.317544469-1419-7> EDN YSPCNF
20. *Мареева С.В.* Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Том 25. № 2. С. 344–362. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362> EDN AIWOMB
21. *Бобков В.Н.* История и перспективы нашей деятельности // Уровень жизни населения регионов России. 2006. № 10-11(104-105). С. 9–18. EDN MBWCCZ
22. *Бобков В.Н.* 20 лет ОАО «Всероссийский центр уровня жизни: 2006–2011 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2012. №6(172). С. 2–5. EDN OYWIXD
23. *Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б.* Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
24. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3(204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
25. *Бобков В.Н., Гулюгина А.А.* 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1> EDN ASIDQD
26. *Одинцова Е.В.* Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 EDN AUWQTH
27. Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности: [научная монография] / Е.В. Одинцова, А.А. Гулюгина, Е.Е. Гришина [и др.]; под ред. Е.В. Одинцовой. Ижевск: Шелест, 2025. 228 с. ISBN 978-5-908023-14-6 EDN JXHBBQ
28. Средние классы в капиталистической России: [научная монография] / под ред. В.Н. Бобкова. М.: КноРус, 2019. 208 с. ISBN 978-5-406-00366-4 EDN VAISCV
29. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2020 год: [монография] / В.Н. Бобков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: «Фабрика Офсетной Печати», 2021. 116 с. ISBN 978-5-89697-361-4 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021>
30. *Плетнев Д.А., Меленькина С.А., Нестеренко И.Ю.* Логика интегральной оценки качества жизни на основе общедоступных показателей // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 12(506). С. 38–52. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-506-12-38-52> EDN PCJUZO
31. *Плетнев Д.А.* Особенности межстрановой оценки качества жизни в зарубежных рейтингах // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 11(493). С. 141–147. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-493-11-141-147> EDN AYWEFU
32. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2018 год / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков, Е.В. Одинцова, Е.А. Черных; техн. сост. М.А. Юдина. М.: Фабрика Офсетной Печати, 2019. С. 66. ISBN 978-5-4465-2334-4 EDN UUGHVO
33. *Ишназарова З.М.* Качество жизни населения Республики Башкортостан в условиях цифровизации: методика оценки и управленческие приоритеты // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Том 21. № 4(511). С. 656–668. <https://doi.org/10.24891/re.21.4.656> EDN IWDFIU
34. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
35. *Ишназарова З.М.* Качество жизни населения Республики Башкортостан: сравнительный анализ жилищных условий и инфраструктуры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Том 20. № 1(430). С. 27–49. <https://doi.org/10.24891/ni.20.1.27> EDN EIVMVD
36. *Бодрунов, С.Д., Глазьев С.Ю.* Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать: [монография]. Санкт-Петербург: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2023. 340 с. ISBN 9785000201084 EDN AEDAYS
37. *Половян А.В., Синицына К.И.* 2.3.7. Потребительская корзина // Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: [коллективная монография] / под науч. ред. А.В. Половяна. Донецк: Институт экономических исследований, 2023. С. 223–230. EDN RZAKCN
38. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: [научная монография]. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с. ISBN 5-88581-006-0 EDN VZKTWJ

Информация об авторе:

Юлия Александровна Шерстобитова – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 7854-9050) (ResearcherID: ADG-9509-2022)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Musin E.R. State Support for Families with Children: Features of Regional Programs and Classification of Measures to Increase the Birth Rate. *Sotsialno-trudovie issledovania=Social and Labor Research*. 2024;((4)57):119-129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-119-129> (In Russ.).
2. Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R. Regional Instruments for Program-Based Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 (In Russ.).
3. Razumov A.A. Living Standards and Quality of Life of Population in Russia: the New Turns of Scientific Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies* 2023;(7):164-169. <https://doi.org/10.31857/S013216250026599-1> (In Russ.).
4. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. Transl. from Eng. by I. Kushnarevoi. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2012. 416 p. (In Russ.)
5. Stepin V.S. *Filosofskaya Antropologiya i Filosofiya Kul'tury*. Moscow: Publishing House Akademicheskii proekt: Al'ma Mater; 2015. 542 p. ISBN 978-5-8291-1717-7 (In Russ.)
6. Hansen T.B. Measuring the Value of Culture. *The European Journal of Cultural Policy*. 1995;1(2):309-322. <https://doi.org/10.1080/10286639509357988>
7. Gulyga A.V. *Iskusstvo v Vek Nauki*. Moscow: Publishing House Nauka; 1978. 182 p.
8. Agababyan E.M. *Ehkonomicheskie Osnovy Vosproizvodstva Nematerial'nykh Blag Pri Sotsializme*. Moscow: Publishing House Nauka; 1983. 272 p.
9. Stiglitz, D., Saint, A., Fitoussi, J.P. *Mispricing Our Lives: Why GDP Doesn't Make Sense? Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Transl. from Eng. by I. Kushnareva. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 216 p. ISBN 978-5-93255-427-2 (In Russ.)
10. Shishov S.E., Kalney V.A. Digital Culture and Its Influence on Personal Development: Historical Context and Modern Challenges. *Gumanizatsiya obrazovaniya=Humanization of Education*. 2025;(1):103-128. <https://doi.org/10.24412/2541-8734-2025-1-103-128> (In Russ.)
11. Lyalikova S.V. The Concept of the Family Life Cycle and Features of Its Typology in the Works of Russian Scientists with the Involvement of Research Data. *Sotsiologiya=Sociology*. 2019;(6): 33-248. (In Russ.)
12. Rostovskaya T.K., Kalachikova O.N. The Value of the First Registered Marriage as a Determinant of a Prosperous Young Family: a Sociological Analysis. *Logos et Praxis*. 2022;21(1):54-65. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6> (In Russ.)
13. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Material Well-Being of Russians: Intergenerational Differentiation. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2021;15(2):16-28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28> (In Russ.)
14. Ayvazyan S.A. *Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population*. Moscow: Publishing House Nauka, 2012. 432 c. ISBN 978-5-02-037968-8 (In Russ.)
15. Mincer J. *Schooling, Experience and Earnings*. New York: National Bureau of Economic Research; 1974. 152 p.
16. Mareeva S.V. Monetary Inequality in Russia in the Sociological Dimension. *Vestnik Instituta Sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(3):78–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.664> (In Russ.)
17. Tikhonova N.E. (ed.). *Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*. Monograph. Moscow: Publishing House Ves Mir; 2022. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> (In Russ.)
18. Mareeva S.V. Monetary and Non-Monetary Inequalities in Modern Russian Society: Dynamics of the Recent Decade. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2024;(9):3–16. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090012> (In Russ.)
19. Tikhonova N.E. (ed.). *Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*. Monograph. Saint-Petersburg: Publishing House Nestor-Istoriya; 2018. ISBN 978-5-4469-1419-7 <https://doi.org/10.31754/nestor4469-1419-7> (In Russ.)
20. Mareeva S.V. Socio-Economic Inequalities in the Russian Society: Public Perception and its Dynamics. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*. 2025;25(2):344–362. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362> (In Russ.)
21. Bobkov V.N. Istoriya i Perspektivy Nashei Deyatel'nosti. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2006;((10-11)104-105):9-18. (In Russ.)
22. Bobkov V.N. 20 let OAO Vserossijskij Centr Urovnya Zhizni: 2006–2011 gg. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2012;6(172):2-5. (In Russ.)
23. Bobkov V.N., Odintsova E. V., Kolmakov I. B. Normative-Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bul-*

- letin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025;(3):84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 (In Russ.)
24. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring of Incomes and Living Standards of The Russian Population – 2024. *Yearbook*. Issue 3(204). Moscow: IE RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0792-1 (In Russ.)
25. Bobkov V.N., Gulugina A.A. 25 Years of Monitoring Income and Living Standards of the Russian Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(3):9-23. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1> (In Russ.)
26. Odintsova E.V. On the Sustainability of the Standard of Living of Russian Households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 (In Russ.)
27. Odintsova E.V. (ed.), Gulyugina A.A., Grishina E.E., et al. Social and Labour Position of Russian Households with Children (2022-2024): Risks and Opportunities. Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2025. 228 p. ISBN 978-5-908023-14-6 (In Russ.)
28. Bobkov V.N. (ex. ed.), Odintsova E.V., V.G. Kvachev (eds.), et al. Srednie Klassy v Kapitalisticheskoy Rossii Monograph. Moscow: Publishing House KNORUS; 2018. 208 p. ISBN 978-5-406-00366-4 (In Russ.)
29. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2020 god. Monograph. Moscow: Publishing House Fabrika Ofsetnoj Pechati; 2021. 116 p. ISBN 978-5-89697-361-4 (In Russ.)
30. Pletnev D. A., Melenkina S. A., Nesterenko I. Yu. Logic of the Integrated Assessment of the Quality of life Based on Publicly Available Indicators. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;12:38-52. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-506-12-38-52> (In Russ.)
31. Pletnev D. A. Features of Cross-Country Assessment of Quality of Life in Foreign Rankings. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;((11)493):141-147. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-493-11-141-147> (In Russ.)
32. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2018 god. Monograph. Moscow: Publishing House Fabrika Ofsetnoj Pechati; 2019. 98 p. ISBN 978-5-4465-2334-4 (In Russ.)
33. Ishnazarova Z.M. The Quality of Life of the Population of the Republic of Bashkortostan: a Comparative Analysis of Housing Conditions and Infrastructure. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*. 2023;21((4)511):656-668. <https://doi.org/10.24891/re.21.4.656> (In Russ.)
34. Bobkov V. N., Bobkova T. E. (ed.), Loktyukhina N. V., Shamaeva E. F., et al. The Standard of Living and Quality of Life in Russia: From Reality to Designing the Future. Monograph. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
35. Ishnazarova Z.M. The Quality of Life of the Population in the Republic of Bashkortostan in the Context of Digitalization: Assessment Methodology and Management. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'=National Interests: Priorities and Security*. 2024;20(1):27-49. <https://doi.org/10.24891/ni.20.1.27> (In Russ.)
36. Bodrunov S.D., Glazyev S.Yu. Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: to Know and Operate. Monograph. Saint Petersburg: INID n. a. S.Y. Vitte Publishing House; 2023. 340 p. ISBN 9785000201084 (In Russ.)
37. Polovyan A.V., Sinitsyna K.I. 2.3.7. Potrebitel'skaya korzina. In: Polovyan A.V. (ed.) *Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: Sostoyanie, Problemy, Puti Resheniya*. Donetsk: Economic Research Institute; 2023. P. 223-230. (In Russ.)
38. Nort D. Institutions, Institutional Change and the Functioning of the Economy. Moscow: Economic Book Foundation «Nachala»; 1997. 190 p. ISBN 5-88581-006-0 (In Russ.)

Information about the author:

Yulia A. Sherstobitova – Junior Researcher Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 7854-9050) (ResearcherID: ADG-9509-2022)
The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted 20.05.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Материалы конференции
УДК 316.4, 316.74, 316.752, 23/28
JEL Z12, Y80
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_13_350_356
EDN JOJXVE

О Всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"»

Игорь Павлович Рязанцев¹, Вадим Игоревич Рязанцев²

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
(dekan-soc@mail.ru)

² Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(vir220497@gmail.com) (<https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>)

Аннотация

Статья посвящена обзору Всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"», проведённой с 7 по 17 октября 2025 года в Южно-Сахалинске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Благовещенске. Участники конференции обсудили вопросы, связанные с проблемами цивилизационистики, с ролью Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке как субъекта цивилизационных процессов; с ролью образования, культуры, науки в формировании цивилизационного пространства дальневосточных территорий. Представлены сокращённые тезисы докладов выступавших.

Ключевые слова: цивилизация, ценности, Дальний Восток, цивилизационный подход, Русская православная церковь, традиции, культура

Для цитирования: Рязанцев И.П., Рязанцев В.И. О Всероссийской сетевой научной конференции «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"» // *Уровень жизни населения регионов России*. 2026. Том 22. № 2. С. 350–356. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_13_350_356 EDN JOJXVE

CNF (Conference Proceedings)
JEL Z12, Y80
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_13_350_356

About the All-Russian Network Scientific Conference «Innokentiev Readings "Russian Civilization: Spiritual Origins and Historical Prospects"»

Igor P. Ryazantsev¹, Vadim I. Ryazantsev²

¹ Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia
(dekan-soc@mail.ru)

² Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(vir220497@gmail.com) (<https://orcid.org/0000-0001-6249-0242>), Moscow, Russia

Abstract

The article provides an overview of the All-Russian Network Scientific Conference «Innokentiev Readings "Russian Civilization: Spiritual Origins and Historical Prospects"», held from October 7 to 17, 2025, in Yuzhno-Sakhalinsk, Khabarovsk, Komsomolsk-on-Amur, and Blagoveshchensk. The conference participants discussed issues related to the problems of civilizational studies, the role of the Russian Orthodox Church in the Far East as a subject of civilizational processes, and the role of education, culture, and science in shaping the civilizational space of the Far Eastern territories. The article presents an abridged summary of the presentations.

Keywords: civilization, values, the Far East, civilizational approach, the Russian Orthodox Church, traditions, culture

For citation: Ryazantsev I.P., Ryazantsev V.I. About the All-Russian Network Scientific Conference «Innokentiev Readings "Russian Civilization: Spiritual Origins and Historical Prospects"». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):350–356. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_13_350_356 (In Russ.)

Введение

Всероссийская сетевая научная конференция «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"» проводилась с 7 по 17 октября 2025 года в Южно-Сахалинске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Благовещенске. Организаторами конференции выступили Тихоокеанский госу-

дарственный университет, Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровский государственный институт культуры, Амурский государственный университет, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Сахалинский государственный университет, Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение

© Рязанцев И.П., Рязанцев В.И., 2026

православных учёных». Вопросы, которые рассматривались на конференции: проблемы цивилизационистики: традиции и современность; российская цивилизация: исследователи и их достижения; духовные истоки российской цивилизации; российская цивилизация как диалог культур и традиций; Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке как субъект цивилизационных процессов; образование, культура, наука в формировании цивилизационного пространства дальневосточных территорий.

Основная часть

На первой сессии были представлены доклады, посвящённые общим вопросам развития цивилизации, принципам формирования российской цивилизации, ценностям традиционного российского общества, соотношению традиционных ценностей и ценностей общества модерна в науке и здравоохранении.

Доклад **В.И. Шамишурина**, д-ра соц. наук, профессора кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «*К вопросу о ценностях*» был посвящён сравнительному исследованию ценностных и, вытекающих из них, социальных основ жизни общества. Сравнивая православное и атеистическое мировоззрение и западное христианство, автор приходит к выводу о доминировании в атеизме и в западном христианстве деструктивных ценностных оснований, а в православии – конструктивных [1].

Доклад **С.Ю. Рыбакова**, канд. физ.-мат. наук, доцента, советника председателя отдела религиозного образования Рязанской епархии, протоиерея «*Источники и парадигмы идеологии в современной цивилизации русского мира*» посвящён проблеме идеологии в аспекте её религиозно-философского осмысления в формате модели «народ–конфессия–государство» [2]. Показано существенное различие в анализе этой проблемы в западных и отечественных социальных науках. Докладчиком был проведён исторический анализ государственно-конфессиональных отношений в России, зафиксировано место идеологии в управлении жизнью в России.

Доклад **К.В. Подъячева**, канд. полит. наук, ведущего научного сотрудника Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук «*Россия как государство-цивилизация: условия формирования и социокультурные характеристики*» был посвящён основным факторам, обусловившим формирование базовых социокультурных свойств российской цивилизации. Таких факторов автор

называет пять: нестабильный климат, богатые ресурсы, низкую плотность населения, внешнюю угрозу и православие. Автор показал, как именно эти факторы способствовали формированию таких свойств, которые отличают Россию от других макросоциальных общностей и позволяют говорить о ней как Государстве-цивилизации. Основное отличие России от других цивилизаций, по мнению автора, – акторский тип социального действия, т.е. свободный, основанный на ценностях и общих фундаментальных знаниях [3].

Доклад **В.А. Ливцова**, д-ра ист. наук, профессора, заместителя директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «*Имперский принцип формирования российского государства-цивилизации*» был посвящён выявлению основных особенностей российского государства-цивилизации. Докладчик рассмотрел Российскую империю в качестве ключевого этапа в формировании российской государственности и цивилизации. К основным особенностям Российской империи докладчик отнёс принцип централизации власти, особую идеологию (Москва–Третий Рим) [4, с. 32], принцип единения религиозной и государственно-политической власти, наличие в культурной жизни русской доминанты [5, с. 101].

Доклад **Б.Г. Бобылева** (иеродьякона Нафанала), д-ра пед. наук, профессора «*Александр Семенович Шишков как идеолог русского цивилизационного пути в словесности и образовании*» посвящён характеристике и анализу концепции Отечества и патриотизма адмирала Шишкова в аспекте православных истоков русской цивилизации [6, 7]. В докладе подчёркивается связь геополитических взглядов адмирала с исследованиями в области онтологии языка, раскрывается его роль в развитии методов и механизмов культурной экспансии («мягкой силы»).

Доклад **Е.А. Каргина**, аспиранта кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «*Россия и Восток: взгляд на перспективу межцивилизационного взаимодействия в работах А.С. Панарина*» посвящён рассмотрению взглядов учёного на перспективы межцивилизационного взаимодействия России и Востока. Докладчик проанализировал понимание учёным Востока с точки зрения его способности вырабатывать альтернативные модели развития перед лицом кризиса западной либеральной модели модернизации. С данной точки зрения Восток представлен в качестве «эпигонского» (или вестернизированного), неспособного

к выработке альтернатив, и в качестве самобытного, сохранившего данную способность через творческое обращение к собственному традиционному наследию [8, с. 17]. Показано, что идея «поворота на Восток» в работах А.С. Панарина предполагает актуализацию Россией собственного цивилизационного наследия и уже с данных позиций вступление во взаимодействие с западными цивилизациями для совместной выработки ответа на кризис модерности.

Доклад **Т.В. Рахимова**, канд. экон. наук, независимого исследователя, **В.И. Окунева**, канд. экон. наук, ассистента кафедры мировой экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «*Европейская политическая экономия и русская традиция экономической мысли*» был посвящён раскрытию различий традиций русской и европейской политэкономической мысли. Для этого докладчиками был предложен обзор истории создания науки «политическая экономия», анализ причин возникновения разных школ политэкономии. Её начало возникло в философии просветительства XVIII века с верой в предустановленную естественную гармонию. Тогда родилась идея найти «потайные рычаги» материального благополучия, прежде считавшегося сугубо Божьим произволением. Произошло это под влиянием протестантского богословия, позволившего развивать мысль в коммерческом направлении. Русская же традиция осмысления хозяйственной деятельности опиралась на православные христианские традиции, под влиянием которых и сформировалась особая экономическая мысль.

Доклад **Н.Г. Шамшуриной**, д-ра экон. наук, профессора кафедры медицинской статистики и цифрового здравоохранения Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России, профессора кафедры организации, управления и экономики здравоохранения Медицинского научно-исследовательского центра реабилитации и курортологии Минздрава России «*Измерение общественной результативности здравоохранения в гуманитарно-нравственном контексте*» был посвящён возможности измерения общественной результативности здравоохранения с точки зрения ценностей восточного христианства, таких как самоотверженное служение и др., на которых долгое время базировалась российская социальная политика в сфере медицины.

В рамках второй сессии были рассмотрены вопросы исторического процесса формирования цивилизации на Дальнем Востоке, роли русских поселенцев в освоении и развитии дальневосточных территорий.

Доклад **Д.М. Абрамова**, канд. культурологии, доцента, директора учебно-научного центра Региональной истории, краеведения и москвоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета «*Укрепленные поселения русских первопроходцев на Амуре в XVII веке*» был посвящён роли русских поселенцев в освоении Дальнего востока [9] в условиях конфликта между Россией и Цинской империей в 1683–1688 гг. за овладение рекой Амуром и прилегающими землями. В условиях военно-политического давления со стороны Цинской империи [10], а порой, и враждебного отношения туземного населения, малочисленные отряды и ватаги русских первопроходцев смогли закрепиться в Приамурье более чем на тридцать лет.

Доклад **В.В. Иванова**, кан. ист. наук, доцента, доцента кафедры истории, философии и права Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета «*Действия ополченческих формирований по защите Дальнего востока России в период русско-японской войны 1904–1905 гг.*» был посвящён одному из аспектов истории Дальнего Востока России в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – участию ополченческих формирований в обороне Камчатки и Сахалина. В ходе конфликта вооружённые силы Японии неоднократно предпринимали попытки по захвату ряда удалённых территорий России в регионе. Основную ставку захватчики делали на то, что на Сахалине и Камчатке не было армейских подразделений. В этой ситуации защиту этих субъектов осуществляли добровольные дружины из представителей местного населения, включая заключённых. Опыт использования добровольческих формирований оказался неудачным [11].

Доклад **Ж.В. Петруниной**, д-ра ист. наук, профессора, профессора кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета «*Общий обзор деятельности христианских миссий в Китае XIX в. (по материалам работы У.Э. Гриффитса)*» был посвящён изучению деятельности американских миссионеров в Китае XIX в. на основе материалов У.Э. Гриффитса [12; 13]. В докладе было определено влияние деятельности американских миссионеров на развитие Китая, раскрыто значение деятельности американских миссионеров для России, рассмотрен контекст русско-китайских отношений в XIX в.

В рамках третьей сессии были рассмотрены вопросы, посвящённые деятельности Русской православной церкви на Дальнем Востоке, социокультурные основания российской цивилизации на Дальнем Востоке.

Доклад **А.А. Крыловой**, канд. ист. наук, доцента кафедры российской и всеобщей истории

Сахалинского государственного университета «Аксиологические основы просветительской деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова)» был посвящён сравнительному анализу традиционных духовно-нравственных ценностей, которые были систематизированы святителем Иннокентием (Вениаминовым) в его произведении «Указание пути в Царствие Небесное» [14], и духовно-нравственных ориентиров, официально закреплённых в Указе Президента РФ №809 от 09.11.2022 г.¹ Сопоставление этих двух источников позволило выявить преемственность и устойчивость ценностных оснований российской цивилизации.

Доклад **Р.Ю. Кучинского**, канд. филол. наук, доцента кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, доцента кафедры романо-германских и восточных языков Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета «**Образ митрополита Иннокентия Вениаминова и его роль в освоении и развитии Дальнего Востока на страницах книг современных авторов**» был посвящён исследованию образа Иннокентия Вениаминова как одного из «проводников» российской цивилизации на Дальнем Востоке, выявлению особенностей рецепции его образа в современном литературном творчестве [15].

Доклад **О.А. Бердниковой**, д-ра филол. наук, профессора, заведующего кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета, **Л.А. Бердниковой**, студента института Агробиотехнологии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева «**Русское поле как культурно-цивилизационное пространство России и художественный образ**» посвящён анализу ключевого для русской культуры концепта «поле» в трёх аспектах: как исторически сложившемуся культурно-цивилизационному символу России в русле антиномии «поле–степь», как символу русского национального пейзажа и как метафоре жизни и духовной состоятельности русского человека. Эти смысловые блоки раскрыты в произведениях русских писателей и поэтов XX века: А. Блока [16], И. Бунина [17], А. Платонова, В. Шукшина, которые были рассмотрены докладчиками.

Доклад **В.В. Костанди**, канд. культурологии, доцента кафедры литературы и журналистики Тихоокеанского государственного университета

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

«**Формирование мемориально-пластического образа Хабаровска**» был посвящён основным этапам становления пластического образа города Хабаровска, которые докладчик условно разделит на досоветский период, в котором были возведены памятники, посвящённые российским императорам и полководцам, советский период [18, с. 30–31; 19] и постсоветский.

Доклад **С.Ю. Гамалей**, канд. ист. наук, доцента, профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шиловой «**Театр Дальневосточной железной дороги как яркий элемент формирования единого культурного пространства Дальнего Востока России в советский период**» был посвящён анализу деятельности передвижного театрального коллектива, который на протяжении 1920–1940-х годов успешно работал по обслуживанию населённых пунктов, располагающихся на территории Дальневосточной железной дороги [20]. Была проанализирована его роль в формировании особого культурного пространства на Дальнем Востоке в раннесоветский период.

В рамках четвёртой сессии рассмотрена роль образования в формировании цивилизационного пространства на Дальнем Востоке.

Доклад **Г.К. Эзри**, кан. филос. наук, старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии Благовещенского государственного педагогического университета «**К вопросу о соотношении понятий «образованность» и «цивилизированность»**» был посвящён анализу соотношения понятий «цивилизация» и «образованность» в контексте педагогики и философии. Показано, что образованность является символом цивилизации (образованность является ценностью как сама по себе, так и как способность ценностного осмысления реальности [21; 22], на котором и основана цивилизованность), отражающим актуальное состояние культурного бытия общества, выраженного в системе ценностей, традициях, ментальности, образе жизни. Образованность и культура взаимно порождают друг друга, что является одной из важнейших характеристик цивилизации. Другим важным аспектом цивилизованности является взаимопомощь людей, что тоже должно отражаться в образовании.

Доклад **В.А. Аленко**, д-ра ист. наук, профессора, доцента высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета «**Русская православная церковь и формирование системы образования на Дальнем Востоке (на примере становления школьного образования Российской империи в XVIII–XIX вв.)**» был посвящён анализу вопросов становления народного

образования в дальневосточном регионе России. Докладчик обратил особое внимание на раскрытие роли государственных структур в организации народных и отраслевых школ на Дальнем Востоке, на значение деятельности миссий Русской православной церкви в обучении грамоте коренных народов края [23].

Доклад **Т.А. Берсеновой**, д-ра пед. наук, доцента кафедры психологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, профессора кафедры Церковных и педагогических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии «**Целевые ориентиры формирования личности**» был посвящён анализу Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»², на данных исследований [24] показан приоритет ценности семьи, как основы создания добродетельной личности.

Доклад **Д.Ю. Ашимова** (епископа Николая), епископа Амурского и Чегдомынского, управляющего Амурской епархией, В.С. Бавыкина, канд. пед. наук, доцента, ректора Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета «**Ценностно-смысловой подход в работе по формированию духовно-нравственных позиций студенческой молодёжи на основе традиционных ценностей России**» посвящён анализу потенциала ценностно-смыслового подхода [25, с. 181] как инструмента актуализации ценностей и смыслов, сформированных Православной цивилизацией, и интеграции их в разработку практико-деятельностных форм духовно-нравственного воспитания студенческой молодёжи на основе традиционных ценностей.

Сессия 5 была посвящена анализу деятельности Русской православной церкви как субъекта цивилизационных процессов на Дальнем Востоке.

Доклад **Н.В. Чигвинцева** (игумена Игнатия), настоятеля монастырского подворья в честь преподобного Гермогена Албазинского Свято-Троицкого монастыря Благовещенской епархии «**XVII век – начало православного просвещения на Дальнем востоке. Преподобный Гермоген Киренский и Албазинский**» посвящён анализу роли преподобного Гермогена, основателя Усть-Киренского Свято-Троицкого монастыря, устроителя первых храмов и монастыря в Приамурье, духовного наставника новых осваиваемых территорий. Старец Гермоген оказался в центре событий, происходивших во второй половине в XVII в. на Дальнем Востоке, в том числе, связанных с основанием и гибелью Албазинского острога, первого русского поселения на реке Амур.

Доклад **А.А. Крыловой**, канд. ист. наук, доцента кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета «**Православные миссионерские школы в процессе интеграции дальневосточных территорий (1850–1900 гг.)**» был посвящён практической деятельности миссионерских школ, созданных Русской Православной Церковью на присоединённых землях Приамурья и Приморья [26; 27]. В докладе проанализировано их значение для укрепления позиций православия, культурной консолидации дальневосточных народов и формирования общероссийской идентичности.

Заключение

Всероссийская сетевая научная конференция «Иннокентьевские чтения "Российская цивилизация: духовные истоки и исторические перспективы"» позволила обсудить широкий круг проблем, касающихся вопросов современной цивилизационистики, влиянию Русской православной церкви на цивилизационные процессы, связи образования, науки и культуры в российской цивилизации.

Список источников

1. Бриллиантов А.И. Влияние восточного богословия в произведениях Иоанна Скота Эригены. М.: Мартис, 1998. 445 с. ISBN 5-7248-0050-0
2. Рыбаков С.Ю. Суд Божий над народами в аспекте современной ситуации (по трудам святителя Феофана) // Феофановские чтения: сборник научных статей. Выпуск XI. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2018. С. 20–26. EDN VANPDI
3. Аксёнова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН, 2016. 304 с. ISBN 978-5-89697-260-0 EDN VYBENB
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. С.-Пб., 1995. 552 с. ISBN 5-85381-052-9
5. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с. ISBN 5-86793-435-7

²Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

6. Чикаева Т.А. Концепция отечества и патриотизма А.С. Шишкова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Том 9. № 2. С. 55–66. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-5> EDN FHQTMJ
7. Минаков А.Ю. А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 7(62). С. 143–150 EDN ORMTCF
8. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX в. М.: Едиториал УРСС, 1998. 349 с. ISBN 5-901006-29-1
9. Абрамов Д.М. Вооружённые Силы России в Забайкалье в конце XVII–начале XVIII вв. // РОИА, Вестник архивиста. 2001. № 4-5(64-65). С. 58–70.
10. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: Издательство Астрель, 2004. 511 с. ISBN 5-17-019955-4
11. Русско-японская война: взгляд побежденных / сост. А. Лактионов. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 764 с. ISBN 5-9578-1772-4
12. Griffis W.E. America in the East: a Glance at our History, Prospects, Problems, and Duties in the Pacific Ocean. New York: The Macmillan Company, 1900. 304 p.
13. Griffis W.E. China's Story in Myth, Legend, and Annals. Boston: Houghton Mifflin, 1911. 364 p.
14. Иннокентий (Вениаминов). Указание пути в Царство Небесное. М., 1890. 60 с.
15. Александрова-Осокина О.Н. Образ Иннокентия Вениаминова в «документальном повествовании» Т.И. Гладких: формы беллетризации исторического материала // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. № 12. С. 4621–4625. <https://doi.org/10.30853/phil20240655> EDN NTXMLW
16. Блок А.А. На поле Куликовом. // А.А. Блок Стихотворения. Поэмы. М., 1978. С. 324–328.
17. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Том 1. М.: Художественная литература, 1988. 686 с. ISBN 5-280-00055-8
18. История русского искусства / под ред. В.С. Кеменова, Д.В. Сарабянова. Том XI. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 666 с.
19. Яхонт О.В. Советская скульптура. М.: Просвещение. 1988. 224 с. ISBN 5-09-000580-X
20. Осипова Э. В. Дальневосточные театры накануне, в годы войны и в послевоенное время // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 25–38. EDN PLUXRX
21. Репринцева Ю.С. Познание в школьной географии как фундаментальная ценность в формировании ценностного самоопределения личности обучающихся // География в школе. 2023. № 8. С. 37–45. https://doi.org/10.47639/0016-7207_2023_8_37 EDN ARGRIS
22. Карнаух Н.В., Аль-Янаи Е.К. Критерии и показатели уровня сформированности ценностного отношения старшеклассников к русскому языку в условиях лицейской образовательной среды // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 4(38). С. 33–42. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-4-33-42> EDN FZBQRG
23. Хаховская Л.Н. Из истории православной церкви на Охотском побережье // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования) / отв. ред. А.Р. Артемьев. Том 4. Владивосток: ДВО РАН, 2003. С. 161–165. EDN SFLJYH
24. Берсенева Т.А. Духовно-нравственные ценности и ориентации в мировоззрении старшеклассников и учителей: монография. С-Пб.: СПбАППО, 2004. 188 с. ISBN 5-7434-0272-8 EDN QVFBQF
25. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Педагогика, 1983. С. 94–231.
26. Аргудяева Ю.В. Влияние русского православия на быт коренных народов Приамурья и Приморья // Россия и АТР. 2009. № 4(66). С. 41–51. EDN MTBFNJ
27. Арефьев М.А., Зыкин А.В. Вклад деятельности Камчатской Духовной миссии в синтез Дальневосточных культур // Россия: общество, политика, история. 2024. № 1(10). С. 22–67. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1\(10\)-22-67](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1(10)-22-67) EDN GGMTEH

Информация об авторах:

Игорь Павлович Рязанцев – диакон, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (SPIN-код: 5116–9423)

Вадим Игоревич Рязанцев – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 5026–3614).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Рязанцев Вадим Игоревич.

Статья поступила в редакцию 29.05.2026; принята к публикации 15.06.2026..

References

1. Brilliantov A.I. Vliyaniye Vostochnogo Bogosloviya v Proizvedeniyakh Ioanna Skota Ehrigeny. Moscow: Publishing House Martis; 1998. 445 p. ISBN 5-7248-0050-0 (In Russ.)
2. Rybakov S.Yu. Sud Bozhii Nad Narodami v Aspekте Sovremennoi Situatsii (Po Trudam Svyatitelya Feofana). Feofanovskie Chteniya. Collection of Scientific Papers. Issue XI. Ryazan: Ryazan State University; 2018. P. 20–26. (In Russ.)
3. Aksenova O.V. Paradigm of Social Action: Professionals in Russian Modernization. Moscow; 2016. 304 p. ISBN 978-5-89697-260-0 (In Russ.)

4. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa: Vzglyad na Kul'turnye i Politicheskie Otnosheniya Slavyanskogo Mira k Germano-Romanskomu. Saint Petersburg; 1995. 552 p. ISBN 5-85381-052-9 (In Russ.)
5. Miller A.I. Imperiya Romanovykh i Natsionalizm. Ehsse po Metodologii Istoricheskogo Issledovaniya. Moscow; 2006. 248 p. ISBN 5-86793-435-7 (In Russ.)
6. Chikaeva T. A. The Concept of Fatherland and Patriotism by A.S. Shishkov. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya=Research Result. Social Studies and Humanities*. 2023;9(2):55-66. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-5> (In Russ.)
7. Minakov A.Yu. A.S. Shishkov kak Ideolog i Praktik Russkogo Konservatizma. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2009;(7(62)):143-150. (In Russ.)
8. Panarin A.S. Rossiiskaya Intelligentsiya v Mirovykh Voinakh i Revolyutsiyakh XX V. Moscow: Publishing House Editorial URSS; 1998. 349 p. ISBN 5-901006-29-1 (In Russ.)
9. Abramov D.M. Vooruzhennyye Sily Rossii v Zabaikal'e v Kontse XVII – Nachale XVIII vv. *ROIA, Vestnik arkhivista*. 2001;(4-5(64-65)):58-70. (In Russ.)
10. Popov I.M. Rossiya i Kitai: 300 Let na Grani Voyny. Moscow: Publishing House Astrel'; 2004. 511 p. ISBN 5-17-019955-4 (In Russ.)
11. Laktionov A. (comp.) Russko-Yaponskaya Voina: Vzglyad Pobezhdennykh. Moscow: Publishing House AST: Tranzitkniga; 2005. 784 p. ISBN 5-9578-1772-4 (In Russ.)
12. Griffis W.E. America in the East: a Glance at our History, Prospects, Problems, and Duties in the Pacific Ocean. New York: Publishing House Macmillan Company; 1900. 304 p.
13. Griffis W.E. China's Story in Myth, Legend, and Annals. Boston: Publishing House Houghton Mifflin; 1911. 364 p.
14. Innokentii (Veniaminov). Ukazanie Puti v Tsarstvo Nebesnoe. Moscow; 1890. 60 p. (In Russ.)
15. Alexandrova-Osokina O.N. The Image of Innokenty (Veniaminov) in the «Documentary Narrative» by T. I. Gladkikh: Forms of Fictionalization of Historical Material. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki=Philology. Theory and Practice*. 2024;17(12):4620-4625. <https://doi.org/10.30853/phil20240655> (In Russ.)
16. Blok A.A. Na Pole Kulikovom. In: Blok A.A. Stikhotvoreniya. Poehmy. Moscow; 1978. P. 324–328. (In Russ.)
17. Bunin I.A. Collected Works in 6 Vol. Volume 1. Moscow: Publishing House Khudozhestvennaya Literature; 1988. 686 p. ISBN 5-280-00055-8 (In Russ.)
18. Kemenov V.S., Sarab'yanov D.V. (eds.). Istoriya Russkogo Iskusstva. Volume XI. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House; 1957. 666 p. (In Russ.)
19. Yakhont O.V. Sovetskaya Skulptura. Moscow: Publishing House Prosveshchenie; 1988. 224 p. ISBN 5-09-000580-X (In Russ.)
20. Osipova Eh. V. Dal'nevostochnyye Teatry Nakanune, v Gody Voyny i v Poslevoennoe Vremya. *Rossiya i ATR*. 2005;3:25-38. (In Russ.)
21. Reprintseva Yu.S. The Knowledge of School Geography as a Fundamental Value in the Formation of the Value Self-determination of the Personality of Students. *Geografiya v shkole=Geography in School*. 2023;(8):37-45. https://doi.org/10.47639/0016-7207_2023_8_37 (In Russ.)
22. Karnaukh N.V., Al-Yanai E.K. Criteria and Indicators of the Level of Formation of High School Students' Value Attitude to the Russian Language in the Lyceum Educational Environment. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye=Pedagogical Review*. 2021;(4(38)):33-42. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-4-33-42> (In Russ.)
23. Khakhovskaya L.N. Iz Istorii Pravoslavnoi Tserkvi na Okhotskom Poberezh'e. In: Artem'ev A.R. Russkie Pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya). Volume 4. Vladivostok: Publishing House FEB RAS DVO RAS; 2003. P. 161–165. (In Russ.)
24. Berseneva T.A. Dukhovno-Nravstvennyye Tsennosti i Orientatsii v Mirovozzrenii Starsheklassnikov i Uchitelei: monografiya. Saint Petersburg: SPbAPPO Publishing House; 2004. 188 p. (In Russ.)
25. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Publishing House Pedagogika. 1983;2:94-231. (In Russ.)
26. Argudyaeva Yu.V. Vliyanie Puskogo Pravoslaviya na byt Korennykh Narodov Priamur'ya i Primor'ya. *Rossiya i ATR*. 2009;(4(66)):41-51. (In Russ.)
27. Arefyev M.A., Zykin A.V. Kamchatka Spiritual Mission Activity Contribution in Synthesis of Far-East Cultures. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya=Russia: Society, Politics, History*. 2024;(1(10)):22-67. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1\(10\)-22-67](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1(10)-22-67) (In Russ.)

Information about the authors:

Igor P. Ryazantsev – Deacon, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities

(SPIN-code: 5116-9423)

Vadim I. Ryazantsev – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 5026-3614)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Vadim I. Ryazantsev.

The article was submitted 29.05.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Уважаемые читатели!

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Журнал распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**К1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных Russian Science Citation Index (**RSCI**).

ISSN 1999-9836 (print); 2713-3397 (online)

На сайте журнала

<https://vcug-journal.ru/>

опубликована подробная информация о порядке рецензирования, публикационной этике, представлены архивы выпусков.

Отправить рукопись можно по адресу vcugjournal@mail.ru.

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются.

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов.

Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции.

Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются. Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам в случае направления в редакцию материалов, нарушающих этические нормы и/или авторские права. Окончательное решение о публикации материала принимает главный редактор.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- автор отказался от рекомендованной редакцией доработки рукописи по итогам рецензирования или не исправил статью в назначенный срок;
- текст не прошёл проверку на плагиат.

Контакты редакции:

Нахимовский проспект, д. 32, Москва, 117218

Телефон +7 (499)125-84-45

E-mail главного редактора: bobkovvn@mail.ru

E-mail редакции: vcugjournal@mail.ru

Индекс журнала в каталоге «Урал-пресс» – **71187**

О журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» выходит с 1992 года и является научно-теоретическим и научно-практическим изданием.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

Индекс журнала в каталоге периодики «Урал-Пресс» – 71187.

Периодичность: 4 раза в год.

Рецензирование: двойное слепое

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru>

Страница журнала на сайте Института экономики РАН:

<https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Главный редактор: В.Н. Бобков, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ, главный научный сотрудник, зав. сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН, Россия

Контакты редакции: vcugjournal@mail.ru, телефон +7(499)125-84-45

Учредителем журнала с 2023 г. является ФГБУН Институт экономики Российской академии наук.

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук, распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**К1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**.

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются. Редакция не взимает с авторов платы за размещение статей в открытом доступе, рецензирование и электронное депонирование рукописей.

Журнал поступает в библиотеки РФ и партнёрские организации за рубежом. Журнал «Уровень жизни населения регионов России» публикует результаты научных исследований и практических разработок, аналитические материалы ведущих специалистов России, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Журнал получил общественное признание и предназначен для широкого круга читателей, заинтересованных в решении проблем уровня и качества жизни в России: работников органов исполнительной и законодательной власти на федеральном и региональном уровнях, органов по труду и социальной защите населения, профсоюзных и других общественных объединений, государственных внебюджетных фондов, профильных научных организаций, а также для преподавателей высших учебных заведений, докторантов, аспирантов, соискателей и студентов, изучающих гуманитарные и социально-экономические дисциплины, представителей социально-ответственного бизнеса, консалтинговых и маркетинговых организаций.

При перепечатке материалов из журнала ссылка обязательна!